МИР В ВОЙНАХ

РОССИЯ НАД БЕЗДНОЙ:

1918 г. – ДЕКАБРЬ 1941 г.

Анатолий Уткин

МИР В ВОЙНАХ

РОССИЯ НАД БЕЗДНОЙ:

1918 г.–ДЕКАБРЬ 1941 г.

Анатолий Уткин

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2000

УДК 94/99 [947+957]
ББК 63.3(2)524
У 84

Серия основана в 1998 году

Уткин А. И.
У 84 Россия над бездной (1918 г.–декабрь 1941 г.). – Смоленск: Русич, 2000. – 480 с. – (Мир в войнах).

ISBN 5-8138-0184-7

Как могло случиться, что человечество, пережившее Первую мировую войну, ввергло себя в трагедию Второй мировой? Откуда возник жуткий монстр – германский фашизм? Чья вина в том, что народы Европы оказались разобщены перед лицом общей угрозы? Используя обширный фактический материал известный российский историк А. И. Уткин пытается ответить на эти вопросы в своем новом исследовании, давая широкую панораму международных событий в Европе и мире с 1918 по декабрь 1941 г.

УДК 94/99 [947+957]
ББК 63.3(2)524

ISBN 5-8138-0184-7

© Текст. Уткин А. И., 2000
© Составление, оформление, разработка серии. «Русич», 2000

Моему отцу-Уткину Ивану Викторовичу и моей матери-Уткиной Марии Ивановне, отступившим в боях от Буга до Волги, сражавшимся в руинах Сталинграда и дошедшим до Берлина, с любовью и благодарностью посвящается эта книга.

ВВЕДЕНИЕ

В истории нашей страны не было более трагического испытания, чем война, начавшаяся 22 июня 1941 года. Задуманная как война на истребление, она поставила вопрос о нашем историческом выживании. Эта война изменила судьбу всей страны и каждого в ней живущего.

Истоки кровавых событий 1941—1945 годов прослеживаются гораздо раньше — в итогах Первой мировой войны, из которой потрясенная Россия ушла в революцию, изоляцию, колоссальный по масштабам социальный эксперимент. Германия же, почти выдержавшая давление едва ли не всего мира, вышла озлобленной, с подспудной решимостью взять реванш. Версальская система, гарантами которой на континенте были Франция и малые страны Восточной Европы, не могла быть эффективной, потому что ее прямыми и косвенными жертвами оказались две крупнейшие державы континента — Германия и Советская Россия. Малейшая степень взаимопонимания между этими двумя странами, ощущение параллельности интересов сметало Версальскую систему, как карточный домик. Первый удар колокола по ней прозвучал в итальянском городке Рапалло, где представители Советской России нормализовали отношения с Германией.

Вторым ударом колокола был приход к власти в Германии национал-социалистов. Они изолировали стра-

ну, поощрили национальную экзальтацию, сплотили коллективную волю и предложили в качестве национальной идеологии худший вариант социал-дарвинизма: сильные выживают, слабые погибают. Нацисты исказили психологию страны «гневом за предательство» 1918 года, посеяли в умах молодого поколения веру в безусловное превосходство германской расы, объявили исторической миссией народа необходимость взять реванш за поражение в Первой мировой войне. Третий удар колокола истории прозвучал, когда окружающие Германию народы в бессилии, слепом эгоизме, страхе, гонимые страшной памятью о прежней мировой катастрофе и надеждой умиротворить агрессора, пошли на уступки, равные капитуляции перед ним. Этим они укрепили национал-социализм и подорвали союз Запада и Востока как единственный противовес агрессивным устремлениям немцев. Польша, Англия, Бельгия, Франция, СССР в 1934—1939 годах в той или иной степени предпочли компромисс с агрессором силовому противостоянию и обрекли себя на военное испытание в худших условиях.

Час нашей страны пришелся на рассвет самого долгого дня 1941 года, самого трагического дня нашей истории. Далекий от благоденствия, народ был погружен в проблемы социального переустройства, неслыханной по темпам индустриализации, перехода крестьянства в новое состояние, рецидивов Гражданской войны. По отношению к утвердившейся диктатуре Сталина царила спартанская лояльность. Наша армия, отличавшаяся исконной готовностью к самопожертвованию, традиционным стоицизмом, безусловной преданностью Родине, была, увы, в огромной степени ослаблена перерывом в традиции военного воспитания профессиональных военных, пять столетий делавших ее непобедимой. Она была подорвана истреблением той новой командирской поросли, которую дала Гражданская война, воцарившимся террором, убивавшим инициативу, предприимчивость, свободу анализа, рассудительность и ответственность. Противостоявшая же ей германская армия была вооружена всеми средствами технически совершенной цивилизации, приемами многовекового военного опыта, обновленного в 1939—1941 годах, и уком-

плектована преимущественно индустриальными рабочими — методичными, инициативными, дисциплинированными, воспитанными в духе безусловного расового превосходства. Эти обстоятельства предопределили несоразмерность жертв двух сторон — пулемет опять нейтрализовывал личную доблесть. В конечном счете — и это скорбный факт — на одного погибшего немца приходится четырнадцать наших воинов. Два обстоятельства спасли нашу страну. Первое: военная промышленность дала меч. Второе, главное: в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат без колебаний жертвовал жизнью.

Глава первая
ВООРУЖЕНИЕ АГРЕССОРА

Основные принципы вооружения и конструирования башен танков были созданы уже в 1926 году... Среди орудий, использованных в 1939–1941 годах, самые эффективные были полностью созданы уже к 1933 году.

Г. Крупп. 1942 г.

Опасность новой германской агрессии возникла почти сразу после окончания Первой мировой войны. В Версале союзники определили цифру репараций, налагаемых на Германию, — 31,5 миллиарда долларов. При этом пять миллиардов немедленно — под угрозой возобновления боевых действий. Немцам следовало также выплатить компенсацию Бельгии. Великий английский экономист Дж. Мейнард Кейнс назвал Версальский мир «карфагенским». Даже Черчилль был далек от прославления условий этого мира, сумма репараций, по его мнению, была «устрашающей». Веймарские деятели предприняли усилия по их выплате, но довольно быстро пришли к заключению, что это нереально. Вся система предвоенной торговли Германии разрушилась. Богатые немцы, избегая налогов, покидали страну. В течение шести месяцев курс марки понизился до шести миллионов за один доллар. Военная сила Германии была низведена до минимума. Рейхсвер не имел права пре-

восходить численность в 100 тысяч человек. Генеральный штаб и военные академии упразднялись. Германии не разрешалось иметь военную авиацию и подводные лодки. Военно-морской флот был ограничен шестью линкорами, шестью легкими крейсерами, двенадцатью торпедными катерами и двенадцатью миноносцами. На границах Веймарской Германии запрещалось создание военных укреплений. Западный берег Рейна и бассейны нескольких рек были интернационализированы. Часть германской территории отошла к Франции, Бельгии и Польше. Германия лишилась всех своих колоний. Саар, Данциг и Мемель были отданы под управление Лиги Наций. Производство и импорт оружия запрещались. Любое нарушение этих условий рассматривалось как объявление войны союзникам.

Разоруженная Германия находилась под прямым контролем победителей до 1926 года. В созданной в 1919 году Межсоюзнической контрольной комиссии числилось 373 профессиональных военных. В следующем году она была увеличена до 383 экспертов и 737 наемных служащих. Из грандиозной штаб-квартиры, разместившейся в берлинском отеле «Адлон», контрольные группы инспектировали все «чувствительные» точки страны. Скажем, за шестилетний период в сентябре — октябре 1924 года было осуществлено 800 инспекций на местах.

Разоруженные вожди Веймарской республики искали пути выхода из изоляции. Такая возможность представилась довольно скоро. Весной 1922 года, во время обсуждения экономических перспектив европейского развития на конференции в Генуе, министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау тайно встретился с советской делегацией в маленьком городке Рапалло. Две страны отказались от всех претензий военного времени и нормализовали свои отношения. И хотя преемник Ратенау Густав Штреземан заверил англичан, что Германия будет щитом против Советского Союза, в Версальской системе образовалась трещина.

Союзники военных лет — в том числе англичане — еще осуществляли контроль над Германией, они инспектировали Кильский канал и пять крупнейших гер-

манских водных артерий. Тот, кто хотел утешить себя, мог утешиться. Но реальность заключалась в том, что даже после подписания Версальского договора Германия оставалась самой мощной державой Европы. Ее население на тридцать миллионов превышало население Британии. А один из наиболее громогласных политиков страны — Адольф Гитлер — призывал к объединению всех немцев в Европе. Возможность объединения восьмидесяти двух миллионов немцев приводила Европу в трепет.

В 20-е годы в европейских столицах еще не знали о тайных приготовлениях немцев. А между тем идея реванша не умирала в Германии даже на нижайшей точке поражения, зависимости, надзора. Главным для немцев на этом этапе было сохранить кузницу оружия — империю Круппа. Для этого предпринималось немало демонстративных жестов, таких, как уничтожение в 1920 году гигантских пушечных прессов, проходившее под контролем Межсоюзнической контрольной комиссии. Над входом на крупповские заводы через четыре недели после поражения появился лозунг: «Мы делаем все». Реклама постоянно говорила о пишущих машинках и детских колясках.

В дни национального унижения создалась, как это ни парадоксально, основа будущего подъема — гласный и негласный союз военных и промышленников. Сразу же после подписания перемирия командующий рейхсвера генерал фон Сект указал, что «существует лишь один путь, который позволит нам вооружить огромные массы войск, — это заключение соглашения с руководителями индустрии страны». Круппу и его коллегам необходимо было прежде всего перевести производственные мощности за рубеж — в Голландию, Швецию и Данию.

Сразу же после заключения перемирия дочерняя фирма Круппа в Голландии «Блесинг и К°» закупила 1500 крупповских орудий. Лучшие крупповские инженеры пересекли границу для работы в новых условиях. Франция выразила официальный протест, но голландское правительство отказалось вмешиваться в дела частного сектора. Вниз по Рейну плыли баржи, на одной из

них была переправлена полностью фабрика по производству снарядов.

Генералы и инженеры Германии, поставленные в жесткие условия, постарались сохранить самое главное: наиболее перспективные модели и ту технику, которой, очевидно, принадлежало будущее. Разумеется, речь шла прежде всего об авиации. В конце войны самолеты в Германии производили тридцать пять фирм. Союзники-победители разрешили немцам иметь лишь 140 самолетов в чисто коммерческих целях. Большинство фирм немедленно переключилось на мирную продукцию. Крупнейшая компания «Фоккер» приступила к производству каноэ. Но параллельно шел процесс, сходный с судьбой заводов Круппа. Последнее изделие — бомбардировщик Ф-2 (пять членов экипажа) — был перемещен в Голландию. Примерно шестую часть производственных мощностей погрузили в вагоны и сложным путем отправили за рубеж. В 350 вагонах были вывезены 220 самолетов и 400 моторов. Двадцативосьмилетний Тони Фоккер возглавил свою новую нидерландскую фирму. Англичане попытались заслать на его новое предприятие своих агентов, но Фоккер создал весьма эффективную контрразведку. Жалобы английского посла нидерландским властям ни к чему не привели. Под крышей фирмы нашли приют лица, которым пришлось сыграть немалую роль в становлении германской мощи в будущем. Так, двадцатилетний пилот из знаменитого «Летающего цирка» Рихтгофена Герман Геринг был занесен в состав фирмы Фоккера как «продавец».

Негласный союз политиков, военных и промышленников не мог полностью спасти демонтированную германскую военную промышленность, но он позволил сохранить предпосылки для роста этой промышленности на новой, более современной основе в будущем. Такой «боец» с милитаризмом, как социал-демократический канцлер Вирт (официально обещавший в 1920 году «осуществить без задержек меры по разоружению»), писал, что «в 1920—1923 годах мы оказались способными заложить новые основания для создания германской военной техники». Благодаря открытым в 50-е годы архивам выяснилось, что наследник канцлера Вирта

Густав Штреземан, получивший в 1926 году Нобелевскую премию мира, активно поддерживал скрытое вооружение Германии и видел в рейхсвере «единственный позитивный фактор» германской политической жизни 20-х годов. Его мнение разделяли и президент Гинденбург, и двадцатидевятилетний ефрейтор Гитлер, считавшие, что германские армии не были разбиты на поле боя, а получили предательский удар «кинжалом в спину».

В этой обстановке важное значение имела позиция главы рейхсвера генерал-полковника Ганса фон Секта. Он тщательно отбирал состав позволенного Версальским договором четырехтысячного офицерского корпуса рейхсвера. Половина офицеров этого корпуса состояла из потомственных военных — выходцев из старых юнкерских семей, воспитанных в военных традициях нескольких поколений. Фон Сект мог выбирать: на каждое место в стотысячном рейхсвере претендовало не менее семи кандидатов.

Критическим был вопрос о генераторе военного мышления и военной науки — генеральном штабе. Версальский мирный договор запретил существование такового в любой форме. Главной «заслугой» фон Секта было то, что он сумел найти выход из положения. Созданная им невинная Служба войск должна была якобы определять организационные задачи рейхсвера. Служба войск имела четыре отдела: Т-1 решал оперативные проблемы; Т-2 отвечал за организационное строение вооруженных сил; Т-3 анализировал боеспособность и вооружение зарубежных армий, а Т-4 возглавлял анализ подготовки войск. Именно здесь выросли офицеры, возглавившие в дальнейшем возрожденный генеральный штаб, — будущий военный министр фон Бломберг, будущие командующие армий фон Фрич и фон Браухич, будущий начальник штаба сухопутных войск Вильгельм Кейтель.

Отметим и другую (помимо сохранения традиций, воспитания нового поколения офицеров и развития военной науки) роль рейхсвера. Он довольно активно участвовал в политической жизни страны, стараясь заручиться влиянием в различных слоях общества, привлекая внутренних осведомителей. Наблюдая за созданием гер-

манской рабочей партии, тогда еще небольшой организации численностью в сорок человек, Бюро прессы и новостей политического отдела рейхсвера в Мюнхенском округе послало своего сотрудника внедриться в партию. Так в сентябре 1919 года началось знакомство с политикой ефрейтора Адольфа Гитлера.

Еще одним участком деятельности рейхсвера как эмбриона вермахта было продолжение внешнего шпионажа. Собственно, Версальский договор молчал по этому поводу. Главу известного имперского управления 111б полковника Николаи сменил в 1919 году майор Фридрих Гемп. Служба разведки была значительно сокращена, она стала составной частью службы войск — закамуфлированного генштаба рейхсвера. Отдел разведки назывался Оборонительным отделом Службы войск. От первого слова, «оборонительный» («Abwehr»), этот отдел в дальнейшем стал известен как абвер. Тогда в подчинении у майора Гемпа было лишь четыре офицера. Абвер собирал разведданные о ходе советско-польской войны, а затем переключился на Францию.

Важнейшей составной частью разведки были радиоперехват и дешифровка. Эта работа началась уже в 1919 году, когда двадцатичетырехлетний лейтенант Э. Бушенхаген создал так называемую Добровольную службу оценок. В феврале 1920 года она влилась в абвер как «шифровальный центр», заняв место в штабе рейхсвера на Бендлерштрассе. К концу 1926 года в подчинении у Бушенхагена находилось более пятидесяти человек, шесть радиопостов, работающих на перехвате полные сутки. Помимо прочего, этот «центр» перехватывал переговоры контрольной комиссии, поэтому рейхсвер и военные промышленники были чаще всего оповещены о предстоящем инспекционном визите.

Определенный толчок развитию германского потенциала дал франко-германский кризис в Руре, когда после введения сюда французских войск центральное германское правительство некоторое время размышляло о возможности военного сопротивления. Курт Штудент, будущий «отец» германской военной авиации, показал Эрнсту Хейнкелю первый самолет-разведчик. Эта модель — Хе-17 — стала прототипом многих военных само-

летов. Приезжавшие союзнические инспекторы видели ангар Хейнкеля пустым, так как за несколько часов до инспекции самолет и его компоненты увозились на грузовиках в прилегающие дюны. Здесь, в Варнемюнде, закладывалась основа германской авиации периода рейха. Созданные тут пятьдесят истребителей были в 1925 году вывезены через Штеттин и Ленинград на секретную германскую военную базу в СССР. На столе у Хейнкеля уже лежали чертежи среднего бомбардировщика Хе-111, о котором мир узнает позже.

Образование в 1926 году государственной авиационной компании «Немецкая Люфтганза» очень помогло рейхсверу. Известный с прошедшей войны Эрхард Мильх, будущий маршал авиации, возглавил тогда «Люфтганзу», и компания стала местом подготовки военных летчиков.

Другим прикрытием служил авиационный спорт. Именно для нужд спортсменов соперник Хейнкеля Вилли Мессершмитт создал спортивный моноплан Bf-108, являвшийся прямым предшественником истребителя Bf-109, получившего такую известность в грядущей войне. Третий из молодых конструкторов-соперников, Хуго Юнкерс, создавал более крупные машины, тогда рассматривавшиеся как транспортные самолеты для рейхсвера.

Отправная точка развития военно-морского флота заключалась для Германии в разрешенных ей шести старых линкорах, шести крейсерах, двенадцати миноносцах и двенадцати торпедных катерах. Уже в 1922 году первый лейтенант флота Вильям Канарис создавал цеха по производству подводных лодок и торпедных катеров за пределами Германии. Главные производственные мощности размещались в Нидерландах. Густав Крупп фон Болен прислал сюда тридцать своих проектировщиков. Здесь, на верфи Сидериус, создавали чертежи подводных лодок, которые продавали Японии, Испании, Финляндии, Турции. Отсюда в эти страны для строительства подводных лодок рассылали немецких специалистов. В Финляндии строили двухсотпятидесятитонные подводные лодки (первые двадцать четыре), которые будут использоваться в следующей мировой войне. Но

самые крупные, семисотсорокатонные, подлодки строили в Испании.

Главная контора, специализировавшаяся на разработке армейского оружия, размещалась в Берлине. Здесь в предместье Шпандау с первых дней перемирия 1918 года под вывеской «Кох и Кинцле» разместилась группа самых талантливых крупповских инженеров. Один из руководителей фирмы вспоминает: «Никто не замечал нас, никто не беспокоил нас, в нашу дверь даже не стучал никто». Документация тоже с трудом позволяла осветить деятельность группы. Так, первый танк был обозначен как «сельскохозяйственный трактор». Периодически, правда, проектировщики забывались, и тогда можно было прочесть о тяжелом тракторе с семидесятимиллиметровой пушкой. Еще одной дорого стоившей Круппу на Нюрнбергском процессе ошибкой стало упоминание о тракторах, которые «должны отвечать техническим требованиям перемещения на открытых железнодорожных платформах в Бельгии и Франции».

Фирма «Кох и Кинцле» спроектировала целую серию танков, восемь типов тяжелых артиллерийских орудий, гаубицы, автоматы. Густав Крупп охарактеризовал эту работу как «важный шаг на пути к свободе». Нужно сказать, что в годы Первой мировой войны Германия в меньшей, чем ее главные противники, степени оценила практическую значимость танков. Если французы к концу 1918 года создали 3870 танков, англичане — 2850, то немцы — лишь около двадцати единиц. В первые же послевоенные годы, критически осмысливая свой опыт, немецкие генералы и инженеры обратились к танкам. Как ни странно, Германия оказалась в выигрышном положении. Ее вчерашние противники с большой неохотой расставались с тысячами танков старых моделей, а немцы меняли одну экспериментальную модель за другой, внося в них последние технические усовершенствования. В начале 20-х годов в Швеции работал главный кайзеровский конструктор танков — Йозеф Волмер. Созданные им в 1921 году десять новых образцов были проданы шведскому правительству и составили первую танковую роту королевской армии.

В 1921 году Служба войск создала Инспекцию мо-

торизованных войск, а через год в ней появился капитан Гейнц Гудериан — теоретик и создатель танковых войск новой Германии. В чертежах новое поколение танков было готово в 1926 году. На следующий год спроектированный Фердинандом Порше «тяжелый трактор фирмы «Даймлер-Бенца» был испытан неподалеку от Казани. В 1929 году сорокалетний майор Гудериан прибыл в Швецию для показа своей танковой новинки.

К этому времени главные испытательные полигоны германского оружия сместились на восток. Желая прорвать внешнюю блокаду, советское правительство уже в 1921 году тайно обсуждало с германскими представителями возможности военного сотрудничества. Генерал фон Сект послал в Москву двух своих представителей. Две страны, являвшиеся жертвами Версальского мира, нашли общий язык. Немцы обещали помощь в создании индустрии вооружений. Советская сторона обещала немцам прикрытие. Юнкерс построил авиационный завод в Филях, в Туле были возведены цеха по производству стрелкового оружия. К 1926 году немцы получили с этих заводов 200 самолетов (100 было оставлено Красной Армии), 400 тысяч ручных гранат. Шли переговоры о производстве танков на советской территории.

В России Германия нашла безопасные центры подготовки военных кадров. Речь идет о военно-воздушной школе в Липецке (созданной в 1924 году), школе химической войны близ Саратова (1927 год), танковой школе под Казанью (1926 год). Связь с этими школами осуществлялась немцами через «Централе Москау» (Ц. Мо). Снабжение шло через Штеттин и Ленинград по морю. Офицеры рейхсвера всегда ходили в цивильных костюмах и путешествовали с фальшивыми паспортами. Перевозка больших объемов морем осуществлялась в туманную погоду или ночами. В период 1925—1930 годов в СССР находилось приблизительно 200 немецких военных специалистов, после 1930 года их численность возросла до 300 человек. Здесь было 50—60 военных самолетов. В Липецке немцы проходили годичный курс навигации, шестимесячный курс бомбометания, ведения боя в воздухе и пользования радиотехникой. Ко

времени закрытия этой школы Германия получила 120 пилотов-истребителей, 300 человек технического персонала и 450 прочих специалистов. Создатель германских воздушно-десантных войск капитан Курт Штудент испытал в Липецке 800 компонентов авиатехники. Среди получивших высшую квалификацию пилотов были три будущих маршала авиации — Альберт Кессельринг, Ганс Штумпф и Хуго фон Шперле. С приходом к власти Гитлера советско-германское сотрудничество резко сократилось, и к концу 1935 года, с подписанием Германией, Японией и Италией «Антикоминтерновского пакта», свелось на нет.

В декабре 1926 года французы и англичане решили свернуть свою контролирующую деятельность в Германии. Окончание работы контрольной комиссии в 1927 году ослабило секретность германских военных приготовлений. К этому времени на чертежных досках закрытых технических контор Германии уже лежали чертежи новых линейных кораблей, танков, пушек, истребителей и бомбардировщиков. Теперь дело было за испытательными полигонами и конвейерами.

Фирма «Кох и Кинцле» вернулась на главные заводы Круппа в Эссене. Здесь заново в 1927 году был открыт Департамент артиллерийских проектов. С этого времени началось производство самоходных орудий, установок для запуска торпед, приборов для морских орудий, перископов. Впоследствии в одном из германских документов можно будет прочесть: «Из всех орудий, использованных в 1939—1941 годах, самые ценные были уже полностью созданы к 1933 году». То же самое можно сказать о танках. Их конвейерное производство началось в 1928 году. Крупп ввел автоматические станки, позволявшие создавать ручную гранату за 12 минут (в Первую мировую войну требовалось 220 минут).

В 1930 году абвер, занявший более заметное, чем прежде, место в рейхсвере, начал планомерную фотосъемку территории потенциальных противников. Был использован «Юнкерс W-34», установивший к тому времени рекорд высоты полета. Тщательному исследованию подверглась полоса приграничной польской территории.

Автохтоны у власти

Как практически во всех странах, решающих задачу насильственной модернизации, лидер российской модернизации вышел из самых низов общества. В отличие от Ленина, человека с западным образованием, проведшего половину жизни на Западе, Сталин жил на Западе всего около четырех месяцев в 1906–1907 гг. Сведения о внешнем мире у него, самоучки, были в основном умозрительными. Строго говоря, это был типичный автохтон, умственно и эмоционально сформировавшийся в России, в условиях жесткого подполья. Но этот очевидный недостаток, который не позволил бы Сталину, в годы господства прозападной элиты, даже приблизиться к вершине власти, оказался его величайшим внутриполитическим козырем в борьбе за власть.

В 1925 г. окончательно разрешается спор автохтона Сталина и интернационалиста Троцкого. Ныне понятно, что исход их борьбы не мог быть иным. 170 млн. человек не могли быть принесены в жертву целям «социального поджога» Запада, на алтарь восстания европейских пролетариев. Поставив задачу собственного общественного устройства, построения социализма в одной стране, опираясь на русское национальное чувство, Сталин выиграл бой. Одним из факторов победы автохтона Сталина, вступившего в послеленинский период борьбы за власть с более космополитически воспитанными претендентами на российское лидерство, было то обстоятельство, что практически растаял воспитываемый веками контактов прозападный слой России. Из почти 5 млн. европейски образованных русских, составлявших элиту страны в предреволюционный период, в России после революции, Гражданской войны и исхода интеллигенции на Запад осталось едва ли несколько сотен тысяч, решительно оттесненных от рычагов власти. Символом нового направления развития России, потерпевшей поражение в романовской попытке слияния с Западом, стал перенос столицы из Петрограда в допетровскую столицу – Москву. Кроме того, это означало также физическое удаление жизненных центров России от границы с Западом.

Если отбросить идейный флер, то фактически Сталин поставил ту же задачу, что и Петр, — догнать Запад. Но в отличие от императора Петра он хотел это сделать изолированно от Запада, на основе мобилизации собственных ресурсов. Именно о подобном варианте пишет Т. фон Лауэ: «Ориентированные на Запад местные (незападные. — А.У.) лидеры, находившиеся под впечатлением западной мощи, применяли к своим собственным народам насилие, которое характеризует экспансию самого Запада. Они пытались обратить своих подданных посредством насилия в организованно-мыслящих граждан, столь же дисциплинированных, лояльных и способных к сотрудничеству, как граждане в западных демократиях. Они хотели совершить, торопясь и по предначертанному плану, то, чего Запад достиг на протяжении столетий, создав в невиданных условиях особую культуру... Рассматриваемый в этом свете коммунизм... был не более чем идеализированной версией западного (или «капиталистического») общества, закамуфлированного так, чтобы воодушевить униженных и оскорбленных».

Большевики, совершившие своего рода «контрреволюцию» (по отношению к западной революции), фактически стремились извлечь западную силу из незападных народов. Результат, по определению, не мог быть стопроцентно успешным. Произошло то, что и должно было произойти, — столкновение (под огромным политическим давлением) двух культур, западной и автохтонной. Но новые лидеры не были способны даже подойти к проблеме культурной несовместимости. Многие из них получили образование в местных сельских школах, а не в прозападных университетах. Их героями в русской истории были такие революционеры, как Н. Г. Чернышевский, и такие вожди допетровской Руси, как Иван Грозный, а не фигуры романовского периода. Почвенник Н. А. Некрасов, а не западник А. С. Пушкин, стал главным поэтом новой эпохи. Музыканты «Могучей кучки» возобладали в национальной музыке над менее «почвенными» музыкальными гениями, художники-передвижники — над отвлеченно-космополитическими талантами.

Сталин и его сподвижники могли считать себя кем угодно, но для истории они — не более чем культурные колонизаторы, пытающиеся создать «нового человека», способного соревноваться с западным человеком, т. е. обладающего такой же энергией, предприимчивостью, прогнозируемостью действий, плановостью построения своей жизни, методичностью освоения природы, целенаправленностью всех жизненных усилий. Именно это было жесточайшей коллективизацией и героической индустриализацией. Народы России заплатили за эти усилия колоссальную цену. Но крайне неразумно было бы высмеять все эти усилия и попытаться начать все с начала — с первозданного хаоса, джунглей предкапитализма. Неудачи имманентно заключались в методе. Используя насилие, социальные революционеры закрепляли в человеке прежде всего незападные черты: покорность, сугубую лояльность, глубинное неверие в себя. Поэтому в час испытаний даже 20-миллионная элитарная партия не смогла выделить из своих рядов вождей. Весь ряд: Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин — прекрасная иллюстрация отторжения средой лидера западного образца.

Бросок вдогонку

Благодаря НЭПу в 1926 г. сельское хозяйство в России достигло предвоенного уровня, в 1928 г. того же добилась и промышленность. Но при отсутствии массовых инвестиций будущее обещало только медленную эволюцию, а следовало стремиться к обещанному властью чуду. Трудностей на этом пути было бесчисленное множество: несравнимая с Западом потеря ресурсов в мировой войне, неорганизованность, волевая дряблость, безразличие, неспособность к самоорганизации, пренебрежение к талантам, лакейство, малая стоимость человеческой жизни.

Поражение в Первой мировой войне учило трезвой оценке, способствовало рациональному самосознанию. Россия убедилась, сколь несовершенен ее экономический и социальный механизм, прогнувшийся (в отличие от западного) перед германской мощью. Этого больше-

вики не забыли. На XV съезде ВКП(б) в 1927 г. было принято решение о необходимости «широчайшего использования западноевропейского и американского научного и научно-технического опыта». Сталин провозгласил цель — «догнать и перегнать технологию развитых капиталистических стран». Эту гонку за лидером предполагалось проводить в два этапа. На первом этапе (первый пятилетний план), за счет продажи даже хлеба голодающей страны, была осуществлена закупка огромного количества западной техники и оборудования. Средства для ускоренного промышленного роста Сталин добыл там же, где Вышнеградский и Витте до него, — у огромной массы российского крестьянства. Битва русского большевизма с крестьянством была самой суровой. В 1933 г. она завершилась жесточайшей победой — доля бюджета, выделяемая на индустриальное развитие, достигла феноменальной цифры — 25 %. В XX в. такого не добивалась ни одна страна. На втором этапе (второй пятилетний план) Советская Россия сделала акцент на развитии собственной технологии. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. была поставлена задача — превратить Советский Союз «в технологически и экономически независимую страну, в наиболее технически развитое государство Европы».

Двумя важнейшими процессами в утверждении национального начала и выработке собственного пути России в XX в. были коллективизация крестьянства и индустриализация. В марте 1930 г. Сталин выступил со знаменитыми словами, ставшими едва ли не манифестом для целого поколения: «Нас били монгольские ханы и германские рыцари, польская шляхта и французы Наполеона, немцы и все, кто был сильнее нас. Били нас потому, что мы были слабы. Мы отстаем от развитых стран на 50—100 лет. История дала нам лишь десять лет. Либо мы ликвидируем отставание, либо будем снова биты».

Для создания индустриального сельскохозяйственного производства Сталин использовал историческую склонность российского крестьянства к общинному землепользованию. Ценой огромных жертв в традиционную сферу национальной жизни были внедрены массовые

промышленные методы, тем самым утвердился способ хозяйствования, абсолютно отличный от западного индивидуального фермерства. Столь же трагичным и героическим был процесс превращения России, потерпевшей поражение от индустриального гиганта, Германии, во вторую промышленную страну мира. Сталин никогда бы не добился этих целей (и даже не поставил бы их), если бы не глубинное убеждение народа в том, что дальнейшая потеря времени грозит Советскому Союзу потерей исторического места в мировом развитии.

Между 1921 и 1940 гг. в стране произошли огромные перемены: доля городского населения повысилась с 29 до 50%. Численность инженеров возросла с 47 тыс. в 1928 г. до 289 тыс. в 1941 г. За две пятилетки (1928–1937) валовой продукт страны вырос с 24,4 млн. руб. до 96,3 млн. Выплавка стали увеличилась с 4 млн. т до 17,7 млн., добыча угля – с 35,4 млн. т до 128 млн. Страна пятикратно увеличила производство самолетов, прочно заняв первое место в мире (10 тыс. самолетов в 1939 г.). В течение одного десятилетия Россия сделала то, чего не смогла за предшествующие века, – обошла Италию, Францию, Японию, Британию и Германию по основным экономическим показателям.

Доля мирового промышленного производства (в %)

Страна	1929	1932	1937	1938
СССР	5,0	11,5	14,1	17,6
США	43,3	31,8	35,1	28,7
Германия	11,1	10,6	11,4	13,2
Британия	9,4	10,9	9,4	9,2
Франция	6,6	6,9	4,5	4,5
Япония	2,5	3,5	3,5	3,8
Италия	3,3	3,1	2,7	2,9

Источник: *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. L., 1988, p. 426.*

Уровень науки в 30-е гг. вызывает споры сейчас, вызывал полемику и в свое время. В 1936 г. академик А. Иоффе заявил, что Россия, прежде имевшая незна-

чительные достижения в физических науках, в середине 30-х гг. заняла четвертое место в мире, а в технической физике — третье. Более критичный директор Харьковского политехнического института А. Лейпунский указал, что если СССР и занимает четвертое место в мире (после Британии, США и Франции), то «между нами и европейской наукой существует качественный отрыв». Еще более скептически был настроен акад. П. Капица: «Мы, может быть, и сильнейшие в политике, но в науке и технологии мы подлинная колония Запада». Репрессии 30-х гг., безусловно, ослабили советскую науку. При острой нехватке специалистов, просто образованных людей тысячи специалистов испытали муки тирании. Был погублен Харьковский политехнический институт. Не менее ста физиков арестовали в Ленинграде в 1937—1938 гг. Можно найти позитивную сторону «броска вдогонку» — внедрение новой техники, создание целых отраслей современной индустрии, обретенный навык организованной части общества работать спонтанно; мобилизация героического начала; массовое освоение технического опыта; чувство единого народа. Американец Лауэ писал, что «в этой жестокости была своя логика. Замаскированная политическим инстинктом и цензурированная уже политикой террора, она заслуживает рационального анализа там, где мы касаемся ключевой проблемы насильственной рекультуризации. Как еще могли быть изменены углубленные убеждения народа, расширены устоявшиеся перспективы; как еще могла твердая человеческая воля — особенно упорная воля русских — быть приведена во флюидное состояние с тем, чтобы слить ее в общей воле крупных коллективов? Как еще столь своеобразные и самоутверждающие себя народы Советского Союза могли покорно приступить к решению задач, диктуемых людьми, машинами и организациями индустриального общества?». На Западе это слияние воль происходило в течение столетий в ходе становления наций-государств, в гораздо более благоприятных обстоятельствах.

Негативные стороны очевидны: уничтожение миллионов людей, паранойя в национальных масштабах, упрощение жизни на низком уровне, удушение свободной

мысли, фантазии — основы дерзаний в науке и искусстве. Насилие и волевое бессилие порождали исполнителей, имитаторов, подчиненных, лишенных воображения, исторического чутья, но не людей западного типа, не волевых личностей, наделенных ответственностью.

А тем временем в стране, больше всех других оказавшей помощь России в приобщении к индустриальному обществу, — в Германии — к власти пришли люди, параноидальный национализм которых не мог быть сразу даже реалистически оценен.

Гитлер у власти

Придя к власти, Гитлер высказался категорически против скрытого военного сотрудничества с СССР. Однако начинать сразу же откровенную военную подготовку на собственной немецкой территории он пока не хотел: в гонке с потенциальными противниками следовало выиграть время. Выходом для него было обращение к Муссолини. Итальянский диктатор пошел навстречу, он позволил осуществлять подготовку немецких пилотов на итальянских базах (итальянские ВВС тогда котировались в мире очень высоко). В 1933 году одетые в южнотирольские одежды германские летчики были препровождены на различные аэродромы Италии. Среди этих курсантов нужно отметить 21-летнего Адольфа Галланда, будущего руководителя истребительной авиации люфтваффе.

Стремясь не нарушать пока букву Версаля, Гитлер не пошел сразу на превышение численности рейхсвера. Но он нашел другие формы массовой подготовки будущих солдат. Так, численность гитлерюгенда (включавшего в себя подростков от десяти до восемнадцати лет) увеличилась между 1932 и 1936 годами со ста тысяч до трех с половиной миллионов. Членство в гитлерюгенде, обеспечивавшем спортивную и военную подготовку, стало с 1936 года обязательным. Покидая гитлерюгенд, молодое поколение немцев немедленно вливалось в отряды так называемой Национальной рабочей службы, созданной в 1934 году и обязательной для всех, достигших восемнадцатилетнего возраста. Немецкий солдат 1939

года был подготовлен именно здесь. Отсюда его умение обращаться с рацией, компасом, палаткой, лопаткой, гранатой и автоматом.

Параллельно с рейхсвером в Германии повышали свою военную подготовку 250 тысяч членов воинских формирований Национал-социалистской партии (СА) и отряды охраны фюрера (СС).

К началу 1934 года вновь созданные военно-воздушные силы насчитывали сорок четыре подразделения, рассредоточенных тайно на сорока двух аэродромах по всей Германии. У каждого подразделения было сугубо гражданское название. Так, к примеру, эскадрилья бомбардировщиков в Фассбурге называлась «Ганзейская летняя школа», соединение истребителей в Деберице — «Рекламное объединение».

В начале января 1934 года неожиданно для всего мира Гитлер подписал десятилетний договор о ненападении с Польшей. Для немецкой дипломатии это был большой успех — Германия пробивала путь во враждебном окружении, тщательно созданном французской дипломатией. В секретном приложении к договору обе стороны объявили об отказе от шпионажа друг против друга. Но собравший своих сотрудников глава абвера капитан флота Патциг заявил аудитории: «Разумеется, мы продолжаем свою деятельность». В 1934 году началась аэрофотосъемка территории СССР, прежде всего морских подступов к Ленинграду, районов Пскова и Минска. Одновременно высотные самолеты фотографировали фортификации Чехословакии и Франции.

Канцлер Гитлер отдал распоряжение о секретном перевооружении 4 апреля 1934 года. Для координации разворачивавшихся усилий было создано Центральное бюро германского перевооружения. Сюда были направлены значительные финансовые ресурсы. В то время как нацистская пропаганда называла не иначе как колоссальными 5-миллиардные расходы на общественные работы, тайно на нужды перевооружения был выделен 21 миллиард марок. Финансировал этот огромный военный бюджет финансовый гений Третьего рейха — министр экономики Ялмар Шахт. Промышленникам, производившим вооружение, платили особыми финансовыми поручитель-

ствами, так называемыми «чеками Мефо». Центральный банк принимал эти поручительства, производители получали деньги, не отраженные ни в одной строке бюджета. Между 1934 и 1937 годами чеки Мефо составили 12 миллиардов марок — до 40 процентов военных расходов в критический период создания гитлеровской военной машины.

Куда пошли эти деньги? «Фирменным» оружием рейха стали танки. Гитлер сделал заказ Круппу на производство первых ста танков к марту 1934 года. В течение следующего года следовало произвести 650 танков. К Круппу возвращались его специалисты из Швеции и СССР. Из Берлина привезли чертежи новых машин, и крупповский конвейер в Краве был полностью модернизирован. К октябрю 1935 года созданы три первые танковые дивизии.

Возникает вопрос: знали ли потенциальные противники Германии о начинающем вставать на ноги германском военном колоссе? По западным оценкам, лучшей разведслужбой, наблюдавшей за Германией, являлась французская. Британская разведка была довольно малочисленна. Советская разведка прилагала значительные и довольно эффективные усилия. Поляки больше внимания уделяли СССР, чем стране, которая в конечном счете их погубила. Чехословацкая военная разведка состояла всего из двадцати человек. Американцы полагались лишь на дипломатическую службу. Все эти разведки периодически достигали частных успехов, но в целом ни одна из них не сумела убедить при помощи документальных данных правительство своей страны в том, что главная угроза миру исходит от Германии.

Между тем немцы после 1932 года перестали публиковать списки офицеров, находящихся на действительной военной службе. Становилось ясно, что Берлин зачисляет на воинскую службу гораздо больше офицеров, чем «разрешенные» четыре тысячи полевых командиров и полторы тысячи офицеров флота. Британская разведка заподозрила это, но не сумела подтвердить свои подозрения. Французы (известное «второе бюро») провели тщательное исследование бюджета рейхсвера и убедились, что затраты здесь многократно превосходят

официальные, но конкретных выводов Париж не сделал. Английские и французские разведки частично знали о подготовке немецких пилотов в СССР и докладывали об этом своим правительствам, но те предпочитали держать полученные сведения в секрете. Обосновывая политику своего правительства, главный английский военный эксперт генерал-майор Темперли заявил в 1932 году во время Женевской конференции по разоружению: «До тех пор, пока существует какой-либо шанс достижения соглашения, я использую все свое влияние против оглашения так называемого секретного досье французов». В этом досье содержались сведения о незаконном сохранении в Германии генерального штаба в виде так называемой Службы войск, вооружении рейхсвера запрещенным оружием, тайной подготовке военных специалистов, планах Германии относительно мобилизации индустрии в случае начала войны.

Был ли Запад слеп, а если был, то почему? Дело скорее всего в том, что часть политиков и военных в соседних странах считала, что в Версале союзники пошли слишком далеко, обвинив одну лишь Германию в развязывании Первой мировой войны. Послабления в контроле как бы компенсировали эту несправедливость.

В конечном счете, полагали многие на Западе, нельзя отрицать право Германии на самооборону и равенство в международном статусе. Этим объяснялось почти благосклонное отношение к перевооружению, к вводу войск в Рейнскую область и в Данциг. Многие западные бизнесмены получали прибыль от военного производства, они «не могли лишить такого права своих германских коллег» (а некоторые имели и прямые прибыли от германского вооружения).

«Беспристрастные аналитики» указывали, что у Франции гораздо больше оружия и военного производства, поэтому обвинять немцев — несправедливо.

Западные страны на волне экономических трудностей, сопровождавших «Великую депрессию», не были готовы увеличивать военные расходы и поэтому считали нецелесообразным в полный голос обсуждать германское перевооружение, для них это был дренаж средств.

Очень важную роль играло самоослепление, само-

обман. Многие критически настроенные деятели позволяли себе верить в грубую ложь германских политиков и публицистов о невинном характере гитлерюгенда, Национальной рабочей службы, «Люфтганзы», клубов планеризма и т. п. Им легче было поверить очередной «миролюбивой» речи Гитлера, чем обратиться к кровавым воспоминаниям мировой войны. Как ни странно, грубая германская пропаганда оказалась эффективной.

И одно из наиболее важных соображений: правящие силы западных стран полагали, что в конечном счете Германия — цивилизованная, христианская, европейская страна, которой суждено, в крайнем случае, стать заслоном перед варварством атеистического большевизма. В той или иной степени подобными идеями руководствовались по меньшей мере три премьера Британии, находившиеся у власти во время германского перевооружения, — Рамсей Макдональд, Стэнли Болдуин и Невилл Чемберлен.

Германия крушит Версальскую систему

Необходимость так или иначе оценивать факты скрытого германского перевооружения отпала для западных политиков с переходом Гитлера к открытой фазе милитаризации. Германский фюрер 16 марта 1935 года объявил открыто о своем решении увеличить численность вооруженных сил — теперь уже вермахта — с десяти дивизий до тридцати шести (550 тысяч человек). Служба войск (Труппенамт) была открыто названа Генеральным штабом. Министерство обороны стало военным министерством.

Следует ясно оценивать положение, сложившееся в Германии в середине 30-х годов, когда Гитлер консолидировал свою власть в стране. С одной стороны, усилиями прежнего режима — Веймарской республики — в стране были сохранены два необходимых для ведения агрессивной внешней политики компонента — преемственность традиции военной подготовки и активное следование в авангарде военно-технического прогресса. С другой стороны, ограничения Версаля все же сказа-

лись, и для массового развертывания новых видов вооружения требовалось время. По самым оптимистическим оценкам военных экспертов вермахта, даже при форсированном развертывании армии и ее быстром техническом оснащении лишь 1942 год виделся ближайшим годом, когда Германия будет готова к силовому решению в Европе.

В этой ситуации Гитлер решил значительно изменить прежнюю тактику. Если до середины 30-х годов немцы тщательно скрывали свои военные приготовления и стремились преуменьшить их масштабы в тех случаях, когда имели место разоблачения, то во второй половине десятилетия нацистское руководство уходит в другую крайность. Переход к силовой политике постоянно сопровождался грандиозным блефом в отношении военных возможностей Германии. Ушли в прошлое лицемерные ссылки на слабость страны. Начиная с 1935 года Гитлер нарочито подчеркивает силу рейха, желая психологически переиграть своих соседей, потрясенных разрушительными итогами Первой мировой войны.

Этот блеф помог Гитлеру при введении войск в Рейнскую демилитаризованную зону, в ходе аншлюса и во время Мюнхенского диктата. Под покровом секретности Германия наращивала свои военные мощности. Весной 1936 года обозначились первые результаты бума в авиационном производстве. У Германии теперь на вооружении было 900 новых самолетов против, скажем, 480 у Великобритании. Все военные атташе были приглашены на первые широкомасштабные авиационные маневры 1937 года.

Бюджет германской авиационной промышленности вырос с 1933/34 по 1934/35 финансовый год почти в два раза, чтобы почти удвоиться в следующем финансовом году. Теперь проектировщики выходили к конвейерам со своими последними моделями, которым суждено было сыграть такую важную роль в предстоящей мировой войне. Э. Хейнкель поставил на поток средний бомбардировщик Не-111 (первый испытательный полет состоялся 24 февраля 1935 года). Ультрасовременный завод по производству модели Хейнкеля был заложен 4 мая 1936 года в районе Ораниенбаума. Строительство шло быстро, и

ровно через год с конвейера сошел первый самолет. Намечено было производить до ста He-111 в месяц.

Руководство люфтваффе во главе с Герингом искало оптимальную модель истребителя для массового производства. В октябре 1935 года в Травемюнде состоялись соответствующие испытания, и выбор пал на довольно простую в сборке модель В. Мессершмитта Bf-109.

Исключительные возможности испытать новую технику предоставила Гражданская война в Испании. Сюда немецким командованием было послано подразделение добровольцев люфтваффе номер 88, известное как легион «Кондор» (в Испании эти «добровольцы» автоматически получали вместе с новой униформой звание на ранг выше прежнего). Легион состоял из 6500 человек. В наземную его часть входило 600 человек со 180 танками, в воздушную — до 106 наличных самолетов (27% франкистской авиации). Ротация танкистов и летчиков создавала почти идеальные условия для подготовки к ведению современной войны. Легион «Кондор» потерял в боях 96 самолетов и 300 летчиков, но была пройдена школа современного воздушного боя и бомбометания. Люфтваффе получила четырнадцать тысяч испытанных в боях летчиков. Танковые части отработали скоростные маневры. Были испытаны такие модели, как истребитель Bf-109 и бомбардировщик Ju-87, принесшие немцам небывалый успех в начальной фазе Второй мировой войны. Командир легиона «Кондор» генерал Хуго фон Шперле (тогда известный под фамилией Сандер) через три года, будучи уже маршалом авиации, возглавил бомбовые рейды против Лондона.

В целом, придя к власти, Гитлер полностью воспользовался предшествующей подготовительной работой, теперь его задачей являлось развертывание армии и массовое военное производство. Это было сделано с поразительной быстротой. В январе 1933 года, когда глава национал-социалистов стал канцлером, рейхсвер состоял из 100 тысяч человек. Через год вермахт насчитывал уже 240 тысяч, в августе 1935 года — 350 тысяч (плюс 48 эскадрилий люфтваффе), в сентябре 1938 года (ко времени Мюнхенского соглашения) — 550 тысяч в сорока двух дивизиях и 243 эскадрильи самолетов (1230

боевых машин). К сентябрю 1939 года в 117 дивизиях вермахта было 1,4 миллиона человек и 226 эскадрилий. К моменту решающего наступления на Западе немцы располагали 157 дивизиями (2,4 миллиона человек) и 2574 танками. К роковому для нас часу, в июне 1941 года, вермахт насчитывал 180 дивизий (3,2 миллиона человек). Процесс, начатый уже на второй день после поражения в Первой мировой войне, завершился. Его результатом была мощная, вооруженная новейшим боевым оружием армия, готовая к мобильной современной войне, хорошо подготовленная физически и тактически, воспитанная в духе расового превосходства, высокомерная и уверенная в успехе.

Германия и Россия после мировой войны

После 1918 года на определенное время в германской внешней политике возобладало «бисмарковское» направление, требовавшее дружественных отношений Германии и России. Наиболее показательным проявлением этой тенденции, поддерживавшейся в то время и армией, и кастой чиновников министерства иностранных дел, являлся Рапалльский договор 1922 года.

Гитлер был против этого договора. Он считал, что «бисмарковская» Россия ушла в прошлое, в Москве царствуют большевизм и еврейский заговор — два смертельных врага Германии. За год до прихода к власти Гитлер говорил партийной верхушке в мюнхенском Коричневом доме: «Наше огромное экспериментальное поле лежит на Востоке. Там возникает новый европейский социальный порядок, и в этом величайшее значение нашей восточной политики. Конечно же, мы допустим в нашу новую правящую элиту представителей других наций, которые покажут себя достойными нашего дела... Мировые империи возникают на социальной основе, но очень скоро они оставляют эти ограничения позади». Гитлер говорил о планах перемещения целых народов, сознательном понижении жизненного уровня у отдельных из них, отрицании за ними права на образование и медицинское обслуживание.

В программе НСДАП, принятой еще в начале 20-х годов, обозначены три пункта: 1) объединение всех немцев в Великой Германии; 2) отмена Версальского и Сен-Жерменского договоров; 3) расширение жизненного пространства («Мы требуем территории для обеспечения источников питания нашего народа и размещения нашего растущего населения»). Традиция «цивилизаторской» миссии Германии хорошо прослеживается, скажем, в воспоминаниях покровительствовавшего ранним нацистам генерала Людендорфа, в свое время разместившего штаб в городе, носящем сегодня название Каунас: «Ковно — типичный русский город с низкими, жалкими деревянными домами и широкими улицами. На берегу Немана стоит башня старого германского замка тевтонских рыцарей — символ германской цивилизации на Востоке... Моя голова переполнена историческими реминисценциями: я полон решимости восстановить на оккупированных территориях ту цивилизаторскую работу, которую немцы осуществляли на этих землях многие столетия». Немцы приступили к этой «работе» в 1918 году, когда получили по Брест-Литовскому мирному договору гигантские территории Прибалтики, Белоруссии, Украины, но она тогда продолжалась недолго.

Чтобы понять идеологию Германии начала 40-х годов, нужно обратиться к книге, которая обрела в Третьем рейхе характер Евангелия. «Майн кампф» была написана в середине 20-х годов, когда ее автор сидел в тюрьме. Трудно назвать эту книгу продуктом одного ума, возмущенного действительностью Веймарской республики. В ней, безусловно, сказалась определенная традиция прежней Германии, боровшейся в годы Первой мировой войны за жизненное пространство для нации.

«Майн кампф» — это, по существу, немецкий вариант социал-дарвинизма, имеющего давние исторические корни в традиционной германской философии и политике. Смысл истории — борьба наций. «В конечном счете победит необходимость в самосохранении... Человечество достигло величия в вечной борьбе, и оно погибнет в случае вечного мира... Природа размещает живые

существа на этой планете, все остальное — свободная игра сил. Она (природа) передает свое хозяйское право своему любимому ребенку, самому сильному в плане мужества и способностей... Наиболее сильный должен доминировать и не смешиваться со слабым, жертвуя тем самым своим величием. Только рожденный слабым может считать такой ход вещей жестоким. Желающие жить должны сражаться, а тот, кто не желает сражаться в этом мире вечной борьбы, не заслуживает права на жизнь. Если даже это звучит жестоко — такова природа вещей».

Кто же является избранным сыном природы, наиболее мужественным и способным, кому Провидение дало «права хозяина» на этой земле? Арийской расе. «Вся человеческая культура, все шедевры искусства, науки и технологии, которые предстали перед нами сегодня, являются почти исключительно продуктом арийцев... — Прометея человечества, передающего божественную искру гения, горящую во все времена, освещающую ночь молчаливых тайн. Арийцы заняли это место авангарда человечества, силой отодвинув другие расы. Первые проявления культуры были арийскими, и, встречаясь с другими более низкими народами, они подчиняли их своей воле... До тех пор, пока он (ариец) безо всякой жалости охраняет свое место хозяина, он остается не только верховным распорядителем, но и охранителем и распространителем культуры». Угрозой господству арийцев, по мысли Гитлера, является смешение крови с другими расами. Особенно опасно такое смешение с евреями и славянами. Напрасно учителя в школе говорили молодому Шикльгруберу, что в немцах в результате столетий общения течет, в частности, много славянской крови. Низшей расе славян предназначено было в будущем валить лес для арийцев и добывать воду для расы господ.

Для Гитлера немцы — «высшие человеческие специи на этой земле», и они останутся таковыми, «если позаботятся не только о выращивании собак, лошадей и кошек, но и о чистоте своей крови». Народ, его чистота — превыше всего. «Народное государство должно служить охранителем будущего на тысячи лет вперед, в

свете этой перспективы эгоизм и индивидуализм ничтожны и обречены на гибель». Неспособность прежних режимов на германской земле сохранить германскую расу чистой «похитила у нас мировое доминирование. Если бы германский народ обладал родовым единством, германский рейх сегодня безусловно был бы хозяином мира».

Создание народного государства должно быть основано на «аристократической идее природы», демократия отступает на задний план и заменяется принципом вождизма, фюрерства. Хороший пример, считает Гитлер, уже показала прусская армия, ее принципы следует перенести в Третий рейх. «Не должно быть решений большинства, их должны выносить ответственные лица... Решение должен выносить один человек... безответственный парламентаризм абсолютно неприемлем».

Узник тюрьмы Ландсберг переселился в 1925 году в комфортабельную гостиницу Бехтесгадена и там завершил свой манифест национал-социализма, который в течение тринадцати лет был государственной религией Германии.

Мы видим, что общие идеологические обоснования войны с Россией вызревают у Гитлера уже в 1924 году. Одновременно он вырабатывает более конкретную стратегию. В апреле этого года в статье, посвященной внешней политике, Гитлер делится с соотечественниками своими мыслями о будущем Германии: «Во внешней политике Германия должна сделать выбор. Если ее выбором будет пашня, земли для возделывания, если она решит забросить морскую торговлю и колонии, отказаться от сверхиндустриализации и т. п., то германское правительство должно осознать, что эта цель может быть достигнута лишь в союзе с Англией против России. Если же она выберет морскую мощь и мировую торговлю, в этом случае альтернативой будет союз с Россией против Англии».

Подспудно эти идеи зрели еще раньше. Так, уже 10 декабря 1919 года Гитлер спрашивал, справедливо ли то, что «на душу населения в России приходится в восемнадцать раз больше земли, чем в Германии». В четкой же форме они проявились к середине 20-х годов. К

выходу 18 июля 1925 года «Майн кампф» стало ясно, что он избрал «землю», а не «море». В четвертой главе книги рассуждения построены на следующем факте: «Ежегодный прирост населения Германии составляет 900 тысяч душ». Прокормить «армию новых граждан» становится все более трудной задачей, сложность ее решения ведет к «голоду и пауперизации» — если не предпринять необходимых мер. Существуют четыре меры: контроль над рождаемостью, колонизация, расширение экспортных отраслей и «приобретение новых земель».

Какие земли имеются в виду? «Разумеется, их нельзя найти в Камеруне, речь идет только о Европе». И далее Гитлер уточняет: «Если возникает потребность в земле, находящейся в Европе, то прежде всего это может быть сделано за счет России, и тогда новый рейх снова начнет свой марш по дороге рыцарских орденов прежних времен, чтобы обеспечить с помощью германского меча землю для плуга и хлеба насущного для нации».

Союзником в этом может быть лишь Англия. «Для достижения благосклонности Англии ни одна жертва не является слишком большой. Нужно отказаться от колоний и морского флота и избавить британскую индустрию от конкуренции... сконцентрировать всю мощь государства на сухопутной армии».

Во втором томе «Майн кампф» Гитлер снова подчеркивает мысль, что главной целью Германии должно быть «укрепление континентальной мощи посредством завоевания новых земель и территорий в Европе». Второй том вышел в свет 11 декабря 1926 года. Отношения с Россией названы здесь «самым важным вопросом внешней политики». Задача национал-социалистской внешней политики формулируется так: «...собрать силы нашего народа и бросить эту мощь вперед по дороге, которая выводит нас из прежних ограниченных пределов жизненного пространства нашего народа к новым землям и территориям».

Все остальное мелочи. «Восстановление границ 1914 года — политический нонсенс такой грандиозной величины, что думать об этом почти преступление». Единственно, ради чего можно пролить германскую кровь, так это для «обеспечения германскому народу земли и

территории, которая может быть ему дана на этой планете». Подобные грандиозные планы могут быть осуществлены лишь за счет России. «Гигантская империя Востока готова рухнуть». По мнению Гитлера, Октябрьская революция была не чем иным, как попыткой смены прежней элиты в 1917 году славянской массой. Но оказалось, что эта масса не способна к политической активности ни в какой форме. В результате прежняя германская правящая группа была заменена новой элитой — еврейской группой. Однако евреи не могут ни организовать государство, ни сохранить его. Следовательно, делает вывод Гитлер, «мы избраны Судьбой быть свидетелями катастрофы, которая будет самым мощным доказательством правильности расовой теории».

Гитлер разделяет будущую политику Германии на три этапа. На первом Германия консолидируется, перевооружается и заключает союзные соглашения с Великобританией и Италией. На втором планируется война с Францией, что исключит гегемонистские устремления этой страны. На третьем этапе на первый план выступает великая война против России. Эта война сложности не представит — Россия дезорганизована евреями и большевиками, равно как и некомпетентностью славян. Политически это событие будет эпохальным. Оно даст жизненное пространство германской нации на многие поколения вперед и станет твердым основанием для претензии Германии на мировое владычество.

На встрече 20 февраля 1933 года во дворце Геринга (председателя рейхстага) председательствовал Ялмар Шахт. В зале сидели экономические хозяева Германии, в том числе Густав Крупп, Бош, президент компании «И. Г. Фарбен» Шницгер, «стальной» хозяин Германии Фоглер. Стенограмма встречи сохранилась полностью.

Гитлер твердо пообещал внимательным слушателям «элиминировать» марксистов, восстановить вермахт, перевооружить Германию. «Ныне мы стоим перед последними выборами, но, вне зависимости от их результата, отхода назад не будет». Если он не победит, он удержит рычаги власти «другими средствами». Король военной индустрии Крупп, аплодируя, вскочил с места. Шахт

пустил по рядам шляпу, и она вернулась с тремя миллионами марок на «последние» выборы 15 марта. В этот день нацисты получили 17 277 180 голосов — 44 процента всех избирателей. Все их противники были разобщены. Нацисты стали хозяевами великой индустриальной страны.

Освальд Шпенглер, автор известной книги «Закат Европы», так прокомментировал их победу: «Эти шумные торжества лучше бы поберечь для дня реальных и определенных успехов во внешнеполитической области». В те дни Третий рейх был еще дипломатически изолирован и в военном смысле беспомощен. В марте 1933 года маршал Пилсудский предложил Франции осуществить превентивную войну против Германии.

Первая цель Гитлера в этой обстановке — избавление от военных ограничений, налагаемых Версальским мирным договором. Философская база уже была подведена в «Майн кампф».

Гитлер преуспел. Он сумел создать унифицированное государство как союз «избранного народа», объединить политически всю германскую нацию. Но его мысли были бы безобидными фантазиями, если бы они не имели отклика в современном ему немецком обществе, в чувствах ветеранов только что окончившейся войны и тех, кто был обеспокоен сохранением социального порядка перед лицом массового левого подъема.

Историческая традиция или обрыв ее? Немцы периода нацизма косвенно давали ответ. Толпы несли портреты Фридриха Великого, Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера. Надписи гласили: «Что король завоевал, князь оформил, фельдмаршал защитил, солдат спас и объединил». Аура солдата-объединителя стала сильнейшим политическим оружием Гитлера как внутри страны, так и во внешней политике. Гитлер назвал свой режим «Третьим рейхом». Первый погиб в Средневековье, второй — в 1918 году, третьему он обещал тысячелетнее господство в мире.

Почти нет сомнения в том, что, назначая Адольфа Гитлера на пост канцлера с поручением создать новое правительство, президент Гинденбург не представлял себе вышеуказанную череду портретов. Пройдет немно-

го времени, и он увидит эти своеобразные графические изображения доминирующей тенденции германской истории во множестве. Исторический шанс возник у Гитлера не только потому, что по улицам Германии маршировали миллионы безработных, которых он устыдил в их участи, пообещав более яркое будущее.

Германские промышленники хотели видеть канцлером человека, который пообещал вернуть квалифицированных рабочих на свои места, оставить дело управления хозяевам, гарантировать бизнес от спада, заставить народ трудиться «ко всеобщему благу». Военные круги желали избавиться от «диктата Версаля», вернуть Германии роль европейского ядра, постараться расколоть фронт настороженных европейских соседей. Казалось, Гитлеру это могло удаться.

Летом 1928 года Гитлер написал книгу, которая не прошла окончательной обработки и не была напечатана при его жизни. (Опубликована под названием «Секретная книга Гитлера» в 1961 году.) Да, рассуждает в ней Гитлер, Британия традиционно вступает в борьбу с той державой, которая посягает на гегемонию в Европе. Но не всегда. Она не вступит в борьбу, если у страны-претендента будут узкие внутриконтинентальные цели, не касающиеся морского могущества Британии. Гитлер и хотел ограничить себя континентом, получив Британию в союзники. При этом Британия и Америка, конкурируя в мировой экономике, неизбежно поссорятся.

Эта общая схема прослеживается во всей последующей политике Гитлера, ставшего главой Третьего рейха. Заметим, что в инаугурационной речи 23 марта 1933 года он отделил Англию и Италию от других стран, говоря о них совершенно особо.

Гитлер еще боялся изоляции Германии в Европе и в мае 1933 г. ратифицировал продленный в 1931 г. договор о дружбе и нейтралитете с СССР, подписанный в 1926 г. Со своей стороны Сталин публично заявил, что приход к власти в Германии фашистского правительства не должен помешать дружественным отношениям между двумя странами. В Берлине в среде старой дипломатической элиты продолжилась борьба между «западни-

ками» и «восточниками», сторонниками ориентации (в процессе ревизии Версаля) на Россию и адептами сближения с Западом. Старейшиной первого направления был прежний посол в Москве фон Брокдорф-Ранцау, линию которого в советской столице продолжил фон Дирксен. Именно воспитанниками Ранцау были назначенный Гитлером в ноябре 1933 г. послом в СССР Надольный и наследовавший ему в 1934–1939 гг. фон дер Шуленбург. Но нацизм, не идя на резкое ухудшение отношений, сразу же понизил общий уровень двусторонних отношений. Германия уже не значила для индустриализации России так много, как это было в годы Веймарской республики – вопреки нескольким, весьма настойчивым, попыткам Сталина сохранить контакты и связи.

После выхода Германии из Лиги Наций (19 октября 1933 года) Гитлер совершил свою первую поездку в качестве канцлера в Италию. Было ясно, что он ищет союзника. Поиски увенчались успехом, хотя сближению с дуче некоторое время мешала Австрия, которую Муссолини считал своей зоной влияния.

Второй важнейший шаг Гитлера – попытка наладить отношения с Британией, материализовавшаяся в англо-германском соглашении 18 июня 1935 года. Но Британия, при всех экивоках, не пошла дальше, в то время как сближение Берлина с Римом было особенно заметным в 1936 году.

«Антикоминтерновский пакт», подписанный 25 ноября 1936 года, был, как сказал Риббентроп в концептуально важной ноте от 2 января 1938 года, направлен на то, чтобы ведомая Германией коалиция предоставила Британии единственный выбор – пойти в конце концов на соглашение, давая Германии свободу действий в Европе. Итак, сближаясь с Британией (или, по меньшей мере, нейтрализуя ее), следовало начать «собирать» немцев в Европе.

В «Майн кампф» Гитлер поставил задачу объединения Австрии и Германии. Включение Австрии в рейх служило предпосылкой всех прочих начинаний, а именно экспансии в юго-восточном направлении, о необходимости которой Гитлер заявлял с первых страниц сво-

ей книги. Объединение Германии и Австрии «должно быть достигнуто всеми возможными средствами, ценой всех наших жизней». Новое государство, «Дойчестеррайх», открыло бы для Германии «как дверь в Чехословакию, так и более величественный портал в юго-восточную Европу», — писал наблюдавший за Гитлером Черчилль.

Через полтора года после прихода Гитлера к власти, 25 июля 1934 года, эсэсовцы подразделения Штандарт-89, переодетые в форму австрийской армии, ворвались в канцелярию австрийского канцлера Дольфуса и смертельно ранили его с расстояния менее метра выстрелом в горло. В Баварии, на границе с Австрией, приготовился к переходу границы так называемый Австрийский легион, мюнхенское радио день и ночь призывало австрийцев присоединиться к фатерлянду. Но Гитлер недооценил силы антинацистской оппозиции, в частности клерикалов. Правительственные австрийские силы во главе с фон Шушнигом восстановили контроль над Веной. Муссолини, считавший католическую Австрию зоной своего влияния, мобилизовал итальянские силы у Бреннерского перевала.

В последний момент провозглашение в Берлине объединенной Великой Германии было отменено (в полночь после убийства Дольфуса). Берлинское радио сделало поворот на 180 градусов и осудило «жестокое убийство». Гитлеру стало ясно, что для активной внешней политики страна еще недостаточно сильна. Она не могла противостоять Советскому Союзу, Франции, Англии и Италии, выразившим заинтересованность в независимости Австрии. С этих критических дней Гитлер усилил политику тайного вооружения.

Второго августа 1934 года в возрасте восьмидесяти двух лет умер президент Гинденбург, и Гитлер объявил о совмещении поста канцлера с постом президента — он стал фюрером, вождем. Это было прямым нарушением конституции Веймарской республики, которая требовала передачи власти президента (в случае его смерти) председателю Верховного суда. Для придания своему шагу вида законности Гитлер провел плебисцит. По всей Германии маршировали штурмовики с лозунгом:

«Нам нужна власть — иначе смерть и разрушение!». На участки голосования пришло 42,5 миллиона человек (95 процентов избирателей), и 38 миллионов поддержали Гитлера. Он стал главой государства и главнокомандующим вооруженных сил. Теперь каждый немецкий офицер должен был присягать в личной верности фюреру — никакой прежний кайзер не мог и мечтать о таком обете личной верности военной касты. Офицеры были подчинены отныне не правительству и даже не стране, а одному человеку. И они присягнули в «безоговорочной покорности Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, верховному командующему вооруженных сил, быть готовыми, как смелые солдаты, рисковать своей жизнью в любое время после этой клятвы». Гитлер стал абсолютным вождем крупнейшей индустриальной страны Европы.

Ялмару Шахту было поручено планирование военной экономики, и тот в течение года вместе со своим штабом экономистов завершил подготовку перевода 240 тысяч предприятий на военные рельсы. В течение пяти лет была мобилизована германская индустрия и создано невиданное вооружение для разворачивающейся армии. Тем временем военные теоретики вырабатывали новую стратегию.

Реакция внешнего мира

Как реагировали соседи на этот опасный процесс? На Западе противником перевооружения Германии был находившийся тогда вне правительства У. Черчилль. Он начал бить тревогу уже в 1924 году, предупреждая, что «германская молодежь, увеличиваясь в числе подобно наводнению, никогда не примет условий и требований Версальского договора». Гитлер действительно никогда не отступался от этой мысли. В 1930 году он заявил открыто, что, если у него возникнет возможность сформировать национал-социалистское правительство, он и его сторонники «разорвут Версальский договор на части». После этого они вооружатся. «Я могу заверить вас, — обратился к нации фюрер, — что, как только национал-социалистское правительство победит в этой

борьбе, ноябрьская революция 1918 года будет отомщена и головы покатятся».

Когда союзники в 1945 году захватили архивы германского министерства иностранных дел, они нашли среди бумаг Риббентропа оценку взглядов Черчилля, сделанную 18 октября 1930 года: Черчилль убежден в том, что Гитлер, прирожденный обманщик, с охотой «заявит, что не имеет намерений вести против нас агрессивную войну. Но... они (немцы) постараются прибегнуть к оружию при первой же возможности».

Первое столкновение Черчилля с Гитлером относится к периоду предвыборной кампании в Германии в 1932 году. В одной из своих речей кандидат в канцлеры от НСДАП потребовал для Германии «свободы в военных вопросах». По мнению некоторых членов британского парламента, немцы имели право выдвигать такое требование. Черчилль придерживался другой точки зрения. В мае 1932 года он публично задает коллегам по Палате общин вопрос: «Вы хотите войны?». Двумя месяцами позже он отказывается положительно оценить конференцию в Лозанне, фактически покончившую с вопросом о военных репарациях Германии. Впервые он говорит, что Германия может перевооружиться, и цитирует недавнее заявление Гитлера, которого он называет «движущей силой, стоящей за германским правительством... причем эта сила может значить еще больше в будущем».

Заочное знакомство Черчилля с Гитлером едва не превратилось в очное. Собирая материалы по истории своего великого предка герцога Мальборо, Черчилль летом 1932 года в окружении небольшой группы друзей и родственников отправился по местам битв Мальборо на континент. Осмотрев поле битвы при Бленхейме, он остановился в мюнхенском отеле «Регина». Нацисты наблюдали за перемещениями своего лондонского недруга и в конце концов постарались начать процесс выяснения отношений. Для этого из их среды был избран Эрнест Ханфштенгль, сын миллионера и друг сына Черчилля Рэндольфа. Именно у него прятался Гитлер после неудачного путча 1923 года. Ханфштенгль присоединился к группе Черчилля. Во время коктейлей и

обедов он исполнял на рояле его любимые мелодии. На одном из таких собраний Ханфштенгль предложил британскому политику встретиться с Гитлером. Тот приходит в отель каждый день в пять часов вечера и готов обсудить некоторые международные проблемы. Черчилль поставил встречу под вопрос в самый последний момент: «Почему ваш шеф так непримирим в отношении евреев? Я могу понять враждебность в отношении евреев, которые причинили зло стране или выступают против нее, я могу понять выступления против них, если они пытаются монополизировать власть в любой сфере жизни, но каков смысл выступать против человека только из-за обстоятельств его рождения?»

На следующий день Ханфштенгль сообщил Черчиллю, что встреча не состоится. Как бы ища дополнительные аргументы для своего отказа, Гитлер говорил Ханфштенглю: «В любом случае, какую роль играет Черчилль? Он занимает место в оппозиции, и никто не обращает на него никакого внимания». Ханфштенгль парировал: «О Вас говорили то же самое». (Подобная несдержанность в конечном счете стоила Ханфштенглю его гражданства. Несмотря на оказанную им Гитлеру личную поддержку, Ханфштенгль вынужден был позднее покинуть Германию вместе с той группой интеллигенции, которая уже в первый год правления Гитлера включала в себя пять Нобелевских лауреатов.)

Еще до прихода Гитлера к власти Черчилль выступал против переговоров о даровании Германии права равенства в вооружениях. Вот выдержка из его речи в Палате общин: «Не обманывайте себя. Не позволяйте правительству Его Величества поверить — а я уверен, что оно не придет к такому заключению, — будто все, чего просит Германия, — это равный статус... Это вовсе не то, к чему стремится Германия. Все эти банды упорной тевтонской молодежи, марширующие по улицам и дорогам Германии с горящими глазами, ищут вовсе не равного статуса. Они жаждут получить оружие».

Эти идеи были далеки от популярности в Западной Европе. Когда Черчилль, выступая в Оксфорде, сказал, что Германия ввергла мир в руины, немецкий студент задал лектору вопрос: «Полагаете ли Вы, мистер Чер-

чилль, что германский народ, мужчины и женщины, которые живут в Германии сегодня, ответственны за войну? Ответьте прямо, да или нет». Черчилль посмотрел ему в лицо и сказал: «Да». Под бурные аплодисменты аудитории, одобрившей поведение студента, молодой немец вышел из аудитории. Затем Черчилля ждало еще одно унижение. Когда он провозгласил, что британское вооружение «существенно необходимо для безопасности нашего острова», зал разразился смехом. Черчилль повторил фразу, а смех стал еще более громким.

Над Черчиллем смеялись не только студенты. Все три премьера этого периода — лейборист Рамсей Макдональд, консерваторы Стэнли Болдуин и Невилл Чемберлен, — как и большинство правящего класса страны, не видели в трансформации Германии оснований для беспокойства. А между тем именно тогда терялось золотое время для остановки агрессора. Удивительно, как были слепы лучшие умы современности. Они верили, что могущество можно сохранить за счет сделки. Проведя с канцлером Гитлером один час, Дэвид Ллойд Джордж объявил, что оценивает его как «величайшего живущего немца». В британской «Дейли экспресс» Ллойд Джордж писал о Гитлере: «Прирожденный лидер; магнетическая, динамическая личность, характерная целеустремленность». В чем же была его цель? Оказывается, в стремлении к миру. «С Гитлером во главе Германия никогда не вторгнется ни в одну страну». Через год Ллойд Джордж добавил: «Я хотел бы видеть во главе нашей страны человека таких же выдающихся качеств». Даже группа англиканских священников выразила «безграничное восхищение моральной и этической стороной национал-социалистской программы, ее ярко выраженной поддержкой религии и христианства, ее этическими принципами, такими, как борьба с жестокостью в отношении животных, вивисекцией, сексуальной агрессивностью и т. п.». Английский журналист Вернон Бартлет, бравший у Гитлера интервью, буквально воспел его «огромные карие глаза — такие большие и такие карие, что поневоле становишься лиричным». И это при том, что у Гитлера были голубые глаза!

Но что там политики прошлого и увлекающиеся журналисты! Министр иностранных дел Джон Саймон

отмечал в Гитлере «скромность и желание уединиться, определенно мистический темперамент, отсутствие всякого интереса к делам Западной Европы». Саймону нужно было обладать незаурядным воображением, чтобы описать Гитлера королю как «австрийскую Жанну д'Арк с усами». Ведущий историк эпохи Арнольд Тойнби был «убежден в искренности Гитлера, в его желании сохранить мир в Европе и крепкую дружбу с Англией».

Наиболее проницательный политический обозреватель своего времени Уолтер Липпман, прослушав по радио 19 мая 1933 года выступление Гитлера, охарактеризовал его как «подлинно государственное обращение», дающее «убедительные доказательства доброй воли» Германии. «Мы снова услышали, сквозь туман и грохот, истинный голос подлинно цивилизованного народа. Я не только хотел бы верить в это, но, как мне представляется, все исторические свидетельства заставляют верить в это». Оказывается, преследование евреев служит «удовлетворению желания немцев кого-нибудь победить», это «своего рода громоотвод, который защищает Европу». И так писал Липпман!

Британская радиовещательная корпорация организовала в 1934 году серию передач под общим заглавием «Причины войны». В двух первых передачах ораторы говорили о злой роли «торговцев смертью», о вреде национализма, о сети дипломатических соглашений, которыми соседи окружили Германию, «ранив ее гордость». Шестнадцатого ноября, когда у микрофона встал Черчилль, англичане услышали нечто новое. Дипломатические попытки изолировать Третий рейх направлены на «обуздание агрессора», но — это должно особенно волновать европейцев — сдерживающие силы слишком слабы, им трудно будет выстоять против тевтонской мощи. А если эти силы ослабнут, серия кризисов приведет к войне. «Великие войны начинаются только тогда, когда обе стороны полагают, что у них хорошие шансы на победу». Черчилль призвал слушателей подумать о том, что всего лишь в нескольких часах полета от них находится семидесятимиллионная нация «самых образованных в мире, умелых, научно оснащенных, дисциплинированных людей, которых с детства учат

думать о войне и завоеваниях как о высшей доблести и о смерти на поле боя как о благороднейшей судьбе для мужчин. Эта нация отказалась от всех своих свобод, чтобы увеличить свою коллективную мощь. Эта нация, со своей силой и достоинствами, находится в объятиях нетерпимости и расового высокомерия, не ограниченного законом... Можем ли мы в таких обстоятельствах повернуться спиной к Европе?.. У нас есть лишь один выбор, это старый мрачный выбор, стоявший перед нашими предками: либо подчиниться воле сильнейшей нации, либо показать готовность защищать наши права, наши свободы и собственно наши жизни».

Уже после захвата Гитлером власти пресс-атташе германского посольства в Лондоне Фриц Гессе сообщил своему руководству о том, как Черчилль предлагал решить возникшую проблему: «Если собака попытается схватить меня за штаны, я застрелю ее прежде, чем она сумеет меня укусить». Прочитав это, Гитлер пробормотал, что Черчилль — «ненавистник немцев». Итак, оба политика определили, кто есть кто. Черчилль стойко держался своей точки зрения все 30-е годы. В 1935 году он писал, что немцы представляют собой «наиболее умелую, гибкую, жесткую и воинственную расу в мире», Гитлером владеет «страсть насилия, и он окружен такими же, как и он, безжалостными людьми». Но на скамьях Палаты общин Черчилля обычно слушали пять-шесть человек. Большинство депутатов, свидетельствует Гарольд Макмиллан, считали его реакционером, потерявшим связь с реальностью, многие даже сомневались в его умственном здоровье. В результате все предупреждения Черчилля о германской угрозе и подъеме нацизма не находили отклика ни у соотечественников, ни за рубежом.

Глава вторая
ВЕРСАЛЬ ОТБРОШЕН

Власть, будь она даже прочна или лишена основания в виде веры, является благом и проистекает от Бога.

Мартин Лютер. 1521 г.

Первого октября 1934 года Гитлер отдал приказ увеличить рейхсвер со 100 тысяч до 300 тысяч солдат. Одновременно министерство пропаганды получило распоряжение никогда не использовать термин «генеральный штаб». Генерал Кейтель призвал к осторожности: «Ни один документ не должен быть потерян, иначе им воспользуется вражеская пропаганда. Все, что сказано устно, мы можем отрицать». Адмирал Редер записал в дневнике: «Фюрер потребовал полного соблюдения секретности при строительстве подводных лодок». Гитлер призвал науку и промышленность решить проблему двух важнейших видов продукции, дефицит которых ослаблял Германию, — бензина и резины. Производство синтетического горючего достигло к 1937 году 300 тысяч тонн, а «И. Г. Фарбен» начала производить искусственный каучук из угля. В начале 1934 года планы мобилизации 240 тысяч предприятий на производство военной продукции были одобрены Рабочим комитетом совета обороны рейха.

Французы трепетали при этих первых признаках

военного возрождения германского колосса; англичане считали, что джентльменами можно сделать, лишь обращаясь как с джентльменами. В мае 1934 года британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон фактически предложил применить принцип равенства вооружений к Германии. Гитлер ждал еще почти год, прежде чем начал официально демонтировать Версальскую систему.

Что могли сделать потенциальные жертвы Германии? Не представляло секрета отношение к антибольшевистскому рейху Советской России, столь дружественно относившейся к предшествовавшему германскому режиму. Расходы на Красную Армию выросли с 1,4 млрд. рублей в 1933 г. до 5 млрд. рублей в 1934 г. Маршал Тухачевский начал реорганизацию и модернизацию Красной Армии. Сталин разделил Восточный и Западный фронты, способные действовать в автономном режиме. В конце 1933 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов на сессии ВЦИК говорил о начале нового периода международных отношений — периода империалистических войн. Литвинов процитировал «Майн кампф»: «Прорубить путь к расширению на Востоке с помощью огня и меча». В сентябре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, что означало выход Советской России из международной изоляции. Теперь официальная советская пропаганда указывала, что угрозой миру являются не самые сильные в послевоенном мире Франция и Британия, а «агрессивные фашистские» державы — Германия, Япония, Италия.

Министр иностранных дел Франции Луи Барту тоже читал «Майн кампф» и договорился в 1934 г. о подписании Францией и Россией взаимообязывающих соглашений. В октябре 1934 г. хорватские усташи убивают его в Марселе и ответственным за его инициативу становится Пьер Лаваль — единственный член кабинета, который не поддерживал линию Барту. 9 марта 1935 г. Гитлер объявил о том, что в Германии уже существуют военно-воздушные силы, а затем, 16 марта, о введении всеобщей воинской повинности и создании армии в 36 дивизий (550 тыс. человек). Английский посол в Берлине сэр Эрик Фипс словно прозрел: «Гитлер — фанатик,

он не удовлетворится ничем, кроме доминирования в Европе». Вооруженных действий следует ожидать, полагал посол, в 1935 году. Германское руководство предложило через Фипса поделить Европу между Англией и Германией. Реакция посла привела к тому, что Гитлер сообщил в Лондон, что «внешний вид» сэра Эрика Фипса ему «не нравится» и что двусторонние отношения значительно улучшились бы в случае его замены «более современным» дипломатом. Нового британского посла Гендерсона коллеги вскоре начали называть «наш нацистский посол в Берлине». Версальская глава в истории Европы была на этом закончена. Прибывшему в Берлин министру иностранных дел А. Идену фюрер германского рейха заявил, что, вооружаясь, Германия оказывает огромную услугу Европе, защищая ее от зла большевизма. Тогда СССР и Франция в мае 1935 года подписали договор о взаимопомощи, СССР подписал такой же договор с Чехословакией. Лига Наций на словах осудила действия немцев. Собравшись в Стрезе, Британия, Франция и Италия высказались против политики Германии, но никаких действий не последовало. Что ж, это поощрило Берлин.

Германское перевооружение

Двадцать первого мая 1935 года Гитлер переименовал рейхсвер в вермахт, себя назначил верховным главнокомандующим вооруженных сил (вермахта), министра обороны Бломберга сделал военным министром, присвоив ему титул командующего вооруженных сил. В рейхстаге Гитлер выступил с одной из самых сильных своих речей, своеобразным шедевром демагогии: «Кровь, пролитая на Европейском континенте за последние 300 лет, никак не соответствует национальным результатам событий. В конечном счете Франция осталась Францией, Германия — Германией, Польша — Польшей, а Италия — Италией. Все, чего удалось добиться династическому эгоизму, политическим страстям и патриотической слепоте в отношении якобы далеко идущих политических изменений с помощью рек пролитой крови, — все это в отношении национального чувства лишь слег-

ка коснулось кожи народов... Главный результат любой войны — это уничтожение цвета нации... Германия нуждается в мире и желает мира».

В ответ Британия, вместо того чтобы объявить блокаду Германии, сообщила о своей готовности подписать военно-морское соглашение, которое позволяло немцам построить флот тоннажем в одну треть британского. Это соглашение не ограничивало, а поощряло Германию — ее верфи были заполнены заказами на десять лет вперед. Гитлер заявил о своей готовности запретить тяжелые вооружения, тяжелые танки и тяжелую артиллерию, ограничить использование бомбардировщиков и отравляющих газов. Еще в «Майн кампф» он подчеркивал важность союза с Британией — «естественным союзником», обращенным к заокеанским колониям, не соприкасающимся с Германией на континенте. С его точки зрения, величайшей ошибкой кайзера было вступление в одновременный конфликт с Британией и Россией.

Члены британского кабинета министров встретились с послом Риббентропом 4 июня 1935 г. Их благожелательность распространялась настолько широко, что Германии было позволено иметь подводный флот в 45% британского. Страшный опыт почти задушенной в блокаде страны был забыт напрочь. (В 1938 г. Германия достигла равенства с Британией по этому виду вооружений). Лондон сделал свой шаг без совета и согласия Парижа и Рима. Оставленная в одиночестве Франция постаралась во второй половине 1935 г. достичь соглашения с Германией, премьер Лаваль стремился найти новую основу отношений с рейнским соседом.

Сталин усвоил урок. В Берлине его доверенное лицо Д. Канделаки начал завязывать контакты с высшими лицами рейха. И ответные действия не заставили себя ждать. Ялмар Шахт заявил о предоставлении России кредита в 500 млн. рейхсмарок. Канделаки попытался перевести сотрудничество в область безопасности. В декабре 1935 г. советские представители предложили дополнить Берлинский договор 1926 г. пактом о ненападении; в следующем 1936 г. советские предложения были повторены, но дело завершилось лишь банальным торгово-платежным соглашением.

Муссолини использовал практику односторонних действий и 5 октября 1935 года начал вооруженный захват Абиссинии, что привело немцев в восторг: если Муссолини споткнется об Абиссинию, это «вышибет» его из Европы и позволит Германии захватить Австрию. Если он победит в Африке, то вызовет неотвратимое и непоправимое отчуждение Британии и Франции. Совершилось как по писаному. Муссолини перестал опекать Австрию и рассорился с западными демократиями. Новая обстановка позволила Гитлеру сделать следующий шаг: 7 марта 1936 года германские войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область.

Переводчик Гитлера П. Шмидт вспоминает, как тот говорил: «Сорок восемь часов после вступления войск в Рейнланд были временем самого большого напряжения для моих нервов во всей моей жизни». Если бы французы двинулись в Рейнскую область, «мы должны были бы отступить, поджав хвост, поскольку военные ресурсы, имевшиеся в нашем распоряжении, были абсолютно недостаточны даже для слабого сопротивления».

Министр иностранных дел Франции П. Фланден вылетел в Лондон; 11 марта он просил британское правительство поддержать Францию в военном противодействии немцам в Рейнской области. Но британское правительство отказало в поддержке. Лорд Лотиан заметил: «В конце концов, немцы просто забираются в свой собственный задний дворик». Теперь Гитлеру стало ясно, что Париж и Лондон не готовы к серьезному сопротивлению Германии. Возможно, Гитлер в Берлине и Черчилль в Лондоне лучше других понимали, что возвращение немецких войск в Рейнскую область изменило баланс сил в Европе. Черчилль, чтобы побудить французов отреагировать на оккупацию немцами Рейнской области, изменил привычке всей жизни — встал на рассвете и выехал в Лондон для встречи с прибывшим сюда министром иностранных дел Франции Фланденом. Черчилль видел возможность мобилизации сил не только Франции и Англии, но и Польши, Чехословакии, Австрии, Югославии, Румынии. «Превосходящие силы будут в грядущей войне на стороне союзников. Для того, чтобы победить, им нужно только действовать». Вече-

ром перед комитетом по иностранным делам Палаты общин он развернул карту, на которой показал все страны, готовые помочь англо-французам в борьбе против Германии. Невилл Чемберлен беседовал с Фланденом 12 марта 1936 года. Он сказал, что общественное мнение страны не поддержит энергичных санкций. Ради умиротворения Гитлера он готов был предложить ему африканскую колонию. Чемберлен ошибался: Гитлер не нуждался в колониях, он желал одного — господства в Европе. Риббентроп объяснил молодому английскому министру иностранных дел Идену, что Германия заинтересована в «жизненном пространстве» Европы, причем преимущественно в восточной ее части.

Отчаявшийся Фланден на пресс-конференции в Лондоне предпочел забыть о дипломатическом языке. Обращаясь к журналистам, он сказал: «Сегодня весь мир и особенно малые нации смотрят на Англию. Англия, если она покажет способность к действию, поведет за собой всю Европу. Если нам четко обозначить курс своей политики, весь мир последует за нами, и мы предотвратим войну. Это наш последний шанс. Если вы не сможете остановить Германию сейчас, все кончено. Франция не сможет больше обеспечить свои гарантии Чехословакии, потому что это невозможно географически». Если Британия не выступит, Франция с ее небольшим населением и устаревшей промышленностью будет лежать у ног перевооружившейся Германии. Англия в состоянии сейчас достичь взаимопонимания с Гитлером, но оно не может быть продолжительным. Если Гитлера не остановить при помощи силы сегодня, война неизбежна.

Ему вторил посол СССР в Лондоне И. Майский 19 марта: «Есть люди, которые полагают, что война может быть локализована. Эти люди думают, что при определенных соглашениях война начнется, допустим, на востоке или на юго-востоке Европы, но обойдет стороной страны Западной Европы... Это величайший самообман... Мир — неделим».

В парламенте Черчилль посчитал момент подходящим, чтобы дать оценку всему происходящему. «Помня о гигантской силе и влиянии нашей страны, мы не

можем испытывать удовлетворение, глядя на нашу внешнюю политику последних пяти лет. Безусловно, это были годы бедствия... Каков главный факт, который мы должны учитывать? Вот он. Невероятный триумф нацистского режима. Нарушение демилитаризованного режима Рейнской области является серьезным обстоятельством с точки зрения угрозы, которой подвергаются Голландия, Бельгия и Франция. Когда эта область будет укреплена, она станет барьером у центральной двери Германии, давая ей свободу продвижения на востоке и на юге через свой черный ход». В то же время вся Европа, а особенно СССР, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, увидела, что Франция не готова дать отпор нарушителю Версальского договора. Европа вступила в новый период. Если сто дивизий Франции не осмелились противостоять трем батальонам в Рейнланде, на какую помощь могли рассчитывать ее союзники? В Германии Гитлер, действуя смело, укрепил свой контроль над военной кастой, которая почти вся была уверена в контрдействиях французов. На общенациональном референдуме 99 процентов немцев поддержали действия Гитлера, что упрочило его позиции и престиж.

Жалкое поведение западных союзников привело бельгийского короля Леопольда к заключению, что на таких союзников полагаться нельзя. Он денонсировал договор о военном союзе, подписанный двадцать лет назад. Теперь французские войска могли войти в Бельгию только после вторжения в нее Германии. По словам Алистера Хорна, британского военного историка, «стратегия «линии Мажино» (она простиралась от Швейцарии лишь до бельгийской границы) была разбита одним ударом.

Посол США Буллит сообщал в Вашингтон о своей беседе с германским министром иностранных дел фон Нейратом 18 мая 1936 года: «Фон Нейрат сказал, что Германия ничего не предпримет во внешней политике до тех пор, пока Рейнская область не будет переварена». Он объяснил, что имеет в виду следующие обстоятельства: пока не создана система германских укреплений на французской и бельгийской границах, германское правительство сделает все возможное, чтобы предотвра-

тить, а не поощрить выступления нацистов в Австрии, и будет придерживаться «тихой» дипломатии в отношении Чехословакии. Но «как только наши фортификации будут возведены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет войти на Германскую территорию по своему желанию, все эти страны будут чувствовать себя совершенно иначе в подходе к своей внешней политике, и в результате сложится новое соотношение сил».

Последствия рейнского эпизода сказались достаточно быстро. Австрийское правительство, чтобы не раздражать Германию, выпустило на свободу всех арестованных нацистов и пообещало Гитлеру действовать во внешней политике «как немецкое государство». Стало ясно, что Муссолини, увязнувший в Абиссинии, поссорившийся с Англией и Францией, перестал быть протектором Австрии.

Программа развития германской армии, принятая в августе 1936 г., создала наступательную силу вермахта. Конфликт в Испании сблизил два фашистских государства. Германский посол в Риме фон Хассель сообщал в декабре 1936 года в Берлин: «Роль, выполняемая испанским конфликтом в отношениях Италии с Францией и Англией, подобна роли абиссинского конфликта, он ясно показал противоположность интересов этих стран и предотвратил сползание Италии в сеть западных держав. Борьба за доминирующее политическое влияние в Испании создала естественное противостояние Италии и Франции; в то же время позиция Италии как державы западного Средиземноморья пришла в столкновение с позицией Британии. Со все большей ясностью Италия осознает желательность противостояния западным державам плечом к плечу с Германией».

Гитлер сказал 24 октября 1936 года зятю Муссолини — министру иностранных дел Италии Чиано в Берхтесгадене: «Дуче — лидирующий государственный деятель в мире, с ним никого нельзя сравнить даже отдаленно». Будучи вместе, Италия и Германия победят не только большевизм, но и Запад. «Германское и итальянское перевооружение протекает гораздо быстрее, чем перевооружение Англии... Через три года Германия

будет готова». Выступая в Милане, Муссолини заявил, что германо-итальянские отношения образуют «ось», вокруг которой теперь будет вращаться европейская политика. В Испании немцы и итальянцы опробовали свое оружие, испытали своих пилотов. Отвлекающая внимание Испания помогла Германии перевооружиться. Немцы определенно сблизились с итальянцами.

Теперь Гитлер попытался договориться с Англией. Он послал в Лондон своим представителем (в августе 1936 года) Риббентропа. На Востоке, ища союзников против СССР, он подписал 25 ноября 1936 года «Антикоминтерновский пакт» с Японией. Схема «Майн кампф» действовала.

17 декабря 1936 года Геринг, второе лицо в государстве, недавно назначенный ответственным за выполнение четырехлетнего плана, сказал на закрытом совещании промышленников Германии: «Битва, к которой мы приближаемся, требует колоссальной производительности. Предела процессу перевооружения не видно. Альтернативами являются победа или разрушение... Мы живем во время, когда на горизонте видна конечная битва. Мы уже на пороге мобилизации, и мы уже вступили в войну. Единственное, чего пока нет, это собственно стрельбы».

Необходимость вооружиться

Советский Союз, великая страна на востоке Европы, ощутил угрозу. 600-тысячная армия 1934 г. превратилась в 940-тысячную армию в 1935 г. Военные расходы голодного 1933 г. (1,5 млрд. рублей) достигли к 1938 г. 23 млрд. рублей. Вторая пятилетка создала военную промышленность на Урале и за ним. Плеяда полководцев во главе с начальником штаба Красной Армии М. Н. Тухачевским изучала передовой опыт ведения войны, совместные действия наземных и воздушных сил. За ними стояли самые большие людские ресурсы в мире и современная промышленность. Еще в начале 30-х годов Тухачевский создал общий план обороны страны, который пережил своего автора. Главной идеей этого плана было сосредоточение основных ударных сил на Украине, с тем чтобы

угрожать правому флангу агрессора, нападающего со стороны Польши.

В соответствии с избранной схемой обороны в начале 1936 года началось строительство оборонительных фортификационных укреплений. Тогда в мощь оборонительных сооружений беззаветно верили и на Западе («линия Мажино» во Франции, «линия Зигфрида» в Германии). Французы показали советским специалистам ряд секретов своей оборонительной системы. В результате была создана т. н. «линия Сталина» — местами более впечатляющая, чем французский прототип. Вот как описывала ее германская разведка: «Опасная комбинация бетона, полевых укреплений и естественных препятствий, противотанковых рвов, минных полей, болот вокруг фортов, искусственных озер, окруженных дефиле, с подрезанной растительностью полей, открывающей простор траектории пулеметного огня. Позиции защитников закамуфлированы с впечатляющим искусством... На фронте в 120 километров не менее чем двенадцать укрепленных рубежей, тщательно замаскированных и защищенных от легких бомб и снарядов 75- и 100-миллиметрового калибра. Тысячи надолбов и бревенчатых укрытий, которые атакующий обнаружит лишь тогда, когда будет поздно... Три ряда надолбов, покрытых колючей проволокой. Бетонные пирамиды...»

Несколько отрезков «линии Сталина» были действительно впечатляющими, особенно вокруг Пскова, Минска, Одессы. Но укрепленные районы не были в достаточной степени связаны между собой, не являлись сплошной оборонительной линией. (Название «линия» не соответствовало этому фортификационному сооружению. В 1941 году оно явилось своего рода географической иллюзией. Присоединенные в 1939 году территории заставили войска выйти из укрепрайонов. Сталин считал дополнительную территорию важнее стационарных укреплений. Это ослабило «линию Сталина», но не сделало более маневренными вышедшие навстречу своей судьбе войска). Советская закупочная комиссия приобрела быстроходный американский танк «Кристи», а в 1932 году был куплен британский шеститонный танк

компании «Виккерс», положивший начало серии танков Т-26.

Находящемуся в пике своей популярности и власти маршалу Тухачевскому Сталин позволил длительную поездку на Запад и в Германию. Как пишет А.Кларк, «в этом туре он вел себя особенно несдержанно — качество, если его энергично и постоянно не контролируют, составляющее часть национального характера. Может быть, самое важное из того, что сказал тогда словоохотливый военачальник, были слова, обращенные к немецкой аудитории: «Если дело дойдет до войны, страна, которую встретит Германия, не будет старой Россией... Но если Германия изменит свою позицию, ничто не помешает дальнейшему советско-германскому сотрудничеству, как это было тогда, когда в прошлом обе страны ощущали преимущества своей дружбы, ведь тогда они могут диктовать свои условия всему миру». Но в течение года по возвращении домой судьба Тухачевского оказалась трагически решенной Сталиным. Из восьмидесяти членов Военного совета состава 1934 года в живых к 1938 году остались лишь пятеро. Все одиннадцать заместителей наркома обороны были уничтожены. 40 тысяч высших офицеров Красной Армии — ее элита — были уничтожены в политических чистках 1936—1938 годов.

Как пишет А. Кларк, «в России офицерский корпус был не изолирован, а уничтожен. Когда чистки окончились, Красная Армия стояла покорной до точки потери сознания; готовой исполнять приказы, но без опыта; лишенной политического веса и амбиций за счет инициативы, склонности к экспериментированию и желания вводить новшества. Вставал вопрос, сможет ли их природный патриотизм, исконная любовь к матушке-России, которая звала вперед их предков при режимах еще более варварских и тиранических, чем сталинский, поднять их на отражение вторгшегося врага? Ибо это — и воля, и фатализм, и готовность принять страшные страдания — все, что представляют собой исконные русские качества, потребуется во всей полноте в первые ужасающие недели германского наступления».

В Советской России также изучался опыт военных

действий в Испании, однако выводы из него сделали явно ошибочные. Прибывший оттуда ведущий танковый специалист Павлов доложил Сталину и Ворошилову: «Танк не может играть независимой роли на поле боя». Танковые батальоны были рассредоточены как вспомогательные при пехотных дивизиях. Гордость Тухачевского — танковые корпуса были расформированы. Лишь очевидный опыт немцев в Польше и Франции заставил советское руководство лихорадочно снова собирать силы в кулак.

Армия обратилась к танкам в начале 1939 года. Было решено создать тяжелый танк и средний танк. Две машины привлекли внимание. Первая модель — «Клим Ворошилов», или КВ-1, — соответствовала лучшим мировым стандартам: дизельный мотор, одна башня, мощная броня, исключительно мощная 152 мм пушка. Красная Армия приняла этот танк на вооружение уже в 1939 году. После инспекции представленных образцов в августе основной задачей танкостроителей было — создать быстрый средний танк. Конструктор Кошкин разработал модель Т-34, которая в конечном счете превзошла по своим данным все конкурирующие модели. Особая сталь защищала экипаж, мощный и легкий мотор вместе с широкими гусеницами делал машину быстрой и надежной. Народный комиссариат обороны в конечном счете признал Т-34 лучшей машиной. Пройдет время, и весь мир оценит тридцатичетверку как лучшую машину Второй мировой войны.

Проблема на рубеже 40-х годов заключалась в том, что СССР имел множество устаревших моделей (общее число танков в СССР было большим, чем численность танков во всем остальном мире) и «смена поколений» происходила медленнее, чем требовалось. В 1940 году было произведено только 243 танка КВ и 115 танков Т-34.

Представляла собой проблему и структура танковых подразделений. В середине 30-х годов устойчивым образованием стала танковая бригада в 500 машин, но опыт мировой войны диктовал необходимость более крупных частей. Образование в три дивизии (две танковые и одна моторизованная) с общим количеством 1031 танк было пока только в проекте.

Не лучшие времена переживали автотранспортная и дорожная службы, что наглядно продемонстрировала война с Финляндией. 100 машин ГАЗ по заказу Генерального штаба прошли маршрутом Горький—Москва—Калинин—Ленинград—Карельский перешеек. Результат оказался просто удручающим. Многие машины на разбитых дорогах не вынесли тяжестей пути, малоопытные армейские шоферы терялись в сложном переходе. Недостаток запасных частей, суровость зимы, плохая организация обнажили слабые места огромной армии. Но принятое в конце финской войны решение стало худшим из возможных: закрыть слабое место вообще. При значительном давлении любимца Сталина — танкиста Д. Г. Павлова автотранспортная служба была расформирована. В условиях общей слабости службы тыла уничтожение специализированной транспортной структуры было очевидной ошибкой.

В средине 30-х годов СССР обладал весьма внушительной авиацией, особенно впечатляющей дальней бомбардировочной. Многомоторные бомбардировщики (особенно туполевского КБ — типа АНТ) могли достичь любой столицы Европы. Война в Испании, в которой советская авиация принимала действенное участие, несколько девальвировала значимость тяжелой авиации. Таков был, по крайней мере, вывод Смушкевича, руководившего авиацией республиканской Испании, который сделал доклад Сталину. И немцы и русские пришли к одному и тому же выводу: войска нуждаются в самолетах непосредственной воздушной поддержки в наступлении, в бою, в наземном маневрировании. Немцы создали «Мессершмитт-109», а наши конструкторы были остановлены волной политических чисток. Конструктор бомбардировщиков Туполев оказался арестованным (что дало шанс Петлякову), конструктор Калинин был расстрелян — он строил тяжелые самолеты. Ведущим строителем истребителей стал Яковлев. В результате Советская Россия подошла к мировой войне с огромным численно (5 000 единиц) самолетным парком, но современных машин было немного. Ситуация напоминала положение в танковых войсках.

Среди истребителей новые машины либо лежали в

чертежах, либо совершали первые полеты. МиГ-1, родоначальник славной династии, поднялся в небо в марте 1940 года. ЛаГГ-1 уже был в воздухе с марта 1939 года, а в 1940 году ему вдогонку взлетел ЛаГГ-3. Испытания Як-1 пришлись на лето 1940 года — именно он пошел в массовое производство, хотя в 1940 году было произведено лишь 64 машины. Лучший самолет Петлякова, бомбардировщик Пе-2, имел превосходные летные качества, но в 1940 году с конвейера сошли лишь две машины. А подлинно бесценная машина будущих боев — штурмовик Ил-2 КБ Ильюшина — тоже находилась лишь в начальной стадии массового производства. Что являлось зияющим провалом, так это эквивалент немецкой «рамы»— самолета-рекогносцировщика, способного руководить боем, обеспечивать данными о происходящем на поле боя и в окрестностях.

Профессор Бонч-Бруевич в 1936 году сумел создать прототип радара («Буря-1»). «Буря-2» и «Буря-3», созданные в 1939 году, уже имели радиус действия 17 километров. Затем последовали «Русь-1» и «Редут», ставшие основой современной противовоздушной обороны. К середине 1941 года 30 РЛС действовали в европейской части СССР, 45 — на Дальнем Востоке и в Закавказье.

Летом 1940 года учения РККА прошли по всей стране: негативный опыт финской кампании обязывал.

Умиротворение Германии

Гитлер продолжал считать, что на этом этапе согласие с Британией является ключевым элементом, оно развяжет Германии руки. Глава политического департамента, министерства иностранных дел, фон Вайцзеккер подписал 10 ноября 1937 года секретный меморандум, в котором говорилось: «От Британии мы можем требовать колоний и свободы действий на Востоке... Потребность Британии в спокойствии велика. Было бы полезно узнать, что Англия готова заплатить за такое спокойствие».

Весной 1937 года Гитлер решил постараться добиться от Англии признания лидерства Германии в Европе. Показательно, что он начал зондаж своих планов с

Черчилля. Чартвелского затворника пригласили 21 мая в германское посольство, и беседа с Риббентропом продолжалась полных два часа. Германский посол объявил, ни больше ни меньше, что фюрер решил гарантировать целостность Британской империи. Черчилль ответил, что эту задачу уже несколько столетий выполняет британский флот. Риббентроп предложил присовокупить германские гарантии. Чего же хотели немцы взамен? Это и было самым интересным для Черчилля. Риббентроп подошел к висящей на стене карте. Рейх нуждается в жизненном пространстве. Широким жестом посол обвел территорию, необходимую Германии. Рейх претендовал на всю Польшу, всю Украину, всю Белоруссию, что означало пятикратное увеличение его площади.

Черчилль выдержал долгую паузу. Затем он сказал, что, хоть англичане «находятся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидят коммунизм так же, как Гитлер, они все же не ненавидят ее настолько». Ни одно британское правительство не потерпит доминирования Германии в Центральной и Восточной Европе. В таком случае, ответил Риббентроп, война неизбежна. Черчилль предостерег посла: «Не недооценивайте Англию, не судите о ней по нынешней администрации. Британия необычная страна и не многие иностранцы могут ее понять... Она умна. Если вы ввергнете нас еще в одну великую войну, мы приведем с собой весь мир, как это было в последний раз». Риббентроп отмахнулся: «Да, Англия действительно, может быть, умна, но на этот раз она не приведет весь мир против Германии».

Теперь Черчилль еще внимательнее изучал карту Европы в своей чартвелской «комнате карт». Увеличилось число людей, которые, рискуя карьерой, готовы были снабжать его закрытой информацией. Необходимые сведения сообщали Черчиллю три члена кабинета Чемберлена, из военного министерства ему писал начальник Имперского генерального штаба сэр Эдмунд Айронсайд, из штаба ВВС — маршал военно-воздушных сил и несколько офицеров, из адмиралтейства — группа адмиралов, из министерства иностранных дел — ведущие чиновники. Лежа утром в постели и приступая к первому коктейлю, Черчилль сравнивал данные из Бер-

лина с сообщениями любовницы одного из помощников Муссолини, а также с донесениями послов практически изо всех крупных столиц. Три французских премьера — Блюм, Фланден и Даладье — присылали ему свои аналитические обзоры. Благодаря Даладье удалось выяснить, что за 1937 год немцы увеличили мощь своих вооруженных сил в семь раз.

Что же так успокаивало Лондон и Париж? Сейчас мы можем с полным основанием сказать: их поддерживала вера в то, что Гитлер не бросится на Запад, что его главный враг находится на Востоке. Германии гораздо выгоднее выступить против России — такой спасительной мысли придерживались в Британии Болдуин и Чемберлен. Они полагали, что от Гитлера можно откупиться, что есть цена, заплатив которую, можно обратить взоры рейха на Восток. С этого времени начинаются активные действия английской дипломатии по умиротворению Германии посредством дипломатических переговоров. Сейчас, имея перед собой документы и свидетельства современников, мы видим, что цены, за которую гитлеровская Германия отказалась бы от достижения гегемонии в Европе, просто не было. На Западе быстрее всех это понял Черчилль. Но это понимание отнюдь не увеличило его влияния в стране; напротив, отойдя от «основной дороги», «основного стереотипа мышления», он обрек себя на одиночество. Возможно, пиком его отстраненности Черчилля от политической жизни был 1937 год, когда его влияние в стране опустилось до нулевой отметки.

В мае 1937 года Стэнли Болдуин уступил пост премьер-министра Нэвиллу Чемберлену. Новые люди стали определять внешнюю политику страны, четверо из них были самыми влиятельными — сам премьер Чемберлен, Саймон, Гор и Галифакс.

Начиная новый тур примирения, Чемберлен послал виконта Галифакса на встречу с Гитлером в Берхтесгаден. Принятие приглашения немцев было откровенным ударом по союзнической солидарности с французами — их демонстративно не пригласили на встречу. Но дело не заладилось с самого начала. Прибыв в горное поместье Гитлера, Галифакс остался в машине — английские ви-

конты не открывают двери сами. Когда к машине приблизился человек в черных брюках, недовольный виконт попросил его поторопиться. Свою ошибку Галифакс понял только по реакции шофера, который, повернувшись, хрипло прошептал: «Фюрер!» Окончательно сокрушая приличия, Галифакс объяснил Гитлеру, в чем дело. Меньше всего Адольф Гитлер хотел, чтобы его принимали за слугу. И хотя английский лорд вслух посмеялся над своей оплошностью, начало уже было малообещающим.

Граница между смешным и серьезным вообще была смыта в ходе этой встречи. Гитлер посоветовал англичанам решить свои индийские проблемы расстрелом Ганди. Галифакс и слушавший его отчет Чемберлен пришли в восторг от юмора Гитлера. Представить себе, что фюрер был серьезен, они попросту не могли.

Чемберлен между тем вырабатывал свою внешнюю политику. Британии, по его мнению, следовало укрепить отношения с фашистской Италией и нацистской Германией, отодвигая на второй план дружбу с Францией. Так Чемберлен надеялся избежать европейского катаклизма. Как найти каналы сближения с Германией? Чемберлен пришел к выводу, что помочь этому может выделение ей нескольких колоний — наступала эра «колониального примирения». Таким образом, Чемберлен как бы отвечал на громогласные (в 1934—1938 годах) обвинения Гитлера в краже у Германии победителями в Первой мировой войне ее колониальных владений. Британский премьер решил открыто поднять вопрос о возвращении немцам части колоний. В начале 1938 года он предложил кабинету министров начать «совершенно новую главу в истории африканского колониального развития» посредством достижения договоренности с Германией, «превращения ее в одну из африканских колониальных держав, во владение которой будут даны некоторые территории». Политика Чемберлена была одобрена Галифаксом и послом в Берлине Гендерсоном. Министр же иностранных дел Иден не выразил особого энтузиазма. Карьера Идена, блестяще начатая, оказалась под угрозой.

Наибольшее сопротивление этой идее оказали французы. Они указывали, что бывшие немецкие колонии

получены англичанами в качестве подмандатных территорий Лиги Наций и они могут быть возвращены Лиге, но не Германии. Да и странно бы выглядела передача немцам колоний, население которых открыто рассматривалось ими как принадлежащее к заведомо низшей расе.

Англичане не вняли этим аргументам. Лорд Галифакс оповестил Риббентропа, немецкого посла в Лондоне, что Англия «готова пойти на уступки в колониальном вопросе». Что же может дать Германия взамен? Речь уже не шла о «равных» уступках, британское правительство просило о жестах «в направлении обеспечения мира в Европе». Чемберлен — это и ныне звучит фантастично — предложил Гитлеру не что иное как поделить французские колонии — Бельгийское Конго и Португальскую Анголу. Заинтригованный Гитлер спросил: а что, если европейские метрополии не согласятся? Чемберлен ответил, что не только Бельгия и Португалия, но и Франция «будут в конечном итоге участвовать в разрешении этого вопроса». (Попутно отметим, что Париж, Брюссель и Лиссабон не были об этом оповещены.) К счастью для Чемберлена, Гитлер опять поступил непредсказуемо — он отверг широкий английский жест. Пораженный Гендерсон 3 марта 1938 года услышал от фюрера, что тот не нуждается в колониях, — «они будут для меня лишь бременем». Этот вопрос может «подождать четыре, шесть, восемь или даже десять лет». Гендерсон и тот стал понимать (он записал это в дневник), что Гитлера не интересует достижение взаимопонимания с Великобританией, желанным для него было достижение доминирования в Центральной и Восточной Европе.

В стратегии умиротворителей наметился новый поворот. Об этом красноречиво свидетельствует выступление в Оксфорде одного из наиболее популярных английских журналистов — Доусона: «Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?».

Первые признаки грозы

Для того, чтобы понять, что привело германских солдат на нашу землю, следует особое внимание обратить на военно-политическую обстановку в Германии в те

месяцы, когда она официально отвергла версальские ограничения. Обратимся к сверхсекретному (сделано было лишь четыре копии) документу «Общая политическая ситуация», с которым военный министр Бломберг ознакомил глав трех родов войск 24 июля 1937 года. В преамбуле этой директивы говорилось, что положение Германии стабильно, ей не следует ожидать нападения ни с какой стороны. Ни западные державы, ни Россия не желают войны с Германией, да они попросту и не готовы к ней. «Тем не менее политически нестабильная мировая ситуация, не исключающая неожиданных инцидентов, требует от германских вооруженных сил постоянной готовности к войне, с тем чтобы сделать возможным военное использование политически благоприятных возможностей в случае их возникновения. Приготовления вооруженных сил к возможной войне в мобилизационный период 1937—1938 годов должны проводиться с учетом указанной точки зрения».

Предусматривалось два вида военных действий, готовиться к которым следовало начинать заранее.

I. Война на два фронта с основным упором на Запад (стратегический план «Рот»).

II. Война на два фронта с главным упором на Юго-Восток (стратегический план «Грюн»).

В первом случае главным противником была бы Франция. Во втором война на Востоке могла начаться с «неожиданного германского нападения на Чехословакию с целью парировать выступление превосходящей коалиции противника. Необходимые условия оправдания таких действий политически и в глазах международного права должны быть созданы заранее». Предполагалось Чехословакию «элиминировать с самого начала» и оккупировать.

Были предусмотрены также три случая «особых приготовлений».

I. Вооруженная интервенция против Австрии (особый план «Отто»).

II. Военные осложнения отношений с Красной Испанией (особый план «Рихард»).

III. Англия, Польша и Литва «участвуют в войне против нас» (продолжение планов «Рот»/»Грюн»).

Примечательно, что в этом документе скептически оценивается возможность примирения с Англией, которая «будет использовать все находящиеся в ее распоряжении экономические и военные ресурсы против нас». И если она присоединится к Польше и Литве, в Германии «военное положение ухудшится до непереносимого состояния, почти безнадежного. Политические лидеры поэтому должны сделать все, чтобы сохранить эти страны нейтральными, особенно Англию».

Милитаристские планы Германии получили дальнейшее развитие в ходе совещания 5 ноября 1937 года на Вильгельмштрассе самого узкого круга военных и политиков (военный министр Бломберг, начальник штаба армии фон Фрич, командующий военно-воздушных сил Геринг, министр иностранных дел фон Нейрат, военный адъютант фюрера полковник Хосбах). Заседание шло под председательством Гитлера. Хосбах вел протокол, дающий нам возможность проникнуть в темный мир, порождающий войну.

Гитлер заявил, что опыт четырех с половиной лет пребывания у власти позволил ему прийти к некоторым выводам. (Он придавал им настолько важное значение, что просил, в случае его гибели, рассматривать их как свое политическое завещание.) 85 млн. немцев скучены на узком пространстве, страдая более чем какой-либо другой народ. «Цель германской политики — обеспечить и сохранить расовое сообщество, расширить сферу его действия. Поэтому встает вопрос о жизненном пространстве. Немцы имеют право жить на большем жизненном пространстве, чем другие народы... Будущее Германии полностью зависит от разрешения проблемы ее жизненного пространства... Единственное средство — приобрести большее жизненное пространство. История всех времен, в частности история Римской и Британской империй, показала, что экспансия может осуществляться лишь путем борьбы с окружающим миром и при условии готовности к риску... Никогда еще не было владения без хозяина, и нет такового сегодня; нападающий всегда выступает против владельца». Главными объектами в политических устремлениях Германии являются Британия, Франция и Россия. «Проблема Гер-

мании может быть решена лишь обращением к оружию, а это всегда сопровождается наличием риска... Остается ответить на вопросы «где» и «когда».

По мнению Гитлера, отмечает Хосбах, силовые решения должны были быть приняты до 1943—1945 годов, после этого периода «можно ожидать лишь перемены ситуации не в нашу пользу». «Жизненное пространство нужно искать в Европе, а не за морем. Оснащение армии, флота и воздушных сил почти завершено. Оружие и техника отвечают требованиям сегодняшнего дня; в дальнейшем возникает опасность их устаревания... Внешний мир будет крепить свою оборону, и мы должны предпринять наступление заранее... Можно полагаться на несгибаемую решимость фюрера разрешить проблему пространства для Германии до 1943—45 годов... Наша первая задача заключается в одновременном захвате Чехословакии и Австрии с целью уничтожения угрозы нашему флангу в любых возможных операциях против Запада». Границы станут короче и более удобны для обороны. Аннексия этих двух государств будет означать «приобретение продуктов питания для 5-6 млн. человек, учитывая тот факт, что вполне предсказуема принудительная эмиграция 2 млн. человек из Чехословакии и одного миллиона из Австрии». Гитлер ни разу не упомянул об «освобождении судетских немцев» — основной мотив его публичных выступлений. Просто «чехов надо раздавить».

На дальнейшем следует сосредоточить особое внимание. Гитлер выразил полную убежденность в том, что «Британия и, возможно, Франция уже втайне списали чехов со счетов». Позиция Британии будет иметь исключительное значение для Франции, но в решающий момент англичане дрогнут. «Трудности, связанные с империей, а также перспектива быть втянутой еще раз в длительную европейскую войну, оказались для Британии решающими доводами против участия ее в войне против Германии... Таким образом, очень маловероятно нападение со стороны Франции без британской поддержки». Захват Чехословакии и Австрии вольет в население рейха еще двенадцать миллионов человек, даст дополнительные источники питания для пяти-шести

миллионов жителей рейха, возможность мобилизовать еще двенадцать дивизий. Советский Союз, по мнению Гитлера, не выступит «в свете позиции Японии».

Сохраненный и зачитанный на Нюрнбергском процессе документ ясно свидетельствует о том, что уже в конце 1937 года нацистское руководство Германии было готово к войне. Следующий — 1938 — год объявлялся Гитлером приемлемой датой начала европейской войны, которую следовало завершить не позднее 1943—1945 годов. В своей более чем четырехчасовой речи Гитлер сообщил, что намерен продлить войну в Испании, помимо прочего, потому, что это может привести Италию к вооруженному конфликту с Англией и Францией. Это откроет Германии путь к решению чешского и австрийского вопросов. Аннексия Австрии и Чехословакии резко улучшит стратегическое положение Германии.

В конце совещания Гитлер позволил присутствующим высказать свои мнения. Оппозиция обнаружилась довольно быстро. Триумвират дипломата и военных — Нейрат, Бломберг и Фрич — заявил, что мысль о возможности войны между Британией и Италией является абсурдной. У Чехословакии военный союз с Францией. Французы заключили пакт с СССР. Всего два месяца назад французский министр иностранных дел подчеркнул, что Франция выполнит свои союзнические обязательства, и в этом случае, как сообщил британский Форин оффис, Англия последует за Францией. Гитлер не забыл ни слова и вскоре порвал с традиционной элитой. Не прошло и трех месяцев, как Нейрат уступил портфель министра иностранных дел Риббентропу. Бломберг был уволен на том основании, что его жена прежде занималась проституцией. Фон Фрича обвинили в гомосексуализме. Аристократ фон Фрич потребовал военного трибунала. Не имея доказательств, Гитлер попросту его уволил, приняв на себя 4 февраля 1938 года командование германскими вооруженными силами.

Встретив как-то в театре журналиста Вальтера Функа, Гитлер отвел его в сторону и попросил взять на себя пост Ялмара Шахта, министра экономики, и следовать указаниям уполномоченного за выполнение четырехлетнего плана Геринга. Министерство финансов, мини-

стерство иностранных дел и, главное, армия к весне 1938 г. были подчинены диктатору полностью.

Уже к марту 1938 года он командовал 4 миллионами хорошо обученных и вооруженных солдат и офицеров. Пришло время реализации плана «Отто». Из Лондона Риббентроп докладывал: Англия не сделает ничего ради Австрии, даже если Германия прибегнет к силе, важно лишь, чтобы «решение» было быстрым.

Поглощение Австрии

Вечером 11 февраля 1938 года в обстановке строжайшей секретности австрийский канцлер Шушниг прибыл в Зальцбург и на автомобиле пересек германскую границу, чтобы встретить в Берхтесгадене Гитлера. Посланный Гитлером фон Папен спросил у канцлера, не будет ли он протестовать против присутствия на встрече «случайно» прибывших в Берхтесгаден Кейтеля (недавно назначенного руководителем ОКВ — главного командования вермахта), Рейхенау, возглавлявшего армейские силы, стоящие на германо-австрийской границе, и Шперле — командира авиации в данном районе.

Гитлер, одетый в черные брюки и коричневую рубашку, встретил Шушнига в окружении трех генералов. Австриец встретил австрийца. Шушнига трудно было назвать слабым человеком, ему шел всего сорок второй год, он получил безукоризненное образование, в частности у иезуитов. В лучших традициях своего воспитания он начал беседу восторгами по поводу альпийских видов из окон кабинета фюрера. Тот оборвал его словами: «Мы собрались здесь рассуждать не о видах и погоде». В написанном по памяти отчете австрийского канцлера дальнейшее обозначается как «односторонняя беседа». Смысл монолога Гитлера заключался в следующем: «Германский рейх является одной из величайших держав, и никто не поднимет свой голос, когда он решает проблемы на своих границах». Гитлер был неудержим: «Я исполняю историческую миссию, и я завершу ее, потому что меня избрало Провидение... Кто не со мною, будет сокрушен... Я избрал самую трудную дорогу, по которой когда-либо шел немец; у меня самые большие достиже-

ния за всю историю Германии, более великие, чем у любого немца».

Будущее Австрии, заявил фюрер, связано с будущим Германии. «Стоит мне лишь отдать приказ, и в течение одной ночи весь ваш смехотворный оборонный механизм рассыплется на куски... Я хотел бы, чтобы Австрия избежала такой судьбы, потому что она означает пролитие крови. За армией мои СА и «Австрийский легион» войдут в страну, и никто не сможет предотвратить их месть». Может ли кто помешать Германии? «Ни секунды не думайте о том, что кто-либо на земле сможет противостоять моим решениям. Италия? Мы нашли с Муссолини согласие... Англия? Англия не пошевелит даже пальцем ради Австрии. Франция? Она могла остановить Германию в Рейнской области, но сегодня время для Франции упущено».

Во время ленча, пишет Шушниг, Гитлер позволил себе расслабиться. Он воодушевленно говорил о лошадях и о том, что намерен построить небоскребы такой высоты, что сами американцы будут поражены. Но ленч закончился, и новый германский министр иностранных дел Риббентроп вручил Шушнигу проект «соглашения», подчеркнув, что это окончательный вариант. В нем содержалось требование сдаться в течение недели, отменить запрет на деятельность австрийской нацистской партии, а ее лидера доктора Зейсс-Инкварта назначить министром внутренних дел. Другому нацисту — Глейзе-Хорстенау следовало дать пост военного министра. Кроме того, должны быть сделаны приготовления для ассимиляции австрийцев в германскую экономическую систему.

Австрийский канцлер не решался подписать документ о капитуляции своей страны. Гитлер, якобы потеряв терпение, открыл дверь кабинета и громко позвал: «Генерал Кейтель!». Затем, обернувшись к Шушнигу, добавил: «А вас я вызову позже». Папен свидетельствует, что после ухода Шушнига Гитлер встретил Кейтеля широкой ухмылкой: «К вам у меня нет приказов, я просто хотел убедиться, что вы здесь».

Через полчаса Шушниг (который, по его словам, ожидал ареста) подписал смертный приговор своей стра-

не. По собственной оценке канцлера, принятие условий Гитлера означало «окончание независимости австрийского правительства». Шушниг отказался от ужина и направился в сопровождении фон Папена к австрийской границе.

Шестнадцатого февраля было объявлено об амнистии членов национал-социалистской партии и о реорганизации кабинета. Через четыре дня Гитлер выступил в рейхстаге: «Более десяти миллионов немцев живут в двух соседних государствах... Для мировой державы невыносимо знать, что братья по расе претерпевают суровые лишения из-за их симпатии ко всей нации, ее судьбе и взгляду на мир. Интересам германского рейха будет служить защита этих немцев». Толпы нацистов слушали эту речь в Австрии. Они срывали красно-бело-красные австрийские знамена, водружая красные знамена со свастикой. Полиция, руководимая теперь Зейсс-Инквартом, не вмешивалась в действия нацистов. Шушниг попытался обратиться к профсоюзам, в которых преобладали социал-демократы и которые вели за собой более 40 процентов избирателей. Те готовы были помочь при одном условии (уже дарованном нацистам) — праве на создание своей партии. Канцлер согласился, но было уже поздно.

Последним шансом Шушнига являлось проведение в Австрии общенационального плебисцита. Ставился вопрос: «Выступаете ли вы за свободную, независимую, социальную, христианскую и единую Австрию — да или нет?». Объявление о плебисците было сделано 9 марта, сам плебисцит должен был состояться 13 марта 1938 года, а 10 марта Гитлер приказал привести в состояние боевой готовности три армейских корпуса и военно-воздушные силы. В два часа ночи 11 марта Гитлер издал директиву номер один по плану «Отто»: «1. Если все другие меры окажутся безуспешными, я намерен вторгнуться в Австрию для создания конституционных условий и для предотвращения дальнейших оскорблений прогерманского населения. 2. Я беру на себя руководство всей операцией... 4. Подразделения армии и военно-воздушных сил должны быть готовы к вторжению 12 марта 1938 года самое позднее до 12.00... 5. Поведение войск должно

создать впечатление, что мы не желаем вести боевых действий против наших австрийских братьев. Если же, однако, возникнет сопротивление, оно должно быть безжалостно подавлено силой оружия».

Гитлеру необходимо было заручиться согласием прежнего протектора Австрии — Муссолини. Во второй половине дня 10 марта специальный самолет принца Филиппа Гессенского взлетел с письмом Гитлера Муссолини. В нем говорилось, что Австрия и Чехословакия намерены восстановить династию Габсбургов и бросить массу по меньшей мере двадцати миллионов человек против Германии. Гитлер писал, что в критический для Италии час он оказал ей помощь, а сейчас пришло время Муссолини поддержать Берлин. Из Рима в Вену была послана телеграмма: «Итальянское правительство объявляет, что оно не в состоянии дать совет в текущей ситуации». Австрийские нацисты к тому времени уже завладели центром Вены. Шушниг выступил по национальному радио со словами: «Президент Миклаш попросил меня сказать австрийскому народу, что мы уступаем силе, поскольку мы не готовы даже в этот ужасный час пролить кровь. Мы отдали войскам приказ не оказывать сопротивления». Из Рима принц Филипп Гессенский позвонил Гитлеру: «Муссолини сказал, что он не имеет к Австрии никакого отношения». Гитлер ответил: «Скажите Муссолини, что я никогда не забуду ему этого!»

В этот трагический час крушения Сен-Жерменского договора, запрещавшего слияние Германии и Австрии, Франция (как это часто бывало) оказалась без правительства: 10 марта подал в отставку кабинет Шотана. В Англии министр иностранных дел Иден также подал в отставку, не согласный с политикой умиротворения Муссолини. Его сменил на этом посту лорд Галифакс. Риббентроп, который завершал свои дела в Лондоне, прежде чем обосноваться на Вильгельмштрассе, после беседы с Галифаксом 10 марта сообщил в Берлин, что «Англия ничего не сделает в отношении Австрии». В эти же дни нарком Литвинов предупредил ЦК ВКП(б): «Аннексия Австрии — важнейшее событие со времени мировой

войны, оно влечет за собой огромную опасность, в том числе и для СССР».

Получив гарантии Муссолини, Гитлер теперь беспокоился по поводу реакции Чехословакии. Вечером 11 марта маршал Геринг разыскал в Государственной опере посла Чехословакии доктора Мастны и дал ему слово чести, что Чехословакии нечего бояться Германии, что вхождение германских войск в Австрию «семейное дело», что Гитлер желает улучшения отношений с Прагой. Мастны позвонил в свое министерство иностранных дел, вернулся в зал и сказал Герингу, что чешская армия не мобилизуется и у Чехословакии нет намерения вмешиваться в события, связанные с Австрией. Тридцатого марта Гитлер возложил венок на могилу своих родителей и выступил в Линце: «Провидение однажды позвало меня отсюда для того, чтобы сделать фюрером рейха, и я теперь возвращаю мою родину германскому рейху». Именно в этом городе была объявлена недействительной статья 88 Сен-Жерменского договора, провозгласившая независимость Австрии.

Советское правительство 17 марта 1938 года предложило созвать международную конференцию с целью определения метода предотвращения дальнейшей германской агрессии. Как пишет английский историк А. Буллок, «Сталин ясно понимал, что курс, взятый Гитлером, приведет к войне, если фюрера не остановить; ему было очевидно, что поставить заслон на пути агрессора — в общих интересах и что великим державам удастся заставить Гитлера отступить, если они будут действовать сообща». Советский посол сообщил президенту Бенешу, что СССР готов предпринять необходимые шаги для гарантии безопасности Чехословакии. (По иронии истории, именно Бенеш при подписании советско-чешского договора настоял на том, чтобы взаимопомощь была обусловлена выполнением своих обязательств Францией).

Франция, увы, не дала ответа вовсе. Британский премьер Чемберлен 24 марта в Палате общин отверг советское предложение: «Неизбежным следствием любого подобного действия было бы усиление тенденции в пользу создания закрытых групп наций, что осложняет

возможности достижения европейского мира». Словно уже не был подписан «Антикоминтерновский пакт» и против Британии не действовала «ось» Берлин — Рим. Позволив Гитлеру завладеть Австрией, европейские правительства предали те силы в этой стране, которые выступали против аншлюса и нацизма. В течение первого месяца после вхождения в Австрию германских войск лишь в одной Вене было арестовано семьдесят тысяч человек. Протест посла Гендерсона вызвал следующую реакцию Вильгельмштрассе: «Отношения между рейхом и Австрией могут рассматриваться лишь как внутреннее дело германского народа».

В Палате общин Черчилль произнес речь, которую Никольсон назвал «лучшей речью в его жизни». Овладение нацистами Веной, «центром всех коммуникаций всех стран, которые входили в старую Австро-Венгерскую империю, и всех стран, лежащих на юго-востоке Европы», создает угрозу для всего Дунайского бассейна, особенно для Чехословакии. Черчилль напомнил слушателям, что чешская армия в три раза превосходит по численности английскую, ее военные запасы втрое превышают итальянские.

Первые слова Черчилля были встречены смехом. Он оборвал смеющихся: «Смейтесь, но слушайте», — и обратил внимание присутствующих на три государства Малой Антанты — Чехословакию, Румынию и Югославию. Они являлись странами «второго ранга», но, вместе взятые, образовывали мощную силу. Первая страна давала военные заводы, вторая — нефть, третья — жизненно важное сырье. Перед каждой теперь стояла альтернатива: подчиниться, подобно Австрии, или предпринять эффективные меры самозащиты. Малой Антанте следовало сблизиться с двумя другими дунайскими странами — Венгрией и Болгарией. Это поставит заслон движению рейха на Восток. В то же время Британия и Франция должны пообещать начать боевые действия против Германии в случае ее нападения на любую страну в Восточной Европе. Перед Германией тогда встанет опасность ведения войны на два фронта. Если намеченные планы привести в исполнение в 1938 году («а это последний срок»), то войны еще можно будет избежать.

Эта речь имела отклики повсюду. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов публично одобрил предложения Черчилля. Во Франции слышались голоса поддержки.

Но, как отмечал в дневнике Гарольд Никольсон, «правительство предало свою страну, эти тори думают только о красной опасности и ведут дело к распаду империи». Лорд Бусби писал: «С 1935 по 1939 год я наблюдал политических лидеров Британии, и я пришел к выводу, который с тех пор не изменился: исключая двоих, Уинстона Черчилля и Леопольда Эмери, они были запуганными людьми... жалкой комбинацией трусости и жадности».

Премьер Чемберлен 18 марта 1938 года сообщил своему кабинету, что претензии Гитлера, по его убеждению, ограничены в Европе Судетами. Черчилль в тот же день прокомментировал это заявление: «Если смертельная катастрофа вовлечет в себя британскую нацию и Британскую империю, историки через тысячу лет будут озадаченно размышлять над тайной наших поступков. Они никогда не поймут, как могла эта победоносная нация, имея все в своих руках, упасть так низко, отказаться от всего, чем она овладела благодаря безмерным жертвам и абсолютной победе, — все оказалось унесенным ветром! Ныне победители унижены, а те, кто бросил свое оружие и просил о перемирии, устремились к мировому господству. Происходит гигантская трансформация... Наступило время поднять за собой нацию. Мы должны преодолеть все препятствия и постараться объединить силу и дух нашего народа, снова поднять британскую нацию перед всем миром; ибо эта нация, восстав в своей прежней энергии, может даже в этот час спасти цивилизацию».

Ни одна из популярных газет не поместила этой речи, зато все опубликовали полное изложение речи премьера Чемберлена. «Гардиан» писала: «Мистер Чемберлен возобладал над противниками в собственном лагере». На следующий день «Ивнинг стандард» расторгла контракт с Черчиллем, поскольку, как объяснял редактор, его взгляды на внешнюю политику «совершенно очевидно противоречат воззрениям нации».

Глава третья
ГЕРМАНСКИЕ ПЛАНЫ В ЕВРОПЕ

Неопределенность и случай являются нераздельными характеристиками войны. Никакое знание не может предугадать их, самый яркий интеллект не может предсказать обстоятельств будущего. Только воля командира доминирует над обстоятельствами.

Ганс фон Сект. 1929 г.

Гитлер ненавидел чехов со времен своей жизни в Вене (славянские «недочеловеки»). Послевоенную Чехословакию он воспринимал как «искусственное порождение Версаля». Субсидирование судетских немцев-сепаратистов началось в 1935 г. План «рещения» проблемы вырабатывался совместно с лидером судетских немцев Гейнлейном в Берлине 28—29 марта 1938 г. Гейнлейн сразу же понял свою задачу: «Мы должны предъявить требования, которые невозможно удовлетворить».

Двадцать первого апреля 1938 года Гитлер призвал к себе генерала Кейтеля. Благодаря стенографическим записям майора Шмундта, военного помощника Гитлера, в нашем распоряжении есть отчет об этой встрече, во время которой, по существу, была решена судьба Чехословакии. Гитлер считал, что необходимы «молниеносные действия, основанные на инциденте (например, убийство германского посла во время антигерманской

демонстрации)... Первые четыре дня военных действий в политическом смысле являются решающими. Если нам не будет сопутствовать военный успех, определенно возникнет европейский кризис. Свершившееся же действие должно убедить иностранные державы в безнадежности военного вмешательства». Кейтелю поручалось подготовить план внезапного нападения, с тем чтобы сокрушить чешские заградотряды и одержать решающую победу не позднее чем в четырехдневный срок — чтобы союзники не смогли прийти на помощь Чехословакии.

Детально разработанная директива по плану «Грюн» появилась в Берлине 20 мая 1938 года. Ее язык лучше, чем что-либо другое, характеризует гитлеризм: «Моим намерением является сокрушение Чехословакии путем проведения военной операции в ближайшем будущем». Быстрота осуществления военной операции должна продемонстрировать враждебным государствам «безнадежность чешской позиции с военной точки зрения, а также обеспечить стимулы тем государствам, которые имеют территориальные претензии к Чехословакии, с тем чтобы они присоединились к действиям против нее». Гитлер имел в виду Польшу и Венгрию. Обращает на себя внимание следующий факт: Гитлер считал сомнительным выполнение французами своих обязательств в отношении Чехословакии, но предупреждал, что следует ожидать попытки России предоставить Чехословакии военную помощь. Немцы были настолько уверены в том, что французы не окажут поддержки своему союзнику, что Гитлер и Кейтель специально оговорили: «Минимум сил должен быть оставлен для прикрытия операции с запада».

Трагические черты приобретает вся европейская ситуация. Гитлер и его окружение впервые формулируют «свой» способ ведения войны, тотальной и лишенной «предрассудков». Частью войны становятся пропаганда и экономика. «Пропагандистская война должна, с одной стороны, запугать чехов посредством угроз и низвести до нуля их способность к сопротивлению; с другой стороны, она должна показать национальным меньшинствам, как следует поддерживать наши военные опера-

ции, влиять на нейтралов в позитивном для нас направлении. Экономическая война имеет своей целью использование всех наличных экономических ресурсов с целью ускорения коллапса чехов». Но затем экономический потенциал противника должен быть восстановлен: «Чешские индустриальные и инженерные мощности могут иметь решающее значение для нас».

Весь май пропагандистская машина Геббельса снабжала мир историями о «терроре чехов» против немцев Судетской области — трех миллионов немцев, бывших до 1918 года подданными Австро-Венгрии.

Чешская разведка сумела добыть документы, свидетельствующие о готовящихся немецких военных действиях. Начальник генерального штаба Чехословакии генерал Крейци 21 мая сообщил германскому военному атташе полковнику Туссену, что у него есть неопровержимые доказательства того, что в Саксонии сконцентрировано от восьми до десяти дивизий. Президент Бенеш объявил о частичной мобилизации. Известный американский журналист историк У. Ширер, находившийся в это время в Германии, позднее писал: «Если бы Чемберлен открыто сказал в этот момент, что Британия сделает то, что она в конечном счете и сделала перед лицом нацистской агрессии, фюрер никогда бы не бросился в авантюру, вызвавшую Вторую мировую войну,— это подтверждается последующим изучением секретных германских документов».

Прежде чем броситься на Чехословакию, Гитлер решил посетить ближайшего союзника. Празднование 49-летия ввело его в минор — его могут убить на пути в Италию. Всю дорогу на Апеннины он составлял завещание и приводил в порядок свои дела. За исключением подарков родственникам, все свое имущество, Бергхоф, мебель и картины он завещал нацистской партии. Он оплатил поездку в Италию Евы Браун, но она постоянно была в отдалении, лишь из толпы наблюдая за фюрером, сидевшим в автомобиле рядом с королем Виктором-Эммануилом. В то же время германские войска концентрировались на границе с Чехословакией.

Гитлер, ощутив слабость и колебание потенциальных противников, 28 мая 1938 года созвал верхушку

генералитета в рейхсканцелярию. Через восемь месяцев он рассказал об этой встрече рейхстагу: «Я решил раз и навсегда покончить с судетским вопросом. 28 мая я приказал: 1. Приготовления к военной акции против этого государства должны быть сделаны ко 2 октября. 2. Строительство наших оборонительных рубежей на Западе должно быть ускорено... Должна быть запланирована мобилизация 96 дивизий».

В эти дни начальником штаба германской армии становится пятидесятичетырехлетний генерал из Баварии Ф. Гальдер, которому придется активнейшим образом участвовать в разработке плана «Барбаросса». Гальдер прервал традицию — впервые штаб германской армии возглавил не прусский протестант, а баварский католик, хобби которого были математика и ботаника. Он производил впечатление университетского ученого. История испытала его моральную стойкость: временами сомневаясь в нацизме, Гальдер в конечном счете верно служил Гитлеру.

Британия склоняется

В правящих кругах Британии между тем крепло ощущение, что пора отходить от увлеченной социалистическими экспериментами Франции и использовать все возможности для заключения союза с новой Германией ради создания единого фронта против Советского Союза. Это настроение повлияло на судьбу Судетской области. Посол Британии в Берлине не питал по этому поводу никаких сомнений. Он характеризовал чехов как «свиноголовую расу», а президента Бенеша, выпускника Карлова, Парижского и Дижонского университетов, как «самого свиноголового в своем стаде». Немцам он говорил: «Великобритания не собирается рисковать ни одним своим матросом или летчиком ради Чехословакии».

Оставалось определить позицию Советского Союза, который явно был заинтересован в сохранении линии чешских крепостей на границе с рейхом. Не зря Гитлер называл Чехословакию «авианосцем Советской России». Но умиротворители во главе с Чемберленом делали вид, что великой страны на Востоке не существует. По край-

ней мере, все дипломатические демарши Литвинова были безуспешны. Обращаясь к французскому поверенному в делах в Москве, Литвинов предложил «немедленно начать штабные переговоры между советскими, французскими и чешскими экспертами». Министр иностранных дел Франции Бонне никому не сказал о советском предложении. Более того, через два дня он заявил британскому послу в Париже, что Румыния не позволит русским военным самолетам нарушать воздушное пространство. И это при том, что у англичан уже имелись точные сведения от румын, что допуск советских самолетов гарантируется.

В конце июня Литвинов выступил с речью, которую немецкий посол незамедлительно передал в Берлин: «Последние пять лет в дипломатических кругах Запада все сводится к попыткам не замечать откровенно агрессивной политики Германии, к соглашательству на ее требования, а зачастую и капризы, из опасения вызвать малейшее недовольство... Мы намеренно воздерживаемся от непрошенных советов чехословацкому правительству... Советское правительство не несет ответственности за дальнейшее развитие событий. СССР не ищет для себя никакой выгоды, также не желает он никому навязывать себя в качестве партнера или союзника, но готов согласиться на коллективное сотрудничество». По соглашению с командующим чешскими ВВС генералом Файфром Советский Союз обещал прислать 700 истребителей. Румыния согласилась на высотный пролет советской авиации.

Помощник Чемберлена Вильсон боялся только одного: совместная с СССР акция может быть воспринята немцами как запугивание. Брат писателя Сомерсета Моэма — лорд Моэм заявил, что в Судетской области «британские интересы не затронуты никоим образом». На это Дафф Купер ответил, что «главный интерес Британии заключается в предотвращении доминирования одной страны в Европе, а нацистская Германия представляет собой самую мощную державу, которая когда-либо доминировала в ней, следовательно, противодействие Германии совершенно очевидно соответствует британским интересам».

Кризис зрел все летние месяцы и начал приближаться к кульминации в сентябре. В начале сентября 1938 г. посол Майский сообщил Черчиллю, что в случае нападения Германии на Чехословакию СССР применит силу. Десятого сентября Геринг обратился к ревущей толпе Нюрнбергского партийного съезда: «Малый сегмент Европы оскорбляет человеческую расу... Эта жалкая раса пигмеев (чехословаки) угнетает культурный народ, а за ними прячется Москва и вечная маска еврейского дьявола». 21 сентября в Женеве Литвинов дал положительный ответ на вопрос чехов, могут ли они рассчитывать на поддержку СССР в случае германского нападения. Советская мобилизация (согласно мемуарам маршала Захарова) началась 21 сентября. 10 дивизий во главе с маршалом Тимошенко разместились вдоль польской границы. Французы были уведомлены (об этом стало известно в 1958 г.) о ходе успешной мобилизации советских войск.

Гитлер, который уже обозначил 1 октября как дату начала военных действий, в Нюрнберге просто потребовал от чешского правительства «справедливости» в отношении судетских немцев. В Судетах нацисты обратились к оружию, и Прага послала туда войска. Французский кабинет заседал 13 сентября весь день, так и не решив, будет ли правительство соблюдать свое обязательство помогать Чехословакии в случае войны. Премьер Даладье вызвал из оперы британского посла сэра Эрика Фипса для того, чтобы попросить Чемберлена быть послом мира. В одиннадцать часов вечера Чемберлен обратился к Гитлеру с экстренным посланием: «Я полагаю необходимым немедленно прибыть к вам с целью попытаться найти мирное решение. Я могу вылететь на самолете и готов сделать это завтра».

Когда Гитлер прочел это послание, он смог воскликнуть лишь: «Я свалился с неба!» Премьер-министр Британской империи готов был покорно прибыть в отдаленнейший уголок рейха, заведомо склонный обсудить уступки. Немалое число англичан полагало, что Чемберлен собирается сказать Гитлеру то, что не сказал кайзеру премьер Асквит в 1914 году, — что Британия выступит за поруганные права малой нации. Документы

же свидетельствуют: немцы знали истинную цель полета Чемберлена. Поверенный в делах Германии в Англии Т. Кордт сообщил в Берлин, что премьер собирается позитивно рассмотреть «далеко идущие германские предложения».

Организация Гейнлейна активизировалась в Судетах, и Прага ввела здесь военное положение. Германские газеты объявили о царстве террора в Судетенланде. В Лондоне Черчилль предложил министру иностранных дел Галифаксу сообщить Германии, что она, в случае посягательства на чехословацкую землю, будет находиться в состоянии войны с Британией. 15 сентября он писал в «Дейли телеграф», что чехи будут отчаянно сражаться и выведут из строя от 300 до 400 тысяч солдат противника. Весь мир придет на помощь Чехословакии.

В тот же день Невилл Чемберлен, впервые в жизни сев в самолет, приземлился в Мюнхене. Встречавшие его в почетном карауле эсэсовцы были взяты из охраны концлагеря Дахау, из дивизии «Мертвая голова». «Я чувствовал себя совершенно свежим», — сообщал он сестре. Толпы немцев приветствовали его на пути к железнодорожной станции. Трехчасовая езда завершилась в Берхтесгадене. На ступеньках Бергхофа его встретил Гитлер, одетый в хаки со свастикой на рукаве. «...Он выглядит совершенно неприметным. Ты никогда бы не выделила его в толпе».

Во время встречи Гитлер не давал присутствующим говорить, он повторял на все лады, что не позволит притеснять три миллиона судетских немцев. Он готов «к риску мировой войны». Улучив момент, Чемберлен поинтересовался, в чем же, в таком случае, заключается цель его визита? В ответ Гитлер стал рассказывать Чемберлену, как много им сделано для англо-германского примирения. Между двумя странами осталась лишь одна проблема, которую следует «так или иначе» разрешить: три миллиона немцев Чехословакии должны «вернуться» в рейх. Он не желает больше позволять маленькой, второстепенной стране обращаться с тысячелетним германским рейхом как с чем-то второстепенным. Ему сорок девять лет, и если Германии суждено быть втянутой в мировую войну из-за чехословацкого вопроса, он

желает вести свою страну, находясь в полной силе своего возраста. Он готов встретить любую войну, даже мировую. Остальной мир пусть делает все, что ему заблагорассудится, он, Гитлер, не отступит ни на шаг.

Чемберлен ответил, что не может дать согласие на аннексию Судет без предварительной консультации с кабинетом и французами. Но — что особенно важно — премьер добавил, что лично он признает принцип отделения Судетской области и желает возвратиться в Англию для доклада правительству и обеспечения поддержки своему мнению. То был решающий шаг. Теперь ситуация отличалась от ситуации 1914 года. Величайшая империя мира уступала грубой силе. Находящиеся в Берлине посольства наиболее крупных стран получили германскую оценку происходящего: «Автономия судетских немцев более не рассматривается, вопрос стоит о возвращении этого региона Германии. Чемберлен выразил свое личное одобрение. Он ныне консультируется с британским кабинетом и находится в контакте с Парижем. Следующая встреча фюрера и Чемберлена запланирована на очень близкое будущее».

Через несколько дней Чемберлен писал сестре: «Мне удалось установить с Гитлером определенную степень доверия — что было моей целью, и, несмотря на жестокость и безжалостность, выражение которых я видел на его лице, у меня сложилось впечатление, что это был человек, на которого можно положиться, если он дал свое слово». В то же время Гендерсон сообщил, что и на фюрера Чемберлен произвел «наилучшее впечатление». Чемберлен удовлетворен: «У меня сложилось мнение, что герр Гитлер говорит правду».

Пока Чемберлен полагался на обещание получить Судеты мирным путем, германская военная машина работала на полных оборотах, планируя боевые действия против Чехословакии. Характерная черта: армии был дан приказ действовать не только быстро, но и жестоко. В тот день (18 сентября), когда Чемберлен уговаривал своих министров, Гитлер и его генералы намечали план действий пяти армий, предназначенных к вторжению. Для оккупации Чехословакии вермахт выделял 36 дивизий. Двадцать второго сентября на гра-

ницах Чехословакии начали сосредоточиваться польские и венгерские войска. Судетские немцы (свободный корпус, возглавляемый Гейнлейном) захватили чешские города Аш и Эгер.

На совместное англо-французское предложение согласиться с германскими требованиями чешское правительство ответило отказом — их принятие означало бы, что вся Чехословакия раньше или позже оказалась бы под полным господством Германии. Прага напомнила Парижу о его обязательствах. Британский посол в Праге сэр Камил Крофт заявил, что непримиримая позиция чехов приведет к отчуждению Британии. Посол де Лакруа вторил ему от имени Франции. Президент Бенеш попросил де Лакруа письменно подтвердить отказ Франции сражаться. Как средство убеждения этот жест ничего не значил, но история должна была знать нарушившего свое слово.

Оставался Советский Союз. То был решающий час для Европы. Агрессор на марше мог быть остановлен преобладающими силами своих потенциальных жертв. Хватит ли у них решимости? Народный комиссар иностранных дел Литвинов 21 сентября в Женеве публично объявил, что Советский Союз будет верен договору с Чехословакией. Вызванный Бенешом посол СССР повторил обещание Литвинова. Правда, по условиям пакта СССР оказывает помощь, если это делает и Франция. Но советская сторона дала понять, что это условие не является для нее абсолютным, она готова прийти на помощь в случае просьбы чехословацкого правительства.

Чемберлен снова вылетел в Германию и 22—23 сентября совещался с Гитлером на Рейне.

Собрав немногочисленных сторонников, Черчилль предложил потребовать от Чемберлена настаивать на немецкой демобилизации, управлении Судетами международной комиссией, отказе обсуждать польские и венгерские претензии на чехословацкую территорию, немецких гарантиях чехословацкой территории. Один из присутствующих воскликнул: «Но Гитлер никогда не пойдет на такие условия!». В этом случае, сказал Черчилль, Чемберлен должен вернуться и объявить войну.

Фюрер попросил Чемберлена довести до сведения чехов, что их эвакуация с уступаемых территорий должна начаться 26 и завершиться 28 сентября. «Чтобы доставить вам удовольствие, мистер Чемберлен, я готов уступить. Вы — один из немногих, которым я когда-либо делал одолжение. Если это облегчит вашу задачу, я готов удовлетвориться 1 октября в качестве дня окончания эвакуации чехов». Чемберлен вспоминал, что ощутил «растущее между ним и фюрером доверие», и по возвращении сказал кабинету, что он убежден, что «герр Гитлер не будет изощряться, обманывать человека, которого уважает и с которым ведет переговоры».

Когда 23 сентября Гитлер и Чемберлен прощались, окружившие их журналисты были поражены сердечностью расставания. Переводчик Шмидт подтвердил факт сближения: «Чемберлен обратился с сердечными словами прощания к фюреру. Он сказал, что ощущает рост чувства доверия между ним и фюрером в результате бесед последних дней... По прошествии текущего кризиса он будет рад обсудить другие проблемы с фюрером в том же духе».

Гитлер, получив согласие англичан, немедленно повысил ставки. Он потребовал согласия на оккупацию Судетской области до октября. Кризис обострился вновь. Могла ли Чехословакия сражаться в конце сентября 1938 года? В вооруженные силы был мобилизован один миллион человек. Франция объявила о своей частичной мобилизации. Вместе с французами чехословаки превосходили вермахт в отношении два к одному. В случае помощи СССР (а она была гарантирована) соотношение сил менялось еще больше. 25 сентября советское правительство также предприняло шаги по мобилизации своих войск. Согласно воспоминаниям маршала Захарова, если бы СССР, Франция и Англия действовали сообща, соотношение сил было следующим: 51 немецкая дивизия на трех (!) фронтах против 90 русских, 65 французских и 38 чешских дивизий. Шансы Германии, при всем престиже ее войск, были невелики.

Давнишний друг Германии шведский король предупредил германского посла, что, если Гитлер не оставит свое требование, свой ультиматум «решить» судет-

ский вопрос до 1 октября, Германия будет разбита в новой мировой войне. Даже основная масса германских генералов понимала это. Фанатизм не помешал и Гитлеру более трезво взглянуть на складывающуюся картину, и это заставило его вечером 27 сентября 1938 года написать письмо Чемберлену: он готов еще раз обсудить чехословацкую проблему и «дать окончательные гарантии тому, что останется от Чехословакии». Чехи, мол, держатся надеждой втянуть Британию и Францию в мировую войну против Германии.

Срок немецкого ультиматума истекал 28 сентября 1938 года. Чемберлен объяснял Палате общин сложившуюся ситуацию, когда в зал принесли письмо. Галифакс передал его Саймону, тот прочел и протянул премьер-министру. В тишине был слышен вопрос Чемберлена: «Должен ли я сказать об этом сейчас?». Когда Саймон улыбнулся, премьер объявил: «Герр Гитлер согласился отложить мобилизацию на двадцать четыре часа, а также встретиться со мной, синьором Муссолини и месье Даладье в Мюнхене». Молчание продолжалось лишь мгновение, затем зал утонул в приветствиях. Но ликовали не все. Иден не смог этого вынести, он вышел. Гарольду Никольсону потребовалось немалое мужество, чтобы остаться. Макмиллан вспоминает: «Я увидел одного человека, сидящего молча, втянув голову в плечи, всем своим видом демонстрирующего нечто среднее между отчаянием и возмущением. Это был Черчилль».

Чемберлен немедленно ответил Гитлеру: «После прочтения Вашего письма я определенно чувствую, что Вы можете получить все существенное, не обращаясь к войне, и вскоре. Я готов прибыть немедленно, чтобы обсудить все обстоятельства с Вами и представителями чешского правительства совместно с представителями Франции и Италии, если Вы того желаете».

Характерно, что даже Форин оффис напомнил премьер-министру о сложности исключения других стран из работы конференции. Речь шла, разумеется, о Советском Союзе. Но Чемберлен не имел никакого желания приглашать СССР на такую конференцию. Ненависть к большевизму была у него, пожалуй, не меньше непри-

язни к нацизму. Чемберлен поступал иррационально, исключая страну, которая, собственно, одна в Европе могла гарантировать выживание Британии.

В лондонской квартире Черчилля 26 сентября собрались политические соратники времен Первой мировой войны и послевоенных колебаний европейской политики. Это были Ллойд Джордж, Бонар Лоу, лорд Сесиль, Брендан Бракен — старшее поколение английских политиков XX века. Все они полагали, что в интересах Великобритании необходимо привлечь к европейскому конфликту Советский Союз. В этот критический для Европы час старые вожди британского империализма более ясно понимали интересы своей страны, чем их самонадеянные наследники, которые в Мюнхене вместе с Даладье уступили нажиму Гитлера, поддерживаемого Муссолини.

Мюнхен

В своем дневнике Йодль 28 сентября 1938 года записал слова Геринга: «Великой войны едва ли можно избежать. Она может продолжаться семь лет, и мы выиграем ее». Относительно первого Геринг не ошибся, а вот что касается итогов... Интересно, вспоминал ли рейхсмаршал этот свой прогноз на скамье подсудимых Нюрнбергского процесса?

В этот же день в одиннадцать часов утра Муссолини позвонил своему послу в Берлине Аттолико: «Британское правительство попросило меня быть посредником в судетском вопросе. Различие во взглядах очень невелико. Скажите канцлеру, что я и фашистская Италия стоят за ним. Он может решить вопрос». Переводчик Шмидт зафиксировал реакцию Гитлера: «Сообщите дуче, что принимаю его предложение». Последовали приглашения Чемберлену, Даладье и Муссолини прибыть в Мюнхен. В Москву приглашения не посылали — а ведь Советский Союз был союзником Чехословакии и Франции, французы могли потребовать присутствия его представителей. Но они предпочли сепаратный сговор. Посол Чехословакии Ян Масарик обратился к Чемберлену и Саймону с вопросом, приглашены ли в Мюнхен пред-

ставители его страны. Нет, Гитлер этого не потерпит. «Джентльмены, — заявил Масарик, — если вы жертвуете моей страной ради сохранения мира в мире, я буду первый аплодировать вам. Но если этого не получится, пусть Бог спасет ваши души».

На состоявшейся конференции лишь Муссолини был единственным, кто изъяснялся на иностранных языках и кому доверили составление основы соглашения.

В результате Мюнхенского соглашения Чехословакия была вынуждена передать Германии значительную часть своей территории, где жили 2,8 миллиона немцев и 0,8 миллиона чехов. Внутри этой территории находились крупные чешские фортификации. (Немцы были поражены их мощью). Чехословакия потеряла 66 процентов угольных месторождений, 80 процентов металлургической промышленности, 70 процентов источников электроэнергии. Йодль торжествующе записал в дневнике: «Чехословакия как держава скончалась...» Потеря тридцати пяти чехословацких дивизий ослабила позиции стран, являвшихся потенциальными жертвами Германии. Англия и Франция отдавали Судетскую область немцам, но не ограничивали германских притязаний. И напрасно Чемберлен размахивал листком, подписанным Гитлером в Мюнхене, говоря: «Это мир в наше время». На Нюрнбергском процессе фельдмаршал Кейтель объяснил: «Целью Мюнхена было изгнать Советский Союз из Европы, завершить германское перевооружение и приготовиться к будущему».

После заключения мюнхенской сделки президент Бенеш выступил по радио: «Не ожидайте от меня ни единого слова упрека. Но вот что я скажу: жертва, которую нас заставили принести, огромна и бесконечно несправедлива». Он проследовал в Лондон, чтобы там создать правительство в изгнании. А новое чешское правительство было озабочено исключительно умиротворением Берлина: Гитлер выдвигал все новые и новые требования. Польша получила район Тешина, часть Словакии была отдана Венгрии.

Чемберлен прибыл в Лондон триумфатором.

Он был «приятно утомлен». Огромная толпа ожида-

ла его в аэропорту Хестон, и довольному премьеру показалось, что он сбросил полсотни лет.

Считая «Мюнхен» национальным предательством, несколько членов британского кабинета в знак протеста вышли в отставку. Так, к примеру, сделал первый лорд адмиралтейства Дафф Купер. В Палате общин он сказал: «Я призываю своих коллег посмотреть на эту проблему не только как на чехословацкую. Возможно, придет такое время, когда из-за поражения Чехословакии начнется европейская война... Мы будем втянуты в эту войну, мы не сможем избежать этой участи».

Затем выступил Черчилль: «Я хочу сказать самые непопулярные и самые нежеланные слова... Мы потерпели полное и безусловное поражение... Грабитель, грозя пистолетом, потребовал один фунт. Получив его, он потребовал два». Где же выход? Франция и Британия, особенно если они будут поддерживать тесные связи с Россией, смогут воздействовать на малые страны Европы и на политику Польши. Но это возможно в будущем. А пока «...все кончено. Молчаливая, скорбящая, покинутая, брошенная Чехословакия отступает в темноту. Она претерпела это все, будучи связанной западными демократиями... Через некоторое время, не через годы, а через месяцы, Чехословакия будет включена в нацистский режим, мы присутствуем при катастрофе гигантского масштаба, в которую попали Великобритания и Франция. Давайте не обманывать себя в этом. Но не думайте, что это конец. Это только начало подведения счетов. Это только первый глоток — первое предвкушение горестной чаши, которую нам предстоит пить год за годом, если — посредством высшего акта восстановления нашего морального здоровья и воинской доблести — не восстанем снова и не выступим в защиту свободы, как в старые времена».

В этом последнем мирном году Германия создала втрое больше военных припасов, чем Англия и Франция, вместе взятые. Потеря Чехословакии лишила западных союзников 21 отборной дивизии, 15 или 16 дивизий второй линии, а также тех чешских крепостей, которые в дни «Мюнхена» приковывали к себе не меньше 30 германских дивизий. Кроме того, чешские заводы

«Шкода» представляли собой второй по величине военно-индустриальный комплекс в Европе, который произвел между сентябрем 1938 и сентябрем 1939 года почти столько же военной продукции, сколько вся военная промышленность Англии.

Советник германского посольства в Москве Вальтер фон Типпельскирх 3 октября 1938 года передал в Берлин свою оценку влияния происшедшего в Мюнхене на советское руководство. Типпельскирх считал само собой разумеющимся, что Советскому Союзу придется пересмотреть свою внешнюю политику, «посуроветь» в отношении Франции и быть «более позитивным» в отношении Германии. Он полагал, что «сложившиеся обстоятельства дают благоприятные возможности для нового и более широкого германского экономического соглашения с Советским Союзом» Это было первое указание на процесс, который в конечном счете привел к августу 1939 года.

Остановился ли Гитлер на Судетах? Мы знаем его идеи, выраженные в «Майн кампф», и конкретные планы, высказанные на совещании генералитета 14 октября 1938 года. На нем Геринг огласил новые цели фюрера: увеличение боевой мощи авиации вдвое; увеличение поставок тяжелой артиллерии и танков для армии; рост выпуска запчастей; усовершенствование коммуникаций; эксплуатация Судет; введение трехсменного рабочего дня на оборонных заводах; прекращение выпуска какой бы то ни было продукции, не имеющей отношения к приоритетным направлениям.

Цели, поставленные Гитлером перед германским военным руководством 21 октября 1938 года, выглядели совершенно закономерно. «Дальнейшие задачи вооруженным силам и приготовления к войне, вытекающие из поставленных задач, будут изложены мною в более поздней директиве. До ее подписания вооруженные силы должны быть готовы к следующему развитию событий: 1. Обеспечение границ Германии. 2. Ликвидация остатка Чехословакии. 3. Оккупация Мемельской области».

В определенном смысле это был поворотный пункт. Гитлер решил начать завоевание негерманских земель и, заметим, славянских земель, лежащих в восточном на-

правлении. Обратим внимание на меморандум директора политического департамента министерства иностранных дел Э. Вермана, который 7 октября 1938 года предложил создание «независимой Словакии», «слабой конституционно», которая будет, соответственно, «наилучшим образом служить германским потребностям проникновения на Восток и его заселения». Итак, слово было произнесено.

Гитлер считал, что в 1938 году рейх на волне ликвидации безработицы, экономического бума и внешних успехов достиг степени зрелости и готовности к большим испытаниям. Сохранится ли это состояние надолго? Мы не знаем, были ли у Гитлера сомнения на этот счет, но со второй половины 1938 года он рвется в бой. Поразительный успех в Мюнхене даже несколько разочаровал его, он хотел въехать в Прагу на танке. О царившей в верхушке рейха атмосфере дает представление Чиано, описавший 28 октября 1933 года свои впечатления от бесед с Риббентропом: «Фюрер убежден, что мы должны неизбежно вступить в войну с западными демократиями в течение ближайших нескольких лет, возможно, трех или четырех... Чешский кризис показал нашу мощь! Мы имеем преимущество, владея инициативой, и мы хозяева ситуации. Мы не можем быть атакованы. Наше военное положение превосходно: начиная с сентября будущего года мы можем с уверенностью смотреть на перспективу войны с демократиями». На первом заседании Совета обороны рейха Геринг говорил прежде всего о троекратном увеличении производства вооружений.

Что должен был принести новый, 1939 год? Английская разведка давала самые пессимистические прогнозы. Министр иностранных дел лорд Галифакс 28 января секретно уведомил президента Рузвельта, что «начиная с ноября 1938 года появились признаки, со временем становившиеся все более определенными, что Гитлер наметил дальнейшие внешние авантюры на весну 1939 года... Донесения показывают, что Гитлер, поддерживаемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает возможность нападения на западные державы в качестве предварительной операции, за которой последуют действия на Востоке».

В январе 1939 г. Гитлер утвердил план «Z», согласно которому к 1943 г. строились четыре линкора, а к 1944 г. — 6 линкоров водоизмещением 60 тысяч тонн каждый. «Если мне удалось за шесть лет создать Третий рейх, то флот вполне может выстроить за то же время шесть кораблей». Авиационная промышленность по наметкам фюрера должна была выпускать 20—30 тысяч самолетов в год, в том числе 2 тысячи тяжелых бомбардировщиков стратегического назначения, способных достичь Англии, России и США. Число бронетанковых и моторизованных дивизий должно было к середине 1940-х годов увеличиться с 6 до 20. Предстояла всеобщая модернизация железных дорог рейха.

Немцы эффективно использовали возникшие возможности. В Германию были привезены 40 тысяч квалифицированных чешских рабочих. Три бронетанковые дивизии вермахта были оснащены танками, пушками и грузовиками, собранными на чешских заводах. Два самых крупных чешских завода — «Шкода» в Праге и государственный Чешский оборонный завод — были включены в собственность рейха. Французское экономическое влияние в Восточной Европе быстро было заменено германским влиянием.

Что касается положения дел внутри рейха, то Гитлер говорил журналистам о «необходимости психологически переориентировать немецкий народ и довести до его сознания, что существуют вещи, добиться которых можно только силой». Военным сообщалось: «Я взял на себя ответственность за разрешение проблемы жизненного пространства Германии. Прошу вас вполне осознать это. В момент, когда я понимаю, что могу победить, я немедленно наношу удар и не страшусь подойти к краю пропасти».

Политические чистки в Москве также влияли на планирование Гитлера. Отправленный в Рим Риббентроп приводил тот аргумент, что, «поскольку мощь России подорвана на много лет вперед, мы можем обратить всю нашу энергию против западных демократических государств».

Со своей стороны Советская Россия после «Мюнхена» зримо ослабляет свою внешнеполитическую актив-

ность. Разведка докладывала об активизации немцев на польском направлении. Здесь, на этом этапе развития событий, не было злорадства – Сталин явственно боялся выхода немцев к советским границам. Москва предложила Варшаве возобновить Пакт о ненападении 1932 г. Были начаты переговоры, в результате которых в декабре 1938 г. было подписано торговое соглашение. Германия, помимо прочего, пугала советское правительство тем, что отказалась предоставить крупный заем на приобретение немецкого оружия.

Теперь, после крушения системы европейской безопасности, Сталин без прежней охоты шел на контакт с западными державами. Английские попытки улучшить отношения с СССР не получили поддержки. Обращаясь к XVIII съезду ВКП(б) 10 марта 1938 г., Сталин заявил о начале новой империалистической войны, о «переделе мира, пересмотре границ, сфер влияния, колоний – при помощи военных действий». В Европе, по его мнению, уже сложились два блока империалистических держав. С одной стороны страны «Антикоминтерновского блока», а с другой – Запад, возглавляемый Британией и Францией. «Франция и Англия отвергли политику коллективной безопасности, коллективного сопротивления и заняли позицию нейтралитета... А политика невмешательства означает молчаливое согласие, попустительство агрессии, потворство в развязывании войны... Это опасная игра, равносильная погружению всех воюющих держав в трясину войны... с тем, чтобы ослабить и измотать друг друга, подстрекающая немцев идти на восток, обещая легкую наживу и внушая: «Только начните войну с большевиками и все будет в порядке».

Гитлер в Праге

В начале февраля 1939 г. на повестку дня у Гитлера стал окончательный разгром Чехословакии. Семь армейских корпусов ждали на границе. Роль судетских немцев на этот раз должны были сыграть словаки, которым немцы пообещали независимость.

Прогноз на весну 1939 года оказался верным: 12 марта «жребий был брошен» (слова Гитлера. – А. У.).

Он отдал приказ германским войскам пересечь границу и инкорпорировать Чехословакию в германский рейх в ближайшие дни. Четырнадцатого марта 1939 года Гитлер вызвал в Берлин президента «укороченной» Чехословакии Гаху. Чешскую делегацию разместили в отеле «Адлон», где в лучшем номере был устроен прием. Супруга чехословацкого президента получила шоколад от Гитлера — личный подарок канцлера, а его дочь — огромный букет цветов. В час ночи 15 ноября Гаха был вызван в рейхсканцелярию. Чешским гостям предлагалось пригласить вермахт в собственную страну. Согласно записям переводчика Шмидта, «президент Гаха и Хвалковский (министр иностранных дел. — А. У.) сидели, словно окаменев. Только глаза выдавали, что они живы». На следующий день французский посол Кулондр направил в Париж отчет об этой встрече: Геринг и Риббентроп «были безжалостны. Они буквально охотились за Гахой и Хвалковским, бегая вокруг стола, на котором лежал документ, подталкивая их, всовывая ручку им в руки, постоянно повторяя, что в случае их отказа половина Праги будет через два часа лежать в руинах, и это будет лишь начало. Сотни бомбардировщиков ожидают приказа». Президент терял сознание, и после двух уколов он подписал акт национального самоубийства: он «с доверием вручает судьбу чешского народа и страны в руки фюрера германского рейха».

Ликующий Гитлер ворвался к секретарям и, обнимая женщин, кричал: «Дети! Это величайший день в моей жизни! Я войду в историю как величайший немец!». В 8 утра Гитлер вылетел из Берлина, чтобы прибыть в Прагу вместе с войсками.

Для истории же этот день — 15 марта 1939 года, день триумфа Гитлера, — был днем, когда и на Западе, и на Востоке сознание неотвратимости военного конфликта пронзило даже тех, кто верил в мирный исход событий. И этот день, возможно, стал началом того пути, который привел Германию к крушению.

В 6 часов утра 15 марта 1939 года немецкие войска вошли в Чехословакию. Во второй половине дня в Прагу прибыл Гитлер. Он остановился в Градчанском замке. Теперь он был хозяином Центральной Европы и объя-

вил об этом миру: «В течение тысячи лет провинции Богемия и Моравия составляли часть жизненного пространства германского народа... Чехословакия показала внутреннюю неспособность выжить и поэтому ныне пала жертвой фактического распада. Германский рейх не может терпеть постоянные потрясения в этом районе, и теперь он намерен восстановить основания разумного порядка в Центральной Европе. Ибо тысяча лет исторического развития уже доказали, что, благодаря своему величию и внутренним качествам, лишь германский народ может осуществить эту задачу».

16 марта немецкие войска вошли в Словакию. Вся операция заняла три дня, и 18 марта Гитлер был уже в Вене. 20 марта он возвратился в Берлин, где, как прежде Гаху и Тису, принял министра иностранных дел Литвы Урбиса. Под угрозой воздушного нападения рано утром Литва подписала соглашение, по которому Мемель отходил к Германии. Гитлер триумфально прибыл в Мемель.

Чемберлен, наконец, словно проснулся: «Теперь нам говорят, что этот захват территории был вызван внутренними потрясениями в Чехословакии... Если там были потрясения, то не были ли они вызваны извне?.. Является ли происходящее концом старой авантюры или началом новой? Является ли это последним нападением на малое государство или за ним последуют другие? Не является ли это шагом в направлении достижения мирового господства, совершенного силой оружия?.. Нельзя сделать большей ошибки, чем предположить, что, видя в войне безжалостность и жестокость, наша нация потеряла внутреннюю силу и что она не примет участия в отражении всеми имеющимися у нее силами данного вызова».

Выступая 17 марта 1939 года в Бирмингеме, Н. Чемберлен перечислил все обещания Гитлера, в том числе и последние (мюнхенские) гарантии Чехословакии: «Это последние территориальные претензии, которые мы имеем в Европе. Я больше не заинтересован в чешском государстве». В свете германского вероломства герой «Мюнхена» Чемберлен изменил свою точку зрения на ход событий в Европе. Теперь он желал найти ту край-

нюю черту, дальше которой английское правительство отступать не будет. Эту черту он видел в обеспечении целостности Польского государства — следующей возможной жертвы Германии. Он заявил 31 марта 1939 года перед полным составом парламента: «Правительство Его Величества намерено предоставить польскому правительству всю возможную поддержку. Мы дали польскому правительству все необходимые заверения по этому поводу». Гарантии Польше поддержали лидеры всех партий. Как пишет У. Манчестер, «Чемберлен изменил британскую политику, принятую в 1918 году,— избегать обязывающих союзов на континенте. Он еще не подписал договора о формальном военном «союзе, но он уже предпринял значительные шаги в этом направлении. Вопреки всем свидетельствам, он верил в то, что может отвратить Гитлера от выступления против поляков. И он верил также в то, что Польша является мощной военной державой. В обоих случаях он был неправ».

Гитлер поворачивает к Польше

В фокусе европейской политики теперь находилась Польша. В течение одного дня, 15 марта 1939 года, когда Гитлер послал войска в Чехословакию, Польша оказалась окруженной с трех сторон. Ровно через неделю Риббентроп вызвал к себе польского посла в Берлине Липского: «Польша должна понять, что она не может держаться среднего курса между Россией и Германией». Ее спасение в «разумном сотрудничестве с Германией и фюрером», в проведении «совместной антисоветской политики». По существу Польше предлагался выбор: либо стать сателлитом Германии и сохранить таким образом свой статус в Европе, либо исчезнуть с политической карты мира.

В это время Гитлер и Редер находились на борту карманного линкора «Дойчланд», направлявшегося к Мемелю, который Литва получила в результате Версальского договора. Риббентроп в Берлине вызвал к себе представителя литовского правительства и через несколько часов радировал фюреру, что литовцы подписали

отказ от Мемеля. Двадцать третьего марта Гитлер приветствовал «освобожденный» город.

Возможно, в этот момент поляки почувствовали опасность, это был, по словам германского посла в Варшаве фон Мольтке, «очень неприятный сюрприз для польского правительства». Оно впервые ощутило себя на месте австрийцев и чехов. Его взоры обратились на Лондон и Париж.

Разумеется, тревогу теперь испытывал и Советский Союз. М. М. Литвинов 18 марта 1939 года выдвинул предложение о созыве в Бухаресте конференции шести держав — СССР, Румынии, Польши, Британии, Франции и Турции — для создания «мирного фронта» против германской экспансии. Примечательно, что в Париже не осталось никаких письменных свидетельств реакции французского правительства на предложение, которое могло бы это правительство спасти. В мемуарах министра иностранных дел Бонне, где немало страниц посвящено малозначащим событиям, нет даже упоминания об этой инициативе. Чемберлен и Галифакс, по крайней мере, засвидетельствовали факт прочтения ими этого предложения. Чемберлен отверг его на том основании, что оно «преждевременно». Министр иностранных дел Галифакс назвал его «неприемлемым».

Посол СССР И. Майский 19 марта попросил у Галифакса разъяснений. Галифакс ответил, что министры короны «слишком заняты», чтобы участвовать в бухарестской встрече. Чемберлен 23 марта в Палате общин выступил в принципе против создания «противостоящих друг другу блоков» в Европе. Мотивы, которыми он руководствовался, были изложены им в частном письме 26 марта: «Я должен признаться в самом глубоком недоверии к России. Я не верю, что она способна к эффективному выступлению, даже если бы она хотела этого. Я не верю и ее мотивам». Посол Майский охарактеризовал этот отказ как «еще один огромный удар по политике коллективной безопасности».

Позиция Лондона была ключевой. Он, с одной стороны, якобы не желал создания блоков, а с другой, понимал, что еще один-два шага, и Британия почув-

ствует себя в Европе чужой. Легче всего в данной ситуации было договориться с Варшавой, где, собственно, и не видели этому альтернативы. Чемберлен считал русских ненадежными партнерами. Он доказывал, что решающую роль играет не Россия, не имеющая общих границ с Германией, а Польша. В Лондоне было принято решение о создании коалиции вокруг Польши, а не вокруг СССР. Наследники Пилсудского отвергали идеи четырехстороннего (СССР, Англия, Франция, Польша) оборонительного союза. Им оставалось полагаться на Запад. В Польском государстве в очередной раз началось движение по заранее обреченному пути.

Вечером 30 марта британский посол Кеннард обратился к министру иностранных дел Польши полковнику Беку с предложением о тройственном союзе. Прежнее, о союзе Британии, Франции, Польши, СССР, Бек отверг и теперь принимал «усеченный» вариант. Чемберлен и сам разделял чувства Бека. В инструкции Кеннарду говорилось: «Ясно, что наши попытки консолидировать ситуацию будут разрушены, если Советский Союз открыто ассоциирует себя с этой схемой. Полученные в последнее время телеграммы из ряда миссий Его Величества за рубежом предупреждают нас о невозможности включения России — это не только подорвало бы успех наших конструктивных усилий, но и консолидировало бы «Антикоминтерновский пакт», а также вызвало бы обеспокоенность среди дружественных правительств».

Ощущая, что промедление опасно, Чемберлен 31 марта 1939 года выступил в переполненной Палате общин и прилюдно гарантировал границы Польши. Его слова были встречены с энтузиазмом. Теперь Британия привязывала себя к польским границам.

Бек был доволен обещанием Лондона. Попросту говоря, он ненавидел Россию и не любил Францию (откуда его в бытность молодым дипломатом изгнали за шпионаж). Гарантии, данные Беку, делали Британию заложницей государства, которое за короткий период своей независимости перевоевало со всеми своими соседями, отняло у них часть территории и антагонизировало их.

Были ли англичане слепы? Военный атташе Британии в Варшаве полковник Сворд прислал 22 марта в

Лондон абсолютно реалистическую оценку стратегического положения Польши, окруженной с трех сторон Германией. Он отмечал отсутствие у польской армии современного вооружения. Коллега Сворда, британский военно-воздушный атташе капитан Уочел, был еще более худшего мнения о боевых возможностях поляков. В польской армии, считал он, не более 600 самолетов, многие из которых не могут сравниться с германскими. Посол Кеннард обобщил мнение своих помощников: поляки не смогут защитить свою границу с Германией. «Дружественная Россия представляет первостепенный интерес для Польши».

Приехавшему У. Липпману Черчилль обрисовал свой план на ближайшее будущее: «Ограничить потери на Дальнем Востоке; исключить распыление флота; договориться с Японией после войны. Центральную Европу следовало бы мобилизовать как единое целое подобно тому, что было в 1914 году. В то время Германия имела десять мобилизованных в Чехии и Словакии дивизий. Теперь она держит здесь шесть дивизий в качестве оккупационных войск. Венгрия, Югославия и Румыния опасны и ненадежны. Польша — новая сила, а позади нее Россия.

Незачем говорить, что Германия не окружена. Лучше возобладать над нею в праведном гневе. Единственный действенный аргумент — сила. Незачем кроить политику по меркам Геббельса. Нужно следовать своей линии. В случае германской мобилизации мобилизовать флот; в случае первых же провокационных действий перерезать германские железнодорожные коммуникации с Европой и бросить им вызов». Он предлагал послать флот на Балтику. Но Черчилль ощущал слабость своих планов. В «Мировом кризисе» он прямо писал, что западные союзники могли продержаться три первых года Первой мировой войны только потому, что огромная армия царя сковала немцев с востока. Об этом следовало помнить. Советский Союз стоял на тропе нацистских завоеваний, каждый мог прочитать это в «Майн кампф».

Черчиллю не нужно было доказывать, что он противник большевиков — это знали все. Но теперь речь

шла о выживании Британской империи. И он открыто говорил и в Палате общин, и повсюду, что нуждается в пяти миллионах солдат Красной Армии как оплоте против вермахта. «Россия представляет собой колеблющийся противовес на весах мира. Мы не можем даже измерить поддержку, которая может поступить из Советской России... Наша задача: максимум возможного сотрудничества. Разумеется, в свете прошлого опыта трудно ждать ее автоматической помощи. Но надежду в возникающей ситуации дает то, что Советская Россия в высшей степени затронута амбициями нацистской Германии. Никто не может сказать, что не существует солидной общности интересов между западными демократиями и Советской Россией... Величайшей глупостью, которую мы могли бы совершить, был бы подрыв нашего естественного сотрудничества с Советской Россией». Выход для Британии — забыть идеологические распри и сформировать тройственный союз с Францией и Россией.

Чемберлен, размышляя о позиции своей страны в создавшейся обстановке, продолжал полагать, что Россия, а не Германия, представляет собой главную угрозу западной цивилизации. Окружение Черчилля, напротив, сопротивлялось тому, чтобы тесно связать себя с судьбой Польши. Бусби писал Черчиллю: «Это самый сумасшедший шаг, когда-либо предпринятый нашей страной. Лорд разговаривал с Гитлером более часа, и когда фюрер сказал ему, что намерен использовать Польшу как трамплин для вторжения в СССР, он увидел в глазах Гитлера «безошибочно определенные признаки сумасшествия». Гитлер заверил Бусби, что Германия «не намерена атаковать Британию и Британскую империю, но если Англия станет польским или русским союзником, у него не будет выбора». И теперь, к ужасу Бусби, Чемберлен давал «неожиданные безоговорочные гарантии Польше без каких-либо гарантий русской помощи». Бэзил Лиддел Гарт, крупнейший военный теоретик, полагал, что гарантии Польше — «глупый, бессмысленный и провоцирующий, плохо обдуманный жест», который «отдает судьбу Британии в руки хозяев Польши, людей сомнительных и переменчивых убеждений». В знак протеста Лиддел Гарт ушел с поста воен-

ного корреспондента «Таймс». Дафф Купер записал в дневнике: «Никогда в нашей истории мы не отдавали в руки одной из малых стран решение о вступлении Британии в войну». Ллойд Джордж был определенно против гарантий Польше в 1939 году. Он говорил о них как об очевидной глупости, как об иррациональном акте.

Гитлер был весьма удивлен действиями англичан. Выступая на торжествах по случаю спуска на воду линкора «Тирпиц» в Вильгельмсхафене, он сказал: «Я решительно настроен идти намеченным путем... Если же кто-нибудь захочет померяться с нами силами, немецкий народ всегда готов принять этот вызов: мы готовы и исполнены решимости». На совещании своих генералов он выразился оптимистически: «Мы без труда удержим Польшу в изоляции, несмотря на все происки врагов, если нам удастся напасть первыми и нанести тяжелые удары». Первым шагом к победе является деморализация противника. Для демонстрации силы Гитлер использовал свое пятидесятилетие. По центру Берлина 20 апреля прошли шесть армейских дивизий и 600 танков.

В Лондоне еще не знали, что 3 апреля 1939 года верховное командование германской армии издало директиву в отношении Польши, в которую были вписаны слова Гитлера: «Приготовления нужно осуществить таким образом, чтобы операция могла быть произведена в любое время, начиная с 1 сентября». На следующий день, 4 апреля, Чемберлен пригласил Черчилля на обед в честь полковника Бека — польского министра иностранных дел. Черчилль задал Беку только один вопрос: «Вы будете возвращаться в Польшу в Вашем специальном поезде через Германию?» Когда тот ответил утвердительно, Черчилль заметил: «Я думаю, что пока у Вас еще есть время для этого». Черчилль хотел подчеркнуть экстренность момента — времени оставалось все меньше.

На рассвете 7 апреля 1939 года итальянские войска выступили против Албании. Подобно тому, как Чехословакия была прецедентом агрессии против Польши, агрессия против Албании являлась прелюдией итальянских действий против Греции и Югославии. Черчилль полагал, что Англия не должна оставлять эти страны на произвол судьбы. В противном случае Германия и Ита-

лия усиливались до такой степени, что могли перерезать «сонную артерию» Британской империи — путь через Суэцкий канал, ведущий к Индии и доминионам. Черчилль написал Чемберлену 9 апреля 1939 года: «Сейчас мы накануне решения будущего для Балканского полуострова. Если государства, находящиеся здесь, останутся уязвимыми для германского и итальянского давлений, то в конечном счете они будут вынуждены искать способы достижения соглашения с Берлином и Римом. Наши позиции здесь будут утеряны. Мы будем привязаны к Польше, но изолируем себя от других стран, лишимся надежд на создание союза, который был бы для нас спасением».

Тем временем президент Рузвельт направил личное послание Гитлеру и Муссолини, предлагая двум диктаторам пообещать миру не предпринимать новой агрессии в течение 10 или даже 25 лет. Вначале Муссолини отказался читать этот документ, а затем прочел и заметил: «Вот вам и результат детского паралича». Гитлер проявил к неожиданному заморскому посланию не больше уважения.

Безотносительно к оценке роли Сталина в ходе поляризации сил в Европе, следует отметить, что британские односторонние гарантии Польше не могли не убедить его в том, что лидер Запада — Британия — предпочитает союз с Польшей улучшению отношений (не говоря уже о союзе) с СССР. И если вокруг Польши состоится «новый Мюнхен», то западные державы постараются устранить Советский Союз (как это уже произошло в Мюнхене). Отсюда возникает вопрос: не состоится ли этот «новый Мюнхен» за счет «аморфного Востока»?

Гарантии Польше

Как резюмирует английский историк А.Буллок, «английские гарантии Польше вызвали возмущение как в Берлине, так и в Москве. Хотя англичане и вели с Россией переговоры о способах предотвращения агрессии в Восточной Европе, они не информировали русских ни о своих планах, ни о своем решении в односто-

роннем порядке принять декларацию. Литвинов почувствовал, что это известие делает его собственное положение крайне шатким; отмахнувшись от попыток британского посла объясниться, он заявил, что все его усилия, направленные на укрепление советско-английского сотрудничества, «на данном этапе потерпели поражение», что с Советского правительства довольно, и впредь «оно будет считать себя свободным от каких бы то ни было обязательств».

Почему умиротворители бросились к Польше, не успев договориться с СССР? Согласно Лиддел Гарту, Галифакс, правая рука Чемберлена, полагал, что Польша в военном смысле ценнее России. И это мнение преобладало на Даунинг-стрит тогда, когда, по словам Лиддел Гарта, польские генералы «все еще связывали все свои надежды с огромной массой кавалерии и были убеждены в возможности конных атак. В этом отношении их идеи отстали от своего времени на восемьдесят лет, поскольку бессмысленность кавалерийских атак была доказана уже во время Гражданской войны в Америке». Поляки отмобилизовали тридцать пехотных дивизий и двенадцать кавалерийских бригад. В Берлине уже подписали планы выступления против Польши девяносто восемью дивизиями, командиры которых вполне осознавали значение моторизованной техники.

Возможно, беседы с Беком несколько отрезвили Чемберлена. Премьер спросил польского лидера, куда, по его мнению, будут нанесены следующие удары Гитлера? Бек с отсутствующим выражением лица предположил, что, видимо, речь пойдет о колониях. Чемберлен поинтересовался, может ли СССР оказать помощь Польше. Бек ответил, что любая форма ассоциации между Польшей и Россией будет означать войну между Польшей и Германией. Может ли Польша гарантировать помощь Румынии? «Пусть та будет предоставлена сама себе», — ответил Бек. Он пошел в своем самоослеплении еще дальше. «Риббентроп... недавно заверил меня,— сказал Бек, — что Германия не претендует на Данциг». Ослабил ли Польшу захват немцами чешских заводов «Шкода»? Вовсе нет. В области военного снаряжения Польша большей частью обеспечивает себя сама,

она даже поставляла орудия Великобритании. Это было слишком даже для Чемберлена, который знал, по крайней мере, то, что в Британии в глаза не видели польских пушек. Бравада Бека дорого стоила его стране.

В Англии начала расти группа сторонников укрепления связей с СССР.

Черчилль привел Майского в курительную комнату Палаты общин: «Господин посол, если мы желаем добиться успеха, нам нужна помощь России. Ныне меня не волнует ваша система, но поляки и румыны относятся к ней неодобрительно. В крайнем случае, они могут позволить вам войти, но они хотели бы получить гарантии, что вы в конечном счете выйдете. Можете ли вы дать такие гарантии?» Обращаясь к вопросу о сближении с СССР, Черчилль сказал 13 апреля 1939 года в Палате общин: «У России огромный интерес к тому, чтобы предотвратить нацистскую экспансию в восточном направлении. Именно на этот глубокий, естественный, законный интерес мы должны полагаться; необходимо добиться полного возможного сотрудничества с Россией, сделать так, чтобы никаким предрассудкам со стороны Англии или Франции не было позволено вмешаться в теснейшее сотрудничество между нашими странами, обеспечивая тем самым для нашей комбинации сил огромный контрбаланс русской мощи».

Однако официальное мнение было иным. Англия и Франция представили своеобразный ответ на предложение Москвы о конференции шести держав. Лондон просил лишь одного — гарантировать независимость Польши и Румынии. Лондону это было сделать проще — он располагался в другом конце Европы, а если Берлин воспримет такие гарантии как «казус белли»? Чемберлен не соглашался даже с тем, что нарушение суверенитета указанных стран будет рассматриваться его правительством как прецедент, автоматически включающий процесс взаимной помощи.

Через несколько дней Литвинов вручил послу Великобритании в СССР сэру Уильяму Сидсу официальное предложение: считать, что любое продвижение германских вооруженных сил на восток будет расцениваться как нападение на Советский Союз; Красная Армия ста-

нет действовать соответственно. СССР, Англия и Франция окажут друг другу взаимную военную помощь. Польша, если пожелает, может подключиться к их союзу. Предложение было разумным. Гитлер в этом случае попадал в железное кольцо. Причем Литвинов, зная о подозрительности Сталина, потребовал немедленного обсуждения военных условий союза. Оценивая данное предложение, Макмиллан пишет в мемуарах: «Это был последний шанс Литвинова. И наш тоже».

Черчилль подытожил ситуацию таким образом: «Если бы мистер Чемберлен по получении русского предложения ответил: «Да. Давайте сомкнем руки и разобьем Гитлеру нос», — или похожими по смыслу словами, парламент поддержал бы его. Сталин пришел бы к определенному мнению, и история пошла бы другим курсом». После долгих внутренних переговоров Париж принял предложение СССР, а Лондон нет. Здесь его обсуждение происходило 19 апреля. Выступивший вместо Галифакса Кадоган охарактеризовал московский план как «чрезвычайно неудобный». Он заявил, что военный потенциал СССР незначителен, и заключил: «С практической точки зрения, все аргументы говорят за то, чтобы не принимать русского предложения». Но отвергнуть его было очень сложно, к тому же существовала, хотя и «очень отдаленная», вероятность того, что СССР найдет общий язык с Германией. И все же, по мнению Кадогана, предложение Литвинова нельзя было принимать на том основании, что оно могло «вызвать отчуждение наших друзей и укрепить пропаганду наших врагов, не дав при этом реального материального вклада в укрепление нашего фронта».

Чемберлен оказался в затруднении, зная, что завтра Черчилль укажет на него пальцем. И все же старая команда — Чемберлен, Галифакс, Вильсон, Кадоган, Инскип и Саймон — выступила против союза с большевиками, приводя в качестве основного аргумента возможное недовольство Польши и Румынии. Военные тоже помогли: согласно их экспертизе, военная помощь, которую мог оказать Польше и Румынии Советский Союз, «не столь велика, как это принято считать». В своих мемуарах Черчилль так определил утраченные возмож-

ности: «Теперь, глядя на эти события издалека, приходишь к выводу, что Британия и Франция должны были принять русское предложение, провозгласить трехсторонний союз и оставить выяснение метода конкретных действий союза в случае войны на будущее. Тройственный союз мог бы перехватить дипломатическую инициативу, и Гитлер не сумел бы прибегнуть к своей излюбленной тактике действий то на одном участке, то на другом... Британский народ принял принцип обязательной военной службы, и он имеет право совместно с Французской республикой призвать Польшу не создавать препятствий на пути реализации общего замысла. Мы должны были полностью поддержать идею сотрудничества с Россией, все балтийские государства — Литва, Латвия, Эстония — должны были также войти в ассоциацию... Не существовало никаких средств образования Восточного фронта против нацистской агрессии без активной помощи России. Русские интересы самым непосредственным образом были связаны с предотвращением реализации планов Гитлера в Восточной Европе. Это давало надежду на консолидацию всех государств и народов от Балтийского до Черного моря в единый фронт против агрессии». Последовавшая со стороны западных держав пауза, по мнению Черчилля, имела роковое значение.

После многодневного молчания Чемберлен сказал, что скорее уйдет в отставку, чем заключит союз с Советами. Более простодушный адмирал Четфилд выразил обеспокоенность тем, как бы Россия не заключила союза с Германией. «Это создает для нас самую опасную ситуацию». Протокол в этом месте фиксирует оживленное изумление по поводу страхов адмирала.

После двух недель молчания Лондона Сталин сместил Литвинова с поста комиссара иностранных дел. Его место занял Молотов. Как пишет американский историк У. Манчестер, «исследовать сознание психопата невозможно — кратчайшее расстояние между двумя точками становится лабиринтом, и все же... в мышлении Сталина была своя логика. По-своему, следуя собственным извращенным представлениям, он все же был патриотом; как Уинстон, он видел угрозу со стороны

рейха и желал своей стране избежать этой опасности. Такова была его цель. Любые средства были приемлемы для него. Он начал поиски выхода из данного положения. Без сомнения, он предпочел бы избежать привязанности к союзникам вовсе. Если на него с подозрением смотрели в европейских столицах, то и он наблюдал за западными лидерами с немалой долей паранойи». Однако пока союз с Британией и Францией выглядел предпочтительнее, Молотову было поручено не прекращать дискуссий с Галифаксом и Бонне.

Гитлер внимательно следил за переменами в Кремле. В сообщении, полученном из Варшавы, говорилось, что Литвинов был снят со своего поста после того, как маршал Ворошилов сказал ему, что Красная Армия не готова воевать за Польшу, и осудил от имени генерального штаба «излишне далеко идущие обязательства». Германский поверенный в делах сообщил из Москвы в Берлин: «Не далее как 2 мая Литвинов принимал английского посла и был назван в прессе среди почетных гостей на параде. Его смещение представляется результатом спонтанного решения Сталина... На последнем партийном съезде Сталин призвал к осторожности, с тем чтобы избежать втягивания Советского Союза в конфликт. Молотов (не еврей) рассматривается как наиболее близкий сотрудник Сталина. Его назначение, очевидно, гарантирует, что внешняя политика будет вестись строго в соответствии с идеями Сталина».

Естественно, на Западе гадали о том, какой будет новая советская политика, обсуждались возможные повороты. По мнению Черчилля, «советское правительство под воздействием Мюнхена убедилось в том, что ни Британия, ни Франция не станут воевать до тех пор, пока немцы на них не нападут. Поэтому рассчитывать на них не приходилось... Россия обязана была позаботиться о себе. Смещение Литвинова означало конец целой эпохи. Оно регистрировало то обстоятельство, что в Кремле потеряли веру в обеспечение безопасности совместно с западными державами и в возможность организации совместного Восточного фронта против Германии».

Глава четвертая
УЧАСТЬ ПОЛЬШИ

Существование Польши нетерпимо, оно несовместимо с основными условиями жизни Германии. Польша должна исчезнуть, и она исчезнет.

Ганс фон Сект. 1922 г.

Война была внутренней необходимостью нацизма. Через восемь дней после прихода к власти, 8 февраля 1933 г., канцлер Гитлер декларировал своему кабинету: «Следующие пять лет должны быть посвящены тому, чтобы сделать германский народ снова способным носить оружие. Это должно быть главной мыслью, всегда и везде». Парадоксально, но факт — Гитлер не был доволен тем, что захватил Чехословакию мирным путем. В ноябре 1938 г. он говорит о необходимости «преподносить германскому народу дипломатические события таким образом, чтобы внутренний голос самой нации взывал к силе... Нужно воспламенить боевой дух германского народа, яд пацифизма нужно уничтожить».

22 мая 1939 года Муссолини и Гитлер подписали так называемый «Стальной пакт», обещая использовать силу для обеспечения жизненного пространства своим народам. В случае вступления одной стороны в войну другая обязывалась «немедленно прийти на

помощь в качестве союзника, поддерживая союзную сторону всеми вооруженными силами на суше, в море и воздухе».

В Европе складывалась своеобразная ситуация. Красная Армия (столь низко оцениваемая Чемберленом) насчитывала триста дивизий. Вермахт — двести дивизий. Франция и Италия — по сто дивизий.

Немцы были очень активны на Балтике. Под их давлением литовцы отдали Германии Мемель. Финляндия, Эстония и Латвия отвергли предложение СССР подписать двусторонние договоры о ненападении, но подписали такие договоры с немцами. Генерал Гальдер из ОКВ проинспектировал их оборонительные сооружения. На западе Бельгия под давлением немцев заявила о своем нейтралитете.

По подсчетам Гитлера, к первой годовщине «Мюнхена» у него должно было быть более 7 миллионов солдат во всех родах войск. Он полагал, что это тот случай, возможности которого не следовало упускать. Приказы об уничтожении Польши уже были отданы. Едва ли уже что-либо могло остановить хорошо смазанную военную машину Германии. В будущем она могла предполагать только относительное ослабление своей мощи.

За пределами узкого круга германского руководства тогда еще не знали, что Гитлер намерен вторгнуться в Польшу во что бы то ни стало.

Собственно, Гитлер не считал нужным сохранять полное молчание. Верховному комиссару Данцига Карлу Буркхардту он сказал: «В случае малейшего инцидента я сокрушу поляков без предупреждения таким образом, что впоследствии от Польши не останется и следов. Я нанесу удар всей мощью механизированной армии, о которой поляки не имеют и представления». Буркхардт сообщил это Галифаксу. Конечно, удобнее было думать, что это блеф.

Но факты свидетельствуют, что период блефа окончился. В обстановке величайшей секретности 3 апреля появилась директива вооруженным силам (напечатано было лишь пять экземпляров). В плане «Вайс» (Белый) значилось следующее: «Цель — уничтожение польской военной мощи и создание на Востоке ситуации, которая

удовлетворяет требованиям национальной обороны... Задачей является изоляция Польши. Развитие внутреннего кризиса во Франции и, как результат, осмотрительность англичан могут создать такую ситуацию в недалеком будущем... Вмешательства России едва ли следует ждать. Позиция Италии определена осью Рим — Берлин... Войну следует начать неожиданными мощными ударами, добиваясь быстрого успеха».

Были ли у Германии шансы выиграть в начинающейся войне? Фактически ответу на этот вопрос была посвящена лекция руководителя военного отдела верховного командования генерала Томаса перед личным составом министерства иностранных дел 24 мая 1939 года. Генерал сравнивал процесс подготовки Германии к Первой мировой войне и текущий период. За шестнадцать предшествовавших той войне лет — с 1898 по 1914 год — численный состав кайзеровской армии вырос с сорока трех до пятидесяти дивизий. За четыре теперешних года (1935—1938 гг.) численность армии новой Германии увеличилась с семи до пятидесяти одной дивизии. В ее составе имелись силы, которых не было у других стран, — пять тяжелых бронетанковых дивизий и четыре легких. Начавшийся с нуля военно-морской флот теперь насчитывал два сверхсовременных линкора, два тяжелых крейсера, семнадцать эсминцев и сорок семь подводных лодок. На стапелях стояли два гигантских линкора, авианосец, четыре тяжелых крейсера, семь подводных лодок. В люфтваффе входила двадцать одна эскадрилья. Четыре года назад их не было, а сейчас в ВВС насчитывалось 260 тысяч человек. Военная промышленность уже превосходила пик достигнутого в предшествующей войне. Производство в основных отраслях превышало показатели любой страны.

Германия была сильна и способна на многое лишь при условии разъединения Запада и Востока. Ей никогда бы не удалось разгромить объединенные силы СССР, Британии и Франции. Поэтому расчет Гитлера строился на предотвращении создания такой коалиции. Первая попытка объединения, предпринятая Литвиновым, была отвергнута Чемберленом. Вторая намечалась на лето 1939 года.

Президент Рузвельт попытался спасти мир в быстро распадающейся на блоки Европе. Он призвал Гитлера дать обещание не нападать на европейские страны. Ответ фюрера вызвал восторг рейхстага. Нам он любопытен как один из нагляднейших образцов той идейной схемы, которая в исключительной степени овладела Германией, сделала ее заложницей опасных для национального выживания авантюр. Итак, Гитлер в рейхстаге 28 апреля 1939 года: «Мистер Рузвельт! Я полностью представляю себе огромность вашей нации и невероятное богатство вашей страны, позволяющее вам чувствовать ответственность перед историей за весь мир и за историю всех наций. Я, сэр, нахожусь в гораздо более скромной сфере...

Однажды я взял власть в государстве, которое находилось перед угрозой полного краха из-за того, что оно поверило обещаниям остального мира и отвратительному режиму демократических правительств... Я преодолел хаос в Германии, восстановил порядок и в огромной степени увеличил производство... развил транспортную систему, создал прекрасные дороги, выкопал каналы, вызвал к жизни гигантские новые заводы и в то же время сумел помочь распространению образования и культуры нашего народа.

Я сумел найти полезную работу более чем семи миллионам безработных... Я не только объединил германский народ политически, но и перевооружил его. Я взялся также за дело уничтожения страница за страницей договора, который в своих четырехстах сорока восьми параграфах обосновывал самое низкое угнетение, которое народы и отдельные люди могли встретить на своем пути.

Я вернул рейху провинции, украденные у него в 1919 году. Я вернул родине миллионы немцев, которые были отторгнуты от нас и прозябали в нищете... И все это я, мистер Рузвельт, сделал, не пролив крови и не ввергнув мой народ, и, соответственно, другие народы, в ужасы войны...

У вас есть время обратиться к вселенским проблемам... Мир, в котором Провидение поместило меня и в котором я обязан работать, бесконечно меньше, к сожалению, хотя для меня он ценнее всего, ибо в нем

находится мой народ!» Таков типичный образец политического искусства Гитлера, сумевшего при помощи самого грубого национализма пробудить готовность к самопожертвованию у великой европейской нации.

До конца мая 1939 года Гитлер мог питать надежду на относительно бескровное завоевание Европы. Обеспокоенность, возникшая и на западе и на востоке континента, привела его к заключению, что в дальнейшем, если он не откажется от своих целей, массовое кровопролитие неизбежно. Гитлер так и сказал об этом 23 мая 1939 года своему высшему генералитету, созванному в его обширный кабинет в новой рейхсканцелярии. Присутствовали четырнадцать военачальников, среди них были Геринг, Редер, Браухич, Гальдер, Кейтель. Протокол, благодаря которому мы знаем, что происходило на этой встрече, вел адъютант фюрера подполковник Р. Шмундт. Запись сделана от руки, снять копии никто не отважился.

Это была роковая конференция. Здесь, перед своими генералами, Гитлер не занимался пропагандой. Он сказал им прямо, что намерен совершить нападение на Польшу, а если это вызовет известные последствия, то вступить в войну с Британией и Францией.

«Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без пролития крови... Если судьба ведет нас к столкновению с Западом, бесценным является обладание большими территориями на Востоке. В военное время мы не сможем более рассчитывать на рекордные урожаи». Население Востока рассматривалось как источник рабочей силы. Первая цель — Польша. «Не может быть вопроса о том, чтобы упустить Польшу, и нам оставлен один выход: атаковать ее при первой возможности... Не совсем ясно, приведет ли германо-польский конфликт к войне с Западом, когда мы должны будем сражаться против Англии и Франции. Если же будет создан союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я буду вынужден нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов. Я сомневаюсь в возможности достичь мирного соглашения с Англией. Англия видит в нашем развитии предпосылки гегемонии, которая может ослабить английские позиции в мире.

Поэтому Англия является нашим врагом, и конфликт с ней будет борьбой не на жизнь, а на смерть. Голландские и бельгийские воздушные базы должны быть оккупированы нашими вооруженными силами, при этом декларация о нейтралитете должна игнорироваться. Если Англия намерена вмешаться в войну с Польшей, мы должны оккупировать Голландию со скоростью молнии... Англия знает, что поражение в этой войне будет означать конец ее как мировой державы. Англия — это движущая сила коалиции против Германии. Англичане сами по себе — гордый, отважный, упорный в сопротивлении народ, одаренный большими организаторскими способностями. Они знают, как использовать каждую возникающую возможность. Им присущи любовь к авантюре и смелость нордической расы. Но средние германские показатели выше. Если бы в Первой мировой войне у нас было на два линейных корабля больше или если бы Ютландская битва началась утром, британский флот потерпел бы поражение, и Англия была бы поставлена на колени. Сейчас континентальные возможности Англии должны быть ликвидированы, армия должна захватить все позиции для укрепления нашего военно-морского флота и военно-воздушных сил. Если Голландия и Бельгия будут успешно оккупированы и удержаны и если Франция тоже потерпит поражение, то фундаментальные условия для успешной борьбы против Англии будут обеспечены».

На что будет похож этот конфликт? «Англия не может покончить с Германией несколькими мощными ударами. Решающее значение для Англии имеет ведение вооруженных действий в максимальном приближении к Руру».

Гитлер наметил оккупацию Бельгии и Голландии. А в целом «война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть... Мы должны сжечь свои корабли и ставить вопрос не о том, кто прав, а кто виноват, но вопрос быть или не быть восьмидесятимиллионному народу».

Гитлер бросался в отчаянную авантюру. Но 23 мая 1939 года ни один из присутствующих не решился ни на какую форму оппозиции. А часть военных уже активно

работала над планами агрессии. Начиная с 7 мая генералы Блюментрит, Рундштедт и Манштейн, создав «рабочий штаб», планировали военные операции против Польши.

Отношение к России

Напомним, что британское правительство лишь 8 мая ответило на выдвинутое 16 апреля Советским правительством предложение о военном союзе. И этот ответ означал практический отказ от такого союза. С этого времени Сталин начал предпринимать попытки сближения с немцами. Уполномоченный в делах СССР в Германии Г. Астахов на переговорах по экономическим проблемам с Ю. Шнурре 7 мая 1939 года затронул более широкие аспекты взаимоотношений двух стран: «Между Германией и Советским Союзом не существует конфликтов, и нет оснований для враждебности между двумя странами. Справедливо, что Советский Союз испытал определенное чувство угрозы со стороны Германии. Несомненно, существует возможность ослабления этого чувства в Москве».

Нарком иностранных дел Молотов, обращаясь к Верховному Совету СССР накануне рокового лета, выдвинул предложение о создании оборонительной системы в Европе, состоящее из трех пунктов: 1) заключение трехстороннего (СССР, Британия, Франция) пакта о взаимной помощи; 2) предоставление гарантий всем государствам Центральной и Восточной Европы; 3) подписание соглашения о формах и объеме помощи государствам, являющимся потенциальными жертвами агрессии.

Одновременно Молотов заявил, что переговоры с Западом не означают отказа от деловых отношений в практической сфере с Германией и Италией. Именно в это время эффективная разведывательная сеть советских спецслужб доложила, что Германия отказалась выполнить желание Японии заключить союз против СССР. В свою очередь Токио отказался заключить с Германией союз против Запада. И у Москвы имелись достоверные сведения о том, что Германия непременно выступит против Польши. До сентября 1939 г. у советской развед-

ки был агент в Форин оффис, позволявший Кремлю знать все о британской политике. В частности, о силе антисоветских предубеждений британских вождей.

Надежда Гитлера покоилась на расширении сотрудничества с СССР и перенесении его в политическую сферу. Он спешил. Выступление против Польши было назначено на 1 сентября. Союз СССР, Британии и Франции мог бы быть единственной преградой господству Германии в Европе. Гитлер 26 мая 1939 года отдал распоряжение интенсифицировать активность на русском участке дипломатического фронта. Послу Шуленбургу было предложено сказать Молотову следующее: «Между Германией и Советской Россией не существует подлинного противоречия интересов... Пришло время рассмотреть возможности умиротворения и нормализации германо-советских отношений. Итало-германский альянс не направлен против Советского Союза. Он направлен исключительно против англо-французской группировки. Если вопреки нашим пожеланиям дело дойдет до враждебных действий в отношении Польши, мы твердо уверены, что даже это никоим образом не приведет к столкновению интересов с Советской Россией. Мы готовы пойти настолько далеко, чтобы сказать: при разрешении германо-польского вопроса — в какой бы форме это разрешение ни произошло — мы будем учитывать русские интересы настолько, насколько это возможно».

Посол Шуленбург должен был также указать, что Британия, к союзу с которой стремится Россия, ничего не может дать русским. Даже военная помощь с ее стороны блокируется возведением немцами Западного вала. «Мы убеждены, что Британия и на этот раз остается верна своей традиционной политике привлечения других для таскания себе каштанов из огня».

Муссолини поддержал (30 мая) инициативу по улучшению отношений с СССР. Отчасти это объяснялось боязнью дуче «раннего» конфликта. Италия, по его словам, могла быть готова к военным действиям только к концу 1942 года.

Посольство Германии в Москве внимательно наблюдало за ходом переговоров представителей СССР с англичанами и французами. Оно знало и сообщало в

Берлин о тупике, образовавшемся ввиду проблемы гарантий Польше, Румынии и балтийским государствам. Как показывают документы германского министерства иностранных дел, немцы тайно поддержали решительный отказ Латвии, Эстонии и Финляндии от советских гарантий.

В мае Черчилль и такие известные английские политики, как Дэвид Ллойд Джордж, Дафф Купер и Леопольд Эмери, начали оказывать давление на правительство в пользу немедленного заключения соглашения с Россией. На многих присутствующих произвела впечатление речь Ллойд Джорджа в парламенте. Ситуация напоминала ему раннюю весну 1918 года. «Мы знали, что готовится гигантское наступление со стороны Германии, но никто не знал, где будет нанесен удар... Ныне существует та же степень секретности, что и в 1918 году. И наши противники стараются смутить нас по поводу того, каковы их цели, но ясно, что они готовятся не к обороне. Они рассматривают схемы нападения на того, кого они избрали в качестве первоочередной жертвы». С точки зрения Ллойд Джорджа, продолжительная война не устраивает диктаторов, она лишает их силы. «Германский идеал заключался в скоротечной войне. В 1914 году германские планы были построены на достижении быстрых результатов, и они были бы достигнуты, если бы не Россия. С тех пор, как стало ясно, что быстрая победа достигнута не будет, их игра была проиграна». Ллойд Джордж указывал, что на этот раз немцы технически более подготовлены, в частности, они создали тысячи бомбардировщиков.

Речь Ллойд Джорджа подействовала на присутствующих как холодный душ. Еще несколько месяцев назад подобные мысли высмеивались и отвергались, казались плодом воспаленного воображения. Но теперь обстановка радикально изменилась.

Особое внимание членов Палаты представителей вызвала оценка сложившейся ситуации Черчиллем: «Я не в состоянии понять сомнения противников соглашения с Россией, учитывая широкие и простые предложения Советского правительства. Эти предложения предусматривают тройственный союз против агрессии,

союз между Англией, Францией, Россией, который может распространить свое влияние на другие страны, если это влияние будет затребовано... Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не будут обращаться как с равным партнером. Никто не желает связываться с нерешительным руководством и с неопределенной политикой. Наше правительство должно понять, что никто в государствах Восточной Европы не может пойти на войну протяженностью в год, если за их спиной не будет массивной и мощной поддержки дружественной России, связанной с коалицией западных держав, и я согласен с господином Ллойд Джорджем в том, что мы должны обеспечить эффективную поддержку дружественной Советской России. Без эффективного Восточного фронта не может быть прочной защиты наших интересов на Западе, а без России не может быть эффективного Восточного фронта. Если правительство, не изучив технические элементы проблемы, связанные с обороной Польши и Румынии, теперь отвергнет необходимую помощь России, то тем самым оно приведет нас к худшему из всех возможных результатов, худшей из всех войн».

Каковы же были контраргументы английского правительства? Галифакс утверждал, что такой договор будет негативно воспринят Японией. Румыния выступит против него вместе с Польшей. К договору неприязненно относятся английские католики. Реакцией Испании может быть ее присоединение к странам «оси». Последует отчуждение Италии. Возникнут возражения у Португалии. Гитлер может предпринять «отчаянные меры». Нетрудно увидеть, что речь идет либо о предрешенном (союз Италии с Германией), либо о явно второстепенном. Напрасно лучшие умы — Ллойд Джордж, Черчилль, Иден — требовали немедленного соглашения с СССР. Чемберлен открыто признал, что не испытывает в этом отношении никакого энтузиазма. Между двумя странами — СССР и Великобританией — «существует некое подобие стены, которую трудно преодолеть». Черчилль полагал, что такая стена существует прежде всего в сознании премьер-министра. Журналист Колин Кут писал, что Чемберлен «по существу желает доминирова-

ния в Европе нацистских идей из-за фантастического негативного отношения к Советской России».

Сам Черчилль смог подняться выше идеологических разногласий, когда на карту было поставлено выживание его страны; 19 мая он сказал, обращаясь к скамье, где сидел Чемберлен и его министры: «Когда вы пытаетесь оценить заинтересованность и лояльность русского правительства в этом вопросе, вы не должны руководствоваться сантиментами. Вы должны руководствоваться анализом вовлеченных в эту ситуацию жизненных интересов. Главные жизненные интересы России диктуют ей необходимость сотрудничества с Великобританией и Францией с целью предотвращения дальнейших актов агрессии». Черчилль прямо спросил у премьера и его кабинета: «Готовы ли вы быть союзником России во время войны?» И, предупреждая ответ, заметил: «Ясно, что Россия не собирается заключать соглашения, если с ней не обращаться как с равной, она должна не только ощущать равенство, но и быть уверенной в том, что методы союзников — на мировом фронте — наилучшим образом ведут к успеху».

Лишь под давлением группы обеспокоенных членов Палаты общин Чемберлен 23 мая 1939 года дал свое согласие на переговоры с советскими представителями о заключении союза СССР, Великобритании и Франции.

Прошел май, наступил июнь, но Чемберлен не спешил. Из Москвы запросили о присылке чрезвычайного представителя, и Антони Иден предложил свою кандидатуру. У него были веские основания претендовать на участие в этой миссии — прежде он был министром иностранных дел, встречался со Сталиным и, кажется, нашел с ним общий язык. Но Чемберлен избрал Уильяма Стрэнга, о котором Черчилль сказал: «Способный чиновник, но не имеющий влияния за пределами министерства иностранных дел». Его выбор, по мнению Черчилля, был ошибкой, ибо «посылка столь второстепенной фигуры означала фактическое оскорбление». Размышляя о возможностях переговоров в Москве, Никольсон записал в дневнике 19 июня: «Должен признаться, что у меня дурные предчувствия».

Как и следовало ожидать, выдвижение кандидатуры

Стрэнга отрицательно подействовало на Сталина. Серьезен ли Лондон в момент, когда речь идет о всеобщем выживании? Подозрительность Сталина, его незнание Запада, особенность сформировавшейся в СССР системы заставили обостренно и недоверчиво воспринимать все действия западных союзников. Роковой ошибкой Советского правительства было то, что оно не видело принципиального различия между фашистскими режимами Германии и Италии (с последней у СССР были особенно тесные отношения) и буржуазными демократиями Британии и Франции. В Москве думали о них прежде всего как о недавних лидерах интервенции.

Политические переговоры в Москве многократно описаны, и мы опускаем детали. Отметим лишь, что шли они неспешно и никак не отражали экстренности причины, их породившей. Чемберлена и Галифакса устраивал замедленный ход переговоров, они поощряли перерывы. Казалось бы, англичане должны были почувствовать серьезность надвигающихся событий. Например, 7 июля 1939 года из Рима была получена телеграмма, в которой Муссолини просил британского посла: «Скажите Чемберлену, что, если Англия готова сражаться за Польшу, Италия сомкнет штыки со своим союзником Германией».

После двух недель переговоров в «Правде» 29 июня появилась статья члена Политбюро Жданова, возглавлявшего Комитет по иностранным делам Верховного Совета СССР: «Мне кажется, что британское и французское правительства не готовы к заключению соглашения, приемлемого для СССР, а стремятся лишь продемонстрировать общественному мнению своих стран якобы несговорчивую позицию СССР и таким образом упростить для себя задачу заключения соглашения с агрессорами... Им нужен договор, по которому России будет отведена роль чернорабочего, несущего на своих плечах бремя обязательств. Ни одна уважающая себя страна не пойдет на такой договор, если не хочет стать игрушкой в руках людей, привыкших таскать каштаны из огня чужими руками. Следующие несколько дней покажут, так это или нет».

Посол Шуленбург сразу же увидел в этом сигнале

стремление «возложить на Британию и Францию вину за возможный провал переговоров».

В это время, как пишет А. Буллок, «из донесений, присылаемых Зорге из Токио, Сталин уже уяснил, что причина отказа японцев примкнуть к военному союзу с Германией кроется в осознании того, что Гитлер и Риббентроп в значительно большей степени заинтересованы в их участии в войне не против СССР, а в войне против Англии и Франции. Если бы СССР смог аналогичным образом сохранить нейтралитет перед лицом военного конфликта Германии с великими державами Запада, это, по крайней мере, позволило бы Сталину выиграть время и, возможно, в уплату за нейтралитет, обеспечить территориальные и стратегические преимущества в Восточной Европе. Выигрыш во времени дал бы Сталину возможность укрепить боевую мощь СССР к тому моменту, когда Гитлер начнет осуществление своих планов в отношении России».

Спустя три месяца после советского предложения о переговорах, 13 июля, Черчилль выступил на страницах «Дейли миррор»: не может быть извинений «необъяснимой задержке» в подписании договора между Москвой, Парижем и Лондоном. Премьера же Чемберлена эта задержка не волновала. Он писал сестре: «Я так скептически отношусь к вопросу о ценности русской помощи, что не думаю, что наша позиция сильно ухудшится, если мы обойдемся без них».

Гитлер, напротив, хорошо понимал, что в случае формирования тройственного союза он будет превзойден в людях и вооружении. Он будет «перехитрен», ему нужно будет пересмотреть военные планы и постараться выиграть время. 11 августа 1939 г. Гитлер сказал Карлу Буркхардту, комиссару Лиги Наций в Данциге: «Все, что я предпринимаю, направлено против русских. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, тогда я буду вынужден пойти на соглашение с русскими, побить Запад и затем, после его поражения, снова повернуть против Советского Союза всеми моими силами».

Черчилль полагал, что создание ситуации двух фронтов «стоило бы Гитлеру жизни». По его мнению, Чемберлен допустил грубую ошибку, не поставив восходя-

щую звезду британской политики, молодого консерватора Антони Идена, во главе английской делегации, отправившейся для переговоров в Советский Союз. Второй ошибкой Черчилль считал назначение главой английской делегации Стрэнга, чиновника, не имеющего никаких специальных полномочий, ничего не знающего о советской политической системе. Третьей ошибкой явилось то, что англичане слишком долго собирали делегацию, ее следовало послать на несколько месяцев раньше. Более того, такую делегацию в Советский Союз надо было послать уже в августе 1938 года — еще до Мюнхена. Черчилль полагал, что Советский Союз с большей готовностью выступил бы за дружественную Чехословакию, с которой у него имелись достаточно тесные отношения. В случае с Польшей дело обстояло сложнее. Но и здесь прогресс был возможен при большей гибкости и настойчивости Запада.

К сожалению, члены английской делегации, сидевшие на переговорах в Москве, думали, подобно Чемберлену и Галифаксу, что Красная Армия не такое уж и приобретение. И они не видели особой опасности в промедлении. Это было опасное заблуждение.

Советско-германский договор

В июне 1934 г. в газете «Правда» появилась статья, инспирированная Сталиным, «За Родину», «которая одна только поддерживает горение героизма, горение творческой инициативы во всех областях, во всех сферах нашей богатой, многосторонней жизни... Защита отечества есть высший закон». XVIII съезд ВКП(б) знаменовал окончательную смену политической парадигмы Советской России. Строительство социализма окончательно стало означать не приближение мировой революции, а создание мощного современного государства. Вождь обращается к русской истории в поисках предтеч его курса. Пушкинское выражение «поднять историю на дыбы» цитируется им обильно. Он беседует с Алексеем Толстым в таком духе: «Эпоха Петра Первого — одна из величайших страниц в истории русского народа. Необходима была решительная революция во всех сферах

жизни страны, нужно было поднять Россию до уровня культурных стран Европы. И Петр сделал это. Эпоха Петра и наша перекликаются друг с другом своего рода вспышками силы, взрывами человеческой энергии и мощью, направленной на освобождение от иностранной зависимости». И те, кто еще недавно воспевал мировую революцию, говорили теперь о себе (вслед за Маленковым) как о «слугах государевых». Теперь идеологические шоры не сдерживали Сталина.

В июне немцы предприняли зондаж возможностей начать переговоры со Сталиным, но без малейшего успеха. Однако в середине июля Москва сделала важный шаг навстречу Германии. Советский торговый представитель в Берлине Н. И. Бабарин сообщил 18 июля своему германскому партнеру Шнурре, что СССР хотел бы расширить двусторонние экономические отношения. Русские довели до сведения Германии, что возможна конкретизация экономического соглашения, как и более широкая договоренность. После позитивного ответа Германии через четыре дня было объявлено о возобновлении в Берлине советско-германских торговых переговоров. Шнурре 26 июля пригласил поверенного в делах СССР Астахова и главу советской торговой миссии Варварина на обед. Вот что он говорил советским дипломатам: «Что может Британия предложить России? В лучшем случае участие в европейской войне и враждебность Германии. Что можем предложить мы? Нейтралитет и отстраненность от возможного европейского конфликта и, если того пожелает Москва, германо-русское понимание взаимных интересов, что, как и в прошлые времена, будет служить на пользу обеим странам... У Германии и России нет противоречий по всей линии от Балтийского и Черного морей до Дальнего Востока. И в дополнение, несмотря на все различия в образе жизни, существует одно общее в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям Запада».

Астахов заметил, что в восстановлении дружественных отношений заинтересованы оба государства. Немец не согласился. Если СССР подпишет соглашение с Англией, возможность достижения согласия исчезнет. По-

литика Германии, по мнению Шнурре, направлена против Англии, но не против СССР. Астахов дал обещание немедленно связаться с Москвой и задал вопрос: «Если состоится советско-германская встреча на высшем уровне, будет ли немецкая сторона придерживаться вышеизложенной точки зрения?» На это Шнурре ответил уверенно: «Непременно».

Вайцзеккер запрашивал Шуленбурга, не ощущается ли в Москве отзвук бесед, проводимых в Берлине? «Если у вас будет возможность беседовать с Молотовым, пожалуйста, прощупайте его на этот счет. Что же касается политического аспекта переговоров с русскими, то мы считаем, что выжидательный срок (намеченный Гитлером на 30 июня) истек. Теперь Гитлер хочет как можно скорее подписать соглашение; возобновление переговоров возложено на послов». У немцев были все основания спешить: 23 июля англичане и французы наконец согласились с предложением СССР начать штабные переговоры. По мнению германского посла в Париже фон Вельчека, они согласились на эти переговоры, только ощутив опасность срыва переговоров политических.

Одной из причин нежелания западных стран вести военные переговоры было, как уже отмечалось, скептическое отношение Лондона и Парижа к Красной Армии. Еще 6 марта 1939 года военный атташе британского посольства полковник Файербрейс и военно-воздушный атташе Холэвелл прислали своему правительству оценку военных возможностей Красной Армии. Они указывали, что у этой армии значительные оборонительные возможности, но на нее нельзя серьезно полагаться в наступательных операциях. Гибель в политических чистках целого поколения офицеров чрезвычайно ослабила армию. Британские эксперты указывали, что противник может без особого труда вывести из строя те элементы армейской системы, без которых войска останавливаются. (Но оба офицера отмечали, что Красная Армия, убежденная, что предстоит война, упорно к ней готовится.)

Переговоры военных миссий не дали ожидаемых результатов. Нет сомнения, что многое решило невысокое представительство западных союзников. С совет-

ской стороны в переговорах участвовали нарком обороны, начальник Генерального штаба, командующие военно-воздушных и военно-морских сил. Французскую делегацию возглавлял генерал Думенк, бывший начальник штаба генерала Вейгана. Англичане же выглядели просто одиозно. Еще месяц назад переговоры с поляками вел начальник генерального штаба генерал Айронсайд. А в Москву был послан адмирал Дракс, о котором германский посол Дирксен писал, что он «практически находится в списке подготовленных к отставке и никогда не был в составе военно-морского штаба». По мнению Дирксена, «задачей военной миссии будет определение боевых возможностей советских войск, а не заключение соглашения о военных операциях... Атташе вермахта разделяют скепсис британских военных кругов относительно предстоящих переговоров с советскими военными».

Дело даже не в том, что глава этой миссии адмирал Дракс не имел письменных полномочий на переговоры (на что жаловался Ворошилов). Сейчас мы знаем содержание инструкций, данных ему при отплытии: «Продвигаться в военных переговорах медленно, соразмеряя их с политическими переговорами». Не следует обмениваться конфиденциальной военной информацией до подписания политического соглашения. Дракс отверг предложение вылететь в Москву, он предпочел путешествовать на старинном пароходе, шедшем в Ленинград с черепашьей скоростью. Английские берега были оставлены 5 августа, а в Москве он появился лишь 11 августа. Возможно, это было роковое промедление.

Молотов объявил, что возобновление политических переговоров (приостановленных 2 августа) последует только вслед за прогрессом в военных переговорах. Британское правительство посчитало возможным не внять этому предупреждению. Вероятно, англичане полагали, что, затягивая переговоры, они усложняют задачу Гитлеру, отвращают его от последнего шага.

Переговоры военных в Москве также описаны многократно. Отметим лишь два показательных момента. «Линия Мажино», по словам Думенка, простиралась «от швейцарской границы до моря». Можно быть любого

мнения о Ворошилове, но о расположении всемирно известных укреплений он знал. Это первое. Второе: Дракс уверял, что Англия выставит «на ранней стадии войны» до шестнадцати дивизий. А незадолго до переговоров англичане сообщили французам, что войск у них в четыре раза меньше, в чем им, в конце концов, и пришлось признаться Ворошилову. Согласно записи французского участника переговоров, в результате этого инцидента «советская делегация лучше, чем прежде, поняла огромную слабость Британской империи».

Каковы действия Польши в случае войны? Как будет происходить процесс помощи со стороны англичан французам на Западном фронте? Позиция Бельгии? Думенк, выглядевший наиболее представительным среди западных военных, ответил, что не знает планов Польши (а ведь месяц назад в Варшаве вел переговоры начальник британского генерального штаба Айронсайд). В Бельгию французские войска без приглашения Брюсселя не войдут. Главный вопрос Ворошилов задал 14 августа 1939 года: позволено ли будет Красной Армии пройти через Вильно и Польскую Галицию? Если не осуществить этого выхода, немцы быстро оккупируют Польшу и выйдут к границе СССР. «Мы просим о прямом ответе на эти вопросы... Без четкого, прямого ответа на них продолжать эти военные переговоры бесполезно». Английская делегация сообщила в Лондон, что русские «подняли фундаментальную проблему, от которой зависит успех или неудача переговоров, которая лежит в основе всех наших трудностей с самого начала политических переговоров, а именно, как достичь рабочего соглашения с Советским Союзом в обстановке, когда сосед этой страны придерживается своеобразного бойкота, который будет отменен только тогда, когда будет слишком поздно».

Генерал Думенк телеграфировал в Париж: «СССР желает заключения военного пакта... Он не желает подписывать простой листок бумаги. Маршал Ворошилов указал, что все проблемы будут решены без затруднения, как только то, что он назвал критическим вопросом, будет разрешено». Ныне известные документы свидетельствуют, что Лондон и Париж пытались оказать давление на Вар-

шаву, но она стояла на позиции, которая вела к катастрофе. Западные историки дают крайне нелестную оценку стратегическому мышлению польского правительства.

Необходимость дать ответ на советский запрос заставила английского и французского послов явиться 18 августа к полковнику Беку. В этот день, когда до конца восстановленного Польского государства оставалось менее двух недель, его президент заявил, что советские войска «не имеют военной ценности», а начальник польского генерального штаба согласно закивал головой. Через два дня министр иностранных дел Польши официально отверг требование англичан и французов пропустить советские войска: «Я не хочу об этом больше слышать». Помимо прочего, он вновь сослался на то, что согласие Польши провоцировало бы, по его мнению, нападение со стороны Германии.

Поверхностность суждений польского правительства поразила английского и французского послов, и они 19 августа снова попытались склонить поляков принять советское предложение. Теперь министр иностранных дел Бонне, все предшествующие годы стоявший на позициях умиротворения, был всерьез напуган их самоубийственной неуступчивостью: «Было бы ужасным, если бы в результате польского отказа переговоры с русскими потерпели бы крах». Он — это был серьезный шаг — предложил сделать согласие Польши на советскую военную помощь условием предстоявшего формального подписания англо-польского договора о взаимопомощи. Увы, Чемберлен и Галифакс не пошли так далеко в своем давлении на поляков. Гарольд Макмиллан, оценивая поведение англичан, считал их жертвами «искаженного представления о себе». Они видели в Великобритании сверхдержаву, а в СССР — просящую сторону, не учитывая опыт двух последних десятилетий: англичане были интервентами в России, они лишили ее (согласно договорам) дореволюционных территорий. В то же время отношения СССР с Германией в межвоенный период порой становились очень тесными.

В конечном счете, как пишет У. Манчестер, «Британия и Франция не могли гарантировать Сталину мира —

а Гитлер мог. Нацистско-советский пакт о ненападении означал бы мир для России, которая предпочитала остаться нейтральной, и означал бы, без потери единого солдата Красной Армии, возвращение территорий, отнятых Румынией, отданных Польше, возвращение балтийских государств, потерянных Россией двадцать лет назад под давлением западных держав. Если бы Сталин выбрал этот курс и западные союзники были разбиты, он мог бы оказаться перед Германией в одиночестве. Но к тому времени Гитлер мог быть мертв или свергнут, Германия могла потерпеть поражение. Соблазн избежать попадания в водоворот, выиграть время для вооружения был огромным». В те дни даже ведущий американский обозреватель У. Липпман писал: «Отдав Чехословакию в жертву Гитлеру, Британия и Франция в реальности пожертвовали своим союзом с Россией».

Когда Сталин решил протянуть руку Германии? Майский говорил Бусби, что толчком послужило 19 марта 1939 года, в этот день Лондон отверг предложение о «встрече шести» в Бухаресте. Черчилль откровенно признавался, что для него уловить этот момент было невозможно. Но он подчеркивал, что еще до середины августа положение можно было спасти. Нам сейчас известно, что у Сталина наряду с первым каналом — переговорами с англо-французами — уже был открыт второй канал — связи с Берлином.

Согласно «Заметкам для дневника» М. М. Литвинова, Сталин открыл для себя возможность и необходимость переговоров с немцами в период «Мюнхена». В записи за январь 1939 года говорится: «Сталин инструктировал посла СССР в Германии Меркулова начать переговоры с германским министерством иностранных дел. Следовало сказать: «До сих пор мы не могли пойти на соглашение, а теперь можем».

Получив в конце июля сообщения о дипломатических демаршах немцев, Сталин отдал распоряжение предоставить данные о Гитлере и нацизме. Он начал с «Истории германского фашизма» Конрада Гейдена и «Германия вооружается» Дороти Вудмен. В «Майн кампф» он отчеркнул абзацы о жизненном пространстве

Германии на востоке. Шуленбург уловил большую заинтересованность Молотова, но советский комиссар никак не спешил.

Французы были более чувствительны к нюансам позиции Москвы. Посол Кулондр задолго до начала советско-германских переговоров предупредил Кэ д'Орсэ, что СССР и Германия могут найти взаимопонимание и поделить Польшу между собой; 22 мая 1939 года он сообщал о словах Риббентропа: Польша «рано или поздно должна будет исчезнуть, будучи поделенной между Германией и Россией».

Дипломатическая машина нацистов прибавила обороты. В то время, когда Дракс на тихоходном пароходе плыл к Ленинграду, немцы (3 августа) предприняли очень важные и действенные меры. Риббентроп сам стал посылать телеграммы Шуленбургу: «Германия желает перестроить германо-русские отношения, от Балтики до Черного моря нет проблемы, которая не могла бы быть решена к нашему взаимному удовлетворению».

Молотов скептически отнесся к заверениям немцев. А что они могут сказать об «Антикоминтерновском пакте», позиции Японии, поддерживающей Германию, неприглашении СССР в Мюнхен? Но послу стало ясно, что Молотов приоткрывает дверь. «Мое общее мнение заключается в том, что советское правительство в настоящее время полно решимости заключить соглашение с Британией и Францией, если те выполнят все советские пожелания... Я полагаю, что мое заявление произвело впечатление на Молотова; тем не менее, от нас потребуются значительные усилия, чтобы обеспечить поворот курса Советского правительства».

Можно представить себе волнение в Берлине. Без СССР западные союзники не сумеют помочь Польше. Перемену в эмоциональном климате германской столицы отметил французский поверенный в делах Сент-Ардуэн: «Период замешательства, колебаний, склонности к выжиданию и даже умиротворению сменился у нацистских лидеров новой фазой». Написано это было 3 августа 1939 года.

А через десять дней, 12 августа, Астахов информировал Шнурре, что Молотов готов обсудить вопросы,

поднятые в немецких заявлениях. Местом таких переговоров может быть Москва. Но не нужно спешки, действовать следует постепенно. Гитлер получил сообщение об этом в Оберзальцберге. Он уже определил дату нападения на Польшу и потребовал от Шуленбурга ускорить процесс, невзирая на советские требования постепенности. Именно в эти дни Шуленбург писал, что Молотов — «странный человек с тяжелым характером», но все же «любых поспешных шагов в отношениях с Советским Союзом следует избегать».

В понедельник, 14 августа, этот процесс не мог не получить ускорения. Необходимо было дать положительный или отрицательный ответ на «чрезвычайно срочную» телеграмму из Берлина. «Германо-русские отношения подошли к историческому поворотному рубежу... В отношениях Германии и России не существует реального конфликта интересов... Обеим странам было хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами... События могут принять такой оборот, когда восстановление германо-русской дружбы станет невозможным, когда трудно будет совместно прояснить территориальные вопросы в Восточной Европе. Руководство обеих стран не должно позволить ситуации выйти из-под контроля. Было бы фатальной ошибкой, если бы оно стало жертвой взаимного непонимания и два народа разошлись бы врозь».

Риббентроп писал в Москву, подыгрывая Сталину, что англичане и французы «пытаются вовлечь Россию в войну с Германией» (это был точный повтор слов Сталина на XVIII съезде партии). Он добавлял: «Я готов совершить краткую поездку в Москву, чтобы изложить точку зрения фюрера Сталину».

Совсем недавно британский министр Галифакс отказался прибыть в советскую столицу, а министр иностранных дел рейха готов был осуществить это немедленно. Естественно, на Кремль это должно было произвести впечатление. Не случайно Риббентроп потребовал от Шуленбурга, чтобы телеграмма была вручена Сталину лично.

14 августа Гитлер собрал своих высших военачальников в Оберзальцберге и начал конференцию словами:

«Великая драма приближается к своей кульминации». Далее он обрисовал политическую ситуацию в Европе. Британия и Франция не будут воевать. «У Британии нет лидеров нужного калибра. Лидеры, которых я видел в Мюнхене, не способны начать новую мировую войну... Англия, в противоположность тому, что случилось в 1914 году, не позволит себе ошибки воевать на протяжении нескольких лет... Такова судьба богатых стран... У Англии ныне нет даже денег вести мировую войну. И за что Англия будет сражаться? Никто не позволит убить себя даже ради союзника». Франция не преодолеет «Западный вал». Бросок через Бельгию не спасет поляков. Польша, оставленная один на один с Германией, погибнет через неделю. Мир убедится в ее крахе и не будет пытаться ей помочь.

Что касается России, то она «ни в малой степени не расположена таскать каштаны из огня для других». С Москвой имеются контакты, и вскоре ему, фюреру, придется решать, какого ранга лицо должно будет отправиться в Москву на переговоры. У СССР нет обязательств перед Западом. Русские с пониманием отнесутся к разрушению Польши. Они заинтересованы в «разграничении сфер интересов».

В середине августа Гитлер начал непосредственные военные приготовления. Очередной съезд партии, созываемый под лозунгом «Съезд мира», был отменен. Железные дороги начали работать в мобилизационном режиме. Завершилась подготовка перевода штаба сухопутных войск в Цоссен. Адмирал Редер доложил о готовности подводных лодок выйти в Атлантику. Генерал Гальдер 17 августа упомянул о «150 польских униформах с аксессуарами для Верхней Силезии». Речь шла об операции «Гиммлер» — имитации захвата поляками радиостанции в приграничном немецком городе Гляйвиц, должной послужить предлогом, «переполнившим чашу терпения» германского народа.

В Москве фон Шуленбург встретился с Молотовым вечером 15 августа и, согласно категорически составленной инструкции, зачитал телеграмму Риббентропа. Молотов выслушал посла «с величайшим интересом» и «тепло приветствовал германское намерение улучшить

отношения с Советским Союзом». Предметом обсуждения стала возможность подписания пакта о ненападении и оказание Германией влияния на Японию с целью улучшения советско-японских отношений. Молотов запросил мнение германского правительства о совместных гарантиях балтийским государствам. «Эти вопросы, — сказал Молотов, — должны решаться конкретно и таким образом, чтобы в случае прибытия сюда германского министра иностранных дел последовал бы не протокольный обмен мнениями, а были заключены конкретные соглашения».

Позитивный ответ Москвы был передан ранним утром 16 августа Риббентропу, и тот поспешил к Гитлеру в Оберзальцберг. Новый документ — шаг в диалоге — был готов уже к полудню, и Риббентроп бросился к телетайпу для передачи через Берлин новой инструкции послу Шуленбургу. Предложение Молотова принято. «Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, и, если Советское правительство того желает, этот пакт не будет подлежать денонсации в течение двадцати пяти лет. Далее, Германия готова дать гарантии балтийским государствам совместно с Советским Союзом. Наконец, Германия согласна оказать влияние на Японию с целью улучшения и консолидации русско-японских отношений... Я готов прибыть в Москву самолетом в любое время после пятницы, 18 августа, чтобы иметь дело, на основе всех полномочий, данных мне фюрером, со всем спектром германо-русских отношений».

Для Гитлера наступило время томительного ожидания. В Москве же дела шли неспешно. Шуленбург договорился о приеме Молотовым лишь в 8 часов вечера 17 августа. Молотов не склонен был торопиться. Он предлагал поэтапное продвижение. Первая стадия — заключение торгово-кредитного соглашения, вторая — подписание пакта о ненападении. Предложение Риббентропа о приезде в Москву было воспринято положительно. «Оно представляет собой заметный контраст с Англией, которая в лице Стрэнга послала в Москву второстепенного чиновника». Но Советское правительство не хотело бы делать объявление об этом визите в настоящий

момент. Встреча с Молотовым не дала Шуленбургу особых оснований для надежд. Риббентроп дал послу Шуленбургу готовый текст проекта договора. Но на Молотова он, похоже, не произвел впечатления. Шуленбург в течение часа уговаривал Молотова назвать точную дату приезда Риббентропа. Молотов объяснил, что прежде следует выработать торговое соглашение. Если торговое соглашение будет подписано 20 августа, то Риббентроп может прибыть в Москву для подписания договора.

Немцы не желали затягивать диалог. Соглашение о торговле было заключено уже 18 августа — Оберзальцберг спешил подписать пакт о ненападении. Он обещал при разрешении проблем будущего «принять русские пожелания во внимание. Например, разделение сфер интересов в балтийском регионе».

Приказ о выходе в море подводных лодок задерживался до получения известий из Москвы. Риббентроп потребовал передавать все высказываемое Молотовым телеграммами. Германский посол 18 августа попросил у Молотова аудиенции. В ходе нее Молотов «довольно неожиданно» заговорил об отсрочке визита Риббентропа: требуются более тщательные приготовления. Расстроенный донельзя Шуленбург возвратился в посольство, не зная, как сообщить Гитлеру об остановке его блицманевра. Страх перед Гитлером был столь велик, что аристократ Шуленбург встал на колени: он молился. И Всевышний услышал. В половине пятого раздался звонок Молотова, посла просили вернуться.

В Бергхофе Гитлер и Риббентроп лихорадочно читали телетайпную ленту. По воспоминаниям Гауса, фюрер воздел руки к небу и радостно рассмеялся. Эту ночь он не мог заснуть. Он ожидал теперь полного отчета Шуленбурга. Из Берлина сообщили, что глава советской торговой миссии Астахов поздно вечером позвонил Шнурре и выразил согласие подписать торговый договор. Гитлер не выдержал, к рассвету он удалился в спальные покои. И именно в это время пришел подробный отчет посла.

Желанная для немцев телеграмма пришла 19 августа в 7 часов 10 минут утра. Шуленбург объяснял внезапное решение советской стороны непосредственным вмеша-

тельством Сталина. «Советское правительство согласно с прибытием министра иностранных дел рейха в Москву через неделю после объявления о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что, если объявить о заключении экономического соглашения завтра, министр иностранных дел рейха мог бы прибыть в Москву 26 или 28 августа. Молотов вручил мне проект пакта о ненападении».

Но Гитлер не мог терпеть целую неделю. Впервые он обратился к Сталину лично (20 августа). «Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня формирование германской политики на долгое время. Германия таким образом возобновляет политический курс, который был так благоприятен для обоих государств на протяжении прошлых столетий... Я принимаю проект пакта о ненападении... Напряжение в отношениях между Германией и Польшей стало невыносимым. Кризис может разразиться каждый день. Германия полна решимости оградить интересы рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Поэтому я предлагаю вам принять министра иностранных дел во вторник, 22 августа, или, самое крайнее, в среду, 23 августа».

Как полагает английский историк А.Буллок, «Гитлер пошел на уловку с письмом, проигнорировав тот факт, что формальный глава Советского правительства — Молотов, и обратился непосредственно к Сталину. То, что Гитлер поставил на карту свой престиж, не будучи уверенным в ответе, убедило генсека, что у Гитлера серьезные намерения.

В то время англо-польский пакт еще не был подписан, и Галифакс мог сделать условием его подписания согласие Бека на помощь СССР. Французы говорили об этом прямо. Но Чемберлен заявил, что не будет участвовать в подобных «маневрах». Пытаясь спасти положение в оставшиеся недолгие часы, Даладье приказал Думенку сообщить Молотову, что французы одобряют «в принципе» право русских пересечь границу Польши в случае агрессии Гитлера. Увы, Даладье опоздал.

По свидетельству ближайшего окружения фюрера, Гитлер, ожидая ответа, был на грани коллапса. Он не мог

заснуть. Ответ Сталина пришел 21 августа в половине десятого вечера. «Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях друг с другом. Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении закладывает основания для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими двумя странами. Советское правительство поручило мне информировать вас, что оно согласно с прибытием господина фон Риббентропа в Москву 23 августа». Шпеер вспоминает, что, прочитав текст, Гитлер «на мгновение застыл, вперившись в пространство, побагровел и грохнул кулаком по столу, так, что задребезжали стаканы, и воскликнул прерывающимся голосом: «Они у меня в руках! Они у меня в руках!» Секунду спустя он уже вполне овладел собой. Никто не осмеливался ни о чем спросить, трапеза продолжалась».

Вечером следующего дня берлинское радио прервало музыкальную программу неожиданным для всего мира объявлением: «Правительство рейха и Советское правительство согласились заключить между собой пакт о ненападении. Рейхсминистр иностранных дел прибывает в Москву в среду, 23 августа, для завершения переговоров».

Гитлер без колебаний подписал документы, дававшие Риббентропу неограниченные полномочия. Любое делегирование полномочий было приемлемо ради нейтралитета Советского Союза.

Риббентроп 23 августа вылетел в Кенигсберг, провел всю ночь в звонках в Берлин и Берхтесгаден; 23 августа, в полдень, два больших германских «Кондора» приземлились в Москве. Короткий ленч в посольстве, и кортеж машин въехал в Кремль. Уже через час после прибытия Риббентропа в Москву он был принят Сталиным в Кремле. Первая встреча Сталина и Риббентропа длилась три часа. Ее итоги, как немедленно телеграфировал министр Гитлеру, были «благоприятными». Главные документы — договор о ненападении и секретный протокол — подписаны во время второй встречи, вечером того же дня. Сталин обратил внимание лишь на излишне цветистую вставленную Риббентропом в преамбулу договора фразу

о дружбе. Он сказал, что шесть лет взаимных поношений не позволяют публиковать такие слова.

Помощники готовили текст, а Сталин и Риббентроп согласились в низкой оценке Британии, а рейхсминистр заверил в сугубо антизападной направленности «Антикоминтерновского пакта» и позволил себе шутку: «Сталин еще примкнет к Антикоминтерновскому пакту». Сталин предложил тост за здоровье фюрера.

Соглашение между СССР и Германией состояло из двух частей — собственно договора о ненападении и секретного дополнительного протокола. В договоре говорилось, что в случае нападения на одну из сторон третьей стороны вторая «не окажет этой третьей стороне никакой помощи». Ни СССР, ни Германия «не присоединятся ни к какой группе держав, которые прямо или косвенно направлены против второй стороны».

В секретном протоколе говорилось: «1. В случае территориальных и политических трансформаций на территориях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет представлять собой границу сфер интересов Германии и СССР. 2. В случае территориальной и политической трансформации территорий, принадлежащих польскому государству, сферы интересов Германии и СССР должны пролегать примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о заинтересованности обеих сторон в сохранении независимого польского государства и о границах этого государства может быть окончательно определен только в ходе дальнейших политических процессов. В любом случае оба правительства разрешат этот вопрос в духе дружеского взаимопонимания». Советский Союз также выразил заинтересованность в Бессарабии, захваченной Румынией в 1918 году, а Германия объявила о своем безразличии к судьбе этой территории.

Итак, в секретном протоколе Польша была поделена на советскую и германскую зоны влияния по рекам Нарев, Висла, Сан. Немцы претендовали на влияние в Литве включая Вильнюс (бывший тогда в составе Польши). СССР вводил в сферу своего влияния Фин-

ляндию, Эстонию и часть Латвии. Сталин стал претендовать на всю Латвию целиком. Риббентроп позвонил Гитлеру, и тот, бросив взгляд на карту, согласился. По оценке Буллока, «Сталин вернул земли, аннексированные Польшей в 1920 году, области Белоруссии и Украины, солидную часть исконных земель Польши, добавив к этому три из четырех балтийских государств, утраченных в 1917 году (так оказалась устраненной причинявшая ему массу беспокойства угроза Ленинграду), и Бессарабию, отошедшую к Румынии в 1918 году».

Беседа с Риббентропом, хладнокровный дележ восточноевропейских пространств и последующие банкетные тосты, когда недавние политические противники пили за здоровье друг друга, все же, видимо, не избавили Сталина от сомнений. Когда Риббентроп заполночь покидал зал переговоров, Сталин отвел его в сторону со словами: «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Оно гарантирует словом чести, что Советский Союз не предаст партнера».

Текст секретного протокола стал известен лишь после войны, когда был найден его дубликат в немецких архивах. И лишь в последние годы отыскался оригинал протокола, вызвавший ряд вопросов. (К примеру, почему подпись Молотова сделана на немецком языке и т. п.). Тем не менее, вне всякого сомнения, — это позорная страница в мировой дипломатии. Судьбы миллионов людей решались тайно, за их спиной. Многострадальная Польша была принесена в жертву интересам двух держав.

Но те, кто абсолютизирует зло тайного протокола договора Риббентропа — Молотова, должны помнить, что он, будучи сам по себе аморальным, шел на смену жестоким, несправедливым и тоже аморальным соглашениям. Брест-Литовский мирный договор был подписан тогда, когда Германия поставила кованый сапог на горло России. Версальский мир был выработан в отсутствие и Германии, и России (при этом, напомним, он разделял Россию и Польшу по этнической границе, насильственно передвинутой поляками в 1920 году). Советско-германский договор 1939 года позорен, но справедливо ли унижение России в 1917—1920 годах, когда ее территория при содействии интервентов была оккупирована и пере-

дана враждебным Центральной России силам? Даже те, кто возглавлял интервенцию в эти годы — англичане Ллойд Джордж и Черчилль (два, пожалуй, самых блестящих политика Запада в XX веке), — видели несправедливость захвата русской территории в ходе Гражданской войны. Вудро Вильсон в шестом из своих «14 пунктов» отстаивал тезис о единой России. Прибалтийские провинции и поляки Восточной Польши отчаянно сражались за Россию в ее тяжелый час в 1914—1917 годах. История связала эти народы, и понадобилась немецкая оккупационная политика 1915—1918 годов, чтобы посеять рознь среди верного России населения.

Советско-германский договор не только возвратил утерянные двадцать лет назад территории, но и позволил предоставить советской военной промышленности еще полтора мирных года. Сталин особенно настаивал на этом пункте в своем первом военном выступлении 3 июля 1941 года. Никто, правда, не может с абсолютной точностью сказать, кто больше преуспел за эти полтора года. Советские инженеры и рабочие лихорадочно работали на Урале и за ним, но и немецкая промышленность наращивала свои мощности.

В Берлине экстатически настроенный Риббентроп говорил об «ощущении, что меня окружают старые товарищи по партии». Гитлер назвал его вторым Бисмарком. Внимательно рассмотрев сделанный его личным фотографом Гофманом портрет советского вождя, он пришел к выводу, что Сталин не еврей.

Разумеется, Советский Союз заплатит страшную цену. Но и Запад несет ответственность за случившееся. Как пишет У. Манчестер, «английское и французское правительства сыграли жалкую роль. Более четырех месяцев прошло со времени выдвижения предложений Литвинова. Если бы эта возможность была использована — если бы, скажем, Иден прибыл в Москву облеченным всеми необходимыми полномочиями, — у Гитлера никогда бы не возникло шанса. Россия нуждалась в мире, каждый знал это, но демократии (западные. — А. У.) проявили нечувствительность». Через три года Сталин будет объяснять Черчиллю: «У нас сложилось впечатление, что английское и французское правительства не готовы вступить в войну».

Гитлер так охарактеризовал Муссолини 18 марта 1940 года значение советско-германского договора: «Еще в «Майн кампф» я заявил, что Германия может либо идти с Англией против России, либо с Россией против Англии. Я всегда намеревался сотрудничать с Англией при условии, что она не будет ограничивать Германию в обретении жизненного пространства, особенно на Востоке». Риббентроп — ума палата — приказал это упоминание о «Майн кампф» отослать почтой Советскому правительству. Никто не знает, какова была реакция в Кремле, но если учесть, что книга Гитлера была переведена и достаточно известна, ее можно представить.

Если ликование Гитлера можно понять, то трудно объяснить удовлетворение польского лидера — полковника Бека. Педант по своим привычкам, он в эти десять последних дней мира буквально светился лукавством. Улыбка не сходила с его лица. Своему окружению он сказал, что достигнут большой успех. Он спас Польшу от коммунистов. В Париже и Лондоне не понимали этой эйфории. Позднее французский министр иностранных дел Бонне писал в своих мемуарах: «В эти дни возникло чувство, что происшедшее явилось несчастьем для Франции».

Глубоко оскорбленными почувствовали себя японцы. Правительство Токио усмотрело в действиях Германии предательство «Антикоминтерновского пакта» и выразило официальный протест. Эмоции тем более бушевали в Токио, что новый русский генерал Жуков в июле—августе 1939 г. разгромил японские войска в боях на Халхин-Голе. «Оставленным» наедине с СССР японцам не оставалось ничего иного, как заключить 15 сентября соглашение с Советским Союзом. Сталин, едва ли не панически боявшийся японцев, был в высшей степени удовлетворен расколом в Пакте; ради этого раскола он во многом и шел на договоренность с Германией.

Канун мировой войны.

А Гитлер уже 22 августа созвал в Оберзальцберг своих генералов. Даже много лет знавшие фюрера люди не видели его столь высокомерно настроенным. Бес-

спорный хозяин страны говорил безапелляционным тоном о том, что фактор личностей его и Муссолини образует основу исторического действа. «В базовом смысле все зависит от меня, от моего существования в свете моих политических талантов. Никогда и никому, вероятно, не удастся завоевать доверие немецкой нации так, как это удалось мне. Возможно, никогда больше не появится человек с таким авторитетом, как у меня». Прусские генералы покорно внимали этому «уроку скромности». В Европе, кроме себя, фюрер отметил Муссолини и Франко. «В Англии и Франции нет выдающихся личностей». Далее Гитлер перешел к конкретным вопросам. «Нам нетрудно принять решение. Нам нечего терять; мы можем лишь выиграть. Наша экономическая ситуация такова, что мы не в состоянии держаться более нескольких лет, Геринг может подтвердить это. У нас нет выбора, мы должны действовать. Наши противники рискуют многим, а шансов на успех у них мало. Ставка Англии в войне невообразимо велика. Но нашими врагами руководят посредственности. Нет мастеров, нет людей действия. Никто не знает, сколько мне отпущено еще лет. Сейчас мне пятьдесят, я в самом расцвете сил. И лучше начать войну сейчас, а не через пять лет, когда мы с Муссолини постареем... Политическая ситуация благоприятствует нам: в Средиземном море соперничают Италия, Франция и Англия, на Востоке поднимается давление... Англия находится в огромной опасности. Позиция Франции также ухудшилась. Упадок показателей рождаемости... Югославия содержит в себе микробы распада... Румыния слабее, чем прежде... После смерти Кемаля Турцией правят слабые, неуравновешенные, мелкие умы. Все эти благоприятные обстоятельства не будут длиться более двух или трех лет. Никто не знает, как долго я буду жить. Поэтому финал, который был преждевременным пять или шесть лет назад, следует приблизить. Ганнибал при Каннах, Фридрих Великий при Лойтене, Гинденбург и Людендорф при Танненберге рисковали. И мы должны сейчас пойти на риск, вооружившись железной решимостью... Наступило время испытать военную машину. Армия должна показать

себя в предстоящей битве, прежде чем наступит большое и окончательное сведение счетов на Западе».

Козырную карту Гитлер приберег под занавес. «У врага была надежда, что Россия станет нашим противником после завоевания Польши. Враг не рассчитал величайшей силы моей решимости. Наши враги — это маленькие черви. Я видел их в Мюнхене. Я был убежден, что Сталин никогда не примет английского предложения. Только безудержный оптимист мог поверить в то, что Сталин настолько потеряет рассудок, что не увидит подлинный смысл английских намерений. У России нет никакого интереса поддерживать Польшу... Смещение Литвинова было решающим обстоятельством. Я воспринял его как выстрел пушки, извещающий о перемене позиции Москвы в отношении западных держав. Изменение нашей позиции в отношении России я осуществил постепенно. В связи с торговым договором мы начали политические беседы. В конце концов от русских последовало предложение о заключении договора о ненападении. Четыре дня назад я пошел на особый шаг, который привел к тому, что Россия вчера объявила о том, что готова подписать договор. Личный контакт со Сталиным установлен. Послезавтра Риббентроп подпишет договор. Сейчас Польша находится в том положении, в какое я хотел ее поставить... Нам не нужно бояться блокады. Восток снабдит нас зерном, скотом, углем, свинцом и цинком. Это грандиозная цель, требующая грандиозных усилий. Единственное, чего я боюсь, так это того, что какая-нибудь свинья в последний момент испортит мою игру своими посредническими усилиями. В политике перед нами стоят далеко идущие планы. Положено начало сокрушению британской гегемонии. Я завершил политические приготовления, теперь дорога открыта для солдата».

После этих слов Геринг вскочил на стол и исполнил танец дикаря, сопровождая его кровожадными выкриками. (На суде в Нюрнберге маршал отверг этот факт, засвидетельствованный многими: «Речь была произнесена в большой гостиной частного дома Гитлера. У меня нет привычки прыгать на столе в частных домах. Такое

поведение абсолютно неприемлемо для германского офицера».)

После общего обеда Гитлер напутствовал своих военачальников следующим образом: «Несгибаемой поступью по всей земле... Длительный мирный период не принесет нам пользы... Задача номер один — разгром Польши, даже если на Западе разразится война... Действуйте безжалостно, 80 миллионов человек должны получить то, что они заслуживают. Их существование надо обеспечить во что бы то ни стало. Максимум жестокости. Вина за неудачи ляжет на тех командиров, которые поддадутся панике. Наша цель разрушить Польшу до основания. Главное — скорость. Преследовать до полного уничтожения».

Нет сомнения, что Сталин ожидал «вязкой» войны на Западе. Судя по всему, он предполагал увидеть повторение окопной войны 1914—1918 годов с ее изматывающими обе стороны последствиями. Ему мнилась роль «третьего радующегося». Если бы Сталин мог представить себе майский блицкриг 1940 года, он не был бы так самонадеян с Риббентропом в августе 1939 года. Но нельзя также забывать, что в 1941 году Британия вела отчаянную войну с Германией, а в 1939 году у Сталина были определенные сомнения по поводу вступления Запада в борьбу, если германские танки после Польши устремятся в Россию. Британия и Франция к тому времени уже пожертвовали Австрией и Чехословакией, к которым они, разумеется, относились с большей симпатией, чем к большевикам.

Настоящий союз с Западом, как показало лето 1939 года, не получился. Германия же указывала: мир на границах России может обеспечить — как и в прежние времена — только она. Но Сталина, несомненно, страшила перспектива остаться с Германией — почти победившей своих многочисленных противников в 1918 году — один на один.

И все же, если бы летом 1939 года Сталин и его окружение ощущали отличие фашизма от буржуазной демократии, надежность англо-французов и заведомую

агрессивность нацизма, события развернулись бы по-иному. Невозможно оправдать шаг, который отводил войну в соседние пределы, давал передышку на время, но в конечном счете гарантировал возвращение зверя на давно намеченную тропу.

Каким бы гигантским ни был конечный просчет Сталина, он сопоставим с просчетом англичан и французов, политическое мышление которых было парализовано страхом перед новой мировой войной. Еще 15 августа, когда Гендерсон и Кулондр посетили Вайцзеккера и тот сказал им, что Советский Союз «в конечном счете присоединится к разделу Польши», ситуацию можно было изменить. Но, как все яснее становится с годами, для Чемберлена Гитлер все же был человеком западных традиций, а Сталин — непримиримым азиатом. То, что главной целью Гитлера была замена британской имперской монополии на германскую, не проникало в сознание премьера. Он как бы «перепутал» своего первого и второго противника.

Печальная роль польской дипломатии дорого оплачена горькой участью самой Польши. В этом смысле западные и восточные славяне прошли один трагический путь. Несомненно, эти народы заслуживали лучшего представительства и лучшей судьбы.

Если Чемберлен и Даладье оправдывали «Мюнхен» как способ выиграть время для вооружения против агрессора за счет третьей стороны, то ту же логику без особого труда можно применить и к Сталину августа 1939 года. Во всем этом видно общеевропейское смятение трагической первой половины века. Цинизм европейских правителей, их высокомерие, внутренняя сумятица, страх и самомнение позволили «герою» этой истории — Гитлеру — расколоть смертельно опасный для него фронт.

Запад после Московского договора

Подписание советско-германского договора не ослабило решимости Лондона. Во второй половине дня 22 августа британский кабинет подтвердил свои обещания Польше. Были предприняты предмобилизационные меры.

На этот раз Чемберлен желал, чтобы не было никакой двусмысленности. С этой целью он написал личное письмо Гитлеру: «Провозглашение германо-советского соглашения воспринято в некоторых кругах в Берлине таким образом, будто не следует рассматривать возможности вмешательства Великобритании на стороне Польши. Большей ошибки сделать просто невозможно. Какой бы ни оказалась сущность германо-советского соглашения, оно не может изменить обязательств Великобритании в отношении Польши. Имеется мнение, что если бы правительство Его Величества сделало свою позицию в 1914 году более ясной, то мировая катастрофа была бы предотвращена. Справедливо это утверждение или нет, но правительство Его Величества на этот раз полно решимости избежать такого трагического взаимонепонимания. Если возникнут соответствующие обстоятельства, оно готово использовать без задержки все силы, находящиеся в его распоряжении».

Получив письмо, Гитлер впал в характерную для него истерику. «Фольксдойче в Польше подвергаются преследованиям, шесть из них кастрировано!». Посол Гендерсон передавал в Лондон слова фюрера: «Мне пятьдесят лет; я предпочитаю начать войну сейчас, а не тогда, когда мне будет пятьдесят пять или шестьдесят». В германском архиве хранится протокол немецкой стороны: «Англия должна твердо осознать, что, бывший солдат с линии фронта, Гитлер знает, что такое война, и использует все имеющиеся в его распоряжении средства. Для каждого ясно, что мировая война (1914–1918 годов) не была бы проиграна, если бы он был канцлером в то время... Если Британия нападет на Германию, она найдет ее в состоянии готовности и полной решимости».

Через два дня, 25 августа, Гитлер пообещал Гендерсону дать «гарантии существования Британской империи» и даже предоставить ей необходимую помощь – но только после германо-польского конфликта. В качестве официального ответа Чемберлену он заявил, что германский рейх готов решить проблему Данцига и польского коридора «с беспрецедентным великодушием». Безоговорочные же гарантии Англии Польше Гитлер оценил

как «поощрение волны ужасающего терроризма против миллиона с половиной немцев, живущих в Польше».

Германия уже отмобилизовала свою армию, но поляки, боясь спровоцировать рейх и следуя совету англичан, откладывали час своей мобилизации. Немцы сосредоточили непосредственно на польских границах пятьдесят шесть дивизий, в том числе девять танковых. Против них стояли лишь тридцать польских дивизий. Полякам дали несколько дополнительных дней мира итальянцы. Утром 25 августа Муссолини получил письмо Гитлера, в котором тот уведомлял, что намерен действовать против Польши «немедленно». Гитлер был уверен в своем союзнике, подписавшем «Стальной пакт» лишь три месяца назад. Однако Муссолини на этом этапе не желал выступать. Его останавливало не миролюбие, а страх перед войной, к которой Италия не была готова. Вечером этого же дня Гитлер читал ответ своего итальянского союзника: «Италия не сможет противостоять нападению, которое французы и англичане направят преимущественно против нас». Разъяренный Гитлер приказал вызванному Кейтелю: «Остановить все». Была намечена новая дата — 1 сентября 1939 года. Мир еще не знал, сколько дней отделяет его от войны.

Гитлер попытался в последний раз нащупать слабое место англичан. Он обратился к Лондону с шокирующим предложением «заключить союз с Германией». Одно лишь рассмотрение подобного предложения разрушило бы доверие к Британии во Франции, Польше, Румынии, Турции, Греции и — что становилось все более важным — в Соединенных Штатах. Но посол Гендерсон ответил: «Лично я не исключаю такой возможности». Только грубость фюрера оттолкнула этого крайнего сторонника умиротворения: когда Гитлер 29 августа потребовал посылки в Берлин польской делегации для ведения переговоров, посол ответил, что это диктат. При этом Гендерсон все же порекомендовал Парижу оказать давление на польское правительство, «чтобы реализовать визит Бека, который представляет собой единственный шанс предотвращения войны». Посредником попытался выступить и Римский Папа. Но в Лондоне

наконец-то возобладало мнение, что ультиматум Гитлера «полностью лишен смысла».

Даладье также постарался поколебать решимость Гитлера. Он писал 26 августа: «Если кровь Франции и Германии польется снова, как это было двадцать пять лет назад, в еще более длительной и человекоубийственной войне, каждый из наших народов будет сражаться с полной уверенностью в своей победе, но наиболее вероятными победителями будут силы разрушения и варварства». Отвечая, фюрер постарался сыграть на нежелании французов «сражаться за Данциг». Германия не имеет территориальных претензий к Франции, нет никакой нужды обращаться к оружию. Если это все же случится, «ему будет очень больно».

В последний час Гитлер еще раз попытался удержать Британию от вступления в конфликт. На помощь был призван шведский промышленник Далерус, который вершил свою челночную дипломатию между Лондоном и Берлином. Гитлер принял его с письмом от Галифакса. Далерус говорил о решимости англичан вступить в конфликт глобального масштаба. «Гитлер, — вспоминает Далерус, — слушал меня, не прерывая, но затем внезапно вскочил, разволновался и стал нервно шагать взад и вперед, говоря как бы себе, что Германия неудержима... Его голос сбивался, это было поведение абсолютно ненормального человека. Он говорил прерывающимся голосом: «Если начнется война, я буду строить подводные лодки, строить подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки». Затем он спросил: «Господин Далерус, вы знаете Англию так хорошо, можете ли вы объяснить мне мои постоянные неудачи договориться с ней?». Далерус признается, что вначале он колебался, а затем сказал: «Англичане не имеют доверия к вам и вашему правительству, в этом причина». «Идиоты! — вскричал Гитлер, ударив себя рукой в грудь. — Лгал ли я когда-нибудь в жизни?». Этот вопрос остался без ответа.

Гитлер вызвал в рейхсканцелярию посла Гендерсона. «Мои солдаты спрашивают меня, «да» или «нет»? Они уже потеряли неделю, они не могут позволить себе

потерять еще одну, поскольку к их врагам в Польше добавится дождь». Гитлер хотел еще одного «Мюнхена». Гендерсон рекомендовал полякам прибыть к Гитлеру, но и он уже начал терять терпение. Вечером 28 августа Гендерсон сообщил Гитлеру, что поляки могут приступить к переговорам, они ждут германских предложений. На короткий миг в западных столицах затеплилась надежда. Ложная. Агрессивность, с которой Гитлер отреагировал на ситуацию, стала явным проявлением его болезненной психики: он обратился по телефону к возглавляющим верховный штаб вермахта Браухичу и Гальдеру: «Наступление начнется 1 сентября. В случае необходимости задержки фюрер известит вас. Намечено в ходе переговоров поставить поляков перед неприемлемыми условиями и добиться таким образом максимальных результатов... План таков: мы требуем Данцига, прохода через Коридор и плебисцита. Англия, возможно, согласится. Поляки, скорее всего, нет. Вобьем клин между ними!»

Утром 30 августа британский посол в Варшаве протелеграфировал Галифаксу, что «невозможно побудить польское правительство послать господина Бека или любого другого представителя немедленно в Берлин для обсуждения разрешения вопросов на основе, предложенной Гитлером». Они согласны на «переговоры равных в нейтральной стране».

В полдень 31 августа 1939 года Гитлер издал директиву №1 по ведению войны: «1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности, предоставляемые мирными средствами для изменения ситуации на восточной границе, которая нетерпима для Германии, я полон решимости приступить к силовому решению. 2. Нападение на Польшу должно быть осуществлено в соответствии с приготовлениями, предусмотренными планом «Вайс»... Дата выступления: 1 сентября 1939 г. Время выступления: 4.45 утра... В ведении войны против Англии должны быть осуществлены приготовления для использования люфтваффе с целью нарушения поступления в Англию запасов морем, уничтожения военной промышленности, предотвращения транспортировки войск во Францию».

Вечером этого последнего дня мира посол Гендерсон, так много — вольно или невольно — сделавший для создания благоприятствующей германскому рейху атмосферы, пришел все же к выводу: силе должна быть противопоставлена сила.

В конце августа 1939 года Черчилль гостил у своих французских приятелей в старинном замке. Подписание советско-германского пакта вынудило его вернуться домой. На пути в Лондон он встретился в Париже с генералом Жоржем. Тот представил ему цифры, характеризующие мощь французской и германской армий. Эти цифры произвели глубокое впечатление на Черчилля, он удовлетворенно сказал: «Вы их превосходите». Генерал ответил: «Но все же у немцев очень сильная армия, и они не позволят нам нанести удар первыми. Если же они атакуют нас, обе наши страны объединятся, чтобы исполнить свой долг». По прибытии в Чартвел Черчилль попросил генерала Айронсайда, только что вернувшегося из Польши, представить свою оценку польской армии. Эта оценка была в высшей степени лестной для Варшавы. Генерал Айронсайд видел военные маневры поляков, он говорил, что мораль польских войск чрезвычайно высока и что они готовы к борьбе.

У Черчилля не было никаких сомнений, что Гитлер нанесет удар не на Западе, а против Польши. Не следовало позволять немцам быстро сокрушить Польшу, ибо тогда Германия будет иметь лишь один, западный, фронт. Франция может выставить до шести миллионов человек, но она не в силах конкурировать с германской индустрией. Следовало нагнать немцев там, где они были наиболее сильны — в научной организации производства. Концентрация сил решала все. Черчилль посетил границу на Рейне. С французской стороны висел гигантский плакат: «Свобода, равенство, братство». С германской — «Один народ, один рейх, один фюрер». Черчилль вспомнил, как он выступал в 1915 году в пользу «наземных крейсеров», как тогда назывались танки. Тогда французские генералы смеялись от души и говорили, что английские политические деятели еще забавнее французских. Выстоит ли Франция теперь, окажет ли она помощь восточному союзнику? Черчилль видел, что «дух Марны» покинул фран-

цузскую армию. Эта страна отличалась от той, что сражалась в 1914–1918 годах. Потеря 27 процентов населения от восемнадцати до двадцати семи лет нанесла нации незаживающую рану.

К рассвету 1 сентября 1939 года на польской границе сосредоточились полтора миллиона германских солдат. Их удар был нацелен на Варшаву с севера, запада и юга. Мир увидел, что такое современная война. Броску танков предшествовала бомбардировка мостов, железнодорожных путей, колонн войск, складов и городов. Террор тотальной войны обозначился с первых минут.

Утром Гитлер прибыл в рейхстаг для объяснения причин войны. Подобранный и покорный рейхстаг притих. «Этой ночью впервые регулярные войска стреляли в нас на нашей собственной территории». Речь шла о фальсифицированной атаке радиостанции города Гляйвиц переодетыми в польскую форму немцами. В течение первого дня войны министерство иностранных дел Германии распространило эту ложь по всему миру. Детали имитации нападения на радиостанцию открылись во время Нюрнбергского процесса.

Своим преемником Гитлер назначил Геринга, а того, в свою очередь, должен был сменить Гесс. Гитлер снова одел серую военную форму и пообещал не снимать ее до «достижения победы, иного я не переживу». Он переселился в специальный поезд, названный «Америка», в пятнадцати вагонах которого располагался его штаб. Отсюда на своем «Мерседесе» он выезжал в окрестные места, здесь, называя себя «первым солдатом Германского рейха», он подолгу сидел над картами. Своими глазами он видел, как созданная им новая германская армия бросилась в первые битвы Второй мировой войны.

Сколько продержалась Польша

В Париже Даладье спросил генерала Гамелена: сколько времени может продержаться Польша? Тот уверенно ответил, что она будет отвлекать основную массу германских войск до весны, к тому времени французы отмобилизуют свою армию, а Британия полностью придет на помощь Франции. Но не все армейские чины

были столь оптимистичны, и военный совет пришел к заключению, что у Франции нет альтернативы выполнению своего союзнического обязательства — через несколько месяцев Германия чрезвычайно усилится, если в ее распоряжении будут польские и румынские ресурсы.

1 сентября 1939 года Черчилля разбудил телефонный звонок посла Рачиньского, сообщившего, что пятьдесят шесть немецких дивизий пересекли польскую границу. Черчилль принимал ванну и завтракал, когда следовали звонки польского посла: военно-воздушные силы Германии бомбят польские города. Но когда Черчилль связался с военным министерством, там даже не знали, что Германия начала войну против Польши. Генерал Айронсайд отметил в своем дневнике, что в 10 часов утра ему позвонил Черчилль: «Они начали. Сейчас происходит бомбардировка Варшавы и Кракова». Айронсайд позвонил начальнику Имперского генерального штаба лорду Горту, и тот отказался поверить этому сообщению. Еще хуже была реакция Франции. Мобилизовав свои силы, она не решилась ринуться через германскую границу, где в то время сотне французских дивизий противостояли десять немецких. Впрочем, Гитлер и был абсолютно уверен, что французы не выйдут за «линию Мажино». Более того, и Париж, и Лондон выразили готовность начать переговоры с Берлином, если немецкие войска будут выведены из Польши. Теперь Гитлер твердо знал, что и без помощи Муссолини он решит свою польскую проблему: западные союзники не двинутся вперед.

Вечером 2 сентября премьер Чемберлен, покинув Палату общин, позвонил Даладье: «Положение очень тяжелое... В Палате общин ожесточение... Если Франция будет настаивать на сорокавосьмичасовом периоде ультиматума, начиная с завтрашнего полудня, правительство здесь не сохранит контроль над ситуацией». Премьер-министр осознал, что именно на Францию падает основное бремя будущего германского наступления. Нужно принимать какие-то меры уже сегодня вечером. Он предлагает компромисс. Ультиматум в 8 утра завтра, истекающий в полдень. Даладье ответил: «Если британские бомбардировщики готовы к действию, для Франции было бы лучше отсрочить их вылет».

Телеграмма Галифакса Гендерсону пришла в 4 часа утра по берлинскому времени. «Если не позже чем в 11 часов утра по британскому летнему времени сегодня, в воскресенье, 3 сентября, удовлетворительные заверения германского правительства не будут переданы правительству Его Величества в Лондоне, между двумя странами с этого часа будет существовать состояние войны».

Гендерсону на Вильгельмштрассе сказали, что Риббентропа не будет до 9 часов утра, но он может оставить свою ноту переводчику Шмидту. Тот, проспав, прибыл в министерство на такси и увидел британского посла, поднимающегося по лестнице. Через боковой вход Шмидт сумел проскользнуть в кабинет Риббентропа, когда часы били 9 утра. Стоя посередине комнаты, Гендерсон зачитал британскую ноту, вручил ее Шмидту и попрощался. Шмидт же помчался в рейхсканцелярию. «Когда я вошел, Гитлер сидел за столом, а Риббентроп стоял у окна. Оба выжидающе посмотрели на меня. Я остановился на некотором расстоянии от стола Гитлера и медленно перевел британский ультиматум. Когда я кончил, наступила полная тишина... «Что теперь?» — спросил Гитлер, дико глядя на Риббентропа, словно министр иностранных дел умышленно неверно ориентировал его относительно возможной реакции Англии. В соседней комнате Геринг, узнав новость, сказал: «Если мы проиграем эту войну, пусть Бог будет милостив к нам». Геббельс одиноко стоял в углу, погруженный в себя. Каждый, кого я видел в этой комнате, выглядел озабоченным».

Во второй половине дня 3 сентября 1939 года германское руководство пригласило Сталина присоединиться к выступлению против Польши: «Мы намерены разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы возьмем под свой контроль территорию, которая определена в Москве как германская зона влияния. По военным соображениям мы, естественно, будем вести боевые действия против тех польских войск, которые расположены на польской территории, принадлежащей к русской сфере интересов. Пожалуйста, обсудите с Молотовым возможность того, чтобы русские силы двинулись в нужное время против польских сил в сфере

русских интересов и оккупировали эту территорию. По нашим оценкам, это не только поможет нам, но и будет соответствовать духу Московского соглашения, а также советским интересам».

Вечером 3 сентября спецпоезд «Америка» отправился из Берлина в Померанию. Поезд блестел лаком — его подготовили в самые последние дни августа. Личный фотограф был в постоянной готовности запечатлеть сцены нового похода.

Крушение Польши

Гитлер был азартный игрок. На западе он не оставил ни одного танка, ни одного самолета, а лишь пехотные дивизии с трехдневным запасом боеприпасов. Удар французской армии был бы смертелен, но его не последовало. Фантастически точно сбылось предсказание фюрера — западные союзники не шелохнулись. Они не оказали жертве помощи. Тридцать три дивизии, оставленные Гитлером на Западном фронте, зря ожидали удара. 70 французских дивизий с 3 тысячами танков стояли на месте, когда Польша приняла на себя удар страшной силы.

Германское военное командование пришло к выводу, что Польша сокрушена, уже на пятый день войны. Гальдер записал в дневнике: «Враг практически разбит». Войска генерала фон Клюге, действовавшие в Померании, сомкнулись с войсками генерала фон Кюхлера, базировавшимися в Восточной Пруссии. Против танков, самолетов, повсеместно введенного радио поляки выставили эскадроны с пиками. Большинство из пятисот польских самолетов было разбито на земле. Через неделю боев немецкие танки вышли к Варшаве. Мир узнал, что такое блицкриг. Тридцать пять польских дивизий продержались лишь неделю. Следующей после Варшавы целью стал Брест-Литовск. Именно сюда 17 сентября вышли патрули группировки генерала Листа с юга и танки Гудериана с севера. К этому времени польское правительство, покидая страну, уже пересекло румынскую границу.

Нет сомнения в том, что быстрота действий немцев

поразила Сталина. Молотов, реагируя на германское предложение выступить против Польши, говорил 5 сентября, что «время еще не пришло». Но такое время могло и не наступить. О том, что Москва была в растерянности, говорит исходившее оттуда требование соблюдать разделение зон. Очевидно, Сталин боялся полной оккупации Польши, нарушения немцами договоренности, выхода вермахта к советской границе на огромном ее протяжении. По крайней мере, переписка этих дней не похожа на почти союзнические тосты 23 августа. Видно, как быстро наглеет одна сторона и как смешаны чувства другой, понимающей, что оправдываются ее худшие подозрения.

Собственно, широко открыл глаза весь мир. Предполагалось, что начнется повторение Первой мировой войны с ее окопами и многолетним стоянием на месте, что оборона будет сильнее нападения. Теперь приходилось болезненно переосмысливать стратегию и тактику. Нападение благодаря мотору оказалось сильнее обороны. Немцы сокрушили Польшу ценой 11 тысяч убитых и 30 тысяч раненых. В плен попали 694 тысячи польских солдат. В плену у Красной Армии оказалось 217 тысяч. Но нужно отметить, что запасы немцев подошли к концу, и если бы французы предприняли наступление, немецкой армии было бы трудно сопротивляться.

Кремлевское руководство испытало неприятное потрясение — здесь рассчитывали минимум на «семь недель польского сопротивления» (так говорил Молотов германскому послу 10 сентября). Теперь политика тоже должна была ускорить свой шаг.

Риббентроп пишет 8 сентября Шуленбургу, что боевые действия в Польше «прогрессируют даже быстрее ожидавшегося», поэтому германское правительство желает знать намерения Москвы. На следующий день Молотов пообещал, что советские войска выступят «в течение нескольких дней», а 10 сентября Молотов сказал Шуленбургу следующее: «Польша распадается, и для Советского Союза становится необходимым прийти на помощь украинцам и белорусам, оказавшимся под угрозой Германии». Этот аргумент Молотову, по мнению Шуленбурга, был «необходим для того, чтобы вмешательство Советского Союза стало понятным массам и Советский

Союз не выглядел бы агрессором». Риббентроп сообщил 15 сентября, что правительство рейха приветствовало бы выступление советских войск. Встреча посла с наркомом состоялась 16 сентября, и ее описание было отправлено в Берлин: «Военное вмешательство Советского Союза будет совершено вскоре — возможно, даже завтра или днем позже. Сталин в настоящее время консультируется с военными руководителями... Советское правительство намерено оправдать свои действия следующим образом: Польское государство распалось и более не существует, поэтому все соглашения с Польшей недействительны; третьи державы могут попытаться воспользоваться возникшим хаосом; советское правительство считает себя обязанным вмешаться с целью защиты украинских и белорусских братьев и сделать все возможное, чтобы этим несчастным людям можно было работать в мире». Поскольку «третьей державой» могла быть лишь Германия, Шуленбург воспротивился. Молотов пожаловался, что у советской стороны нет иной мотивации, и просил немцев не быть сверхчувствительными.

В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и объявил, что Красная Армия пересечет польскую границу в 6 часов утра. Он «с величайшей охотой» (слова Шуленбурга) пошел на желаемые немцами изменения в советском коммюнике по этому поводу. Секрет договоренности прятался так хорошо, что, когда генерал Йодль узнал о выступлении Красной Армии, он спросил: «Против кого?» Немецкие части в некоторых местах на 200 км углубились на территорию, которая, согласно опубликованной в газете «Правда» карте, являлась зоной ответственности Советского Союза. На следующий день (18-го) германские и советские части встретились в Брест-Литовске, в городе, где более двадцати лет назад немцы навязали России жестокий договор.

Не будем преувеличивать достоинств возникшего квазисоюза. Сталин чрезвычайно боялся нарушения немцами соглашения. Он постоянно спрашивал (в частности Шуленбурга 17 сентября), будут ли немцы соблюдать условия соглашения. «Учитывая хорошо известную недоверчивость Сталина, — писал Шуленбург в Берлин, — я был бы благодарен, если бы мне позволено

было сделать заявление, снимающее такие подозрения». Риббентроп успокоил Сталина: «Соглашения, которые я заключил в Москве, безусловно, будут соблюдаться, они рассматриваются нами как краеугольный камень новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом». Но в тот же день Сталин пошел еще дальше. По его поручению Молотов сообщил Шуленбургу, что «первоначальное намерение советского правительства и Сталина лично позволить существование остаточной Польши уступило место намерению разделить Польшу по линии Нисса — Нарев — Висла — Сан. Советское правительство желало бы начать переговоры по этому поводу». Риббентроп 23 сентября ответил положительно: «Русская идея о разграничительной линии по четырем хорошо известным рекам совпадает с точкой зрения правительства рейха». Он согласен прилететь в Москву для окончательного разрешения вопроса о границе.

Сталин спешил определить контуры предстоящей сделки. Шуленбург сообщал в Берлин 25 сентября: «Вся провинция вокруг Варшавы, распространенная до Буга, должна стать нашей долей. В обмен мы должны отказаться от притязаний на Литву». Что же крылось за этим дележом? Сталин старался получить все возможное, используя нестабильность ситуации: возвратить территории, потеря которых началась в период исторической слабости России в Брест-Литовске, ввести в состав Союза прибалтийские государства. В то же время он предложил Гитлеру инкорпорировать в германскую зону все польское население. Таким образом, выходя к Балтике, СССР укрепит свои стратегические позиции в Европе, а Германия получит Польшу с ее бессмертной традицией борьбы за национальное возрождение.

Рейхсминистр иностранных дел прибыл в Москву во второй половине дня 28 сентября 1939 года. Перед отъездом в Кремль в посольстве ему показали телеграмму из Таллина: СССР потребовал создания баз на эстонской территории. В Кремле его встретил сам Сталин. Вечером этого дня Риббентроп согласился с созданием баз. А на следующий день он уведомил Сталина о приказе Гитлера эвакуировать в Германию

86 тысяч фольксдойче из Эстонии и Латвии. По мнению А. Буллока, «для Сталина контроль над Литвой позволил бы русским закрыть Балтийский коридор, ведший к Ленинграду, чему он придавал исключительное значение». В 5 часов утра 29 сентября после дискуссий, изучения топографических карт и внутренних совещаний Молотов и Риббентроп поставили подписи под новым договором — «Германо-советским договором о границе и дружбе». Сталин, согласно немецкому отчету, светился от удовлетворения. Обед в честь германского посла превосходил роскошью все прежние, после обеда в честь посла в Большом театре выступали звезды балета.

По возвращении из театра Риббентропа ждал телефонный вызов из Берлина. Гитлер нуждался в стабилизации положения и согласился передать Литву в советскую зону влияния. Фюрер, согласно Риббентропу, сказал: «Я хочу установить достаточно прочные и тесные отношения». Что Сталин прокомментировал так: «Гитлер знает свое дело». В «Правде» появилась новая карта Польши, на которой германская доля была увеличена. 28 сентября 1939 г. в Москве было выпущено совместное коммюнике: «После определенного урегулирования проблем, связанных с крахом польского государства... в подлинных интересах всех народов положить конец состоянию войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой».

Переходя в сослагательное и вопросительное наклонения, можно задаться вопросом: мог ли Гитлер продолжить свой блестящий успех в Польше, показавший всему миру мощь вермахта, требуя от Сталина уступок в Польше, Прибалтике, на юго-востоке Европы? Мог, но это было рискованно. На Западе ему объявили войну Англия и Франция, и Гитлер предпочел быть уступчивым в сентябре 1939 года, чтобы «спокойно» решить свою западную задачу, а затем обратиться к финальному решению на Востоке. А Сталин в ноябре 1939 года говорил примирительно о нацистах ближайшему окружению: «Это буржуазные националисты, способные на резкий поворот; они гибкие, они не привязаны к капиталистическим традициям».[1] Теперь он советовал поза-

быть о прежних концепциях и «думать о путях, диктуемых меняющимися обстоятельствами». Подписание договора с Германией он назвал «поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы». (Даже после войны он периодически демонстрировал ностальгию: «Эх, вместе с немцами мы были бы непобедимы».[2] В апреле 1941 года Сталин был готов распустить Коминтерн ради сохранения дружбы с Германией).

Сталин и Молотов произносили свои, звучащие сейчас дико, тосты во славу германского оружия, но оба государства, Германия и Советский Союз, понимали, что конечное выяснение отношений им еще предстоит. Вопрос заключался в том, с какими силами обе стороны придут к нему.

Глава пятая
БЛИЦКРИГ на ЗАПАДЕ

Сам факт подписания союза с Россией заключает в себе план будущей войны. От ее результатов зависит судьба Германии.

А. Гитлер. 1924 г.

Весь мир был удивлен тем, что Англия и Франция не помогли Польше в те дни, когда германская военная машина сокрушала это государство. Английские самолеты лишь разбрасывали листовки над германской территорией. По просьбе французского правительства они даже не бомбили немецкие цели — французы боялись акций возмездия.

Заметим, что если британские гарантии Польше носили общий характер, то французская сторона имела довольно четкие обязательства. Во время франко-польской военной конференции 19 мая 1939 года было решено, что французы «в прогрессирующем порядке» начнут наступательные операции на третий день после начала всеобщей мобилизации (таким днем стало 1 сентября). Кроме того, французы обещали: «Как только главные германские войска станут разворачиваться против Польши, Франция начнет наступательные действия против Германии основной массой своих войск на пятнадцатый день после первого дня всеобщей француз-

ской мобилизации». Было определено, что в этих операциях примет участие тридцать пять — тридцать восемь французских дивизий. Когда Польша погибала, ее союзники развлекали свои войска футбольными матчами. Первый британский солдат погиб на Западном фронте 9 декабря 1939 года. На Нюрнбергском процессе генерал Йодль скажет: «Мы не потерпели поражение в 1939 году только потому, что во время Польской кампании примерно 110 французских и британских дивизий на Западе бездействовали, стоя перед 23 немецкими дивизиями».

«Странная война» велась на суше, но не на море. Военно-морское ведомство Британии с самого начала оказалось задействованным в войне, поскольку уже 3 сентября германские подводные лодки начали топить английские суда. У англичан в то время был крупнейший в мире торговый флот водоизмещением в 21 миллион тонн. У немцев имелось 60 боевых подводных лодок, и еще одна сотня подводных лодок должна была быть готова в 1940 году.

В эти дни новый первый лорд адмиралтейства Черчилль был далек от оптимистической оценки международной ситуации. «Польша покорена за неделю; Франция представляет собой слабое отражение былой воинственной нации; русский колосс больше не является союзником, а может даже стать и противником, Италия не является другом. Япония не является союзником. Вступит ли Америка снова в войну? Силы Британской империи пока не тронуты, и она объединила их, но она плохо подготовлена, хотя все еще владычествует на морях. Это позволило осуществить блокаду Германии». Германские торговые корабли замерли в портах, где они находились 3 сентября. В конце сентября примерно 325 германских торговых кораблей водоизмещением 750 тысяч тонн были интернированы в иностранных портах или конфискованы.

В представленном военному кабинету 25 сентября 1939 года меморандуме Черчилль писал, что теперь «Германия обнажила свой Восточный фронт. Большая германская армия неизбежно будет оставлена здесь для того, чтобы наблюдать за соседом. Я видел анализ,

осуществленный генералом де Голлем, — он также считает, что здесь у немцев должно остаться не меньше 20 дивизий. Поэтому Восточный фронт, хотя и потенциально, но уже существует». Выступая по радио 1 октября 1939 года, Черчилль сказал: «То, что русские стоят на разграничительной линии в Польше, объясняется необходимостью обезопасить Россию от нацистской угрозы. В любом случае, уже существует демаркационная линия, и Восточный фронт все же создан. Я не могу предсказать действия России, это загадка... Но, возможно, к ней существует ключ. Этим ключом являются национальные интересы России. Не может совпадать с интересами безопасности России то обстоятельство, что Германия разместится на берегах Черного моря или то, что она захватит балканские государства и подчинит народы Юго-Восточной Европы. Это было бы противоположно жизненным интересам России». В свете вышесказанного, полагал Черчилль, советско-германские противоречия неизбежны.

«Мирные» инициативы Германии

Как обычно, после очередного удара Гитлер появился перед миром с оливковой ветвью. В рейхстаге 6 октября 1939 г. Гитлер сказал: «У Германии нет дальнейших претензий к Франции, и никогда такие претензии не будут выдвигаться... Не меньше усилий я затратил на установление англо-германской дружбы. Зачем нужно вести эту войну на Западе? Ради воссоздания Польши? Польша, созданная по Версальскому договору, никогда не возникнет вновь. Это гарантируется двумя самыми большими государствами в мире... Проблема восстановления Польского государства является проблемой, которая не может быть решена в ходе войны на Западе, ее решат Россия и Германия... Было бы бессмысленно уничтожить миллионы людей ради реконструкции государства, где само рождение было абортом для всех неполяков... Если цель — смена режима в Германии, тогда миллионы жизней заведомо будут пожертвованы впустую... Нет, война на Западе не может решить никаких проблем... Если эти проблемы должны

быть рано или поздно решены, то было бы разумнее заняться их решением прежде, чем посылать миллионы людей на ненужную смерть... Продолжение настоящего положения дел на Западе немыслимо. Каждый день вскоре будет стоить все увеличивающихся жертв. Однажды снова возникнет граница между Германией и Францией, но вместо цветущих городов там будут руины и бесконечные кладбища... Если, однако, возобладают мнения господ Черчилля и его последователей, то это мое последнее заявление. Тогда мы будем сражаться, и второго ноября 1918 года в германской истории не будет».

Гитлер предложил созвать общеевропейскую конференцию. Германская пресса писала о «новом мирном предложении Гитлера». Это для доверчивых. Одновременно (10 октября) он требовал быстрой передислокации войск на Запад. Однако на этот раз генералы восстали против импровизации. Им требуется несколько месяцев, чтобы выдвинуть туда войска. Ученый, генерал Томас, подсчитал, что ежемесячный дефицит стали составляет 600 тысяч тонн. Генерал-оберквартирмейстер фон Штюльпнагель доложил, что снаряжения и амуниции хватит лишь на треть войск для четырнадцатидневной кампании.

Однако Гитлер все меньше обращал внимания на самых видных военных авторитетов. Руководимое им относительно небольшое ОКВ (Оберкомандо Вермахт — Главное командование вооруженных сил) возглавлялось «карманными» генералами-исполнителями Кейтелем и Йодлем и являлось лишь своего рода совещательным органом, а гораздо более многочисленное ОКХ (Оберкомандо Хеер — Главное командование сухопутных сил) представляло из себя своеобразный исполнительный орган. Но ни главнокомандующий фон Браухич, ни близкий к фюреру Кейтель не были посвящены в подлинные замыслы Гитлера. Работавший в ОКВ генерал Варлимонт именно в это время говорит о его «безошибочном инстинкте в разделении властей».

Оппозиция любого рода вызывала ярость вождя. Десятого октября он собрал генералитет и огласил директиву №6 о ведении войны: «а) Если в ближайшем

будущем станет очевидным, что Англия и находящаяся под английским руководством Франция не собираются прекращать войны, я намерен действовать энергично и без промедления... Должны быть сделаны приготовления для наступательных операций через территорию Люксембурга, Бельгии и Голландии. Это наступление должно быть осуществлено как можно скорее... б) Целью является нанесение поражения возможно большей части французской действующей армии, равно как и сражающимся на ее стороне союзникам, а также одновременный захват максимально большой территории в Голландии, Бельгии и Северной Франции как базы для ведения воздушной и морской войны против Англии».

Отдаленной угрозой нашей стране звучат слова меморандума, подписанного Гитлером днем раньше, 9 октября 1939 года: «Никаким договором или пактом не может быть обеспечен с полной определенностью нейтралитет Советской России. В настоящее время все разумные соображения говорят против отхода России с позиций нейтралитета. Но в течение восьми месяцев, одного года или даже нескольких лет это положение может быть изменено. Малое значение договоров было доказано всеми сторонами за последние годы. Величайшим предохраняющим средством против любого русского нападения является быстрая демонстрация германской мощи».

Гитлер полагал, что долгое ведение войны неизбежно обернется против Германии. Дружественные и недружественные нейтралы — СССР, Италия, США — могут перейти на противоположную сторону, как это было в Первую мировую войну. Он признавал ограниченность германских ресурсов, уязвимость Рура. Поражение этого сердца германского промышленного производства «приведет к коллапсу германской военной экономики».

Судя по меморандуму, Гитлер начинает постигать особенности современной войны. Главное — избежать позиционного траншейного противостояния. Чем дольше войска выжидают, тем больше опасность того, что англичане и французы оккупируют Нидерланды и станут угрожать сердцу германской экономики — Руру.

Психологическое преимущество не должно быть потеряно. Ключ лежит в «импровизации до предела». Бронетанковые дивизии следует использовать для прорыва фронта. «Они не должны быть затеряны в бесконечных рядах домов бельгийских городов. Нет никакой необходимости атаковать города вовсе, задача танков — поддерживать движение армий, предотвращать стабилизацию фронтов массированными ударами по заранее определенным, слабо защищаемым позициям».

Американский историк У. Ширер задает справедливый вопрос: почему никто из противников Гитлера не сделал тех же выводов из недавнего военного опыта?

Хотя фюрер приказал войскам готовиться к битве на Западе уже этой осенью, сложности транспортировки, концентрации войск, восстановления запасов на фоне неблагоприятных метеорологических прогнозов исключили 1939 год как время выступления на Западе. Документы свидетельствуют, что Гитлер четырнадцать раз переносил дату выступления.

Генералы роптали, они сомневались в успехе авантюрных (как им казалось) планов. А тем временем немецкий ремесленник Георг Эльзер провел тридцать бессонных ночей в Пивном зале Мюнхена, ожидая традиционного выступления фюрера перед «старыми камарадами» по нацистскому движению в годовщину путча 1923 г. В одной из каменных колонн он выдолбил полость и заполнил ее взрывчаткой. Традиционно Гитлер начинал собрание в восемь с половиной вечера и оставался в зале до десяти. Взрывное устройство было настроено на девять двадцать, а Гитлер ушел в девять десять. Взрывом убило восемь человек и ранило шестьдесят. Избежав смерти после неудачного покушения в мюнхенской пивной 8 ноября 1939 года, Гитлер решил высказаться о своих планах на будущее. «Растущее число германского населения требует увеличения жизненного пространства. Моя цель заключается в создании рациональной взаимосвязи между численностью населения и пространством, на котором оно (население. — А. У.) живет. Борьба должна начинаться здесь. Ни одна нация не может избежать решения этой проблемы. В противном случае она должна уступить и

медленно опуститься... Скалькулированная мудрость здесь не поможет; решение может дать только меч. Люди, не способные собрать силы для битвы, должны уйти». Трагедия германской истории заключалась, по мнению Гитлера, в том, что даже такие лидеры, как Бисмарк и Мольтке, не обладали необходимой твердостью. «А решение исторических задач было возможно лишь посредством нападения на соперника в благоприятный момент». Коренная ошибка 1914 года — распыление сил, битва на нескольких фронтах.

Гитлер напомнил, что в 1919 г. мало кто верил в его успех, но Провидение сказало свое слово. «Как последний фактор я должен, при всей своей скромности, назвать мою собственную персону: незаменимую. Ни военное, ни гражданское лицо не может заменить меня... Я убежден в силе своего интеллекта и решимости... Существующее положение никогда не будет более благоприятным... Если мы пройдем через эту борьбу победоносно — а мы пройдем, — наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою или паду в этой борьбе. Я никогда не переживу поражения моего народа. Никакой капитуляции перед внешними силами; никакой революции изнутри». После этой речи фон Браухич подал в отставку, но Гитлер отказался ее принять. Ему нужна была отлаженная военная машина. Его планы становились все грандиознее.

Поздней осенью 1939 года впервые задача выступления против России из теоретической плоскости начинает выходить в практическую. «Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена в результате внутренних процессов. Более того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются лишь до тех пор, пока они служат поставленной цели. Россия будет его придерживаться, пока ей это выгодно».

Советско-германское сотрудничество

Итак, в результате раздела Польши Сталин получил территорию в 120 тысяч квадратных километров с 13 млн. человек, среди которых преобладали белорусы и украинцы. Гитлер включил в рейх 55 тысяч кв. км с 10

млн. населения. Оставшаяся территория в 60 тысяч кв. километров образовала т. н. Генерал-губернаторство с населением в 11 млн. человек. Губернатором был назначен юридический советник Гитлера Ганс Франк. Гитлер начал осуществление программы германизации Восточной Европы. Первой его идеей было выселение 6 млн. чехов из Богемии-Моравии. Но продукция чешской промышленности была так важна, что весной 1939 г. от программы пришлось отступить. В середине 1941 г. в Польшу переехали 200 тыс. германских переселенцев, получившие десятую часть пахотных польских земель. В завизированном Гитлером докладе Гиммлера от мая 1940 г. предписывалось «разбить бывшее польское государство и его многочисленные расы (поляков, украинцев, белорусов, евреев) на возможно большее число частей и осколков... Расово ценные элементы следует извлекать из этой мешанины... в течение десяти лет население сведется к остаткам недочеловеков... рабочей силы, не имеющей лидеров и способной ежегодно снабжать Германию разнорабочими».

Между августом 1939 года и июнем 1941 года лежит период, когда Советский Союз стремился показать Германии свою надежность как партнера, свою полезность и готовность к сотрудничеству. Германские материалы свидетельствуют, что на советской территории на берегах Черного моря, Арктики и Тихого океана определялись порты, через которые Германия могла получать стратегическое сырье, закрытое для нее на Западе британской блокадой. Торговые отношения расширялись. Сырье, зерно и нефть потоком текли в рейх.

В обратном направлении шли станки и оборудование. Нужда в поставках из СССР была такова, что Гитлер 30 марта 1940 года отдал приказ о приоритете поставок в СССР даже перед германскими вооруженными силами. (Разумеется, это была плата за благожелательный нейтралитет.) Частью платы немцев был также недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов». Рассматривался вопрос о продаже Советскому Союзу чертежей гигантского (самого большого в мире) линкора «Бисмарк». Характерная черта того времени — личное участие Сталина в переговорах конца 1939 года. Сохрани-

лись стенограммы трех таких заседаний. Сталин поразил скрупулезных немцев знанием деталей и жесткой хваткой. Он счел нужным напомнить немецким торговым представителям, что Советский Союз «оказал очень важную услугу Германии и, оказывая эту помощь, обрел много врагов».

В августе 1939 года СССР и Германия договорились о торговле объемом в 150 миллионов рейхсмарок в год. В феврале 1940 года были подписаны соглашения на последующие восемнадцать месяцев. Их минимальная стоимость составляла 640 миллионов рейхсмарок. Речь шла о крейсере «Лютцов», тяжелых морских орудиях, тридцати новейших германских военных самолетах — «Мессершмитт-109 и 110», бомбардировщиках «Юнкерс-88». СССР получал оборудование для электротехнической и нефтяной промышленности, локомотивы, турбины, генераторы, дизельные моторы, корабли, машинное оборудование, закупал образцы германских орудий, танков, взрывчатых веществ. Немецкая сторона в течение первого года экономических обменов получила миллион тонн зерна, 100 тысяч тонн хлопка, 500 тысяч тонн фосфатов, многие другие сырьевые материалы. Шнурре утверждал, что Сталин пообещал ему помощь при закупке сырьевых материалов в третьих странах. «Это соглашение означает для нас открытие Востока... Эффект британской блокады будет ослаблен в решающей степени».

Снижение значимости британской блокады многое объясняет в поведении Гитлера зимой 1939/40 года. Он поддержал СССР в ходе советско-финской войны, закрыл глаза на создание советских военных баз в прибалтийских государствах. Им в это время владела одна идея — удар по Западу, а позиция СССР была для него первостепенной поддержкой. К примеру, в октябре 1939 г. германский флот стал в Баренцевом море пользоваться советскими портовыми гаванями. Германские торговые заявки в СССР быстро выросли с 70 млн. марок до 1,4 млрд. До подписания нового торгового договора немцы позволили советским специалистам ознакомиться с последними германскими военными разработками, в ноябре 1939 г. они посетили экспериментальные лаборато-

рии и самые секретные заводы. Складывается впечатление, что немцы хотели ошеломить низшую расу, не способную, с их точки зрения, обойти в военно-промышленных разработках признанных мировых лидеров. Речь шла о новейших самолетах, орудиях, кораблях, танках. Там, где немцы закрывали двери, советские специалисты настаивали, они требовали поставки всего заказанного вооружения уже в 1940 г. А. И. Микоян 19 декабря 1939 г.: «Советское правительство считает поставку всего списка единственным удовлетворительным эквивалентом поставок сырьевых материалов, которые в нынешних условиях Германия не смогла бы получить иным способом на мировом рынке». В час ночи 7 января 1940 г. Сталин пригласил в Кремль членов германской делегации — советская сторона готова подписать договор.

Текст договора занял 42 машинописные страницы через полтора интервала. Немцы обязывались передать прототипы всех новейших немецких самолетов, военных судов, технических и химических новшеств. СССР поставлял миллион тонн фуражного зерна, почти миллион тонн нефти, полмиллиона тонн фосфата, 100 тысяч тонн хромовых руд, а также право закупать сырье в Румынии, Иране, Афганистане, на Дальнем Востоке. Сталин оказал помощь Германии в самый сложный час — весной 1940 г., когда немцы бросились в Скандинавию и готовились начать наступление на Западе.

Пользуясь поддержкой Германии, Сталин, удивленный финской несговорчивостью, потребовал от командования Красной Армии силового решения в вопросе о новых финских границах. Наступление войск Ленинградского военного округа началось 30 ноября 1939 г. Поражения первых недель охладили шапкозакидательские настроения советского генералитета. 15 января 1940 г. советская артиллерия начала шестнадцатидневный обстрел «линии Маннергейма». Прорыв был осуществлен лишь 17 февраля 1940 г., а 22-го финны отошли на новую линию обороны. 11 марта был подписан мирный договор, согласно которому к СССР перешел весь Карельский перешеек, балтийский порт Ханко и полуостров Рыбачий на севере.

Германский генеральный штаб самым внимательным образом изучал опыт «зимней войны» и пришел к такому выводу: «советская «масса» не может противостоять армии и искусному командованию». Генералы согласились с Гитлером: славянская военная сила не устоит перед расово превосходящими немецкими войсками.

Гитлер уже писал и говорил своим генералам, что у него на уме после победы на Западе. Не далее как 17 октября 1939 года он указал Кейтелю: «Польская территория важна для нас с военной точки зрения как выдвинутый вперед трамплин для стратегической концентрации войск. С этой целью железные дороги, шоссейные дороги и линии связи должны содержаться в порядке». Выступая перед генералами 23 ноября, он сказал: «Мы выступим против России, когда освободимся на Западе».

В первые дни 1940 г. дуче прислал Гитлеру письмо, в котором выразил «глубочайшее убеждение», что даже с помощью Италии Гитлеру никогда не удастся победить Англию и Францию — Соединенные Штаты не позволят такому случиться. Муссолини напоминал: «Это же факт, что именно Россия больше всего выиграла в Польше и Прибалтике, не сделав при этом ни единого выстрела. Я, человек, родившийся революционером и не изменившийся ни на йоту, говорю вам, что вы не должны жертвовать непреходящими принципами вашей революции ради тактических потребностей преходящей фазы политического развития. Уверен, вы не можете выбросить знамя антибольшевизма и антисионизма, которым размахивали двадцать лет». В марте он встретился с Гитлером на Бреннерском перевале и еще раз попытался отговорить Гитлера. Безрезультатно. Министр иностранных дел Чиано записал в дневнике: «Дуче очарован Гитлером очарованием, которое воздействует на нечто, глубоко укоренившееся в его характере».

Пораженчество на Западе

В целом союзники 1939 года очень отличались от Антанты, которая выступила против Германии в августе 1914 года. Так, во Франции прежний дух реванша иссяк,

потеря полутора миллионов человек в Первой мировой войне не могла быть забыта, она оказалась долговременной национальной травмой. Стратегическая мысль отстала от требований дня. Во Франции (как и в Англии) не осознали значимость того факта, что бронированные движущиеся механизмы способны превозмочь артиллерийский огонь и продвигаться на многие километры в день. Написанная полковником де Голлем книга «Действия танков» — яркая и убедительная апология маневренных танковых действий — не получила никакого отклика в военной среде. Стареющая плеяда французских военачальников во главе с маршалом Петэном была неспособна воспринимать новые стратегические идеи, находясь полностью во власти старого мышления, сформировавшегося в то время, когда оборона была сильнее наступления.

К новому, 1940, году Черчилль сделал обзор положения обеих коалиций в мировом конфликте. «Существует некоторая схожесть между нынешней позицией и той, что имела место в конце 1914 года. Переход от мира к войне завершен. Моря к данному моменту очищены от кораблей противника, линия фронта во Франции стала статичной. Мы отбили первую атаку подводных лодок, которая в прежней войне началась только в феврале 1915 года. Во Франции линия фронта пролегает по государственной границе, что гораздо лучше положения 1915 года, когда шесть или семь французских провинций находились в руках противника».

Разумеется, во многом Черчиллем руководило стремление выдать желаемое за действительное. К началу 1940 года положение западных союзников было не лучше, чем в 1914 году. Россия (Советский Союз) не являлась союзником Запада, как в Первой мировой войне. Западные демократии очень надеялись на Соединенные Штаты, но те еще не вышли из состояния изоляции и отнюдь не спешили присоединиться к западной коалиции. Министерства финансов Британии и Франции уже начинали жаловаться на истощение долларовых запасов. Англия в это время подписала пакт о взаимопомощи с Турцией, но в Лондоне уже трудно было найти средства, которыми можно было бы скрепить эти узы. Советско-финский конфликт ухудшил отношения западных союз-

ников с СССР. Англия в это время продолжала обхаживать Италию, желая всеми возможными средствами оторвать ее от Германии. Но Муссолини уже твердо решил выступать на стороне Германии, пока же ему выгоднее было соблюдать видимость нейтралитета. Итальянский диктатор писал Гитлеру 3 января 1940 года: «Решение нашего вопроса о жизненном пространстве лежит в России и нигде более. День, когда мы сокрушим большевизм, будет днем нашего триумфа. Затем придет очередь западных демократий».

Девятнадцатого января 1940 года германский пилот приземлился с важнейшими документами на бельгийской территории. Плохая видимость не позволила ему найти аэродром в Кельне. Он пытался уничтожить имевшиеся при нем материалы, но бельгийская полиция успела вовремя — британское и французское правительства получили копии документов, из которых следовало, что германское командование готовится к вторжению в Бельгию, Голландию и, северным путем, во Францию. В тех, кто сам хотел спрятаться в скорлупе неверия в немецкое наступление, легко было заронить сомнение в аутентичности полученных данных. Из государственных деятелей, возможно, лишь Черчилль настаивал на их достоверности. Он указывал, что самое худшее, что могли бы сделать для себя немцы, — это подослать документы, в которых говорилось о возможности нарушения бельгийского суверенитета — ведь только это могло заставить бельгийцев, стремящихся уклониться от участия в конфликте, примкнуть к англичанам и французам. Для немцев не было никакого смысла в подделке. Тем не менее сознательные и «интуитивные» примиренцы не желали поверить в реальность происходящего. Бельгийский король вопреки очевидной опасности отказался стать союзником англо-французов и поверить в те планы, о которых он неожиданно узнал. В начале 1940 года Высший военный совет союзников обсуждал вопрос о помощи Финляндии в ходе советско-финского конфликта, о посылке, в частности весной 1940 года, в Финляндию воинских частей из Англии и Франции. Положительным казался фактор прихода к власти во Франции кабинета Поля Рейно, обещавшего с большей энергией

готовиться к войне. На первом же заседании союзнического совета с участием Рейно Франция и Англия приняли торжественную декларацию, обещавшую «не заключать перемирия или договора о мире без взаимного согласия».

Готовясь к предстоящему конфликту, западные союзники усматривали две слабые стороны позиции Германии: отсутствие запасов железной руды и отсутствие запасов нефти. Основные месторождения этих ископаемых находились в противоположных концах Европы. Железная руда шла к немцам с севера, из Швеции, а нефть в основном поставляла Румыния. Главной слабостью союзников Черчилль считал отсутствие национальной решимости сражаться до конца (он признает в мемуарах, что «ни Франция, ни Британия психологически не были способны выдержать немецкий удар, и только после того, как Франция потерпела поражение, Англия, находясь на краю гибели и угрозы уничтожения, приобрела национальную решимость, равную германской»). Но об этом никто не должен был знать. Выступления Черчилля перед прессой и населением были сугубо оптимистическими, хотя он и признавал их негативное влияние на укрепление решимости страны.

Фактор США

В обстановке тупика «странной войны» все большее значение приобретала политика США. Президент Рузвельт отдавал себе отчет в том, что именно Франция и Англия представляют собой передний край обороны Америки. Оценка же их сил и возможностей, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием панических призывов Парижа и Лондона, была пессимистической. Об этом можно судить, например, по воспоминаниям заместителя государственного секретаря Самнера Уэллеса. Так, он писал, что, по мнению высших правительственных кругов США, «политический хаос», царивший во Франции, почти не оставлял надежд на то, что она сможет оказать реальное сопротивление Германии, а доминирование последней в Европе в свою очередь поставило бы под вопрос существование Англии.

В этих условиях спасительным представлялся курс на оказание некоторой материальной и, главным образом, моральной поддержки обеим западноевропейским странам, с тем чтобы не допустить их быстрого поражения и таким образом выиграть время для наращивания собственной военной мощи. Вот почему в Вашингтоне вызвали пристальный интерес новые усилия Парижа и Лондона отвести от себя угрозу удара гитлеровского вермахта, перенацелив его на Восток против СССР. Поскольку Франция и Англия полагали, что достигнут этой цели военной поддержкой Финляндии и воздушной бомбардировкой Кавказа, в Вашингтоне сочли необходимым помочь им сделать следующий шаг — найти общий язык с Гитлером. Об этом 1 января 1940 года открыто заявил Хэлл, подчеркивая намерение США использовать в данном направлении свое моральное и материальное влияние. А два дня спустя Рузвельт в послании конгрессу недвусмысленно подтвердил готовность Соединенных Штатов выступить в роли посредника на переговорах о мире с Германией.

Дело не ограничилось словами. Президент решил отправить в Европу Самнера Уэллеса для переговоров с правительствами Германии, Италии, Франции и Англии. Цели миссии не афишировались. Напротив, ей был придан характер поездки представителя строго нейтральной страны. На пресс-конференции 9 февраля Рузвельт объявил, что Уэллес едет «исключительно с целью консультации президента и государственного секретаря относительно современного положения в Европе».

Миссия Уэллеса, пробывшего в Европе более месяца — с 25 февраля по 30 марта, — была связана с предшествующими заявлениями президента и государственного секретаря о предполагаемой мирной инициативе США. Прямое отношение к ней имело и заявление Рузвельта на пресс-конференции 9 февраля о намерении помочь Финляндии в войне против Советского Союза. Сопоставление всех этих высказываний позволяет обнаружить и предполагавшуюся основу примирения с Германией — изоляцию СССР.

Уэллес прежде всего направился в Рим, где встретился с Муссолини и министром иностранных дел Чи-

ано. Между ними состоялся обмен мнениями о политическом положении в Европе и намерениях итальянского правительства. Затем Уэллес посетил Берлин. Здесь он беседовал с Герингом, Риббентропом, Шахтом и статс-секретарем германского министерства иностранных дел Вайцзеккером. Зондаж дал далеко не одинаковые результаты. Так, уже будучи в Париже, Уэллес в беседе с Даладье о перспективах соглашения между двумя группировками стран в Западной Европе конфиденциально сообщил, что Муссолини «верит в возможность установления мира».

В Берлине же проявили несговорчивость. Здесь не сомневались в том, что Вашингтон взял на себя роль посредника, исходя из стремления направить агрессию гитлеровской Германии на Восток. Подтверждением тому служила состоявшаяся 27 февраля, накануне приезда Уэллеса, беседа Вайцзеккера с американским поверенным в делах в Берлине Кирком. Последний прямо заявил, что, по его мнению, Европа сейчас стоит перед выбором между миром и большевизмом. Но командование вермахта тогда еще не считало себя готовым к нападению на СССР, его планы предусматривали захват территорий прежде всего на Западе, а затем уж на Востоке. Завершая подготовку к вторжению в Норвегию и Данию, Берлин был заинтересован вместе с тем в том, чтобы запугать Англию и Францию. Поэтому в соответствии со специальной инструкцией, разработанной для переговоров с Уэллесом, официальные лица в основном говорили о могуществе Германии и ее решимости «победоносно завершить войну». Причем открыто заявлялось о намерении предпринять наступление на Западе. Уэллес, стремившийся главным образом выяснить, как отнеслись бы противоборствующие стороны к инициативе США по их примирению, не обнаружил в Берлине желания пойти на какие-либо уступки.

Противоположная картина открылась ему во Франции, куда он прибыл 7 марта. Его поразило подавленное настроение парижан. «Казалось, даже на зданиях, — писал он позднее в мемуарах, — лежала печать той же угрюмой апатии, которую можно было прочесть на лицах большинства прохожих, встречавшихся на малолюд-

ных улицах. Всех охватило предчувствие ужасного бедствия». Не лучшими были и его впечатления от бесед с членами правительства. «Опыт моих встреч в Париже в мартовские дни 1940 года, — резюмировал он, — имел шокирующий эффект».

Описав в ироническом тоне свой визит к престарелому французскому президенту Лебрену, он в отчете Рузвельту уделил основное внимание высказываниям Даладье. В беседе с глазу на глаз, длившейся около двух часов, премьер-министр Франции сразу же заявил, что готов договориться с Италией и Германией. Правда, он назвал их требования чрезмерными, но считал, что частично они могут быть удовлетворены. Так, он соглашался поделиться с Италией французскими владениями в Сомали, Тунисе, в районе Суэца, признать включение Судетской области и западной части Польши вместе с Данцигом в состав Германии, а взамен требовал восстановления Чехословакии и Польши. Что касается США, то они должны были взять на себя ответственность за переговоры и создание «международных военно-воздушных сил для полицейских целей».

В беседе с посланцем Рузвельта Даладье также выдвинул идею о том, чтобы после решения всех первоочередных проблем осуществить «обоюдное разоружение» Франции и Германии под контролем США. Характерно, что Уэллес отклонил последнее предложение только из-за нежелания США предпринимать какие-либо действия, способные вовлечь их в европейскую войну.

Нельзя не отметить, что и предложения Даладье, и ответ Уэллеса свидетельствуют о том, что не только в Париже, но и в Вашингтоне были далеки от реалистической оценки сложившейся международной обстановки, не понимали истинного характера опасности, угрожавшей Западной Европе, а впоследствии и всему миру. Этим и объяснялись в целом попытки договориться с Берлином и Римом ценою некоторых уступок.

Впрочем, Уэллес обнаружил в Париже и противников компромисса с гитлеровской Германией. Такой позиции придерживался, например, председатель Палаты депутатов Эдуард Эррио, считавший, что нельзя вступать

в переговоры с противником, ведущим двойную игру. А семидесятисемилетний президент сената Жанненэ, встречавший уже третью войну с Германией, говорил с американским гостем в духе Клемансо: «Есть только один способ обращения с бешеной собакой — убить ее или сковать стальной цепью, которую нельзя разбить».

Однако подавляющее большинство французских государственных деятелей по своим взглядам были близки к точке зрения Даладье. Примирительную позицию занимали вице-премьер Шотан, министр иностранных дел Бонне и многие другие. Даже министр финансов Поль Рейно, пользовавшийся репутацией самого твердого в отношении Германии члена правительства, был настроен пессимистически. Он пожаловался Уэллесу, что Франция приближается к тому моменту, когда все ее ресурсы будут брошены на закупку вооружений в США. А затем, сообщив о своей недавней беседе с Черчиллем, требовавшим ведения войны до конца, сокрушенно заметил: «Этот человек выдающихся способностей потерял эластичность мышления».

Таким образом, как подчеркнул в своем отчете Уэллес, действительно ни одному из ведущих представителей французского правительства не была чужда в той или иной мере мысль о сговоре с нацистской Германией, о «новом Мюнхене» на еще более широкой основе. Большинство в правительственных сферах Франции так или иначе выступало за переговоры с Германией. Визит Уэллеса усилил эту тенденцию, поскольку заронил несбыточные надежды на эффективность переговоров. Он явился составной частью американской политики выжидания и поисков примирения, способствовавшей моральной дезорганизации Франции перед лицом угрозы из-за Рейна. Миссия Уэллеса привела, в частности, к дипломатическим маневрам не только Парижа, но и Вашингтона в отношении Италии, хотя надежды расколоть германо-итальянский блок были иллюзорными.

В Лондоне Уэллес убедился, что в английских политических кругах существовала сильная группировка, возглавлявшаяся У. Черчиллем и А. Иденом и выступавшая против соглашения с Германией. Но, как и в Париже, многие члены правительства придерживались иной точ-

ки зрения. Премьер-министр Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс, беседуя с Уэллесом, высказались за компромисс с Германией. Поисками путей к примирению с ней были заняты министр финансов Саймон, министр без портфеля Хэнки, советник премьер-министра Хорас Вильсон. Оказалось, что и Ллойд Джордж выступал за соглашение, он верил в возможность заключения «пакта четырех» — Англии, Франции, Германии и Италии.

Американскому эмиссару довелось не только обсуждать с английскими и французскими государственными деятелями их проекты перевода войны на антисоветские рельсы, но и увидеть крушение этих планов.

Двенадцатого марта, когда Уэллес еще находился в Европе, был заключен мир между Финляндией и Советским Союзом, вызвавший растерянность среди политиков Англии и Франции. Чемберлен с досадой заявил в Палате общин, что он вынужден отказаться от отправки в Финляндию уже закончившей все приготовления 100-тысячной английской армии. А один из его советников так комментировал это событие: «Мы потерпели второе поражение, и теперь нам надо искать какую-нибудь другую возможность».

Разочарование охватило и правящие круги в Париже, внутри которых усилились разногласия. Одни критиковали премьер-министра за недостаточную твердость в отношении Германии, другие, напротив, — за якобы упущенную возможность вступить в сговор с ней на антисоветской основе. Последние, в частности, негодовали по поводу того, что французские войска численностью 50 тысяч человек, которые еще 26 февраля были готовы к отправке в Финляндию, так и не попали туда. А генерал Гамелен, не желая примириться с провалом своего «северного» плана — посылки войск западных союзников для участия в войне на стороне Финляндии, — решил форсировать осуществление «южного», так называемого «кавказского», варианта. В его памятной записке от 16 марта по этому поводу было высказано требование «действовать быстрее и энергичнее».

Между тем внутренние распри в правительстве привели 19 марта к отставке Даладье с поста премьер-

министра. Его сменил Поль Рейно. Характерно, что сформированный им кабинет получил вотум доверия большинством всего лишь в один голос. Это достаточно ясно характеризует слабость позиций нового правительства. Состав же его почти не отличался от прежнего. Даже Даладье сохранил портфель министра национальной обороны. Что же касается Рейно, то его искусство вести дебаты в парламенте не могло компенсировать отсутствие умения эффективно руководить страной в условиях нависшей над ней военной угрозы.

Выступление в Скандинавии

Из захваченных немецких архивов следует, что Гитлер в начале 1940 года считал поддержание нейтралитета Норвегии наилучшим курсом для Германии. Но в дальнейшем, в феврале месяце, фюрер пришел к заключению, что англичане собираются высадиться в Норвегии, и он решил их опередить. Окончательное решение Гитлер принял после того, как Черчилль отдал приказ английскому эсминцу войти в норвежские территориальные воды и захватить германское судно «Альтмарк», на котором находились английские военнопленные. Эта акция послужила детонатором планов Гитлера.

Выступая 5 апреля 1940 года перед Национальным советом консервативных ассоциаций, премьер-министр Чемберлен заявил, что Гитлер «пропустил свой автобус». Даже если допустить, что Чемберлен не хотел травмировать национальную психику англичан, следует все же признать, что это выражение было неудачным. Германия находилась на четвертом году интенсивного перевооружения, Англия и Франция (в лучшем случае) — на втором. Ход событий должен был вскоре определить, кто же на самом деле «пропустил автобус».

Англичане стремились привлечь к антигитлеровской коалиции как можно больше сил, они всерьез рассматривали возможность укрепления англо-французских позиций за счет нейтралов. К примеру, в радиообращении 20 января 1940 года к нейтральным странам содержался призыв к Скандинавии, Бельгии и Голландии «выполнить свой долг в соответствии с ус-

тавом Лиги Наций и выступить против агрессии и зла». Отклика не последовало. Зато стратеги в Берлине поспешили: 8 апреля Германия начала высадку войск в Дании и Норвегии. В течение 48 часов Дания капитулировала, а все стратегически важные пункты Норвегии оказались в руках немцев. Через три дня Черчилль дал оценку действиям немцев: «Безжалостность и маневренность, с которыми действовали немцы, проводя эти большие операции, заставляют меня думать, что все это только прелюдия более масштабных событий. Возможно, мы пришли сейчас к первому важному столкновению в этой войне».

Правда, в Нарвик-фиорде была потоплена половина германских миноносцев и несколько крейсеров, что, безусловно, ослабило германский флот.

Двадцать второго апреля 1940 года британская делегация прибыла в Париж на заседание Высшего военного совета союзников, которое премьер-министр Поль Рейно открыл общим обзором военной ситуации, значительно ухудшившейся для западных союзников в связи с успехами немцев в Скандинавии. «География, — сказал Рейно, — дала Германии постоянное превосходство из-за возможности внутренних перемещений войск». У немцев в это время было 190 дивизий, из них 150 могли быть использованы на Западном фронте. Против этих сил союзники могли выставить 100 дивизий, из них 10 — английских. Напомним, что в предшествующую войну в Германии проживало 65 миллионов человек, и та сумела мобилизовать 248 дивизий, из которых 207 в конце войны находились на Западном фронте. Франция со своей стороны мобилизовала 177 дивизий (110 сражались на Западном фронте); Великобритания — 89 дивизий (из них 63 на Западном фронте). В целом на Западном фронте в той войне находились 173 дивизии союзников против 200 германских. Равенство было достигнуто только тогда, когда прибыли американцы с их 34 дивизиями. Насколько же хуже было положение западных союзников в 1940 году! Население Германии достигло 80 миллионов, она могла создать 300 дивизий. Франция в то же время едва ли могла рассчитывать, что к концу года на Западном фронте будет 20 английских

дивизий. Западные союзники стояли перед фактом превосходства, которое приближалось к соотношению 2:1. Германия имела также превосходство в авиации, артиллерии и общем объеме военных запасов.

Верховный совет союзников обратился к голландскому и бельгийскому правительствам, пытаясь привлечь их к совместным действиям. Союзники полагали, что Италия близка к объявлению войны, и думали о том, какие меры следует принять военно-морскому флоту Англии и Франции в Средиземном море. На заседании впервые присутствовал генерал Сикорский, который заявил, что он может создать польскую армию из 100 тысяч человек в течение нескольких месяцев. Было решено, что, если Германия вторгнется в Голландию, союзные войска войдут в Бельгию без предварительного уведомления бельгийского правительства, а их ВВС начнут бомбить германские военно-промышленные объекты.

Хотя в речах генералов и политиков было немало бравады, на этой конференции Черчилль пришел к выводу, что на Западе союзников ждет поражение. Он был недоволен методами, какими велась война, и написал премьер-министру Чемберлену: «Если Вы ощущаете себя не в состоянии осуществлять все те полномочия, которые на Вас легли, то Вы должны назначить заместителя, который координировал бы и направлял общее развитие военных усилий». В результате 1 мая 1940 года премьер-министр издал уведомление, в котором говорилось о возросших полномочиях Черчилля как координатора всех военных усилий Англии.

Поражение в Норвегии вызвало чрезвычайное недовольство англичан. Выступавший от имени правительственной партии консерваторов Леопольд Эмери процитировал знаменитые слова Кромвеля, обращенные к так называемому «долгому» парламенту: «Вы сидели здесь слишком долго для того, чтобы сделать что-либо хорошее. Уходите — я говорю вам. Во имя господа Бога, уходите!» Как пишет Черчилль в воспоминаниях, эти страшные слова отражали общее настроение в стране.

Наступление на Западе

Напомним, что Гитлер поразил офицеров генерального штаба в Цоссене, заявив, что после окончания Польской кампании следует немедленно бросить силы против западных союзников. Немецкие генералы хотели планомерной и медленной передислокации, они рассчитывали на несколько месяцев подготовки к решающим битвам на Западе. Но ничто не могло переубедить Гитлера: 10 октября 1939 года он подписал директиву №6, требующую начала немедленных приготовлений к западной кампании, а именно к наступлению через Бельгию, Люксембург и Голландию «так скоро, насколько это возможно». Цель наступления заключалась в поражении Франции, выходе к морю и создании баз, позволяющих вести воздушную и морскую войны против Англии. Штабным офицерам было сказано, что вторжение следует осуществить до 12 ноября 1939 года. Через десять дней они представили Гитлеру план, названный фюрером верхом посредственности. Немецкие генералы желали, по существу, простого повторения шлиффеновского замысла начала века: наступления на Францию серповидным движением через Бельгию. Гитлер отверг компилятивный замысел своих генералов, план Шлиффена его не устраивал. Как сказал он, «дважды такие операции не удаются». Ведь французы именно этого ждали от немцев.

Гитлер когда-то воевал во Фландрии, и он указывал, что пересеченная, перерезанная многочисленными каналами местность неизбежно задержит колонны танков. Удар южнее выглядел предпочтительнее. Адъютант Шмундт сказал, что у генерала Манштейна схожие идеи. Манштейн и Гудериан предложили довольно неожиданный вариант — нацелить основной удар через лесной массив Арденн в направлении Седана. Как и французы, почти все немецкие генералы считали наступление в том направлении невозможным (лес и гористая местность мешали продвижению техники). Манштейн, Рундштедт и Гудериан увидели таящиеся в Арденнах возможности. И когда Манштейн, будучи среди пяти

ведущих генералов представленным к фельдмаршальскому званию, прибыл 17 февраля 1940 года к Гитлеру, он вручил фюреру рассчитанный именно на неожиданность «арденнский вариант». Гитлер немедленно ухватился за эту идею. Уже на следующий день он одобрил план Манштейна в своем приказе. Вся стратегическая концепция была отлажена в штабе верховного командования вермахта в Цоссене.

Восьмого мая 1940 года Гитлер окончательно установил дату наступления на Западе — через два дня. В этот день лейбористы начали атаку против правительства, обвиняя его в некомпетентности. Возмущенный Чемберлен заявил, что не боится критики и что у него «есть друзья в Палате общин». Это было, по меньшей мере, неудачное выражение. Обращение к партийной политике в час национальной опасности сделало премьер-министра уязвимым. Поднялся бывший премьер Ллойд Джордж, которому было в то время около восьмидесяти лет. Вайолет Бонэм Картер, дочь бывшего премьера Асквита, вспоминает, что это была «самая сильная из его речей». Ллойд Джордж использовал слова Чемберлена о «друзьях»: «Вопрос не стоит о том, кто является другом премьер-министра. Поставлен гораздо более важный вопрос. Премьер просит о жертве. Нация готова на любые жертвы до тех пор, пока правительство ясно показывает, к чему оно стремится, и до тех пор, пока нация уверена, что ее лидеры делают все от них зависящее. Я должен торжественно заявить, что сам премьер-министр должен дать образец жертвенности, потому что ничто не может содействовать победе в этой войне больше, чем сдача им своих полномочий».

Так подготовлено было падение кабинета Чемберлена. К власти пришел Уинстон Черчилль. Десятого мая он стал премьером. На пути из Букингемского дворца он спросил телохранителя, инспектора Томсона, знает ли тот, зачем его вызывали к королю. «Да, — ответил Томсон. — Мне только хотелось бы, чтобы вы заняли этот пост в ваши лучшие времена, ведь это огромное бремя». Глаза Черчилля наполнились слезами: «Один Бог знает, как тяжела эта ноша. Я надеюсь, что для

меня еще не слишком поздно. Я боюсь этого. Но мы приложим все силы».

Ллойд Джордж был единственным, кто приветствовал нового премьера, отметив его «блистательный интеллектуальный дар, бездонное мужество, глубокое знание войны, опыт в управлении». В ответ Черчилль выступил с тем, что Никольсон в дневнике назвал «очень коротким заявлением». Как пишет У. Манчестер, «слова этой речи ныне известны миллионам тех, кто еще не был рожден в то время, кто никогда не видал Англии и кто даже не говорит по-английски». Черчилль говорил так, как еще не говорили под сводами Вестминстера: «Я хотел бы сказать Палате, как я уже сказал тем, кто вошел в правительство: мне нечего предложить вам, кроме крови, труда, слез и пота... Вы спросите, в чем наша политика? Я отвечу: вести войну на море, земле и в воздухе со всей силой, данной нам Богом... Такова наша политика. Вы спросите, в чем наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь террор, победа, какой бы трудной и долгой ни была дорога, ибо без победы для нас нет выживания».

Десятого мая трехмиллионная армия Германии перешла в наступление на Западном фронте силами 136 дивизий, имевших 7378 орудий и 2445 танков и поддерживаемых 3643 самолетами. Общая численность войск западных союзников составляла около 4 миллионов человек. Они располагали 148 дивизиями, оснащенными 13 874 орудиями и 3373 танками. Их авиация насчитывала 2833 самолета. При этом французская армия состояла из 105 дивизий с личным составом в количестве 2240 тысяч солдат и офицеров и насчитывала 10700 орудий, 3063 танка, 1200 самолетов; бельгийская армия состояла из 22 дивизий, голландская — из 11, английская — из 10.

Таким образом, наземные войска стран антигитлеровской коалиции превосходили противника в силах и средствах. Германия имела перевес лишь в авиации. Главное же преимущество гитлеровских войск состояло в том, что они напали на страны, политическое и воен-

ное руководство которых было неспособно организовать эффективную оборону.

В первый же день наступления германские дивизии, оттесняя плохо управляемые и несогласованно действующие армии союзников, вторглись в Бельгию, Голландию и Люксембург. В ответ на это генерал Гамелен отдал приказ о выдвижении крупных сил навстречу противнику. Французские и английские войска достигли бельгийской территории; 11 мая 7-я армия генерала Жиро вступила в Голландию. В Гааге в то время уже шли бои, в Роттердаме появились немецкие парашютисты. В тот же день вражеские танки захватили Бред. Голландское правительство и командование, оказавшись бессильными организовать сопротивление, 13 мая вступили в переговоры с верховным командованием вермахта.

Оккупировав Голландию, немецкая 18-я армия двинулась через Бельгию, но 14 мая была остановлена 16 бельгийскими и 25 французскими и английскими дивизиями, занявшими оборону на фронте от устья реки Шельдры до города Намюра. У союзного командования появилась надежда на улучшение обстановки. Но она оказалась тщетной, так как южнее упомянутой линии, в Арденнах, еще накануне начала стремительно продвигаться вперед мощная танковая группа генерала Клейста. Не встретив серьезного сопротивления, она преодолела горы и устремилась к реке Маас. Союзное командование, узнавшее об этом слишком поздно, бросило навстречу танкам кавалерию, но она была разгромлена. Танковые соединения генералов Рейнгардта и Гудериана почти беспрепятственно достигли берегов Мааса и в тот же день форсировали реку. Так Германия начала широкое наступление на Францию. Ее танковые войска разбили оборонявшиеся на этом участке 2-ю и 9-ю французские армии. 14 мая немцы пробили восьмидесятикилометровую брешь между двумя основными армиями французов. Эффективная поддержка с воздуха обеспечила успех танковых колонн. А Франция уже потеряла половину своих самолетов. На запруженные беженцами дороги пикировали бомбардировщики. 20 мая немцы вышли к Ла-Маншу, отрезав северные армии от решающих полей сражения.

Далее события развивались столь же стремительно. Главнокомандующий французских вооруженных сил генерал Гамелен 16 мая получил донесение о том, что германские танки уже вступили в Монкорнэ. Это означало, что Арденнский фронт, которым командовал генерал Жорж, рухнул и союзным войскам, оставшимся в Бельгии, грозило окружение.

Критическая обстановка требовала решительных действий. Но она лишь усилила в правительственных и военных кругах неуверенность и колебания, вскоре перешедшие в нескрываемое отчаяние. Гамелен заявил, что он «больше не отвечает за безопасность Парижа». Министр национальной обороны Даладье телеграфировал Черчиллю, только что возглавившему английское правительство: «Мы проиграли битву. Дорога на Париж открыта. Пошлите нам все самолеты и все войска, какие только можете». И в это же время обанкротившиеся правители Франции, опасаясь взрыва народного гнева, решили отозвать с фронта в Париж две дивизии для «поддержания внутреннего порядка». Встревоженный телеграммой Даладье, новый английский премьер-министр Черчилль 16 мая прибыл в Париж. Его сопровождали заместитель начальника имперского штаба генерал Дилл и генерал Исмей. Они тотчас же встретились с Рейно, Даладье, Гамеленом, Дарланом и Бержере. Гамелен, как главнокомандующий, сделал доклад о положении на фронте, продолжавшийся всего 5 минут и произведший самое удручающее впечатление. Молчание собравшихся нарушил Черчилль. Он спросил: «Где стратегический резерв?» Вспоминая впоследствии об этих минутах, Черчилль писал: «Генерал Гамелен, пожав плечами, сказал: «Его нет».

Последовала долгая пауза. «Что мы должны были после этого думать о великой французской армии и ее лучших военных руководителях?» — спрашивает в своих мемуарах Черчилль. И добавляет: «Это был один из самых трудных моментов моей жизни». Двадцатого мая Черчилль написал Рузвельту: «Если наше правительство будет свергнуто и другие политики придут к власти, единственным препятствием между вами и Германией будет британский флот».

Стремясь предотвратить вступление Италии в войну на стороне Германии, Черчилль отправил 16 мая 1940 года письмо Муссолини: «Не следует ли остановить реку крови, текущую между британским и итальянским народами? Я никогда не был врагом Италии. В то же время, что бы ни случилось на континенте, Англия пойдет до конца, и нам все в большей степени будут помогать Соединенные Штаты». Черчилль призывал Муссолини не начинать действий против Франции. Ответ поступил 18 мая, и его единственным достоинством была откровенность: «Не уходя слишком далеко в историю, я напомню вам об инициативе, предпринятой в 1935 году вашим правительством, чтобы организовать в Женеве санкции против Италии, когда она пыталась найти для себя небольшое место под африканским солнцем. Именно честь, заставляющая следовать данному слову, привела ваше правительство к решению объявить войну Германии. То же чувство уважения к итало-германскому договору руководит итальянской политикой». С этого момента Черчиллю стало ясно, что Муссолини непременно вступит в войну.

Вторая волна германского наступления началась 5 июня, и французы сражались уже с отчаянием обреченных. 14 июня правительство покинуло Париж и немцы вошли во французскую столицу. Их танковые дивизии бросились на юг. 16 июня главой правительства стал маршал Петэн. Потеряв всего 27 тысяч солдат и офицеров, Германия выиграла войну.

Британский премьер-министр слушал по радио выступление Рузвельта, посвященное вступлению в войну Италии: «Рука, которая держала кинжал, нанесла удар в спину своего соседа». Ночью этого дня Черчилль написал Рузвельту: «Мы все слушали Ваши слова этим вечером, и Вы укрепили нашу решимость своей речью. Ваше заявление о материальной помощи Соединенных Штатов, которая будет оказана союзникам в их борьбе, воодушевляет нас в этот черный, но не безнадежный час».

В столь тяжелое для Британии время Черчилль все же нашел возможность обратиться к потенциальному восточному союзнику: 25 июня 1940 года он написал

письмо Сталину, в котором постарался по-своему оценить события прошедшего августа, в течение которого Советский Союз подписал пакт с Германией, а Британия стала официальным врагом. «С этого времени возник новый фактор; нужно, чтобы обе стороны восстановили свои прежние контакты, и, если это необходимо, мы готовы консультироваться друг с другом в отношении тех событий в Европе, которые интересуют нас обоих». Новый посол Великобритании в Москве сэр Стаффорд Криппс был принят Сталиным, но ответа на послание английского премьера пока не последовало.

Черчилль много размышлял о возможности поворота американской политики. Он пишет премьер-министру Канады Маккензи Кингу 5 июня 1940 года: «Мы должны быть осторожны в отношении того, чтобы не позволить американцам смотреть слишком самодовольно на перспективу британского поражения, благодаря которому они могут получить британский флот и главенство над Британской империей. Если мы будем побеждены, а Америка останется нейтральной, я не могу предсказать, какой оборот примет германская политика». Черчилль был готов в это время поделиться даже частью флота и империи, лишь бы Соединенные Штаты вступили в войну. Он предупреждал американцев, что если они останутся нейтральными, то не получат ни флота, ни британского колониального наследия.

Одиннадцатого июня Черчилль в четвертый раз со времени начала немецкого наступления вылетел на своем самолете «Фламинго» во Францию. Теперь он должен был приземлиться на небольшом аэродроме южнее Парижа. Выходя из самолета, Черчилль, как обычно, попытался улыбнуться и придать лицу уверенное выражение, но вскоре понял, что все это уже никому не нужно. Французы были слишком безразличны. Напрасно Черчилль напоминал маршалу Петэну (ставшему вице-премьером кабинета) вечера, которые они проводили вместе в 1918 году в штабе союзных войск в период немецкого наступления, слова, сказанные Клемансо в то время: «Я буду сражаться перед Парижем, в Париже и за Парижем». Маршал Петэн ответил очень спокойно, что в те времена у французов имелся стратегический

резерв в 60 дивизий, а сейчас такого резерва нет. Французы потребовали от Черчилля, чтобы тот прислал имеющиеся у англичан истребители. Черчиллю пришлось проявить немалое мужество, чтобы ответить: «Это не решающий момент, это не решающая точка войны. Такой момент наступит, когда Гитлер бросит свои силы против Великобритании. Если мы сможем сохранить контроль в воздухе, мы сможем выстоять». Он распорядился, чтобы резерв истребителей остался в Великобритании. Во время ужина с французским руководством, который последовал в 10 часов вечера, по правую сторону от Черчилля сидел Рейно, а по левую — недавно назначенный заместителем военного министра генерал Шарль де Голль. Это соседство имело немаловажное значение для дальнейшей дипломатической истории Европы. Настроение у Черчилля было подавленным. Впервые за 125 лет мощный противник расположился на противоположном берегу Ла-Манша, готовясь к удару по Великобритании.

Улетая из Франции, Черчилль прошел мимо группы французов, среди которых стоял генерал де Голль. Поравнявшись с ним, Черчилль сказал вполголоса по-французски: «Вот человек, отмеченный судьбой».

В эти дни Черчилль еще раз попытался вовлечь в конфликт Соединенные Штаты Америки. В ночь с 14 на 15 июля написал Рузвельту следующее: «Я лично уверен, что Америка в конце концов должна будет вступить в войну, но вы должны учесть, что через несколько дней французское сопротивление может быть сокрушено, и мы останемся одни». Это была отчаянная попытка Черчилля привлечь Рузвельта на свою сторону. Черчилль в ее успех не очень верил, но считал необходимым предпринять все возможное. Восемнадцатого июня он продиктовал длинное письмо главам британских доминионов, в котором характеризовал события во Франции и объяснял, почему Англия не повторит судьбу Франции: «Я лично думаю, что этот спектакль страшной борьбы и уничтожения нашего острова вовлечет Соединенные Штаты в борьбу. Если даже мы будем разбиты, всегда будет возможность послать наши флоты через океан и продолжать воздушную войну и блокаду. Я надеюсь на

Соединенные Штаты... Мы должны быть уверены в том, что вы сделаете все, что в человеческих силах, а мы со своей стороны полны решимости сделать все возможное». Черчилль диктовал письмо в своем кабинете, и машинистка быстро печатала текст. Двери были широко открыты, и там на солнце сидел командующий военно-воздушными силами маршал Арнольд. Когда Черчилль отредактировал напечатанное, он вышел к маршалу и попросил внести необходимые исправления. Взволнованный маршал сказал, что согласен с каждым из слышанных им слов.

В 3 часа пополудни 16 июня Черчилль предпринял еще один шаг, который в крайних обстоятельствах позволил бы премьеру Рейно продолжать войну во французских колониях. Он предложил создать государственный союз французского и английского народа с двойным гражданством. Это было беспрецедентное по смелости предложение. Собравшись вместе, представители английского и французского правительств написали декларацию о союзе двух стран: «Соединенное Королевство и Французская республика объединяются в едином государственном устройстве, Конституция союза обеспечит совместную оборону, единую финансовую и экономическую политику».

О предложении Черчилля, не имевшем исторических аналогов, был уведомлен британский парламент. Оно захватывало воображение, но реальная возможность создания такого государства была бы более чем спорной. Во Франции уже не верили ни в какие эксперименты. Большинство министров французского кабинета полагало, что Франции никоим образом не избежать разгрома, а судьба Англии будет решена вскоре же после краха Франции. Французский президент Лебрен так и сказал: через три недели Англии «скрутят голову». Согласие на государственный союз с Великобританией означало бы для Петэна «присоединить себя к трупу». У английских критиков проекта имелось еще больше прав на подобную метафору.

Между тем Франция как союзник агонизировала. По поручению кабинета министров Черчилль обратился к нации 17 июня 1940 года: «Новости из Франции очень

плохие, я выражаю сочувствие доблестному французскому народу, которого постиг ужасный удар судьбы. При всем этом то, что случилось во Франции, не меняет наших целей. Более того, мы стали единственной надеждой всего мира. И мы сделаем все, что в наших силах, ради того, чтобы быть достойными этой высокой чести». На следующий день Черчилль говорил в Палате общин: «Гитлер знает, что либо он разобьет нас на этом острове, либо потерпит поражение в войне. Если мы сможем выстоять, вся Европа в конечном счете будет освобождена и жизнь поднимется на новые высоты. Если же мы потерпим поражение, то весь мир погрузится во мрак нового средневековья. Давайте же исполним наш долг так, чтобы люди через тысячу лет говорили: это был их лучший час».

Произнеся эти бескомпромиссные слова, Черчилль отрезал дорогу назад тем, кого считал способными пойти на примирение с Германией. В письме американскому адмиралу Кингу 24 июня 1940 года он пишет о необходимости сделать так, чтобы в будущем английское правительство, если оно не будет поддержано Соединенными Штатами, «не оказалось сбитым с толку и не приняло германскую опеку. Было бы неплохо, если бы Вы смогли передать ощущение возможности такого поворота событий президенту».

Второй Компьен

Гитлер стремился продемонстрировать свое «великодушие» на примере Франции: побежденная страна, а сохранила и государственность, и колониальные владения, и даже флот. Таким образом, при принятии решения об условиях перемирия с французами правительство Германии исходило прежде всего из необходимости сосредоточить свое внимание на подготовке нападения на СССР. А для этого Гитлер хотел не только развязать себе руки на Западе, но и приобрести здесь союзников или хотя бы пособников в лице «урезанной» Франции с ее колониальными ресурсами. Подобного результата, по оценке Берлина, можно

достичь, если сохранить видимость самостоятельности правительства Петэна.

Так родился план, составной частью которого являлся отказ от оккупации южной части французской территории. Там должен был «править» Петэн. Ближайшей целью создания этого марионеточного государства был полный разрыв его с Англией, что могло стать еще одним средством давления на нее, нейтрализация флота и колоний Франции, с тем чтобы в дальнейшем постепенно их «германизировать».

Намерения Гитлера не совпадали с желаниями его союзника Муссолини. Это выяснилось 18 июня, когда они встретились в Мюнхене, чтобы совместно рассмотреть предложение правительства Петэна о заключении перемирия. Впрочем, дело свелось лишь к тому, что Гитлер, выслушав притязания Муссолини, который хотел раздела всей французской территории и флота Франции между Италией и Германией, полностью их отверг, так как они не соответствовали его собственным планам. Итальянский дуче, узнав, что он ничего не получит и что южная часть Франции не будет оккупирована, был крайне разочарован. «Муссолини недоволен, — отметил Чиано в своем дневнике. — Этот неожиданный мир беспокоит его... Дуче хотел бы полной оккупации французской территории и требует сдачи французского флота».

Но добиться этого ему не удалось, тем более что его позиции во время переговоров с Гитлером были ослаблены неудачей итальянских войск, которые в течение семидневных боев силами 32 дивизий так и не смогли сломить сопротивление шести французских дивизий. Тот же Чиано в связи с этим констатировал: «Муссолини чувствует второстепенность своей роли». Пришлось смириться. И хотя единственное обещание Гитлера — заключить перемирие только после подписания соответствующего итало-французского пакта — было слабым утешением для Муссолини, все же 22 июня он, скрепя сердце, писал: «Фюрер! Чтобы облегчить принятие французами условий перемирия, я... ограничил себя до минимума: демилитаризованная зона в 50 километров... В остальном я использовал германские условия перемирия».

Итак, Гитлер, стремясь предотвратить создание французского эмигрантского правительства и разбить планы тех, кто хотел перенести фронт борьбы в Северную Африку, «выделял» Франции часть ее территории. При этом он ничего не терял, так как отдавал ее под власть элементов, которые должны были сотрудничать с фашистской Германией по установлению «нового порядка» в Европе. Начало этому сотрудничеству положило подписание подготовленного в Берлине соглашения о перемирии.

Однако обратимся к предшествовавшим событиям. Утром 19 июня петэновского министра иностранных дел Бодуэна разбудил испанский посол, являвшийся посредником в переговорах. Он вручил германский ответ, содержавший принципиальное согласие на предложение заключить перемирие. Французская делегация приглашалась в немецкую Ставку. На следующий день она во главе с генералом Хюнцигером выехала из Бордо, направляясь в окрестности Тура, где, как объявило берлинское радио, состоятся переговоры. Но оказалось, что они перенесены в другое место. Делегацию переправили через реку Луару, затем она была встречена представителем германского генерального штаба генералом В. фон Типпельскирхом, который направил ее дальше на север. Проехали Шартр, Версаль, Париж. Французы не могли понять, куда же их везут. Тем временем в Бордо ждали известий из Тура. Наконец вечером 21 июня прибыло сообщение от Хюнцигера. Оно начиналось словами: «Я в вагоне».

Речь шла о знаменитом вагоне, в котором в ноябре 1918 года Вейган по поручению Фоша продиктовал условия перемирия представителям Германии, проигравшей Первую мировую войну. Это произошло в Ретонде, посреди Компьенского леса. С тех пор там высился монумент с надписью: «Здесь одиннадцатого ноября 1918 г. была повержена преступная гордость германской империи, побежденной свободными народами, которые она хотела поработить». На этом месте Гитлер и подготовил теперь позорную для французов сцену.

Но и с этим смирилось правительство Петэна. Вейган при чтении письма Хюнцигера лишь вздохнул, прошептав: «Мой бедный друг!..»

Тем временем в Компьенский лес прибыл торжествующий Гитлер в сопровождении своих генералов. С ненавистью взглянув на упомянутую надпись на монументе, которая, кстати, вскоре была стерта по его приказу, он встал, широко расставив ноги, перед специально для этого случая вывезенным из музея знаменитым вагоном генералиссимуса Фоша. Теперь лицо его выражало злобную радость. Он вошел в вагон. За ним последовала германская делегация. После этого в вагон впустили молчаливую группу французов. Генерал Йодль зачитал соглашение о перемирии, которое должно было вступить в силу с 25 июня. Французы подписали его, приняв все условия.

Франко-германское перемирие, а также подписанное незадолго до него франко-итальянское в целом предусматривали: 1) оккупацию Германией 2/3 французской территории, включая ее северо-западное побережье от бельгийской до испанской границы (ст. 2); 2) демобилизацию и разоружение сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил Франции «за исключением частей, необходимых для поддержания порядка» (ст. 4); 3) передачу под германский или германо-итальянский контроль всей артиллерии, танков, военных самолетов, стрелкового оружия и боеприпасов, находившихся на неоккупированной территории (ст. 5 и 6); 4) возмещение расходов на содержание германской оккупационной армии, которые составляли огромную сумму, возлагалось на правительство Виши (ст. 18).

На следующий день Гитлер осмотрел Париж. С обнаженной головой он стоял перед гробницей Наполеона, восхищался зданием Оперы, поднялся на Эйфелеву башню. Вечером этого же дня он вызвал своего архитектора Шпеера и приказал предоставить план строительства Берлина. К 1950 г. германская столица должна была затмить Париж в качестве архитектурной столицы мира. Себя Гитлер отныне чаще всего ассоциировал с Фридрихом Великим.

Окружающие признали, что понимание Гитлером значения технической революции в военном деле позволило ему оценить роль бронетанковых войск — острия блицкрига. Его поддержка этого решающего нововведе-

ния, пишет А. Буллок, «имела решающее значение для германских армий в 1939—1941 годах». Йодль, бывший в самых близких, почти ежедневных, отношениях с Гитлером, делится воспоминаниями в Нюрнберге: «Он считал, что, если бы он приучил себя мыслить, как офицер Генерального штаба, ему бы пришлось на каждом шагу останавливаться и просчитывать возможность сделать следующий шаг. Соответственно, ему бы никогда даже не пришлось сделать попытку прийти к власти, поскольку по всем объективным расчетам у него прежде не было шансов на успех... В руководстве военными делами, как и в своей политической деятельности, фюрер взял за правило выбирать настолько далеко идущие цели, что для трезвых профессионалов они представлялись невозможными. Но он делал это сознательно, будучи убежденным, что сам ход событий оставит позади эти более скромные расчеты».

Битва за Британию

Наступило самое тяжелое время для Британии, она осталась одна перед победоносной Германией, завоевавшей всю Центральную и Западную Европу. Весь мир задавался вопросом: будет ли Англия продолжать борьбу, хватит ли у нее мужества? Черчилль ответил на этот вопрос, выступая перед парламентом 4 июля. Он произнес ставшие знаменитыми слова: «Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы это нам ни стоило, мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться на местах высадки, мы будем сражаться в полях, на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы никогда не сдадимся. И если даже, во что я ни на секунду не поверю, этот остров или его часть попадет в руки врага, тогда наша империя за морями, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока новый мир со всей его мощью и силой не выступит ради спасения и освобождения старого».

Капитуляция Франции означала, что Англии при-

дется в одиночестве противостоять ставшему «коричневым» континенту. Тон писем и речей Черчилля мрачен. Лишь временами у него возникает надежда на благоприятный исход событий. Мыслями об этом он делится только с ближайшими доверенными лицами. Так, в письме премьер-министру Южной Африки Черчилль пишет: «Нельзя исключить вероятность того, что Гитлер повернет на Восток. Возможно, что он попытается это сделать, даже не предприняв попытки нанести поражение Англии».

Не все в Англии разделяли решимость Черчилля. Посол Англии в Соединенных Штатах лорд Лотиан считал, что слова Черчилля, сказанные 4 июля о том, что Англия не прекратит борьбу даже в том случае, если будет оккупирована территория доминионов, могут нанести ей вред, поскольку возникает возможность передачи при определенных условиях британского флота Соединенным Штатам. Черчилль был вынужден объяснить своему послу в важнейшей для него тогда стране смысл вышеуказанных знаменитых слов: «Мои последние слова в речи, конечно, не были адресованы Германии и Италии, для которых идея войны континентов едва ли кажется привлекательной. Если Великобритания потерпит поражение, то германское правительство может попытаться получить более выгодные стратегические позиции, настаивая на сдаче Британией своего флота. Таким образом, Германия и Италия стали бы угрозой для Нового света. Мы должны избежать такого положения. Но если все же какая-либо форма английского варианта правительства Квислинга будет создана, то американский президент должен иметь ясные представления о том, что это будет означать для Америки. Я должен всеми возможными способами развеять надежды Соединенных Штатов на то, что они каким-либо образом могут избежать растущей опасности. Напротив, занимая нейтральную позицию, Соединенные Штаты подвергают себя ужасному риску».

Когда Черчилль размышлял о судьбе Британии, взоры Гитлера, как отмечал несколько позднее начальник германского генштаба Ф. Гальдер, уже были «обращены на Восток». После разгрома Франции он решил нане-

лить имевшиеся в его распоряжении силы на подготовку к «уничтожению мощи Советского Союза... отложив решительную борьбу против Англии». Более того, попрежнему стремясь громить противников поодиночке, Гитлер надеялся привлечь и Великобританию к своему походу против СССР. Поэтому он стремился к соглашению с ней, что, в частности, подтверждает и произнесенная им уже в июле речь в рейхстаге. Даже директива Гитлера от 16 июля 1940 года, намечавшая проведение так и не состоявшейся операции вторжения на Британские острова, начиналась сообщением о нежелании Англии «пойти на компромисс».

Опасения в Кремле

Безусловным фактом является то, что в 30-е годы Сталин боялся Британии не меньше Германии. Во многом это был результат русской политики Болдуина и Чемберлена. В частной беседе в конце июня 1939 года он выразил мысль, что Финляндия «может легко стать плацдармом для антисоветских действий одной из двух главных буржуазно-империалистических группировок — германской или англо-франко-американской». Не исключено, сказал Сталин, что обе эти группировки сплотятся «для совместных действий против СССР».[3] Финской делегации в октябре 1939 года Сталин сказал: «Вы спрашиваете, кто может на нас напасть? — Британия или Германия».[4]

Этот страх удвоился, когда Германия сокрушила Францию. Возможность компромисса между Берлином и Лондоном страшила советское руководство как ничто иное. 26 июня 1940 года в СССР был введен восьмичасовой рабочий день. Академик Варга — директор Института мировой экономики и международных отношений — писал в эти дни: «Мы не настолько смелы, чтобы давать окончательный прогноз; но нам кажется с чисто военной точки зрения — получая военную помощь из США — Англия могла бы продолжать войну. Однако политическая сторона вопроса является решающей: готов ли английский правящий класс вести войну до конца, чтобы либо победить, либо погибнуть». Варга писал о двух

фракциях в Англии — одна стоит за продолжение войны, вторая — за договоренность с Германией. «Скудная информация относительно того, что происходит в Англии, не позволяет нам судить, какая из двух тенденций возобладает».[5] Очевидный вздох облегчения был ощутим в Москве, когда стало ясно, что Черчилль и его окружение не пойдут на сговор с Германией: германское приглашение от 19 июля 1940 года заключить компромиссное соглашение было Черчиллем отвергнуто. Заметим, что тогда же, 31 июля 1940 года, Гитлер впервые упоминает о возможности нападения на Советский Союз.[6]

Генерал-полковник Йодль представил свои соображения, озаглавленные так: «Продолжение войны против Англии» 30 июня 1940 года. Собственно, в этом документе не рассматривались планы оккупации Британских островов. Говорилось, что террор с воздуха должен заставить англичан запросить мира. Возможность высадки «должна быть рассмотрена после того, как Германия завоюет господство в воздухе». Гитлер и его окружение полагали, что не имеющие выбора, стоящие перед угрозой подводной блокады и ударов с воздуха, англичане должны смириться. Фюрер решил нанести психологический удар.

Вечером 19 июля 1940 года, выступая в рейхстаге, он обратился к противнику: «Из Британии я сейчас слышу лишь один крик — не от народа, а от политиков — о том, что война должна продолжаться! Я не знаю, есть ли у этих политиков четкие идеи относительно того, каким должно быть это продолжение войны. Они заявляют, что будут продолжать борьбу, даже если Великобритания погибнет, они ее будут вести тогда из Канады. Мне трудно предположить, как они представляют себе переход всех англичан в Канаду. Видимо, только те джентльмены, которые заинтересованы в продолжении войны, уйдут туда. Я боюсь, что народ останется в Британии, и он, несомненно, будет видеть войну иными глазами, чем их так называемые лидеры в Канаде... Мистер Черчилль должен хотя бы единожды поверить моему предсказанию, что великая империя будет разрушена — империя, разрушать которую у меня не было намерения».

Гитлер предложил Британии мир. В нацистской Германии, многие годы находившейся под давлением пресса пропаганды, миллионы людей верили, что это честное и даже благородное предложение. Здравый смысл покинул эту страну. У. Ширер, находясь в Берлине, записал в свой дневник: «Как маневр, рассчитанный сплотить германский народ для борьбы против Британии, речь Гитлера была шедевром». В течение часа из Лондона прибыл ответ, и этим ответом было «нет». Речь Гитлера действовала на немцев, но она не действовала на англичан.

Министр иностранных дел Италии Чиано описывает свои впечатления вечером 19 июля 1940 года: «Когда негативная реакция английского правительства дошла до сознания германских руководителей, она породила среди них плохо скрытое разочарование». У Гитлера исчезли сомнения, которыми он себя тешил. Стало абсолютно ясно, что Англия будет сражаться до конца.

Оказавшиеся в руках историков документы говорят о том, что Гитлер готовился к высадке на Британских островах, но обстоятельства не позволили ему осуществить эту высадку. Согласно директиве №16 (17 июля 1940 г.), тринадцать ударных дивизий должны были броситься через Ла-Манш. Именно в этот день армейское командование завершило планирование операции по захвату южной части Англии. Основная нагрузка падала на ставшего 19 июля фельдмаршалом Рундштедта, командира группировки «А». В первом эшелоне десанта должно было находиться 90 тысяч солдат, а в целом ударная группировка насчитывала 260 тысяч человек. Готовились парашютисты. Во втором эшелоне предполагалось пустить в действие шесть танковых и три моторизованные дивизии. На протяжении нескольких дней следовало высадить на противоположную от Па-де-Кале сторону тридцать девять дивизий (плюс две воздушно-десантные).

Группе «А» следовало захватить юго-восточную оконечность острова и двигаться в направлении Саутхемптона. В то же время шестая армия Рейхенау должна была броситься на север, на Бристоль, отрезая Корнуольский полуостров. Браухич сказал Редеру 17 июля, что

вся операция займет месяц, он не предвидел, учитывая отсутствие у англичан армии, каких бы то ни было осложнений. Но моряки были настроены недоверчиво. Редер не верил в успех «Морского льва». Операция на фронте длиной почти четыреста километров была слишком открыта для британского флота, противопоставить которому что-либо серьезное немцы пока не могли.

Задача завоевать Британию не была простой. Фельдмаршал Рундштедт говорил во время следствия в 1945 году: «Предполагаемая высадка в Англии была бессмыслицей, потому что необходимого количества судов не было... Мы смотрели на это занятие как на своего рода игру, так как было очевидно, что вторжение невозможно до тех пор, пока наш военно-морской флот не будет в состоянии прикрыть пересечение Ла-Манша и доставку подкрепления. Военно-воздушные силы Германии не были способны взять на себя эти функции в случае неудачи флота... У меня такое ощущение, что фюрер на самом деле никогда не намеревался вторгаться в Англию. У него не было необходимого мужества... Он определенно надеялся, что Англия запросит мира». Генерал Блюментрит после войны также отмечал, что все разговоры об операции «Морской лев» были блефом.

Гитлер пока (совещание представителей трех родов войск 21 июня) еще надеялся на внутренний раскол в Англии. Он выразил понимание проблем флота, но все же нажимал на своих военных, требуя молниеносной операции. Хватит сорока дивизий, и дело будет закончено к 15 сентября, говорил он. Фактически в это время германская стратегическая разведка — слабый элемент вооруженных сил Германии — переоценила британские войска на 8 дивизий. Нерешенным остался вопрос о средствах высадки. На совещании 31 июля Редер скептически отозвался о возможности высадки. В директиве №17 от 31 июля Гитлер сделал акцент на подавлении военно-воздушных сил Англии после 5 августа; решение о высадке будет зависеть от успеха этой операции. Кейтель подписал директиву о предстоящих на английской территории операциях 27 августа.

Вопрос о высадке в Англии окончательно решался 14 сентября 1940 года. Перед началом совещания адми-

рал Редер сумел вручить Гитлеру листок с изложением мнения представителей морского флота: «Современная ситуация не обеспечивает условий для осуществления операции, риск все еще слишком велик». На совещании Гитлер сказал, что надежды Британии на Россию и Америку не оправдались: Россия не собирается проливать ради нее свою кровь, а перевооружение Америки завершится лишь к 1945 году. Проблема сейчас лишь в том, что истребительная авиация противника уничтожена не полностью. Условия для высадки еще не созданы.

Представители люфтваффе просили разрешения на массированные бомбардировки Лондона с целью посеять панику. Это требование поддерживал и Редер. Прошло три дня, и 17 сентября в военно-морском дневнике британского адмиралтейства появилась запись: «Военно-воздушные силы противника еще не разбиты. Например, их активность возросла. Погодная ситуация не благоприятствует... Вследствие этого фюрер решил отложить операцию «Морской лев» на неопределенное время».

В Берлине Гитлер сказал 14 сентября: «Успешный десант с последующей оккупацией Англии приведет к быстрому окончанию войны. Англия умрет с голоду... Необходимы четыре-пять дней хорошей погоды, чтобы перейти к решительным действиям... Если мы будем продолжать непрерывные воздушные налеты хотя бы в течение десяти-двенадцати дней, в Англии может возникнуть массовая паника». Летчиков люфтваффе неприятно поразило качество британской техники. «Мы понимали, что английскими истребительными эскадрильями, должно быть, управляют с земли (вспоминал немецкий ас А. Галланд), потому что мы слышали команды с наземных станций». В решающие две недели — между 23 августа и 6 сентября — англичане потеряли 466 истребителей, а немцы — 385 самолетов. Англичане лишились четверти летного состава.

Наблюдая за воздушной битвой 15 сентября, Черчилль обернулся к вице-маршалу Парку: «Сколько самолетов у нас в резерве?» — и получил самый неутешительный ответ: «У нас больше ничего нет». Однако именно в этой воздушной битве британские летчики

уничтожили пятьдесят девять германских бомбардировщиков — такой уровень потерь люфтваффе могли выдержать недолго (победа в «Битве за Британию» празднуется именно в этот день). Но 17 сентября Черчилль еще приказал стрелять в небо изо всех возможных стволов — это был психологический прием, направленный на то, чтобы скрыть от лондонцев тот факт, что англичанам, собственно, уже почти нечем противостоять немцам в воздухе. Он не знал о лаконичной записи в журнале боевых действий германского флота от 17 сентября о том, что «фюрер принял решение отложить операцию «Морской лев» на неопределенное время». Стойкость летчиков королевских военно-воздушных сил, конечно же, была важным фактором, но не меньшее значение имело и другое — Гитлер обратил свой взор на Восток.

В этот же день итальянские войска пересекли ливийскую границу и продвинулись почти на сто километров в глубину египетской территории. В океане был торпедирован «Город Бенарес», половину пассажиров которого составляли эвакуированные в Канаду дети. В Дакаре силы Виши отбили англо-голлистский десант. 14 октября взрыв бомбы сотряс двор на Даунинг-стрит 10, где Черчилль обедал, и премьер приказал повару спуститься вместе с ним в убежище. Ровно через три минуты германская бомба попала в кухню. И все же Черчилль отказывался пока бомбить в ответ жилые кварталы германских городов. Его целью были военные объекты, и он внятно объяснил свою стратегию: «Сначала дело, а потом удовольствие». По радио Би-би-си он говорил французам, что в Лондоне «мы ждем давно обещанное вторжение. Того же ждут и рыбы».

27 октября 1940 года забрезжил призрак надежды. «Энигма» расшифровала распоряжение о «продолжении подготовки к вторжению». Если подготовка не завершена, то о каком вторжении можно говорить? А 28 октября аэрофотосъемка показала движение германских судов в направлении, противоположном противостоящим Британии континентальным портам. Колвил занес в свой дневник 2 ноября мнение премьера, что «вторжение маловероятно». На самом деле Гитлер уже 12 октября

принял решение «о том, чтобы приготовления (запись из германского журнала распоряжений. — А. У.) в Англии с настоящего времени и до весны сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию».

В день своего шестидесятишестилетия премьер сказал Идену, что никогда не чувствовал большего удовлетворения от работы, чем в последние шесть месяцев. Но все же признался и в следующем: «Обычно я просыпаюсь свежим к испытаниям нового дня, но этим летом я просыпался с ужасом в сердце». Наконец 9 января 1941 года дешифрованные данные показали, что немцы готовятся к удару по Греции. Гитлер повернулся в противоположный угол Европы. В январе 1941 года Черчилль впервые за многие месяцы был в отменном расположении духа. Гостям за столом он сказал, что «никого не ненавидит, и полагает, что и у него нет врагов — за исключением гуннов, но это профессиональная особенность».

Англия была спасена. Что ее ждало в случае германского успеха, мы примерно знаем из германских документов. Командующий сухопутных войск Браухич 9 сентября издал директиву, которая предусматривала «интернирование и переселение на континент всего трудоспособного мужского населения в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет». По распоряжению от 27 июля созданного немцами Военного экономического штаба Англии, пленных следовало не брать, антигерманские выступления наказывать расстрелом на месте, имущество (кроме личных вещей) конфисковать.

Созданное в 1939 году РСХА (Центральное управление безопасности рейха) поручало бывшему декану экономического факультета Берлинского университета, а ныне полковнику СС Ф. Сиксу (будущему главе айнзацкоманд в России) «начать одновременно с военным вторжением борьбу с многочисленными враждебными Германии организациями». Уже были сформированы шесть айнзацкоманд, которым предстояло разместиться в Лондоне, Бристоле, Бирмингеме, Ливерпуле, Манчестере и Эдинбурге. Был составлен особый список из 2300 известных англичан, которых следовало арестовать немедленно. Возглавлял его, разумеется, Черчилль. В

список вошел весь цвет английской нации — Г. Уэллс, О. Хаксли, Вирджиния Вульф, Дж. Пристли, Б. Рассел, Б. Уэбб. Особое внимание заслужили так называемые «общественные школы» (частные школы) и бойскауты, названные «мощным орудием британского империализма». Остров ожидала страшная судьба.

Но англичане, как мы сейчас знаем, не собирались сдаваться. Черчилль писал: «Кровопролитие с обеих сторон было бы великим и мрачным. Не было бы ни жалости, ни колебаний. Они использовали бы террор, а мы были готовы идти до конца». Много позднее стало известно, что британское правительство готовилось, в случае, если другие средства не помогут, применить против высаживающихся германских войск отравляющие газы, распыляя их с низко летящих самолетов. Это было самое секретное решение. Британские острова избежали этой участи только потому, что Гитлер выбрал своей следующей целью Россию.

Москва размышляет

Феноменальные военные успехи Германии поразили Сталина. Летом он приходит к выводу, что новая военная элита должна усвоить уроки, преподнесенные миру немцами. Маневрами 1940 года руководили маршалы Тимошенко, Буденный, Кулик, генералы Тюленев, Кирпонос, Ремизов, Апанасенко, Штерн. Ключевым элементом учений было «взаимодействие всех родов войск». Как отметила германская разведка, «абсолютно преобладали» оборона и штурм заранее подготовленных оборонительных позиций. Прискорбно, что именно такой вывод сделали советские генералы, несмотря на продемонстрированное перед всем миром всепобедное искусство импровизации наступающих мобильных (преимущественно танковых) колонн, уходящих от всяких осад, от всяких «линий Мажино». Опыт почти несокрушимой «линии Маннергейма» настолько впечатлил генералов и руководство, что они как бы просмотрели опыт Гудериана и Манштейна в Польше и Франции.

Буденный посчитал необходимым по результатам маневров высоко оценить службу связи — едва ли не

решающий компонент взаимодействия войск в мобильной современной войне. Между тем Красная Армия так и не овладела радио как безусловно наиболее важным средством сообщения армейских частей, что очень скажется. В дальнейшем офицеры 97-й пехотной дивизии (учения под руководством маршала Тимошенко) получили от командования золотые часы, а сама дивизия была оценена выше всех Генеральным штабом за инициативность в бою.

Сталина несколько отвлекала дипломатия. Германская военная миссия, огромная по численности, отправилась в Румынию. Еще более его волновал вход германских войск в Финляндию, и он немедленно запросил Берлин о целях появления германских войск в «советской зоне ответственности». Германская нота объясняла, что «германо-финское соглашение... является чисто техническим делом и не имеет политической значимости». Риббентроп пообещал объяснить все в личном письме Сталину. И письмо прибыло — длинное, монотонное и сухое, рассчитанное деталями и побочными соображениями прикрыть сам факт начавшегося военного сотрудничества Финляндии и Германии, фактического вхождения Финляндии в зону влияния Берлина.

Молотов без обиняков задал вопрос Риббентропу: «Какова численность войск, посланных вами в Румынию?» Риббентроп не был Талейраном, он был достаточно недальновиден, чтобы начать рассуждать о «естественной политической коалиции» Берлина и Бухареста, которая будет всем во благо. Решению всех возможных противоречий послужило бы решающее сближение четырех держав — Германии, Италии, Японии и Советского Союза. «Делимитация их интересов в мировом масштабе» послужила бы разрешению всех неувязок и недоговоренностей. Было выдвинуто и принято предложение Молотову посетить Берлин.

Но дипломатия лишь прикрывала процесс европейского и мирового возвышения Германии, после побед 1940 года ощутившей достижимость самых смелых планов.

В тот самый день, когда Гитлер подписал план операции «Барбаросса», — 18 декабря 1940 года — в Москве

открылось специальное расширенное заседание Главного военного совета. Это не был очередной фестиваль триумфализма. В довольно суровых фразах представленный присутствующим письменный доклад говорил о неблагополучном состоянии Красной Армии, особенно в том, что касалось бронетанковых и механизированных частей. «Народный комиссариат обороны отстает в разработке вопросов, касающихся операционного использования войск в современной войне. Нет согласованных мнений по поводу использования танков, авиации и парашютных войск... Развитие танковых и механизированных войск в общей системе вооруженных сил отстает от современных требований массового использования вооружений... Доля механизированных войск низка и качество танков Красной Армии недостаточно».

Начальник Генерального штаба К. А. Мерецков подвел итоги осенним учениям. Один из выводов — в бою пехотные части должны быть более маневренными. В обороне должны защищаться заранее созданные укрепленные районы, что позволит «канализировать» наступающие части противника в направлениях, наиболее выгодных обороняющейся стороне, и подорвать его мощь до вторжения в основную линию обороны. Мерецков отметил слабость войсковой разведки, недостаточную ориентацию командиров в сложных ситуациях. Авиация должна самым прямым образом помогать наступающей пехоте и бронетанковым частям. Начальник Генерального штаба отметил улучшение понимания авиацией своих функций в современном бою. Кто из присутствующих в зале мог представить себе, что советская авиация будет за несколько дней выбита и «вернется в строй» только после Сталинграда?

Двадцать восемь генералов поделились своими общими соображениями. Затем участники командной конференции разбились на пять частей, обсуждения и совещания продолжались до начала января. Всем пяти секциям были представлены пять докладов.

Г. К. Жуков. Природа современной наступательной операции.

И. В. Тюленев. Природа современной оборонительной операции.

Д. Г. Павлов. Использование механизированного корпуса в наступлении.

Р. В. Рычагов. Боевая авиация в наступлении и в борьбе за превосходство в воздухе.

А. К. Смирнов. Пехотная дивизия в наступлении и обороне.

Пользовалось успехом выступление Жукова с обзором боев за Халхин-Гол. Но единомыслия не было, и генералы со всей страстью схлестнулись на теоретической ниве. Наследник Блюхера по командованию вооруженными силами на Дальнем Востоке, Штерн не был согласен с жуковским использованием танков, с временем их введения в бой в ходе прорыва обороны противника. Командир первого механизированного корпуса Романенко тоже был весьма суров в своей критике: «Эти идеи были бы хороши для 1932—34 годов... Германская армия осуществила наступательные операции на основе использования механизированных и авиационных частей... Решающим фактором в успехе германских операций на западе была механизированная армейская группа Рейхенау. Мобильные формирования сыграли решающую роль в окончательном разгроме Франции. Немцы, располагающие значительно меньшим числом танков, чем мы, поняли, что ударные силы в современной войне должны состоять из механизированных, танковых и авиационных частей, они собрали все свои танки и механизированные войска в операционные объединения, они сконцентрировали их и дали им задачу выполнения независимых решающих операций».

Романенко предложил создать ударную армию в 3—4 механизированных корпуса, 2—3 авиационных корпуса, 1—2 парашютные дивизии, 10—11 артиллерийских полков. «Если две такие армии будут действовать на внутренних и внешних флангах двух фронтов, они сокрушат фронт противника... Мое предложение может вызвать критику, но я работал над ним много лет... *Если мы не используем ударные армии, созданные из механизированных частей с мощным авиационным прикрытием, тогда мы окажемся в тяжелом положении и не предотвратим угрозу нашей стране*».

Критикам Жукова казались недостаточными 2—3

дня на подготовку наступления, они в данном случае приводили бывший у всех перед глазами пример финской войны. Романенко говорил о 10-15 днях подготовки. Глубина прорыва должна была составлять 200-250 километров.

Против массированного использования танковых частей выступили глава военной разведки Ф.И. Голиков и другие. Романенко не цитировался ни Жуковым в обзоре работы секции, ни Тимошенко в заключительном слове. Согласованный вариант доклада Жукова был своего рода синтезом высказывавшихся взглядов. Удивительным образом мы словно видим образ действий немцев, а не советских войск страшным летом 1941 года. Наши генералы предвидели крах тактической зоны обороны, мощное движение мобильных сил, ведущее к решительному уничтожению операционных резервов, и перерастание оперативного успеха в стратегический. С самым серьезным видом говорилось о внезапном нападении на аэродромы противника и достижении превосходства в воздухе. Какая сторона соответствовала этому описанию в июне—июле 1941 года?

Генерал-полковник Павлов, только что назначенный командующим самым главным — Западным особым военным округом (и несколько поспешно названный советским Гудерианом), живописал скоротечные танковые операции, осуществить которые ему не придется. Будущий маршал Еременко тоже говорил о фронтальной танковой атаке, о снабжении танковых войск горючим по воздуху, о необходимости создать двадцатитонные грузовики-танкеры для обеспечения прорыва на 200 километров. «Мы говорили здесь о снабжении механизированных войск горючим по воздуху. Немцы предпринимают такие меры. Мы тоже пытались. Я помню наш приход в район Белостока, мы быстро израсходовали все, что было в бензобаках, и они доставили нам горючее по воздуху. То же было с корпусом товарища Петрова у Гродно. Они сбросили ему горючее на парашюте. Имея практический опыт решения этой проблемы, я пришел к выводу, что этот способ ненадежен. Такой способ — исключение. Нам нужны грузовики, перевозящие 20 тонн горючего».

Авиаторы (особенно Кравченко) говорили о независимых действиях авиации. Судя по всему, они так и не нашли грань между стратегическими и тактическими действиями, не нашли места в своих расчетах противовоздушной обороне, попусту говорили о возможности уничтожения авиации прямо на взлетных полосах, на прифронтовых аэродромах.

В те же дни, когда генералы Красной Армии в Москве обсуждали современный боевой опыт, они сами подвергались оценке со стороны генералов вермахта. Выступая перед коллегами, генерал Гальдер пришел к выводу: «У Красной Армии нет руководителей» (*«Die Rote Armee ist furerlos»*). Так завершил он четырехчасовой доклад о степени готовности потенциального противника. Оружие русских хуже, чем у французов. Особенно радовало немцев то обстоятельство, что, не имея надежной полевой артиллерии, Красная Армия давала исключительные возможности германскому танку Т-III, с его 50-миллиметровой пушкой. Русское руководство на высшем, среднем и низшем уровне было *minderfertig — ниже немецкого*. Любая форма *переориентации* красных командиров не сможет изменить базовых фактов: в руководстве, в вооружении, в боевой выучке германская армия безусловно превосходила русскую. И ничего нельзя сделать за короткие месяцы 1941 года. Стоит германской армии разбить в приграничных сражениях русскую армию, как она получит полную возможность для маневра, пересекая редкие русские магистрали, внося сумятицу и панику в само существование русского государства. Советский Союз распадется на несколько частей, и хаос превзойдет даже то, что было в сокрушенной Польше.

Чтобы знать приграничную полосу, в небо уже в ближайшее время взлетят оборудованные цейсовскими камерами несколько типов самолетов: «Хейнкель-III», «Дорнье-215-В2», «Юнкерс-88». От Балтийского до Черного моря началась крупнейшая операция аэрофотосъемки. Отчасти это решение немцам «подсказали» англичане. Их «Локхиды» в марте 1940 года засняли район Баку (основной советский источник нефти), англичане

передали прекрасные снимки союзникам-французам, а оккупировавшие Париж германские войска изъяли снимки и по достоинству оценили их качество.

В начале 1941 года маршал Тимошенко готовил штабную игру большого масштаба. Как никогда в советской истории, интерес к ней проявили члены Политбюро — высшее руководство страны. Этот интерес не был случайным. Советская Россия напряглась в страшном предчувствии. Самая мощная армия мира, овладевшая всей Западной Европой, лязгая гусеницами танков, таила неимоверную угрозу. Подпись Риббентропа и слова Гитлера ничего не значили. С глубоким презрением, с расовой и идеологической ненавистью, с фантастической самоуверенностью вожди нацистской Германии держали себя все жестче с Советской Россией, открыто презирая ее и не веря в способность жертвы выжить после германского удара. Оставалось двадцать недель.

Глава шестая
ПЛАН «БАРБАРОССА»

Национал-социалисты возобновляют движение там, где оно было остановлено шесть столетий назад. Мы прекращаем безостановочное германское движение на юг и запад Европы и обращаем наш взор на земли Востока... Когда мы говорим о новых территориях в Европе, мы должны думать, прежде всего, о России и вассальных государствах на ее границах. Кажется, сама судьба указывает нам дорогу в этом направлении... Эта колоссальная империя на Востоке созрела для распада, и конец еврейского доминирования в России будет также концом России как государства.

А. Гитлер. 1924 г.

Если бы мы имели в нашем распоряжении Урал с его неисчислимыми запасами сырья, леса Сибири, и если бы бескрайние поля Украины лежали в пределах Германии, наша страна утонула бы в изобилии».

А. Гитлер, 1936 г.

Блицкриг Гитлера на Западе неприятно поразил Сталина. Он ожидал увидеть долгую позиционную войну, окопное изматывание в стиле предшествующей мировой войны. Пусть Германия выиграет, но только пос-

ле чудовищного напряжения, изматывающих взаимных потерь, длительных кампаний, дающих переходящей на военные рельсы Советской России время для перевооружения. Эту собственную готовность Сталин помечал 1942 годом. Молниеносность германской победы заставила его спешить. В июне 1940 г. он возвращает никогда не признававшуюся румынской Бессарабию — Красная Армия вошла в нее 28 июня. 21 июля 1940 г. депутаты Литвы, Латвии и Эстонии провозгласили себя социалистическими республиками и в августе были приняты в СССР. Гитлер считал потерю Прибалтики временной и на этом этапе не вмешивался в основные происходившие здесь процессы, включая переселение в Германию остзейских немцев. Итак, территория площадью более полумиллиона квадратных километров с населением в 20 млн. человек вошла в состав Советского Союза тогда, когда германские армии развивали свой успех на Западе.

Гудериан делится в своих мемуарах: «Весной 1940 года Гитлер издал специальный указ, требующий, чтобы российской военной миссии были показаны танковые школы и заводы; в этом приказе он настаивал, чтобы от русских ничего не утаивалось. Русские офицеры отказывались верить, что танк T-IV являлся нашим самым тяжелым танком. Они постоянно повторяли, что мы, должно быть, прячем от них новейшие модели и жаловались, что мы не выполняем приказа Гитлера показать им все. Они так настаивали на этом, что в конечном счете наши производители и офицеры-заготовщики пришли к следующему заключению: «Кажется, русские уже обладают более тяжелыми и совершенными танками, чем наши». Только тогда, когда в конце июля 1941 года танк T-34 появился на фронте, загадка новой русской модели была решена».

«Дранг нах Остен»

Заключение пакта с СССР никоим образом не изменило отношение Гитлера к России как к зоне будущей колонизации. Он продолжал видеть в ней главный объект германской экспансии. Несмотря на поток обмена любезностями, последовавший за падением Польши,

общее направление стратегического мышления Гитлера оставалось неизменным: «Дранг нах Остен».

Менее чем через два месяца после подписания советско-германского договора Гитлер отдал армейскому командованию распоряжение рассматривать оккупированную польскую территорию как зону сосредоточения для будущих германских операций.

Однако выступление на Востоке Гитлер считал тогда преждевременным. Кошмар прежней войны на два фронта продолжал преследовать его. Подталкивая своих генералов к ускорению планирования операций на Западе, Гитлер ясно указывал, что у него на уме: «Мы можем выступить против России только после того, как у нас окажутся свободными руки на Западе». Именно в это время в выступлениях Гитлера постоянно присутствует тема опасности войны на два фронта. Он неоднократно обещал своим генералам не повторить ошибки кайзера.

Рейх одерживал победы на Западе, но цена очередных сражений увеличивалась. К середине сентября 1940 г. немцы потеряли в небе над Англией около тысячи самолетов против 550 английских. И Гитлер обратился к Востоку. Генерал Йодль свидетельствует, что «решение фундаментальной важности было принято еще во время Западной кампании». После нескольких отсрочек 17 сентября 1940 г. фюрер отменил вторжение на Британские острова на неопределенное время.

Летом 1940 года Центральная и Западная Европа стали германской зоной влияния. Любуясь альпийскими пиками, Гитлер готовился к десанту на Британские острова. На противоположной стороне Ла-Манша Черчилль пообещал сражаться не щадя своих сил и, если немцам удастся оккупировать остров, вести борьбу при помощи флота из доминионов. Весь мир говорил о судьбе Британии, но Гитлер вызвал главнокомандующего сухопутными силами фон Браухича и удивил того тем, что отставил английскую тему в сторону. Браухич остался в воспоминаниях современников компетентным военачальником, но его характер имел дефект, фатальный для Германии. Генерал не знал, как вести себя в присутствии фюрера, и находился в полном подчинении

у вождя нацистов. Его профессиональные качества теряли всякую ценность, когда в помещение входил этот бывший ефрейтор с безграничными амбициями. Возможно, Гитлеру даже доставляло удовольствие видеть страдания классического представителя прусской военной касты, не знающего, как совладать с собой в присутствии неведомой силы.

Гитлер говорил с Браухичем о Восточной Европе 21 июля 1940 года. Беседа ничем не напоминала штабные обсуждения. Фюрер вещал, а командующий самой мощной армии мира, находившейся в ореоле недавних побед, покорно внимал. В исторической перспективе Гитлер видел образование новых, зависимых от Германии государств на Украине, в Белоруссии, формирование Балтийской федерации и расширение территориальных пределов Финляндии. Достижение этих целей было возможно лишь при одном условии: расчленении Советского Союза. На следующий день подчиненный Браухича — начальник генерального штаба генерал Гальдер перечислил в дневнике цели, поставленные Гитлером: «Нанести поражение русской армии, оккупировать как можно больше русской территории, защитить Берлин и силезский индустриальный район от возможных атак с воздуха. Желательно продвинуть наши позиции так далеко на восток, чтобы наши собственные воздушные силы могли разрушить самые важные районы России».

Гитлер отдал фон Браухичу приказ начать планирование Восточной кампании. Этот приказ не застал Браухича врасплох. Командующий сухопутными силами и его штаб уже имели свои наметки. По их мнению, кампания против СССР должна продлиться не более четырех или, в крайнем случае, шести недель. Браухич полагал, что для достижения этой задачи потребуется от 80 до 100 немецких дивизий, а с советской стороны им будут противостоять от 50 до 75 «хороших дивизий». Заметим, что никто из германских генералов не высказал даже гипотетического предположения, что СССР может выступить против Германии превентивно.

На секретной конференции в Бад Райхенхале начальник штаба сухопутных сил (ОКХ) Йодль объявил 29 июля 1940 года штабным офицерам, что Гитлер намерен

атаковать СССР весной 1941 года. Более того, вначале Гитлер говорил Йодлю, что собирается выступить против СССР уже осенью 1940 года. По словам Йодля, Кейтель посчитал своим долгом предостеречь фюрера от явной авантюры: не только плохая погода помешает технике, но и сам процесс перевода колоссальных людских масс займет слишком много времени. Гитлер согласился с этими аргументами.

Роковое решение о грядущем нападении на СССР было объявлено германским генералам в Бергхофе 31 июля 1940 года. Докладывал генерал Гальдер, он же производил запись замечаний фюрера. Из них следует, что Гитлер не только решил для себя этот вопрос, но уже определил дату (весна следующего года), а также основные стратегические контуры своего замысла.

Гитлер рассуждал в глобальном масштабе: «Надежда Британии покоится на России и Америке. Если надежда на Россию будет разрушена, тогда будет разрушена надежда и на Америку, потому что уничтожение России в огромной степени увеличит мощь Японии на Дальнем Востоке... России стоит лишь намекнуть Англии, что она не желает видеть Германию слишком сильной, и англичане, как утопающие, заново обретут веру, что ситуация через шесть или восемь месяцев полностью изменится. Но если Россия будет сокрушена, последняя надежда Британии будет разбита. Тогда Германия будет хозяином Европы и Балкан. Решение: ввиду указанных обстоятельств Россия должна быть ликвидирована. Весна, 1941. Чем раньше Россия будет уничтожена, тем лучше. Нападение может достичь цели, только если корни российского государства будут подорваны одним ударом. Захват части страны ничего не даст... Если мы начнем в мае 41-го, у нас будет пять месяцев, чтобы все закончить. Лучше всего было бы закончить все в текущем году, но в это время невозможно провести объединенные действия».

Фюрер заявил в Бергхофе, что к операции стоит приступать лишь в том случае, если Россию можно будет сокрушить одним ударом. Его не интересовал захват территории: «Уничтожить у России саму волю к жизни. Такова наша цель!». Находясь в одном из своих экстати-

ческих состояний, Гитлер рисовал картину будущей битвы широкими мазками: Россия будет сокрушена двумя ударами. Один на юге, в направлении Киева, второй на севере, в направлении Ленинграда. Достигнув своей цели, обе группировки поворачиваются друг к другу и замыкают кольцо, северная группировка при этом берет Москву. Гитлер говорил и о возможности побочной дополнительной операции по захвату Баку. Он уже знал, что делать с будущей покоренной страной. Непосредственно в состав рейха войдут Украина, Белоруссия и три балтийские республики. К Финляндии отойдет территория до Белого моря. Оставляя на Западе 60 дивизий, фюрер бросал против России 120. Время выступления — май 1941 года. В конце августа фельдмаршал фон Бок перевел штаб своей группы армий в Польшу. Одной из его задач было подготовить прием новых корпусов.

Планируемая операция разрабатывалась на трех уровнях. Генерал Варлимонт руководил планированием в оперативном штабе верховного командования вооруженных сил (ОКВ), генерал Томас вел работу в экономическом отделе ОКВ, Гальдер руководил планированием в штабе сухопутных сил (ОКХ).

О дате предстоящего наступления говорило и распоряжение Гитлера Герингу: поставки в СССР осуществлять лишь до весны 1941 года. Учреждение Томаса педантично определяло ценность отдельных районов СССР, расположение центров добычи нефти. Со спокойной уверенностью оно готовилось не только получить в свои руки советскую экономику, но и управлять ею.

Гальдеру предстояло инструктировать непосредственного (на этом этапе) автора плана новой операции — прибывшего в главную штаб-квартиру сухопутных сил (ОКХ) начальника штаба восемнадцатой армии генерала Маркса. У Гальдера, человека с более стойким, чем у Браухича, характером, имелась своя точка зрения на грядущую битву с Россией. Он не придавал особого значения захвату прибалтийских республик и считал ошибкой делать нестабильную Румынию плацдармом предстоящего выступления. Генерал Маркс также по-своему осмыслил задачу и 5 августа представил свои суждения о проведении кампании на Востоке.

Эта грандиозная операция, считал Маркс, должна быть направлена на то, чтобы осуществить «разгром советских вооруженных сил с целью сделать невозможным возрождение России как врага Германии в обозримом будущем». С точки зрения генерала, центры индустриальной мощи Советского Союза находятся на Украине, в Донецком бассейне, Москве и Ленинграде, а индустриальная зона восточнее указанных районов «не имеет особого значения». План Маркса ставил задачу захвата территории по линии Северная Двина, Средняя Волга и Нижний Дон — города Архангельск, Горький и Ростов. Следует отметить, что взгляды Маркса во многом определили весь ход военных действий на Востоке.

Уже первые шаги безумно самоуверенной интеллектуальной машины вермахта подвергали риску судьбу самой Германии. Речь отныне — и постоянно — шла о достижении вышеуказанной географической линии, о разгроме советских войск на приграничных территориях. Не было и мысли об уничтожении всей военной мощи великой страны и о возможности ее полной оккупации. Теоретические наследники Клаузевица, Мольтке и Шлиффена исходили из предположения, что мощный удар сокрушит все внутренние структуры Советского Союза. Мысль о возможности решающего краткосрочного молниеносного удара ослепляла немецких теоретиков, у них не хватало интеллектуальной смелости заглянуть дальше: что будет, если Россия вынесет первый удар? Гитлер, гордившийся нонконформизмом своего военного мышления, в данном случае полностью попал в плен академической военной науки генералов с моноклями. Выработанные в ослепительные месяцы после победы над Францией, идеи войны с Россией приобрели инерцию, захватившую и военных, и политиков.

У германского военного руководства возникает в эти дни и еще одно важное соображение — неверное, как оказалось впоследствии. В рейхе были уверены, что советские войска в прибалтийских республиках нанесут удар во фланг германским войскам, если те сразу же от границы устремятся к Москве. Из такого предположения вытекало, что следует выделить особые силы для

противодействия советским войскам в Прибалтике. Кроме того, штабное командование Германии совершенно очевидно переоценивало мощь советской бомбардировочной авиации, повсюду, где можно, ставя задачу овладения территорией такой глубины, чтобы советские бомбардировщики не могли бомбить германские города.

Почему линия Архангельск — Ростов (позднее Архангельск — Астрахань) казалась Гитлеру и его военному окружению «достаточной»? Мы уже говорили о вере немцев в сокрушительность первого удара. Но, все же, почему не были разработаны планы продвижения до Дальнего Востока? Это тем более странно, что германские генералы верили в крах противника. Почему же немецкие войска должны были остановиться? Что думали в Ставке верховного командования вермахта о судьбе остальной России, той, что простиралась за пределами желательной для Германии зоны оккупации? Часть военных глухо намекала на возможность германской бомбардировочной авиации, но ясно, что уничтожить Россию с воздуха было тогда нереально, да и германские военно-воздушные силы не обладали достаточной мощностью.

Как ни страшились германские генералы своего лидера, они осмелились задавать вопросы. Так, генерал-фельдмаршал фон Бок (которому предстояло командовать группой армий «Центр») осмелился спросить у Гитлера, что произойдет, если германские войска выйдут к намеченной линии, а центральное правительство Советской России еще будет существовать? Примечательно, что Гитлер уклонился от ответа. Он сказал, что, потерпев поражение такого масштаба, коммунисты запросят условия капитуляции. Более туманно фюрер намекнул, что, если правительство России не сделает этого, вермахт дойдет до Урала. К слову говоря, Гитлер в этом разговоре показал абсолютную решимость выступить против России: пусть окружающие не утруждают себя поисками вариантов иного, не силового, решения русского вопроса.

По свидетельству фон Лоссберга, которому генерал Йодль в июле 1940 года поручил готовить материалы

для планирования Восточной кампании, Гитлер считал, что шестьдесят миллионов, живущие за Волгой, не представляют опасности для Германии. И этот немецкий специалист тоже фиксирует абсолютную убежденность Гитлера в том, что страшный первый удар развеет веру в большевистские идеалы, вызовет межрасовые и межнациональные столкновения, покажет всему миру, что большая Россия — искусственное формирование. Что же касается конечной судьбы этой страны, то, как выразился однажды Гитлер, «славянский гад должен содержаться под присмотром расы господ». Чтобы обеспечить решение этой задачи, следовало лишить завоеванные территории системы экономических связей, ликвидировать коммунистическую интеллигенцию и евреев, а всю массу населения подчинить прямому командованию верховных комиссаров рейха. Самому жестокому обращению следовало подвергнуть собственно русских — великороссов.

Верховному командованию сухопутных войск понадобилось всего несколько дней, чтобы создать первый вариант операции вермахта против Советского Союза. Штабные офицеры смотрели на карту и видели естественный заслон — Припятские болота. Наступление нужно было осуществлять либо севернее (на Ленинград или Москву), либо южнее — против Украины. В первом случае плацдармом для удара являлись Восточная Пруссия и оккупированная Польша, во втором — Южная Польша и Румыния. Захваченные открывающейся перспективой, представители среднего офицерского звена первоначально избрали целью южное направление, Украину. Но действия почти на периферии не нашли одобрения у генерала Гальдера, и он потребовал перенацелить планируемые операции на север. Получив соответствующие указания, генерал Маркс наметил первостепенным ориентиром Оршу, он предусматривал создание в этом районе наступательного трамплина на Москву. Левый фланг наступающих войск должен был прорезать прибалтийские республики и выйти к Ленинграду. Маркс не забыл и о возможностях на юге — там наступательное движение должно было проходить южнее Киева с ориентиром на Баку.

Так возникли основные очертания плана, к реализации которого Германия приступила через год. Никто особенно не торопил военных, их фантазия и размах поощрялись, это было время, когда высшие генералы вермахта получали фельдмаршальские жезлы и у них возникало ощущение всемогущества.

Впрочем, эйфория не смягчила жесткой внутриштабной борьбы. Главное командование сухопутных сил (ОКХ) (фон Браухич и Гальдер) стремилось реализовать свои стратегические идеи втайне от генералов Йодля и Варлимонта из главного командования вооруженных сил (ОКВ). Но Йодль понимал, что неучастие в подготовке столь масштабного предприятия ослабит его позиции, и он поручил начальнику объединенного отдела верховного командования вермахта генералу Варлимонту подготовить свой собственный проект. Данный проект был откорректирован Йодлем в сентябре 1940 года. Он был ближе к Гитлеру, чем высокомерные хранители кастовых традиций Браухич и Гальдер, поэтому-то его проект имел особое влияние на недоступный никому мыслительный процесс Гитлера. Вариант Йодля предполагал создание трех армейских групп, две из которых выступали к северу от Припятских болот, а одна — к югу. Нам очень важно отметить следующую специальную оговорку плана Йодля: поскольку конечной целью наступления является Москва, предполагается захват «предполья» Москвы в районе Смоленска. Дальнейшее же продвижение на столицу будет зависеть от степени успеха соседей слева и справа. Эта идея довольно прочно вошла в сознание Гитлера, и он неоднократно обращался к ней впоследствии. За год до битвы под Смоленском Гитлер уже предусматривал возможность остановки на этом рубеже с целью решения фланговых задач.

Третий вариант предварительного плана был создан к концу октября 1940 года новым помощником начальника оперативного штаба (в ОКХ) генералом Паулюсом для Гальдера. В этом варианте две германские группировки, северная и центральная, должны были использоваться к северу от Припятских болот, а одна — на юге. Паулюс считал, что необходимо разбить Красную Армию вблизи границ, думать об уничтожении войск про-

тивника, а не о захвате той или иной территории, тех или иных объектов. Для этого следовало предотвратить любыми способами планомерный отход Красной Армии в глубину своей территории. Гальдер оценил этот аспект работы Паулюса. Прибалтике, где, по немецким сведениям, находились только 30 советских дивизий, в плане Паулюса уделялось мало внимания. В данном случае оно было приковано к Белоруссии (60 дивизий) и Украине (70 дивизий). Паулюс считал, что после разгрома войск противника все силы нужно бросить на захват его столицы — именно столицы, а не индустриальных центров и стратегически выгодных плацдармов.

В варианте Паулюса есть любопытные оценки противостоящей стороны. Он был очень невысокого мнения о руководстве Красной Армии, но подчеркивал трудность определения бойцовских качеств русского солдата. Благоприятствующим элементом назывались межнациональные трения в СССР и в его армии. Впервые именно Паулюс, австриец, отходит от прусского безудержного высокомерия и обсуждает значимость проблемы численного превосходства советских войск. Гальдер остался доволен анализом и планированием своего фаворита, в дальнейшем отголоски некоторых сомнений, впервые выраженных Паулюсом, найдут отражение в рассуждениях Гальдера.

На столе германского военного руководства лежало три варианта плана вторжения в СССР. Несколько недель предварительной штабной работы дали плодотворные результаты. В директиве №18 от 18 ноября 1940 г. (Молотов был еще в Берлине!) Гитлер писал: «Были проведены политические дискуссии с целью выяснения позиции России. Безотносительно к результатам этих дискуссий все приготовления для Востока, о которых я говорил устно, должны быть продолжены. Далее последуют инструкции по мере того как оперативные планы армии будут представлены мне для одобрения». Варианты нападения на СССР были перечислены, но среди них не было выделено главного. Новое ощущалось в особенном внимании к Финляндии и балканским странам. Гитлер начал в конце июля поставлять вооружение

Финляндии; в сентябре Германия получила право прохода своих войск в Норвегию через Финляндию.

Теперь можно было провести обобщенную «мозговую атаку» проблемы. Между 28 ноября и 3 декабря руководство германских вооруженных сил провело серию военных игр. Битвой над картами руководил тот же Паулюс. Это была разминка, подготовка к встрече генералов с Гитлером 5 декабря 1940 года. Основные принципы (создание трех группировок, нанесение удара с трех плацдармов) уже стали общепринятыми исходными данными. Руководителям трех армейских групп была дана задача мысленно провести операции независимо от соседей. Все три лучших полководца вермахта ощутили захватывающие дух масштабы предстоящих сражений. Ими была отмечена и такая особенность фронта: по мере удаления на восток он становился все более грандиозным. Первоначальная протяженность фронта — 2 тыс. км — быстро увеличивалась до 3 тыс. км.

Из этого следовало, что если германские вооруженные силы не уничтожат Красную Армию на пространстве между границей и линией Пейрус — Минск — Киев, то у Германии возможности для активных действий и контроля над территорией боев будут уменьшаться.

Общей проблемой трех командующих были дороги. Задача была несколько легче в этом плане у северной группировки (дороги Прибалтики), но группы армий «Центр» и «Юг» должны были испытать все трудности перемещения трех с половиной миллионов солдат по бездорожью. Проблему для немцев представляла и российская железнодорожная колея, более широкая, чем в Европе. Это ограничивало возможности железнодорожного транспорта. Тревога звучала в заявлении командующего резервом Фромма: в его распоряжении находилось лишь около полумиллиона солдат — это все, чем можно было компенсировать потери в летней кампании. В ходе штабных учений был отмечен недостаток грузового транспорта, прежде всего грузовых автомобилей. В распоряжении германского командования имелся трехмесячный запас нефти и месячный запас дизельного

топлива. Поистине, нужно было иметь безграничную веру в свою фортуну, начиная смертельную борьбу с противником при подобном оснащении. Дефицит меньшего значения — автомобильные шины. Поразительны цифры военного производства — всего 250 танков и самоходных орудий в год к началу 1941 года. Для страны, способной производить миллион моторов, это была непростительная лихость. Эта лихость переходила в наглость: импорт из Советского Союза служил одним из главных источников решения проблемы сырьевых ресурсов накануне войны.

Но главное, что беспокоило немецких генералов,— это вопрос о том, можно ли начинать войну на Востоке, не решив английской задачи. Мы видим подобного рода сомнения в правильности стратегии Гитлера прежде всего у Браухича. На важной встрече генералитета с фюрером 5 декабря 1940 года он указал на недостачу прежде всего самолетов, если часть из них будет занята в небе Англии. Гитлер прервал командующего сухопутными войсками и произнес фразу, запомнившуюся всем присутствующим: Германия может вести войну сразу против двух противников, если Восточная кампания не затянется.

Накануне этой встречи Гитлер долго беседовал с Герингом и Йодлем, которые отметили очевидное желание фюрера держаться жестко с представителями старой прусской школы. Он, в частности, весьма критически отнесся к предложению Гальдера. Начальник штаба сухопутных войск считал, что основным принципом Восточной кампании должно быть безусловное концентрирование сил для удара в одном направлении — на Москву. Гальдер полагал, что укрепленные фланги этой мощной группировки не позволят советским войскам нанести боковые удары с юга и севера, со стороны Прибалтики и Украины. Гитлер резко возразил Гальдеру. Не следует терять из виду экономические цели войны, они так же важны, как и прочие. Советское руководство будет всеми силами стремиться оградить свои индустриальные центры на Украине и в Прибалтике, оно нуждается в балтийских портах и в украинской промышленности. Более того: «захват Москвы не так уж важен». У группы

армий «Центр» должна сохраняться возможность поворота на север и на юг.

Браухич, взяв на себя инициативу, солидаризировался с Гальдером, указывая на важность линии Смоленск — Москва. В конце концов, в сознании русских это главнейшая, жизненно значимая дорога. В ответ Гитлер сказал, что только окостеневшее сознание способно держаться за столь старые идеи. В результате совещания было решено иметь в виду Смоленск и Оршу в качестве потенциального плацдарма в Центральной России и не фантазировать об операциях далее этой черты. Роковое решение... Немецкая армия дорого поплатится за него.

В конечном счете верховное командование сухопутных сил проявило слабость духа (итог нацистского наступления на психологию профессионалов) и отказалось от «опасных» попыток твердо определить главную цель предстоящих военных действий. Профессионалы подчинились Гитлеру. Возможно, лучшая в мире команда военных теоретиков теперь сознательно делала «конечную цель ничем», полагаясь на то, что в ходе развернувшихся военных действий она сможет найти оптимальный выбор между временем и пространством, между задачей поражения войск противника и погоней за его территорией. Стратеги в офицерских мундирах теперь возложили свои надежды на то, что требования военного времени заставят Гитлера спуститься на землю и реально оценить ситуацию.

Девятого августа 1940 года генерал Варлимонт отдал первые распоряжения по размещению войск на подступах к СССР. Согласно корректируемому на ходу плану «Ауфбау Ост», 26 августа две моторизованные дивизии были перемещены в Польшу. За ними последовали десять пехотных дивизий. По замыслу Гитлера, танковые дивизии следовало сосредоточить на юге Польши с целью быстрого выхода на румынские нефтяные месторождения.

Перемещение крупных масс войск не могло пройти незамеченным. Поэтому германский военный атташе в Москве Э. Кестринг был уполномочен уведомить совет-

ский Генеральный штаб, что речь идет о массовой замене квалифицированных рабочих более молодыми солдатами. Все основные методы маскировки и дезинформации содержались в инструкции, данной 6 сентября Йодлю: «Эти перегруппирования не должны создать в России впечатления, что мы готовимся к наступлению на Востоке».

Дипломатические приготовления

Гитлер проявлял к Балканам самый пристальный интерес – после второго Венского арбитража значительно уменьшившаяся в территории Румыния запросила у Берлина гарантии оставшейся части. Германия (а за нею и Италия) дали гарантии новой Румынии, вошедшей в зону влияния стран «оси». Согласно секретной директиве от 20 сентября 1940 года, Гитлер приказал отправить в Румынию военные миссии. В ней говорилось: «Для внешнего мира их задачей будет помощь дружественной Румынии в организации и управлении ее вооруженными силами. Действительной же задачей, которая не должна быть известна ни румынам, ни нашим собственным войскам, будет защита районов нефтяных месторождений... приготовление развертывания с румынских баз германских и румынских войск в случае войны с Советской Россией».

Германские гарантии Румынии вызвали серьезные опасения в Кремле. Министр иностранных дел Риббентроп пытался в пространных депешах объяснить смысл и итоги Венского арбитража, посол Шуленбург вел успокоительные беседы с Молотовым, впрочем, без особого успеха. Шуленбург докладывал в Берлин, что Молотов «в отличие от прежних контактов был замкнутым». Более того: с советской стороны последовал устный протест, в котором германское правительство обвинялось в нарушении 3 статьи советско-германского договора, предусматривавшей в подобных случаях двусторонние советско-германские консультации. В инциденте с Румынией Советский Союз был поставлен перед свершившимся фактом.

Риббентроп отказывался признать нарушение Германией августовского договора. Он «перешел в контрна-

ступление» 3 сентября 1940 года, обвиняя СССР в самоуправных действиях против балтийских государств и румынских провинций. Это тоже являлось нарушением статьи 3 пакта. Ответ советского руководства 21 сентября был достаточно жестким. В нем указывалось, что Германия нарушила договор и что Советский Союз по многим причинам заинтересован в Румынии. Абсолютно новой нотой было не лишенное сарказма предложение отменить или изменить пункт о взаимных консультациях, «если он содержит определенные неудобства» для германской стороны.

Вторая область несовпадения интересов обнаружилась довольно неожиданно на севере. Советскому руководству было сообщено о появлении германских войск в Финляндии. Как объяснялось, они направлялись в Норвегию, но факт остается фактом: германские части появились на территории страны, имевшей с СССР огромную общую границу (которая совсем недавно была линией фронта). Германское посольство сообщало в Берлин: «Советское посольство желает получить текст соглашения о проходе войск через Финляндию, включающий его секретные параграфы... получить информацию о цели соглашения, против кого оно направлено, каким целям служит».

Третья причина разногласий возникла в конце сентября. Риббентроп прислал 25 сентября в германское посольство телеграмму, помеченную высшим грифом секретности. Советское правительство необходимо было уведомить о том, что Германия, Япония и Италия намерены подписать в Берлине соглашение о военном союзе. Следовало сообщить Кремлю, что эта акция не будет иметь неприятных последствий для СССР: «Этот союз направлен исключительно против американских поджигателей войны. Разумеется, об этом, как и обычно, не сказано прямо в договоре, но такой вывод безошибочно вытекает из его условий... Его единственной целью является приведение в чувство тех элементов, которые борются за вступление Америки в войну посредством демонстрации того, что в случае их вмешательства в нынешний конфликт они автоматически будут иметь дело с тремя великими державами как противниками».

На волне побед на Западе Гитлер решил укрепить связи с двумя другими противниками международного статус-кво — Италией и Японией. Риббентроп выдвигал идею заключения между ними пакта еще в октябре 1938 года, но только в сентябре 1940 года Гитлер пришел к заключению, что такой союз упрочит германские позиции и на Востоке, и на Западе. Риббентроп указывал, что пакт усилит изоляцию Америки на Западе и окажет воздействие на Россию — политика дружбы с ней должна иметь четко очерченные границы. Решение Гитлера привело к приглашению Муссолини. Встреча произошла на Бреннерском перевале в начале октября 1940 года. Очевидец — итальянский министр иностранных дел Чиано записал в дневнике: «Редко я видел дуче в таком хорошем настроении, как у Бреннера сегодня. Беседа была сердечной и определенно самой интересной из всех, которые я слышал. Гитлер выложил на стол по меньшей мере несколько своих карт и поделился с нами своими планами на будущее... Гитлер был энергичным и снова занял крайне антибольшевистскую позицию. «Большевизм,— сказал он,— является доктриной людей, которые стоят на низшей ступени цивилизации».

Союз Германии с Италией и Японией создавал блок, который противостоял Британской империи. Вставал существенный вопрос: каково положение СССР при новом раскладе сил? С одной стороны, Германия уже планировала нападение на Советский Союз; с другой — она пыталась отыскать возможности мирного включения его в германскую орбиту. Временем определения приоритета той или другой тенденции был ноябрь 1940 года.

Появление германских войск в Финляндии чрезвычайно обеспокоило Сталина. Чтобы успокоить его, Гитлер продиктовал Риббентропу письмо в Москву: это англичане пытаются столкнуть Москву и Берлин. Подписанный 27 сентября трехсторонний пакт Германии, Италии и Японии направлен сугубо против Британии и США. Сталину предлагалось присоединиться к нему.

Сталин ответил Риббентропу сдержанно: «Я получил ваше письмо. Искренне благодарен за доверие, а также за поучительный анализ последних событий... В. М. Молотов считает себя обязанным совершить ответный визит в Берлин... Что касается обсуждения некоторых проблем с участием японцев и итальянцев, я придерживаюсь мнения (не отвергая этой идеи в принципе), что этот вопрос следовало бы представить на предварительное рассмотрение». Гитлер пригласил Молотова.

Визит Молотова

Между двумя странами накопилось с сентября (со времени визита Риббентропа в Москву) немало потенциально спорных вопросов. Гитлер без всякого одобрения следил за тем, как СССР восстанавливает «версальское» положение в Восточной Европе, в то время как Германия перечеркивает результаты Версаля на Западе. СССР и Германия теперь просто обязаны были провести линию разграничения своих интересов на Балканах.

Американский журналист У. Ширер записал в своем дневнике 12 ноября 1940 года: «Темный дождливый день, прибыл Молотов, его принимают крайне сухо и формально. Проезжая по Унтер-ден-Линден к советскому посольству, он казался мне скованным провинциальным школьным учителем... Немцы развязно говорят о том, что можно позволить Москве осуществить старую русскую мечту завладеть Босфором и Дарданеллами, в то время как они завладеют остальными Балканами: Румынией, Югославией и Болгарией». На всем расстоянии от границы с СССР до Берлина вдоль полотна стоял почетный караул.

Германские записи, отразившие каждую минуту этого важного визита, дают нам довольно полную картину того, как вершилась история. В них содержится даже описание одежды присутствующих. На Молотове был ничем не примечательный цивильный костюм, а на Риббентропе мундир сине-зеленого цвета, высокие са-

поги и фуражка с высокой тульей (которую он сам скроил). Первое заседание проходило за круглым столом в прежнем президентском дворце, недавно переданном рейхсминистру. Сам Молотов вспоминает громадный, высокий кабинет Гитлера, где все, кроме хозяина, позволяли лишь реплики. Кабинет Геринга, увешенный картинами и гобеленами, тоже произвел впечатление. В Центральном комитете НСДАП помещения были значительно проще. Хозяйничавший там Гесс сидел, по воспоминаниям Молотова, и вовсе в скромном кабинете. На советского наркома произвел впечатление переводчик Гитлера Хильгер, родившийся в Одессе и чисто говоривший по-русски. Присутствовавший на переговорах посол Шуленбург лишь немного знал этот язык. Выезжая из Москвы вместе с Молотовым, он забыл у себя в посольстве свой посольский мундир — был вынужден возвратиться на поезде и нагонять состав на автомобиле. После бесед с Гитлером и Риббентропом Молотов каждый вечер посылал Сталину длинные телеграммы.

Риббентроп начал с того, что провозгласил конец Британской империи. Англичане надеются лишь на помощь со стороны Америки, но «вступление Соединенных Штатов в войну не будет иметь последствий для Германии. Германия и Италия никогда не позволят англосаксам высадиться на Европейском континенте... Страны «оси» размышляют сейчас не над тем, как выиграть войну, а над тем, как завершить уже выигранную войну». Пришло время, когда Россия, Германия, Италия и Япония должны определить свои сферы влияния. Фюрер полагает, что все четыре державы должны обратить свои взоры на юг. Япония — на Южную Азию, Италия — на Африку. Германия, установив в Западной Европе «новый порядок», займется Центральной Африкой. Риббентропу было интересно узнать, не повернет ли и Россия в направление южных морей, «не обратится ли на юг для получения выхода к открытому морю, который так важен для нее».

Картина, нарисованная Риббентропом, вопреки ожиданию, не вызвала энтузиазма. Молотов холодно пере-

бил рейхсминистра: «К какому морю?». Неудержимый, казалось, поток красноречия Риббентропа внезапно иссяк. Он не смог прямо ответить на поставленный вопрос. Ходя вокруг да около, рейхсминистр все толковал об огромных переменах в мире. Лишь когда Молотов повторил свой вопрос, Риббентроп позволил себе большую ясность: «В конечном итоге наиболее выгодный выход к морю для России мог бы быть найден в направлении Персидского залива и Арабского моря». Согласно записям переводчика Шмидта, Молотов с непроницаемым лицом прокомментировал эти слова Риббентропа таким образом: «В определении сфер интересов необходимы ясность и осторожность».

После обеда попытку вскружить голову предельно заземленному Молотову предпринял Гитлер. Послеполуденная встреча состоялась в рейхсканцелярии. Фюрер встретил Молотова нацистским приветствием. Затем Гитлер пожал руку всем членам советской делегации. Представители обеих сторон разместились в помпезной приемной за низким столом. Гитлер начал беседу с Молотовым в самом высокопарном тоне: «В жизни народов действительно трудно проложить курс для развития на протяжении долгого периода в будущем, а начало конфликтов часто происходит под влиянием личных факторов; ...тем не менее следует сделать попытку определить ход развития наций на продолжительный период времени в будущем, и, если это окажется возможным, нужно сделать так, чтобы избежать трений и элементов конфликта, насколько это в человеческих силах. Это особенно важно иметь в виду, когда две нации, Германия и Россия, находятся под руководством людей, которые обладают достаточной властью, чтобы определить направление развития своих стран».

Гитлер постарался максимально отвести внимание от Балкан и Финляндии. Он в самом начале переговоров с Молотовым предложил вывести обсуждение германо-советских отношений на самый высокий, глобальный уровень, «выше всяких мелочных соображений» и на большой временной период. Следует заранее предвосхитить наращивание американской мощи, у которой

более прочные основания могущества, чем у Британии. Европейские державы должны координировать свою политику, чтобы не пускать англосаксов в Европу.

Гитлер буквально упивался грандиозными схемами. Он обещал, что по мере улучшения погоды с помощью авиации «Англии будет нанесен финальный удар». Америка представит собой определенную проблему, но Соединенные Штаты «не смогут угрожать свободе других наций до 1970 или 1980 года... Им нет дела ни до Европы, ни до Африки, ни до Азии».

Молотов сумел занизить пафос и этого «геополитика»: «Высказывания фюрера носят общий характер. Он (Молотов) со своей стороны готов изложить соображения Сталина, который дал ему четкие инструкции». Переводчик Шмидт вспоминал: «Ни один иностранный посетитель не разговаривал с фюрером таким образом». Вопросы Молотова рассеивали ауру Гитлера как творца нового европейского порядка. Молотова интересовало, в чем смысл трехстороннего пакта, что делают немцы в Финляндии, какой видится Гитлеру будущая ситуация в Азии. Беседа быстро подошла к главной теме: Балканы. Нарком иностранных дел прямо заявил, что его интересует «выяснение вопросов, касающихся балканских и черноморских интересов России в отношении Болгарии, Румынии и Турции». Гитлер предлагал делить британское наследство, он толкал Россию в Азию. Сталина интересовало укрупнение Советского Союза в Европе, прежде всего на Балканах.

Возможно, впервые Гитлер воспринял сигнал прозвучавшей над Берлином воздушной тревоги с облегчением. Он предложил отложить обсуждение до следующего дня.

Утром Молотов повторил Гитлеру свои вопросы. Именно Европа, а не Азия, стала предметом детальных обсуждений. Спор разгорелся вокруг Финляндии. Гитлер оспаривал утверждение Молотова, что Финляндия оккупирована германскими войсками. Они находятся там транзитом на пути в Норвегию. Со своей стороны, фюрер настойчиво утверждал, что СССР готовится к войне с Финляндией, и спрашивал, когда эта война начнется.

Гитлер заявил, что новый советско-финский конфликт может привести к далеко идущим последствиям. Молотов немедленно встрепенулся: что фюрер имеет в виду? Затем он отметил: «В дискуссию этим заявлением введен новый фактор». Гнетущую тишину прервал устрашенный ходом беседы Риббентроп: не следует драматизировать финский вопрос, возникшее напряжение вызвано недоразумением. Это вмешательство позволило Гитлеру собраться с мыслями и резко сменить тему разговора: «Давайте обратимся к более важным проблемам. После завоевания Англии Британская империя будет представлять собой гигантское, мировых масштабов, обанкротившееся поместье величиной в сорок миллионов квадратных километров. Банкротство этого поместья позволит России получить доступ к незамерзающему и действительно открытому океану. До сих пор меньшинство в сорок пять миллионов англичан правило шестьюстами миллионами жителей Британской империи. Недалек день, когда он (Гитлер) сокрушит это меньшинство... Возникают перспективы глобального масштаба.. Всем странам, которые заинтересованы в обанкротившемся владении, следует прекратить пререкания между собой и сосредоточиться исключительно на разделе Британской империи. Это касается Германии, Франции, Италии, России и Японии».

Как и в первый день, Молотов ответил, что аргументы Гитлера, несомненно, представляют интерес, но прежде всего следует внести ясность в германо-советские отношения. Он обнаружил отсутствие энтузиазма у германской стороны, когда попросил направить дискуссию поближе к проблемам Европы. Он больше заинтересован в Турции, Болгарии, Румынии. «Советское правительство придерживается той точки зрения, что германские гарантии Румынии направлены против интересов Советского Союза». Германия должна отменить свои гарантии. Какой была бы реакция Германии, если бы СССР предоставил гарантии Болгарии на тех же самых условиях, что и Германия с Италией Румынии?

Присутствующие отметили, что Гитлер потемнел, услышав этот вопрос. Просила ли Болгария о подобных

гарантиях? Он не слышал о такой просьбе. В любом случае, он должен посоветоваться предварительно с Муссолини. После этого знаменитый своим безудержным словоизвержением Гитлер надолго замолчал, затем обратил внимание гостя на поздний час: не исключен британский воздушный налет, к тому же основные вопросы уже обсуждены достаточно основательно.

На банкет в советское посольство Гитлер не пошел. В момент, когда Риббентроп встал для произнесения ответного тоста, была объявлена воздушная тревога. В бомбоубежище, известный своей бестактностью, Риббентроп вынул из кармана проект соглашения, которое превращало трехсторонний пакт в четырехсторонний. Согласно статье второй, Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязывались «уважать естественно сложившиеся сферы влияния друг друга», разрешая конфликты между собой «дружественным образом». Риббентроп предполагал огласить факт заключения договора с СССР, но оставить в тайне секретный протокол, согласно которому Советскому Союзу предлагалось сосредоточить свои войска на южном направлении для выхода в район Индийского океана. Нельзя отказать дипломатии нацистов в авантюрной смелости. Но явно видно и желание перенаправить СССР на юг. Ради этого Риббентроп обещал обеспечить Москве подписание договора о ненападении с Японией, добиться признания Японией Внешней Монголии и Синьцзяня, находящимися в сфере советских интересов.

И в этом случае — в третий раз — Молотов отказался обсуждать азиатское направление. Балтика, Балканы и черноморские проливы — вот что заботило его в первую очередь. «Вопросы, интересующие Советский Союз, касаются не только Турции, но и Болгарии... Судьба Румынии и Венгрии также представляет интерес для СССР, и ни при каких обстоятельствах их участь не будет ему безразлична. Советское правительство желало бы также знать, каковы планы стран «оси» в отношении Югославии и Греции, а также что намеревается делать Германия с Польшей... Советское правительство заинтересовано в шведском нейтралитете... Кроме этого, существует

вопрос выхода из Балтийского моря». Заметавшийся Риббентроп попросил не задавать ему вопросов в упор. Он повторял снова и снова, что «главным вопросом является готовность Советского Союза принимать участие в предстоящем разделе Британской империи». В ответ Молотов позволил себе жесткую шутку: «Если с Британией покончено, то почему мы в этом бомбоубежище и чьи бомбы падают на город?». Он сказал, что ему предлагают обсудить «великие проблемы завтрашнего дня», а он более всего заинтересован текущими проблемами.

Никто не может с полной уверенностью сказать, как повлияло бы подключение СССР к трехстороннему пакту (и согласие двинуться в «индийском направлении») на планы Гитлера начать войну. Его абсолютная решимость видна из документов, из уже отданных приказов по развертыванию германской военной машины на Восток. Возможно, лишь сервильность СССР могла подтолкнуть Гитлера сначала все же «решить британский вопрос». Но и у этой гипотезы нет солидных оснований. Приходится признать, что жесткость Молотова не замедлила (а возможно, и ускорила) приготовления Гитлера к Восточной кампании. Очевидно, были отброшены последние сомнения. Сталин из Берлина виделся готовым к оборонительным мерам, заинтересованным в судьбе Финляндии, Швеции, Польши, Венгрии, Румынии, Югославии, Турции — всего пояса стран между СССР и Германией. Сделать Россию сателлитом за счет обещаний допустить ее к разделу Британской империи не удалось. Подозрительность обеих сторон проявилась определенно.

Теперь мы знаем то, чего не знала тогда советская делегация. Сразу же после беседы с Молотовым Гитлер вызвал Геринга и сообщил ему о своем намерении выступить против России весной. Геринг (авиация), как и Редер (военно-морской флот), склонялся к перенесению центра событий в Средиземноморье и попытался соответственно перенаправить Гитлера, но не достиг никакого успеха. Теперь Гитлер говорил, что обеспокоенность России процессами в Финляндии и Румынии

свидетельствует о ее намерении отрезать Германию от шведской железной руды и румынской нефти, у него возникало даже подозрение относительно существования советско-британского соглашения. Гитлер демонстративно заявил, что не допустит нового окружения Германии. Именно в этом духе защищали себя нацистские военные преступники в Нюрнберге, но горы документальных материалов говорят о противоположном — о планомерном осуществлении плана вторжения в СССР вне зависимости от жесткой или примирительной (как это было с марта по июнь 1941 г.) позиции Кремля.

Менее чем через две недели после отъезда Молотова из Берлина Сталин сделал последнюю прямую попытку договориться с германским руководством. Молотов уведомил германского посла в Москве, что СССР готов присоединиться к трехстороннему пакту, но выдвигает предварительные условия:

1. Германские войска выводятся из Финляндии.

2. В течение ближайших нескольких месяцев безопасность Советского Союза в черноморских проливах закрепляется заключением пакта о взаимной помощи между СССР и Болгарией и созданием базы для наземных и военно-морских сил Советского Союза в районе Босфора и Дарданелл на основе долгосрочной аренды.

3. Территория к югу от Батуми в направлении Персидского залива признается центром интересов Советского Союза. Япония отказывается от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

Мы еще раз видим, как Сталин стремится укрепиться в Европе, а Гитлер старается увести его оттуда. Фюрер хотел бы видеть СССР ориентированным на Индостан, а не на Аравийский полуостров. Но во многом Сталин соглашается с Гитлером, с предложениями Риббентропа при условии, что немцы выведут войска из Финляндии, между СССР и Болгарией будет подписан договор, а Турция согласится предоставить Советскому Союзу базу на Босфоре. Несмотря на последовавшие в дальнейшем многочисленные напоминания Москвы, Гитлер так никогда и не дал ответа на условия Сталина от 25 ноября 1940 г. Фюрер утратил интерес к сближению с Советской Россией.

В ближайшем кругу Гитлер рассуждает: «Сталин умен и хитер. Он требует все больше. Он хладнокровный шантажист. Германская победа становится для русских невыносимой. Поэтому они должны быть поставлены на колени как можно скорее». 5 декабря Гитлер потребовал ускорения подготовки к нападению весной. «Решение о гегемонии в Европе будет принято в борьбе против России».

Гитлер в начале декабря затребовал от ОКХ план нападения на Советский Союз. Этот план был ему представлен. После многочасовой беседы с Браухичем и Гальдером он был фюрером одобрен. Запись этой беседы сохранилась и в военном журнале ОКВ, и в дневнике Гальдера. Гитлер в ходе беседы указал, что Красная Армия должна быть окружена к северу и к югу от Припятских болот, как в Польше. «Не следует обращать внимания на Москву, главное — уничтожить «живую силу» России. Союзниками будут Финляндия и Румыния, Венгрию трогать не стоит». Общее число подготавливаемых войск было увеличено до 130 дивизий вместо 120.

На этом этапе план войны против СССР получил название «Отто». Но и в отношении названия через две недели произошла окончательная перемена. В середине декабря 1940 года верховное командование сухопутных сил признало рациональным укрепить северную группировку. Мотивация была такова: надежность быстрого продвижения через прибалтийские республики наилучшим образом укрепит атакующий порыв группы армий «Центр», что позволит последней не задерживаться слишком долго на смоленском плацдарме перед прыжком на Москву. Директива №21, содержавшая эти идеи, 17 декабря была представлена Гитлеру. Тот словно забыл победы вермахта летом, был критичен и выразил недовольство недостаточным профессионализмом ОКХ. Гитлер полагал, что перенос акцента на север осуществлен недостаточно. В его стратегическом видении решающим обстоятельством являлось теперь быстрое прохождение войск через Прибалтику с целью захвата Кронштадта и Ленинграда. Для этого следовало передислоцировать войска из центральной группировки войск и передать северной группировке важные мобильные элементы.

Гитлер испытывал явное удовлетворение от покорности армейских профессионалов, в мгновение ока менявших свои стратегические концепции. Для большего самоутверждения фюрер настоял на переименовании самого плана. Он был назван «Барбаросса» в честь одного из императоров Первого рейха. Гитлера теперь вдохновлял Фридрих Гогенштауфен, германский император Великой римской империи германского народа, погибший в двенадцатом веке на Востоке. Фюрер желал видеть в своих подчиненных рвение крестоносцев, ведущих священную войну. На следующий день, 18 декабря, пересмотренный план «Барбаросса» был подписан Гитлером.

Штаб-квартира фюрера
18 декабря 1940

«Германские вооруженные силы должны быть готовы сокрушить Советскую Россию в ходе скоротечной кампании до окончания войны против Англии. С этой целью армия должна использовать все доступные воинские части, за исключением тех, которые остаются на оккупированной территории...

Приготовления должны быть завершены к 15 мая 1941 года. Величайшие усилия должны быть предприняты с целью маскировки намерения начать нападение.

Масса русских войск в Западной России должна быть уничтожена в ходе смелых операций посредством глубокого проникновения бронетанковых войск с целью предотвращения отступления нетронутых боеспособных войск в широкие пространства России. Конечной целью операции является создание оборонительной линии против азиатской России по реке Волге до Архангельска. Затем последний оставшийся у России промышленный район на Урале может быть уничтожен силами люфтваффе».

Когда смотришь на этот план, испытываешь удивление перед легкостью суждений признанных теоретиков. План несет на себе неистребимую печать авантюры. Даже его язык лишен привычной немецкой штабной методической сухости. Наиболее важной особенностью

этого плана является отсутствие в нем четкой цели. Вряд ли таковой можно считать общую фразу (которой начинается текст) о сокрушении Советской России в краткосрочной кампании. Это указание едва ли можно считать штабным предписанием. Строкой из политического трактата звучит выставляемая в качестве главной военной цели фраза о необходимости создать барьер против «азиатской России» по линии Архангельск — Волга. «Колосс на востоке созрел и вот-вот упадет. А конец господства евреев в России будет означать конец России как государства». Здесь видна рука идеолога, рука Гитлера, словно специально ставящего своими геополитическими установками в тупик образованную элиту вермахта.

Гитлер пишет Муссолини: «Впервые с тех пор, как передо мной встала необходимость принять это трудное решение, я чувствую себя внутренне свободным. Сотрудничество с Советским Союзом... я рассматривал как измену самому себе, своим идеям, своим прежним обязательствам. Теперь я счастлив, что свободен от этих внутренних терзаний».

Временами фюрер «опускается» до обсуждения сравнительно мелких тактических задач (использование двух-трех дивизий в районе Рованиеми). Этот штабной документ насквозь эклектичен: в нем беспорядочно перемешаны политические, военные и экономические задачи. Накануне решения, рокового для Германии, ее вождь принял и утвердил боевой план, лишенный цельного и логического замысла, объединяющей концепции. Гитлер объяснял в нем летчикам, как они должны обеспечивать безопасность переправ, но не сообщил своему генералитету основную задачу плана «Барбаросса», общую концепцию войны на Востоке: какие цели первостепенны, на каком этапе он видит мощь СССР сокрушенной, на каком участке необходимо приложить наибольшие усилия. Беспечность в данном вопросе дорого стоила немцам.

И сейчас вызывает изумление самонадеянность тех, кто смело говорит в «Барбароссе» о никеле, железной руде и удобных гаванях, не определяя при этом, где тот

барьер, преодолев который, германская экономическая машина сможет пользоваться ими.

Между 5 декабря и 31 января планирующие органы верховного командования сухопутных сил занимались уже детализацией плана. Директивные установки этого уровня планирования отличались от общего плана, так сказать, в «лучшую сторону». Здесь прусский милитаризм блестяще проявил себя. Ясно и пункт за пунктом разрабатываются в штабных установках (подписанных фельдмаршалом Браухичем 31 января 1941 г.) военные действия частей и подразделений вермахта. План военных действий был практически готов, но это был план лишь для начальной фазы наступления германских войск, основной же его задачей было предотвращение создания противником жесткой оборонительной системы на прежней (до 1939 года существовавшей) оборонительной линии или еще немного восточнее. Браухич и его подчиненные опасались стабилизации фронта по линии Западная Двина — Днепр. Скорее всего, командующий изменял самому себе и действовал в связи с установками Гитлера, когда учел в непосредственном планировании действий войск то предположение, что советское руководство, видимо, прежде всего будет стремиться защитить прибалтийские территории и базы на Черном море. В связи с этим группе армий «Центр» следовало после взятия Смоленска передать механизированные дивизии войскам, устремившимся к Ленинграду. Только после захвата Прибалтики, Ленинграда и всей Северной России следовало готовить наступление на Москву.

Гитлер полагал, что немецкое молниеносное наступление через Прибалтику и совместная германо-финская операция на севере в первые же дни решат судьбу Ленинграда. Будет перерезана железнодорожная магистраль на Мурманск (что лишит СССР всякой связи с внешним миром), германская промышленность получит в свои руки никелевые месторождения в районе Петсамо. Многое в данном случае зависело от согласия шведского правительства на транзит немецких войск по своей территории (но здесь Гитлер не ошибся — Стокгольм дал свое согласие).

Прицел был сугубо на войска. Уничтожить совет-

ские вооруженные силы, не давая им отступить,— эту задачу Гитлер ставил снова и снова. Теперь, подписав «Барбароссу», он проигрывал план перед своими генералами. К северу от Припятских болот на территорию СССР устремятся две армейские группировки. Северная, как нож сквозь масло, пройдет через Прибалтику к Ленинграду. Вторая сделает полукруг, обогнув Белоруссию, и устремится к первой группировке с юга. В гигантские клещи должны попасть лучшие советские силы, стоящие между границей и Москвой — Ленинградом. Главное — не допустить, чтобы части Красной Армии сумели уйти из Прибалтийского и Белорусского округов на восток. Лишь после того, как кольцо за спинами этой массы войск будет замкнуто, брать Москву. Оценка Гитлером стратегического значения советской столицы круто менялась в течение нескольких дней. От «малозначительной» (в определении Москвы как цели) Гитлер в конце декабря перешел к следующей оценке: «Взятие этого города будет означать решающую политическую и экономическую победу, не говоря уже о том, что он представляет собой самую важную узловую железнодорожную развязку страны».

Третьей армейской группировке предстояло выступить к югу от Припятских болот, с территории Южной Польши и Румынии. Здесь главная линия наступления — на Киев, главная цель — уничтожение войск Юго-Западного округа на территории западнее Днепра. Задача войск, расположенных еще южнее, заключалась в подстраховке Киевской операции и, по возможности, в продвижении в направлении Одессы. Успех здесь давал шанс выйти к Донецкому угольному бассейну.

Это решение Гитлера завершило все германское стратегическое планирование второй половины 1940 года. Директива №21 была размножена лишь в девяти экземплярах. Три экземпляра были переданы в распоряжение каждого рода войск, остальные шесть хранились в штаб-квартире верховного командования вермахта. План не был известен даже тем высшим армейским командирам, чьим армиям вскоре предстояло его осуществлять. Более того. На их вопросы следовал ответ, что план создан на случай, если Россия изменит свое отношение к Гер-

мании. По личным инструкциям Гитлера, секрет «Барбароссы» должен быть доверен «как можно меньшему числу лиц. В противном случае существует опасность того, что наши приготовления получат огласку и в результате последуют величайшие политические и военные осложнения».

Никто из германских военачальников не выступил против плана «Барбаросса». Позже некоторые из них позволили себе писать о «русской авантюре Гитлера» и утверждать, что профессиональные военные специалисты были против этого плана с самого начала. Но никто еще не представил ни слова свидетельства о противостоянии этому плану в решающий момент — в декабре 1940 года, когда голос военных авторитетов, возможно, мог быть еще услышан. Более того, есть много неоспоримых свидетельств искреннего энтузиазма лиц, причастных к захватывающему дух планированию.

Решив для себя вопрос о будущем Восточной кампании, Гитлер отправился праздновать Рождество к войскам, расположенным на противоположном от Англии берегу. Именно здесь более или менее отчетливо еще в июле 1940 года прослеживалась альтернатива восточному походу.

Важное значение для определения дальнейших планов имела долгая беседа Гитлера с адмиралом Редером, состоявшаяся еще 21 июля 1940 года. Всего пять дней прошло с подписания директивы о вторжении на Британские острова, но у Гитлера уже появились немалые сомнения. Он больше не верил в фактор неожиданности. Перед ним находился «в высшей степени исполненный решимости противник», который в борьбе на островах не остановится ни перед чем. Гитлер сказал Редеру: «Мы не можем рассчитывать на получение каких-либо важных запасов в Англии». Подразумевалось, что англичане во главе с Черчиллем сожгут и уничтожат все, что могло бы представить интерес для немцев. Условием успеха высадки должно быть полное превосходство над противником в воздухе, а его нет. Для захвата Англии нужно переправить не менее сорока дивизий, но Редер относился к этому скептически. Позднее он сообщил армейскому командованию, что мак-

симум возможного для него — переправка тринадцати дивизий на довольно узком фронте. Генерал Гальдер остался неумолим: для захвата плацдарма необходимо не менее сорока дивизий. Первые сомнения охватили фюрера.

Гитлер еще продолжал утверждать (речь 4 сентября 1940 года в берлинском Спортпаласте), что Англия некомпетентна, что на фоне решимости 85 миллионов немцев комическая решимость господина Черчилля просто глупа. Но англичане 25 августа совершили бомбовый рейд против Берлина, а сражение в небе Англии не давало результатов. Весь сентябрь Гитлер держал силы вторжения в состоянии постоянной боевой готовности, но 12 октября его директива гласила: «Фюрер решил, что с этого времени и до весны приготовления к осуществлению плана «Морской лев» будут продолжаться только лишь с целью сохранения политического и военного давления на Англию. Если вопрос о вторжении будет заново решен весной или ранним летом 1941 года, приказ о возобновлении операционной готовности будет издан позднее...»

Что же следует делать вместо операции «Морской лев»?

Адмирал Редер был, возможно, наибольшим скептиком в отношении восточного варианта. Он считал опасным оставлять Англию «недобитой», готовой мобилизовать новые силы, всячески старающейся вовлечь в мировой конфликт Соединенные Штаты. Но как совладать с Британией? Редер говорил Гитлеру наедине: «Англичане всегда считали осью своей мировой империи Средиземное море... Отказываясь здесь от помощи, итальянцы еще не осознали нависшей над ними опасности. Германия, однако, должна вести войну против Великобритании всеми находящимися в ее распоряжении средствами и без задержки, прежде чем Соединенные Штаты сумеют эффективно вмешаться. Поэтому в зимние месяцы следует решить средиземноморский вопрос.

Гибралтар должен быть оккупирован. Контроль над Канарскими островами следует обеспечить при помощи военно-воздушных сил. Суэцкий канал должен быть захвачен. Необходимо осуществить продвижение со сто-

роны Суэцкого канала через Палестину и Сирию до границ Турции, если это окажется возможным. Если мы достигнем ее границ, Турция будет в нашей власти. Тогда русская проблема предстанет перед нами в ином свете... Неизвестно, понадобится ли тогда выступление против России с севера». Редер полагал, что, увидя себя полуокруженным, Советский Союз предпочтет войти в той или иной степени в германскую зону влияния, стать союзником Германии.

Гитлер согласился с «общим направлением» рассуждений Редера, но оставил последнее слово за собой. Многое будет зависеть от предстоящих встреч с Муссолини, Франко и Петэном. Апробация средиземноморского варианта, позволяющего подорвать могущество Британской империи и предоставляющего (посредством выхода в Турцию) возможность обойти СССР с фланга, приходилась на осень 1940 года.

Первая из этих встреч состоялась 23 октября в городе Хендей на франко-испанской границе. Гитлер ненавидел долгие поездки поездом, но не этим объяснялось его подавленное настроение перед встречей с Франко. У него были дурные предчувствия. Риббентроп уже предупредил его, что встреча будет далеко не легкой. Высшие военные чины видели во Франко комическую фигуру, одержавшую победу над республиканцами только благодаря германской поддержке. Адмирал Канарис, имевший немалый испанский опыт, сказал Кейтелю, что Гитлер будет разочарован Франко, который «вовсе не герой, а маленькая сосиска». Эти слова были переданы Гитлеру.

Гитлер прибыл в Хендей на час раньше Франко, не знакомого с немецкой пунктуальностью. Во время осмотра испанской гвардии, приветствовавшей немцев, Кейтель отметил ее жалкий вид и ржавые штыки. Не было ли это сознательным трюком Франко? Испанский диктатор начал встречу чисто южными выражениями благодарности. Но речь шла уже не о гражданской войне и не о легионе «Кондор». В момент крушения Франции в июне 1940 года Франко поспешно уведомил Гитлера, что Испания готова вступить в войну против Франции при условии, что ей достанется французское

Марокко и западная часть Алжира, а также если Германия снабдит армию Франко оружием и припасами. Гитлер тогда отказался от уже не нужной ему помощи. Эту помощь он хотел получить сейчас против Англии и, в будущем, против СССР.

Но Франко, цветистый на словах, поостыл в намерениях. Британия не была покорена, США медленно, но выходили из изоляции, позиция СССР не была ясна. Благоразумие требовало осмотрительности. «Маленькая сосиска» слушала героические тирады Гитлера без всякого энтузиазма. Гитлер, в свою очередь, не ожидал увидеть каудильо таким невзрачным человечком, не блиставшим умом. От Франко слышались одни жалобы — страна нуждается в экономической помощи, огромная линия морского побережья Испании безоружна перед британским флотом и т. п. Наибольшее раздражение фюрера вызвали слова Франко о том, что, если Британские острова будут завоеваны, английское правительство и его флот начнут вести боевые действия из Канады, получая все большую поддержку Америки.

Напрасно Гитлер предлагал каудильо огромные территории французских колоний в Африке (до предела, как говорил фюрер, «возможностей компенсации Франции частями разбиваемой Британской империи»). Зная «задолженность» Франко, Гитлер без околичностей предложил ему вступить в войну в январе 1941 года, но Франко проявил неожиданное упрямство, указывая на опасность скоропалительных действий. Гитлер настаивал на том, чтобы испанцы захватили Гибралтар 10 января 1941 года, он обещал помощь тех германских специалистов, которые только что сокрушили мощный бельгийский форт Эбен Эмель с воздуха. Франко ответил, что предпочел бы вернуть Гибралтар чисто испанскими силами. Вязкий разговор продолжался девять часов и абсолютно истощил Гитлера с его холерическим темпераментом. Он возненавидел монотонный голос Франко, он вскакивал с места, говоря, что беседа потеряла направление, а следовательно, и смысл. Теперь ясно, что Франко сознательно вел линию на определение того, чья же сторона побеждает. Для Гитлера этот диалог был невыносим. Чуть позднее он сказал Муссолини, что

скорее предпочел бы удалить себе три или четыре зуба, чем снова встретиться за столом с Франко. Фюрер потерпел полное фиаско. Он не сумел по-настоящему оказать давление на франкистскую Испанию и заручиться ее содействием в критический момент войны. Сыграла свою роль и привычная самонадеянность.

Оставив позади кошмар бессмысленных вежливых препирательств, так и не добившись согласия Франко на вступление в коалицию стран «оси», Гитлер поручил арьергардные бои Риббентропу, чьим партнером был испанский министр Серрано Суньер. Фюрер уже не питал иллюзий. Неудача с Франко ослабляла притягательность средиземноморского варианта. Без Мадрида было сложно рассчитывать на захват Гибралтара и на то, чтобы «замкнуть» британский флот в Средиземном море. Риббентроп «ослабил вожжи», он уже не требовал полномасштабного участия в коалиции, его программой-максимум был захват Гибралтара. Но и в этом случае испанцы решили не искушать судьбу и дождаться более определенного развития событий. Задним числом Гитлер, возможно, сожалел, что сдержал испанцев в июне 1940 года. Риббентроп вскоре понял тактику Франко и, обозвав его в присутствии своих подчиненных «неблагодарным трусом», последовал за фюрером. Эмоции еще бурлили в Риббентропе: «Он (Франко.— А. У.) всем обязан нам, а сейчас не хочет к нам присоединиться».

Встреча Гитлера с Петэном 24 октября была вторым туром попыток реализации средиземноморской стратегии. Глава вишистского режима думал о будущем, о месте «новой» Франции в «новой» Европе. Пусть побежденная, но Франция по своим ресурсам способна быть главным партнером Германии в новом европейском порядке. Размышляя в таком духе, Петэн пришел к несколько более четкому, чем Франко, определению отношений с немцами.

Неизвестно, была ли у Гитлера доля уважения к герою Вердена, но известно, что он, боясь старости, с ужасом отзывался о возрасте маршала. Однако восьмидесятичетырехлетний Петэн выглядел достаточно бодро и встретил фюрера едва ли не как равный равного.

Основной соблазн аргументов Гитлера заключался в следующем: «Очевидно, что кто-то должен платить за проигранную войну. Это должна быть либо Франция, либо Англия. Если бремя падет на Англию, тогда Франция займет в Европе подобающее ей место и полностью сохранит свое положение колониальной державы».

Петэн был достаточно уклончив: «Моя страна слишком пострадала морально и материально, чтобы вступить в новый конфликт». Тогда, сказал Гитлер, «она потеряет свою колониальную империю в конце этой войны и будет нести последствия поражения наравне с Англией». «Время репрессий не может длиться долго»,— прозрачно намекнул Петэн на Версальский мир. Вне себя от комментариев маршала, Гитлер вскричал: «Я не хочу репрессий. Я хочу мира, основанного на взаимном согласии, гарантирующего покой в Европе на несколько столетий. Я не смогу этого осуществить, если Франция не решится помочь мне сокрушить Британию».

Петэн пошел на заключение с Гитлером соглашения, в котором, в частности, говорилось: «Державы «оси» и Франция имеют идентичные интересы в нанесении поражения Англии как можно скорее. Соответственно, французское правительство будет поддерживать, в пределах своих возможностей, меры стран «оси», предпринимаемые для достижения этой цели». Не исключено, что Петэн думал не только о втором месте в «коричневой» Европе, но и о новых колониальных приращениях в Африке за счет Британской империи. Пока еще не было известно, в какой мере и как будет вишистская Франция помогать нацистской Германии. Обе стороны решили держать свое соглашение в абсолютном секрете.

Был ли Гитлер доволен сделкой в Монтуаре? Едва ли. Потрясенная Франция, только что воевавшая с Германией, вряд ли могла стать надежным союзником. Разгром ее сил, своего рода национальный ступор, лишал ее привлекательности как военного союзника, деморализация грозила превратить такого союзника в бремя, а не в часть гитлеровской машины. В конечном счете, Петэн не предлагал ничего конкретного. Обещаниями и угрозами превратить Францию в действенного

союзника Гитлер не мог. Это бессилие выводило фюрера из себя в ходе осенних переговоров с предполагаемыми союзниками. Всю дорогу после Хендея и Монтуара Гитлер был мрачен. Во Флоренции 28 октября его ждал Муссолини.

С ним у Гитлера возникли проблемы на Балканах. Дуче тоже желал опекать «латинскую сестру» Румынию, интересовали его и нелатинские балканские страны. Еще в середине августа 1940 года Гитлер предостерегал Муссолини против авантюр в отношении Греции и Югославии. Зять Муссолини, министр иностранных дел Чиано, записал в дневнике 17 августа: «Это было похоже на приказ стоять в строю». Но Муссолини боялся опоздать при разделе Европы. Вопреки совету Берлина он решился напасть на Грецию. Начало боевых действий было назначено на 28 октября. Муссолини лично сообщил новость прибывшему во Флоренцию Гитлеру: «Фюрер, мы на марше! Победоносные итальянские войска пересекли греко-албанскую границу сегодня на рассвете!». Мало что могло так вывести Гитлера из себя, как этот сюрприз итальянцев. Меньше всего ему хотелось сейчас осложнений на Балканах. Его стратегической задачей было перерезать сонную артерию Британской империи в районе Суэца и создать плацдарм для нападения на СССР с юга, а не захватывать небольшое балканское королевство, где успех итальянцев был еще проблематичен. По существу, оказалось, что Гитлер опоздал на встречу с Муссолини. Но, как свидетельствует переводчик Шмидт, он постарался сдержать свой гнев: «После полудня он испытал разочарование — в Хендее, Монтуаре и теперь в Италии. В долгие зимние вечера следующих нескольких лет эти продолжительные и утомительные поездки были постоянной темой его горьких упреков в отношении неблагодарных и ненадежных друзей».

Южный вариант «удушения» Британской империи не получался. Выход в Турцию отдалялся еще более. Но пока не был оставлен вовсе. Своего рода удовлетворение фюрер получил от сокрушительного поражения итальянцев. Их наступление против Греции продолжалось всего неделю, затем греки обратили их в бегство. Гитлер

больше думал не о союзниках-итальянцах, а об оставшихся шансах реализовать свою средиземноморскую стратегию. Его волновало фактическое усиление англичан на пути к Турции — их десант на Крите и Лемносе, откуда англичане могли бомбить румынские нефтяные месторождения. Именно для получения стратегически важных позиций в восточном Средиземноморье, а не для спасения чести незадачливого союзника, Гитлер решил бросить вермахт в этот регион. Четвертого ноября он вызвал к себе руководителей главного командования вермахта Кейтеля и Йодля и главных теоретиков армейского штаба Браухича и Гальдера. Гитлер, как следует из записей их бесед, еще не отказался от идей, обсуждавшихся ранее с Редером, он еще верил, что Германия сможет задушить двух главных своих противников (ведущую с ней войну Британию и потенциального противника — Россию) посредством решающего закрепления Германии в Средиземноморье с выходом с юга к Кавказу.

В течение нескольких дней были созданы планы минирования Суэцкого канала, бомбардировки британского флота в Александрии, бомбовых ударов по другим английским объектам в Египте. Армии следовало силами десяти дивизий через Болгарию атаковать англичан в Греции. Что касается опасности вызвать раньше времени реакцию России, то Гитлер полагал, что Россия останется нейтральной.

Директива №18 отражает решимость Гитлера испытать возможности средиземноморской стратегии: Гибралтар будет взят, а проливы закрыты. Англичане будут лишены возможности получить плацдарм в любой другой точке Иберийского полуострова или на островах Атлантики. Было закреплено название операции по захвату Гибралтара — «Феликс», определены возможности противодействия захвату англичанами Канарских островов и Островов Зеленого Мыса. Адмирал Редер получил приказ изыскать возможности захвата острова Мадейра и Азорских островов. В случае необходимости следовало оккупировать Португалию (операция «Изабелла»). Для этого выделялись три германские дивизии. Для привлечения вишистской Франции к более тесному сотрудни-

честву было решено освободить из-под немецкого контроля часть французского флота и некоторые сухопутные французские части — предполагалось (как оказалось, совершенно справедливо), что они будут защищать французские колонии в Африке от англичан и де Голля. Гитлер надеялся, что посредством таких шагов «постепенно определится участие Франции в войне против Англии». Аплодировавшие Гитлеру генералы в верноподданническом ослеплении не видели слабости этих замыслов — выделяемые силы были слишком малы для решения задачи контроля над средиземноморским бассейном. Эту задачу Германия, пожалуй, могла бы решить, если бы сосредоточила здесь все свои основные силы — те полтораста дивизий, которые находились в рейхе и на ближайших к нему подступах. Но мы знаем теперь, что Гитлер не склонен был бросить все силы на средиземноморский вариант, хотя он видел его привлекательные черты.

Помимо прочего, Гитлер не мог оставаться безучастным к очевидному поражению Муссолини. Дело было даже не в унижении первого союзника, а в довольно неожиданном укреплении позиций Англии в Восточном Средиземноморье, что могло создать реальную угрозу рейху с фланга, если вермахт застрянет в России.

Так или иначе, Гитлер прислушался к уничтожительной для Муссолини оценке итальянского военного потенциала, произведенной штабом германского военно-морского флота: «Италия никогда не завершит успешно наступления в Египте. Командование итальянскими силами не соответствует своим функциям. Оно не понимает происходящего. У итальянских вооруженных сил нет ни руководства, ни эффективности, необходимой для доведения операций в средиземноморском регионе до успешного конца с надлежащей скоростью и решительностью». По мнению штаба военно-морского флота, именно Германия должна была взять на себя тяжесть борьбы в регионе — это было приоритетное направление, с точки зрения адмирала Редера. «Борьба за африканский регион является главной стратегической целью ведения войны Германией в целом... Это направление имеет решающую важность для итога войны».

Мы видим, что военно-морское командование смотрело скорее на юг, чем на восток. Гитлер на каком-то этапе, возможно, хотел в определенной степени совместить оба направления. Но поворот на юг не мог быть осуществлен походя, он был слишком важным шагом. Гитлер уже убедился, что Франко, Петэн и даже Муссолини не являются надежными союзниками. Он на несколько недель как бы «поддался» аргументации своих адмиралов, но только потому, что это обещало удушение Британии и выход к СССР с юга. Переносить тяжесть войны сюда в целом он не был намерен.

Решающее выяснение отношений произошло 14 ноября 1940 года. Адмирал Редер детально изложил свою точку зрения на перспективы дальнейших военных действий. Лишь обратившись к югу, Германия станет неоспоримым хозяином всей Европы, она закроет все подходы к «крепости Европа», лишит надежды англичан и по старым дорогам Римской империи распространит свое влияние на весь мир. Выслушав все это, Гитлер не стал детально оспаривать аргументы Редера, но сделал важнейший намек: «Я намерен произвести демонстрацию в отношении России». Это было многозначительное заявление, если учесть, что Молотов только утром этого дня отбыл из Берлина.

Редер частично пребывал в неведении. В конце декабря он послал Гитлеру доклад, между строк которого читался укор в отношении того, что на Средиземноморье упущены большие возможности. Он не знал, что эти возможности уже мало волнуют Гитлера. Выбирая между средиземноморским (южным) направлением и восточным, Гитлер уже безоговорочно отдал предпочтение «Барбароссе». На аргументы Редера в отношении несломленной мощи Британии он ответил: «В свете текущих политических процессов и особенно вмешательства России в балканские дела необходимо, прежде чем сцепиться с Британией, любой ценой уничтожить последнего врага, остающегося на континенте». Это был уже безоговорочный выбор. «Барбаросса» стал главным планом Германии.

Нет сомнения, что на этот выбор повлияло, поми-

мо прочего, исключительно успешное контрнаступление англичан в Египте, начатое 7 декабря 1940 года. В течение двух месяцев генерал Уэйвел буквально разгромил армию маршала Грациани, продвинувшись на 700 километров и захватив 130 тысяч военнопленных. Напомним, что 12 ноября (начало советско-германских переговоров) британская авиация на рейде Отранто вывела из строя три итальянских линкора и два крейсера. Теперь, в условиях практической потери североафриканского плацдарма, привлекательность южного варианта исчезла вовсе.

Ощутимо изменение тона обращения Гитлера к союзникам. В ответ на просьбу каудильо о посылке помощи он пишет Франко 6 февраля 1941 года: «Относительно одного, каудильо, должна быть ясность — мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть и не можем в это время делать подарки. Битва, которую ведут Германия и Италия, должна определить и судьбу Испании. Только в случае нашей победы ваш нынешний режим будет сохранен». Но Франко слушал радио и знал о сокрушительном поражении Грациани. Еще больше его волновала возможность поворота Германии на Восток. Гитлер играл с судьбой. В свете этого Франко набрался мужества послать Гитлеру письмо, из которого явствовало, по меньшей мере, одно: в ближайшее время вступать в войну на стороне «оси» Испания не намерена.

Гитлер дал волю своим чувствам в письме Муссолини: «Испания не желает вступать в войну и не вступит в нее. Это тем более прискорбно, что теперь возможность нанести Британии поражение самым простым образом — в ее средиземноморских владениях — исчезла». Гитлер не зря обращался к Муссолини — в его словах был своего рода укор. Итальянцы показали далеко не лучшую военную подготовку. С таким союзником победить Британию в Средиземном море было сложно. Так или иначе, но к началу января 1941 года Гитлер окончательно пришел к выводу, что оба варианта борьбы с Британией — десант на острова и достижение господства в Средиземном море — в обозримом будущем недостижимы. Соответственно потерял всякую реальность и притягательную силу вариант выхода к СССР

через Турцию с юга, создание такого давления на СССР, когда не только на Балканах, но и на кавказской границе Советского Союза противостояли бы силы, толкающие его восточнее — в направлении Индии.

Южное направление, Африка, теперь не интересовало Гитлера. Он принял решение. На совещании 8—9 января в Бергхофе он снова безусловно доминировал, не позволяя другим вставить ни слова. Как пишет адмирал Редер, Гитлер был полон оптимизма: «Фюрер твердо убежден, что ситуация в Европе не может в дальнейшем развиваться в неблагоприятном для Германии направлении, даже если мы полностью потеряем Северную Африку. Наши позиции в Европе столь крепки, что конечный итог не может быть не в нашу пользу».

Судьба Британии уже меньше волновала Гитлера. Даже если предоставить дело лишь флоту и авиации, то ее ослабление даст себя знать не позднее июля или августа. К тому времени «Германия должна стать настолько сильной на континенте, что мы сможем в дальнейшем справиться и с Англией, и с Америкой». Южное направление, фиксируют мысль фюрера Редер и Гальдер, уже не является определяющим. Здесь главное — не дать Италии капитулировать, не более. «Нужно предотвратить полное крушение итальянцев, предотвратить потерю ими Северной Африки». В целом считать итальянцев равными себе не следует. Им не будет сказано даже о генеральном плане Германии на этот год. «Он не желает информировать итальянцев о наших планах. Существует большая опасность того, что королевская семья передаст стратегические сведения Британии»,— пишет в дневнике Гальдер.

Помогать итальянцам выходить из столь жалкого положения пришлось самим же немцам. Операция «Марита» (директива №20 от 12 декабря 1940 года) предполагала выдвижение двадцати двух немецких дивизий, сконцентрировавшихся в Румынии, через Болгарию для удара по Греции с севера 26 марта 1941 года. Для стабилизации положения в Европе, утверждал в этой директиве Гитлер, возможно, придется прибегнуть к операции «Аттила», захвату трети неоккупированной Франции (при этом одной из главных целей было овла-

дение французским флотом в Тулоне). «Если Франция начнет причинять нам беспокойство, она будет сокрушена полностью».

Затем германский канцлер приступил к главному. Он снова охарактеризовал Сталина как «хладнокровного шантажиста» и заявил своим генералам, что Россия должна быть поставлена на колени «как можно скорее». Вот так фюрер описывал будущее: «Если США и Россия вступят в войну против Германии, положение может стать очень сложным. Поэтому всякая возможность возникновения такой угрозы должна быть уничтожена в зародыше. Если угроза со стороны России будет снята, мы можем вести войну против Британии бесконечно. Если Россия рухнет, Япония почувствует огромное облегчение; это, в свою очередь, будет означать возросшую угрозу Соединенным Штатам».

Третьего февраля 1941 года Гитлер выслушал Гальдера, изложившего созданную штабными сотрудниками директиву германским силам, предназначенным реализовать план «Барбаросса». Пиком его высокомерия был запрет «даже рассматривать» возможность увеличения сил вторжения. Гитлер как бы уже видел нечто «за горизонтом», он глубокомысленно объяснял военным специалистам экономическую важность Украины и прибалтийских республик.

«Барбаросса» оставался чисто немецким планом. Его детали немцы обсуждали между собой на совещании руководства ОКВ 3 февраля 1941 года в течение шести часов. Как явствует из сверхсекретного меморандума ОКВ, вначале генерал Гальдер представил германскую оценку вооруженных сил СССР. Красную Армию он оценил как имеющую 155 дивизий. По численности, веско говорил Гальдер, германская армия примерно равна русской, но она «значительно превосходит ее в качественном отношении». (Пройдет всего лишь несколько месяцев, и германские генералы поймут свою роковую ошибку в определении численности Красной Армии.) Тогда же, 3 февраля, никто не подверг сомнению данные Гальдера. А между тем речь идет не просто о недооценке боеспособности войск противника. Преумень-

шение численности Красной Армии играло на руку главному стратегическому замыслу Гитлера: уничтожить войска русских в приграничных сражениях. На этом совещании Гитлер подтвердил этот свой императив: «Уничтожить большие части войск противника, не дав им возможности отступить». При этом Гитлер подчеркнул, что главной целью является «завладение балтийскими государствами и Ленинградом».

Зал был взбудоражен. Масштабы предстоящей операции завораживали. Находясь во власти этого ажиотажа, Гитлер воскликнул: «Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание». Он затребовал себе карты территорий грядущих сражений.

Глава седьмая
ВОПРОС, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ ПОСТАВЛЕН

Немец, если только он использует все свои способности, будет всегда выше иностранца.

Иоганн Готлиб Фихте. 1807г.

Гитлер никогда не спрашивал своих военных специалистов, свою разведку о шансах победы над Советским Союзом. План «Барбаросса» был создан без предварительного анализа вопроса, можно ли победить Россию вообще.

Многие немецкие офицеры смотрели на русскую армию как на заведомо ниже стоящую, на русских — как на людей с низким интеллектом, слабой волей, сильных лишь в смысле природного приспособления к трудностям. Полковник Блюментрит (которому предстояло приобрести немалый опыт в ходе войны на советско-германском фронте) писал в 1940 году: «Сила русского солдата заключается в его бесчувственном азиатском упорстве, с которым мы как пехотные офицеры действующей армии хорошо познакомились прежде всего в 1914—1915 годах. В те дни считалось абсолютно надежным поручить одной германской дивизии сдерживать две или три русские дивизии. В лобовых атаках, столь любимых русскими как детьми природы, часто от 10 до 12 цепей пехотинцев двигались одна за другой против

наших, лишенных глубокого тыла, позиций. Ружья и пулеметы стреляли до тех пор, пока не раскалялись до предела». Гитлер полностью соглашался с такой оценкой. «Русские — ниже нас», — его слова.

Германские оценки

Разумеется, значение потери каждого четвертого офицера в чистках 30-х годов было хорошо известно германским военным. Наихудшее впечатление Красная Армия произвела в ходе финской войны. Тогда Гитлер позволил себе сказать: «Русская армия — это шутка... Если нанести удар, то Советский Союз лопнет как мыльный пузырь».

После окончания основной волны чисток в армии журнал «Милитер вохенблатт» объявил, что Красная Армия лишилась руководителей полностью. Признаком самоослепления вермахта было то, что в германской военной печати почти не освещались успехи СССР на озере Хасан в боях против японцев в 1938 году.

Германская разведка, по существу, призналась в своем бессилии. Военный атташе писал из Москвы адмиралу Канарису: «Арабу в бурнусе легче пройти по Берлину незамеченным, чем иностранному агенту войти в Россию». Немцы в короткие месяцы и недели военной подготовки обратились к дружественным странам и потенциальным союзникам. Турецкая разведка не смогла оказать помощи. Японцы снабдили сведениями о дальневосточных частях, но германский военный атташе в Токио оценил эту информацию как не имеющую практической значимости. В Будапеште регент Хорти не сумел собрать фактических данных, но поделился своими размышлениями: «Сегодня существуют советские республики; если все их завтра превратить в независимые государства, проблема коммунизма будет решена. Германия сможет завершить эту самую важную для человечества работу, за которую история будет благословлять ее в грядущие столетия, и она проделает эту работу за недели».

Ценную информацию предоставила Финляндия, особенно после осени 1940 года. Благодаря финским дан-

ным германский генеральный штаб уточнил число советских дивизий в европейской части СССР (их оказалось на 15 больше). Финны сообщили также важные сведения о характере советских вооружений. Из этих же источников немцы узнали о состоянии советских парашютно-десантных войск, об оборонительном потенциале районов Ленинграда и Пскова.

Воздушная разведка сообщила важные сведения о состоянии приграничных округов. Дороги оказались лучше, чем предполагалось. Определены были основные военные лагеря, аэродромы, склады и т. п. Но огромная Россия так и осталась лежать таинственной зоной за пределами фотоаппаратов группы аэрофотосъемки подразделения Т. Ровеля.

Немцы всегда помнили, что поразительные победы на начальном этапе Первой мировой войны оказались возможными благодаря тому, что они сумели полностью перехватывать донесения русских армий, скажем, вторгшихся в августе 1914 года в Восточную Пруссию. Этот успех стимулировал немцев подготовиться соответственно и в 1941 году. Красная Армия извлекла свои уроки из прежних поражений, и радиодисциплина была ужесточена. Некоторые западные специалисты называют советское радиоприкрытие лучшим в Европе. Благом России неожиданно стало значительно меньшее число телефонных и телеграфных линий. Сообщения теперь чаще следовали по радио. И хотя немцы приложили немалые усилия, они не прочли советские военные коды. Россия, по существу, осталась герметично закрытой. Радиоразведка дала удивительно мало.

Шпионаж против СССР был развернут абвером после прихода Гитлера к власти. Центр реорганизованной немецкой военной разведки размещался в Кенигсберге, «выдвинутом» исторически и географически к советским границам. Напомним, что у Германии не было общей границы с СССР, и она при засылке агентов полагалась либо на дипломатические каналы, либо на лежащую «между» страну, какой в данном случае была Литва. Начиная с 1927 года между абвером и разведкой соседней Литвы существовала связь, и специально назначенный офицер абвера отвечал за нее. Полтысячи

километров границы Литвы с СССР, границы, проходящей по лесам и болотам, были особо ценимы абвером.

С 1936 года немцы интенсивно ищут пути проникновения в СССР; абвер во главе с Пикенброком сумел наладить связь прежде всего с разведками Австрии и Венгрии. Затем последовали попытки проникновения со стороны Румынии, Болгарии, Китая и Японии. Тесными стали контакты с Польшей. Однако все эти усилия успехом не увенчались. Лишь связи через Финляндию и Турцию дали определенную ценную информацию, общая же картина не могла удовлетворить никого в Берлине.

Оказавшись в ситуации почти полного неведения о том, что происходит в оборонительном секторе СССР, каковы возможности Красной Армии, абвер обратился к эмиграции, а именно к эмиграции националистов. Канарис установил связи с Организацией украинских националистов (ОУН) в 1937 году. Было проведено несколько конференций, многие оуновцы были готовы сотрудничать с немцами, но и они не могли помочь стратегической разведке.

Тогда немцы попытались использовать для сбора информации представителей более чем миллионного населения Поволжской республики. Однако прямое и косвенное (через Немецкий институт внешних связей) обращение к ним германской военной разведки не помогло установить надежные связи. Советские немцы не изменяли своей новой родине.

Когда был подписан пакт Риббентропа — Молотова, Гитлер отдал приказ на время прекратить попытки активного сбора информации, чтобы не вызвать раздражения противоположной стороны. Но абвер воспользовался польскими разведывательными связями, уже созданной сетью агентов в Белоруссии и на Украине. Теперь у Германии появилась огромная общая граница с СССР. Именно в это время абвер стал наиболее активен, он создал близ границы тренировочные центры и постепенно увеличивал число засылаемых агентов.

Интенсификация разведывательных усилий Германии произошла после встречи в конце декабря 1940 года фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля с адмиралом

Канарисом и его заместителем, отвечающим за разведку на Востоке, Пикенброком. Именно тогда Йодль сообщил руководителям разведки, что война с СССР неминуема и начать ее планируется до наступления лета. Обратим внимание на следующее. Доложив о решении исключительной важности, Йодль сказал руководителям разведки, что его, собственно, не очень интересуют данные о Красной Армии в целом. Главное — иметь точные сведения о том, какие процессы происходят в размещении Красной Армии неподалеку от границы. По существу — и это была серьезнейшая ошибка — руководители вермахта приказали абверу отказаться от стратегических оценок и сосредоточиться на оперативно-тактических проблемах. Главным козырем в этом инструктаже прозвучала ссылка на Гитлера, считавшего, что Россия падет после битвы у границы.

Абвер резко увеличил число подготавливаемых агентов. Своих лазутчиков начали засылать в армейские группировки, штабы отдельных армий. Большое значение стало придаваться степени подготовленности направляемых агентов. Их подготовка в специально открытых школах в Кенигсберге, Берлине, Вене и Штеттине проводилась более тщательно. Почти каждый агент, а их численность теперь составляла сотни человек, оснащался рацией. Некоторые переходы границ отличались исключительной дерзостью. Так, в апреле 1941 года взвод из шестнадцати человек в форме советских инженерных войск пересек границу в Белоруссии и был заподозрен пограничниками. Одиннадцать диверсантов были убиты, пятеро схвачены.

При всей напряженности, созданной в стране сталинским режимом, немцы не нашли предателей. Им не удалось завербовать ни одного значительного лица, ни одного обладателя подлинно существенной информации. У немцев не оказалось никаких возможностей увидеть картину оборонительных усилий СССР в целом. Мелкие агенты доносили сведения местных масштабов. Мы встречаем — как исключение — лишь одно обобщение стратегического порядка от германского агента: «Когда дело дойдет до конфликта Советского Союза с сильным противником, коммунистическая партия раз-

валится исключительно быстро и не сможет более владеть ситуацией. Советский Союз распадется и превратится в гряду независимых государств». На документе имеется заключение аналитиков абвера: «Особо точная оценка».

При рассмотрении источников германской информации об СССР накануне войны следует обратиться прежде всего к личности военного атташе Германии в Москве генералу Эрнсту Кестрингу. Этот германский офицер родился и вырос в Москве, ему были знакомы язык, быт и политическая жизнь Страны Советов. В Первой мировой войне он участвовал, будучи офицером кайзеровской армии, в период Веймара специализировался по России в рейхсвере. Между 1931 и 1933 годами он занимал пост военного обозревателя в Москве. Это были последние годы тесного сотрудничества двух армий. Кестринг вернулся в Москву в качестве военного и военно-воздушного атташе в октябре 1935 года.

Обстановка здесь была уже мало похожа на дружественность прежних лет. Кестринг жалуется на отсутствие доступа к любой, кроме официальной, информации. На сотни поставленных перед ним в Берлине вопросов он не мог дать даже приблизительного ответа. Консулы в различных городах получили фотографии, чтобы суметь хотя бы приблизительно разобраться в технике, проходящей перед ними дважды в год на военных парадах. Он много путешествовал. Например, в июне 1937 года на своем автомобиле проехал от Москвы до Тбилиси, хотя и без особой пользы.

Сложное для немцев время наступило в 1938 году, когда германские консулаты в СССР были закрыты, НКВД позаботился о прекращении контактов населения с иностранцами, военных атташе перестали приглашать на маневры и учения. Присутствие на заседаниях Верховного Совета ничего не давало, в бюджете статьи расходов подавались лишь в процентах. Кестринг определил для себя три источника информации: поездки по Москве и Подмосковью; тщательное изучение печати; интенсивный контакт с коллегами из других посольств. Ограниченность источников отражалась на докладах Кестринга. Посмотрим, что писал он о Красной Армии 22 августа

1938 года: «Вследствие уничтожения огромного числа высших офицеров, которые в значительной мере повысили свое мастерство на протяжении десятилетия практики и теоретических изысканий, операционные возможности Красной Армии уменьшились. Отсутствие старшего поколения опытных командиров отрицательно сказалось на подготовке войск. Уже существующее отсутствие ответственности и в дальнейшем будет оказывать свое отрицательное влияние.

Наблюдается нехватка лучших командиров. Но ничто не позволяет обнаружить и доказать, что атакующая сила массы войск пала до такой степени, что не представляет собой очень заметного фактора в военном конфликте. Организация, дальнейшее развертывание военной экономики, как и всей индустрии, подверглись сильному отрицательному воздействию; различимы черты имеющейся в настоящее время стагнации».

Беседуя с британским военным атташе, Кестринг так резюмировал свое мнение: «Советская армия ныне более не имеет международного значения». По мере заметного для германского посольства в Москве поворота вермахта на Восток Берлину понадобились более конкретные данные. Замещавший Кестринга подполковник Г. Кребс сообщал в Берлин 22 апреля 1941 года: «Максимальная численность армии военного времени определяется нами в 200 пехотных дивизий. Такую оценку подтвердили мне также финский и японский военные атташе». В своих последних донесениях Кестринг и Кребс сообщали (Гитлер читал их донесения), что боевые возможности Красной Армии значительно не увеличились. В ней не происходит ничего нового.

На западных границах численность Красной Армии достигала 2 миллионов человек. Если в сентябре 1940 года Кребс полагал, что для восстановления своей прежней боевой мощи Красной Армии понадобится четыре года, то в мае 1941 года он утверждал, что на это ей понадобится минимум двадцать лет. Едва ли такие оценки не вызывали у германского руководства чувства, что следует ловить момент.

Поступающие сведения об СССР и Красной Армии скапливались и анализировались в нескольких пунктах

Берлина. Одним из наиболее важных было Управление вооружения, руководимое генералом Томасом. Оценки этого Управления чрезвычайно важны для понимания общей стратегии Гитлера. Каково соотношение промышленных мощностей европейской и урало-азиатской частей СССР? Томас относил на счет последней 18 процентов общего производства боеприпасов, 31 процент производства оружия, 24 процента производства танков. Возможно, настораживающим фактором могло бы стать следующее заключение Томаса: «Индустрия Урала и азиатской части СССР может в целом существовать независимо от европейской части страны». Но Томас не делал соответствующих выводов, исходя из его анализа трудно было определить степень жизнеспособности восточной части СССР. (Лишь тремя месяцами позже, 20 октября 1941 года, Томас сделает устрашающее открытие: даже оккупация почти всей европейской России «не приведет к безусловному коллапсу страны. Этого можно ожидать лишь в случае потери ею индустриальных районов Урала». Для изменения стратегии это был запоздалый вывод.)

Германская разведка

Главным разведывательным центром, ответственным за сбор информации о Советском Союзе, стал отдел Верховного командования сухопутных сил (ОКХ), носивший название «Иностранные армии — Восток» (ФХО). Созданный в 1938 году, ФХО отвечал за военную информацию о Польше, скандинавских странах, некоторых балканских странах, СССР, Китае и Японии. Но, начиная с 31 июля 1940 года, когда Гитлер отдал ОКХ приказ готовиться к выступлению на Восток, ФХО сосредоточился на Советском Союзе.

Руководитель отдела «Иностранные армии — Восток» полковник Кинцель дал обобщенную оценку Красной Армии в конце 1939 года: «В численном отношении мощный военный инструмент. Основной акцент падает на «массу войск». Организация, оснащение и средства управления недостаточны. Принципы руководства неудовлетворительны, само руководство слишком молодо

и неопытно... Качество войск в сложной боевой обстановке сомнительно. Русская «масса» не достигает уровня армии, оснащенной современным оружием и руководством более высокого класса».

В процессе создания плана «Барбаросса» на участников в большой степени влияли периодически производимые Генеральным штабом стратегические оценки СССР («Русланд-бильд»). Согласно им, Советский Союз подобно прежней, царской, России являлся «колоссом на глиняных ногах». Неожиданный быстрый удар должен свалить его с ног. По мнению ведущих германских генералов, Красная Армия в 1940—1941 годах представляла собой неповоротливое скопление воинских частей, неспособное к оперативной инициативе на всех командных уровнях, приспособленное лишь к механической форме планирования и оперативного поведения, а главное, не готовое вести современную войну. На эту оценку особенно повлияли действия Красной Армии в Польше и против Финляндии. Эти две кампании были признаны самым очевидным свидетельством того, что Красная Армия, во-первых, не оправилась от едва ли не полного уничтожения офицерского состава во время «великих чисток», а во-вторых, не овладела новой военной техникой, не присоединилась к процессу освоения современной технологии.

Совершенно очевидно, что превратную роль сыграла быстрая победа вермахта над французской армией, казавшейся многим в 20—30-е годы самой мощной военной силой в Европе. Вера в военно-техническое превосходство Германии отныне не подвергалась сомнению ни на каком уровне. Германское руководство и в случае войны с СССР ожидало быстрых решающих результатов. Отныне проблема «Барбароссы» рассматривалась как проблема гладко увязанных планов, верной оперативной подготовки.

Указанной выше организации «Иностранные армии — Восток» (ФХО), как было сказано, поручили анализировать возможности Красной Армии после окончания Польской кампании. Начиная с осени 1939 года ФХО выделил пять каналов информации: 1) радиоразведка; 2) доклады агентуры абвера и эмигрантов из

Прибалтики; 3) донесения германских военных атташе; 4) сообщения разведок союзников; 5) показания дезертиров из Красной Армии. Немцы обнаружили большое умение в радиоперехвате, в радиоразведке, но этот источник, ограниченный в пространственном отношении и по функциям, не давал оснований для стратегических оценок, не позволял судить о размещении частей Красной Армии, особенно расположенных за Уралом. Немцы абсолютно ничего не знали о системе военного набора.

Работа ФХО завершилась созданием обширного меморандума «Военная мощь Союза Советских Социалистических Республик. Положение на 1.01.1941 г.» Две тысячи копий этого документа были напечатаны к 15 января 1941 года. В нем говорилось о наличии в СССР шестнадцати военных округов и двух военных комиссариатов, руководимых Народным комиссариатом обороны. Радиоразведка и аэрофотосъемка дали ФХО возможность идентифицировать одиннадцать советских армий в европейской части СССР. Согласно меморандуму, СССР мог мобилизовать от одиннадцати до двенадцати миллионов человек. Но авторы меморандума сомневались в возможности мобилизовать такую массу войск, поскольку в стране не хватало офицеров, обмундирования и снаряжения, а заводы нуждались в рабочей силе.

Меморандум так определил объемы людских масс, составляющих Красную Армию: 20 армий, 20 пехотных корпусов (150 пехотных дивизий), 9 кавалерийских корпусов (32—36 кавалерийских дивизий), 6 механизированных корпусов, 36 моторизованно-механизированных бригад. Численность пехотных дивизий на конец 1940 года определялась цифрой 121. Из меморандума, по существу, вытекало, что ФХО не знает точное число дивизий Красной Армии и их расположение. ФХО допустил крупную ошибку, решив, что все советские танки являются устаревшими моделями. Германские эксперты не знали о существовании танков Т-34, хотя они проявили себя самым заметным образом при Халхин-Голе.

Что касается соотношения сил Германии и России,

то Гитлер лично говорил, что бронетанковые войска СССР «численно самые крупные в мире». Численность советских танков определялась в десять тысяч единиц. У Германии было три с половиной тысячи танков. И это не вызывало у Гитлера никаких опасений. Большинство советских танков немцы считали безнадежно устаревшими. Любопытство вызывал лишь самый тяжелый танк в мире — КВ-1 (43,5 тонны), впервые появившийся (по немецким сведениям) на вооружении в 1940 году.

Германская разведка ошиблась в два с половиной раза. В Красной Армии было 24 тысячи танков. И среди них танк, создателям которого мы все многим обязаны. Т-34 — это гениальная модель. Крупным просчетом германской разведки было то, что она не обратила внимание на этот танк, хотя сотни «тридцатьчетверок» участвовали в боях с японцами в конце 30-х годов. Лобовая броня Т-34 — отражала в 1941 году огонь германских пушек почти любого калибра.

Оценка германской люфтваффе советских ВВС лежит в русле той же тенденции. Первого февраля 1941 года Берлин насчитал 10500 советских самолетов, 7500 из них размещались в европейской части СССР. Штаб ОКХ полагал, что считает лучше: 5655 самолетов в европейском части Союза. Из них лишь 60 процентов готовы к боевым действиям, и только 100—200 самолетов имеют современную конструкцию. На самом же деле к моменту нападения Германии у Красной Армии было 18 тысяч самолетов всех типов, и Гальдеру позже с горечью пришлось записать в дневник: «Люфтваффе значительно недооценила численность самолетов противника».

Ключевым был вопрос о соотношении сухопутных войск. В январе 1941 года ФХО определил численность Красной Армии мирного времени в 2 миллиона солдат, военного — в 4 миллиона. Фактически же на 1 января 1941 года в рядах Красной Армии находилось 4 миллиона солдат, а к июню — 5 миллионов.

В августе 1940 года генерал Маркс насчитал в Красной Армии 171 дивизию (117 пехотных, 24 кавалерийские, 30 механизированных бригад); 29 марта 1941 года генерал Гальдер заметил, что русские «имеют на 15

дивизий больше, чем мы прежде полагали». Уже в последние дни немцы установили, что в европейской части СССР находится 226 дивизий — это довольно резкий рост, вызвавший у немцев неприятные ощущения. Но они, эти новые реалии, уже не влияли на фатальный марш нацистской Германии. Страшную правду немцы открыли для себя на втором месяце того, что им виделось блицкригом.

В меморандуме ФХО делалось два важных заключения, непосредственно касавшихся планирования «Барбароссы». *Первое.* Основная масса советских войск будет расположена к югу и северу от Припятских болот, для того чтобы закрыть места прорыва германских войск и для контратак на фланги германских армий. Тут же высказывалось сомнение в способности Красной Армии осуществить такие операции, учитывая общий уровень военного руководства и подготовки войск, общий уровень организованности, а также состояние советских железных и шоссейных дорог.

Второе. Сила Красной Армии кроется в ее численности, а также стойкости, твердости и мужестве отдельно взятого солдата. Эти качества особенно должны проявиться в обороне. Если в финской кампании советский солдат воевал без энтузиазма, то в случае германского вторжения он будет более стоек. В целом германские аналитики не видели особой разницы между русским солдатом Первой и Второй мировых войн. «Советский Союз сегодня сохраняет лишь внешнюю форму, а не подлинную сущность марксистского учения... Государство управляется бюрократическими методами лиц, слепо преданных Сталину, экономика управляется инженерами и менеджерами, которые обязаны новому режиму всем и по-настоящему преданы ему». Подчеркивалось, что «русский характер — тяжелый, механический, отстраняющийся от решений и ответственности — не изменился».

Обобщающая оценка Красной Армии такова: «Неповоротливость, схематизм, стремление избежать принятия решений и ответственности... Слабость Красной Армии заключается в неуклюжести офицеров всех рангов, их привязанности к формулам, недостаточной тре-

нировке, как того требуют современные стандарты, стремлении избежать ответственности и очевидной неэффективности организации во всех аспектах». Отмечалось отсутствие компетентного, высокопрофессионального военного руководства, способного заменить генералов, погибших в чистках, отсталость системы подготовки войск, недостаточные военные запасы для их оснащения.

Последняя оценка Красной Армии, осуществленная организацией «Иностранные армии — Восток», датируется 20 мая 1941 года. Численность в европейской части: 130 пехотных дивизий, 21 кавалерийская, 5 бронетанковых, 36 моторизованно-механизированных бригад. Прибытие подкреплений из Азии маловероятно по политическим причинам. По существу, ФХО призывал пренебречь дивизиями, расположенными на Дальнем Востоке.

Очень важно следующее: ФХО полагал, что в случае нападения с Запада отход основной массы советских войск в глубину России — по примеру 1812 года — невозможен. Предсказывалось, что оборонительные бои будут вестись в полосе глубиной примерно тридцать километров с использованием заранее созданных фортификаций. Эти же фортификационные укрепления будут служить отправными базами для контратак. Красная Армия постарается остановить немецкое наступление у границы и перевести боевые действия на территорию противника. Следовательно, судьба войны решится у границы. Крупномасштабных перемещений войск ожидать не следует. Гитлер полностью разделял эту иллюзию, и она дорого обошлась Германии. (Пройдет всего лишь несколько недель, и в ОКХ будут поступать сведения, подобные донесению 41-го танкового корпуса: «Представленные материалы дают лишь крайне поверхностную картину предполагаемого сопротивления противника».)

Одной из причин неэффективности германской разведывательной службы являлось, как уже говорилось, то, что немецким дешифровщикам так никогда и не удалось прочитать шифры командования Красной Армии и советской разведки. В этом плане у нее не было достижений, как у англичан и американцев. Немцы смогли вне-

дрить нескольких агентов в штабы Красной Армии на дивизионном и армейском уровнях, а также в тылу, но им так никогда и не удалось проникнуть в советский Генеральный штаб, Министерство обороны или любое учреждение выше армейского уровня. Попытки попасть в верхний эшелон ГРУ, НКВД, а затем СМЕРШа не увенчались успехом. Более того, как выяснилось уже после войны, в соревновании двух разведок немецкая проиграла безусловно: наиболее ценные агенты абвера передавали данные, содержавшие дезинформацию. Это, прежде всего, касается трех ведущих агентов абвера, чьи доклады и оценки СССР прямо влияли на военное планирование в Германии. Имеются в виду «Макс», разместившийся в Софии, «Стекс» в Стокгольме и Ивар Лиснер в Харбине. Они работали с ведома Москвы с самого начала и передавали стратегическую дезинформацию. Как пишет американский исследователь Д. Томас, «ФХО был уязвим в отношении советской дезинформации, особенно на стратегическом уровне, не только из-за отсутствия надежных базовых сведений о советских планах, но и вследствие специфически германского образа мышления. А именно — имело место чувство превосходства, которое вело к недооценке советских военных возможностей; акцент на советских военных недостатках, не позволяющий верно оценить советские оперативные способности; тенденция к «зеркальному отображению» в отношении советских намерений; сверхцентрализация процесса оценок в руках небольшой группы аналитиков». (Впрочем, даже наблюдая итог агрессии, не все немецкие авторитеты клеймили ФХО. Например, генерал Йодль во время допросов в 1945 году заявил: «В целом я был удовлетворен работой наших разведывательных служб. Их лучшим результатом была точная идентификация расположения русских войск в начале 1941 года в Западной Белоруссии и на Украине».)

Авантюрное планирование

Как, по оценке немцев, должна была действовать Красная Армия? Согласно данным немецкой разведки, основная масса войск была придвинута к западной гра-

нице страны. Немцы пришли к заключению, что эти войска ориентированы на цепкую и упорную защиту территории, подготовленных рубежей, а не на мобильную форму обороны. (Равным образом дислокация Красной Армии полностью убедила ОКХ в том, что превентивное наступление со стороны СССР исключено. Согласно оценке ОКХ от 20 мая 1941 года, опасность превентивной войны со стороны СССР была признана равной нулю.) Верховное командование сухопутных войск Германии пришло к важному выводу: советские войска будут упорно оборонять занимаемые позиции, не помышляя об отходе назад. Следовало использовать этот шанс и уничтожить основные силы Красной Армии в приграничных сражениях.

Указанная стратегия определяла тактику. Недолгое, но интенсивное обсуждение привело к следующему варианту: танковые группировки возьмут на себя задачу быстрого проникновения в тыл основной массы советских войск; действующие с гораздо меньшей скоростью стрелковые дивизии обратятся к уничтожению окруженных группировок противника. Германское командование понимало, что возникает значительный разрыв между рвущимися вперед танковыми частями и марширующей позади пехотой, но общее приподнято-оптимистическое настроение в Берлине было таково, что в этом стали видеть своего рода доблесть. Ни один из теоретиков не усмотрел в подобном разрыве опасность для всего стратегического замысла. Тесное взаимодействие пехоты и танков предусматривалось лишь на самый первый период — дни прорыва советского фронта. С этой целью каждой группировке танковых войск придавался корпус пехоты для штурма советских укреплений, расширения зон прорыва. После выполнения поставленной задачи пехотным корпусам следовало возвратиться к основной массе войск, а танковым группировкам ринуться без оглядки вперед.

Гораздо большее, чем взаимодействие пехоты и танков, беспокойство у германских офицеров вызывала проблема снабжения нацеленных на восток войск. Многие часы изучали штабные офицеры густые леса, простирающиеся перед формируемой группировкой «Центр». Пер-

воначально большинство задействованных специалистов склонялось к массовому использованию воздушных десантов. Но со временем росло понимание того, что леса тянутся слишком далеко от границы на восток и отдельные анклавы, захваченные десантниками, не решают вопроса. Более того, возникала опасность, что десантные части не дождутся помощи и будут окружены. К тому же лучшие воздушно-десантные силы были задействованы на Крите, понесли достаточно тяжелые потери и частично нуждались в переформировании. В конечном счете от идеи массированного использования воздушно-десантных сил ОКХ отказалось.

Снабжение ушедших вперед танков должно было, согласно возобладавшей на время идее, осуществляться по захваченным железным дорогам — следовало как можно быстрее «сузить» колею до стандартной немецкой. Но для перевода широкой колеи на узкую требовалось время, а его не было. Ничего не дало и обращение к возможностям воздушного транспорта, транспортных самолетов тоже оказалось недостаточно. И где найти готовые аэродромы для их посадки? Все размышления сводились к тому, что у германской военной машины нет выбора: следует сконцентрироваться на автомобильном транспорте, используя подходящие трофейные средства передвижения.

Перед нами авантюрное в своей сути планирование. У немцев не имелось достаточного числа автомобилей, и они уверенно полагались на автопарк противника. На короткое время возник вопрос о зимнем обмундировании войск, но и этот вопрос решили с удивительным легкомыслием. Кампания будет завершена к осени, и особой нужды в теплой одежде нет. В результате была предусмотрена подготовка зимней одежды лишь для трети германских войск.

Важнейший просчет германских военачальников состоял в том, что они не представляли себе промышленные и военные возможности Центральной России, Урала, Сибири и Средней Азии. Дело обстояло именно так даже с топографической точки зрения, с точки зрения знакомства с ландшафтом. О немцах немало сказано как о прекрасных картографах. Многие мелкомасштабные

карты европейской России хотели бы иметь в своих планшетах советские командиры. Но при высокой картографической культуре немцы на удивление мало знали о мощных демографических процессах, имевших место в России в 20—30-е годы. Для германского руководства — от Гитлера и ниже — неожиданностью было встретить огромные индустриальные центры там, где на немецких картах значились провинциальные захолустья. Скажем, небольшой кружок на германских картах оказался мощным индустриальным Херсоном. В местности, обозначенной как глухая степь, германские войска встретили многочисленные поселки и деревни. Два обстоятельства — недостаточная работа разведки и ставшая второй натурой самоуверенность — подготовили для вермахта неприятные сюрпризы.

Итак, «Барбаросса» стал величайшим поражением Германии уже на стадии того, что немцы так любят, — планирования. Силы противостоящей стороны были оценены в два раза ниже реального уровня. Военное командование никоим образом не подготовилось к боевым действиям в условиях зимы. Немцы не ожидали встретиться с превосходными советскими танками. Германская армия имела зимнего обмундирования лишь на одну треть от потребностей. Военная промышленность Германии была не готова к долгосрочному конфликту континентальных масштабов. Наступающие армии получили лишь трехмесячный запас горючего. Высокомерие, слепая самоуверенность, пренебрежение фактами, как всегда в истории, дали свои плоды. Чувство национального превосходства ослепило Германию, устремившуюся навстречу своей судьбе. Немцы были убеждены, что Красная Армия быстро сложит оружие, что советское правительство рухнет незамедлительно.

При хладнокровном анализе Гитлер и его окружение должны были понять, что страну таких масштабов, такого населения, такой жесткой политической системы, неистребимого патриотизма и мученического стоицизма Германия, при всей ее колоссальной мощи, завоевать не могла. Даже если бы германские танки вошли в Москву и Ленинград, даже если бы они пересекли Волгу у Сталинграда.

Германское руководство не придало должного значения общенациональным усилиям СССР. За два года до начала войны был осуществлен переход с семичасового на восьмичасовой рабочий день. Был запрещен переход с одного предприятия на другое. Полностью прекратилось жилищное строительство, в то время как заводы строились колоссальные. Молодые конструкторы испытывали новое оружие. Страна напряглась до предела.

В конечном счете, немцы вышли на дорогу войны с Россией, слабо подготовившись к встрече с противником. Они даже не задавались вопросом, смогут ли победить. Когда же этот вопрос встал перед ними, было уже поздно.

Союзники

Завершив основное планирование, Гитлер обратился к потенциальным союзникам в восточном походе. На Италию он в этом плане не рассчитывал — та была «занята» борьбой с англичанами за контроль над Средиземноморьем. Наиболее ценными союзниками виделись Япония и Финляндия.

Возникает вопрос: каким же должно было быть самомнение Гитлера, если он фактически пренебрег возможной помощью Японии и усердно подталкивал ее в южном, а не северном направлении? Придет время, и нацисты будут кусать локти. Пока же (1940—1941 годы) оба агрессора еще не скоординировали свои планы. У японцев наблюдалась характерная сдержанность в отношении выработки совместной с немцами стратегии. Напомним, что они лишь в 1940 году подписали трехсторонний пакт. В свете надвигающегося «Барбароссы» представляет интерес следующий эпизод. В феврале 1941 года Риббентроп пригласил японского посла Осиму в свое поместье Фушль. Здесь состоялись долгие беседы на тему будущего германо-японского сотрудничества. Изучив представленные ему Риббентропом записи, Гитлер издал 5 марта 1941 года директиву №24 «О сотрудничестве с Японией».

В конце марта 1941 года министр иностранных дел Японии Мацуока прибыл в Берлин, и представилась

хорошая возможность для координации действий двух союзников по трехстороннему пакту 1940 года. Германское руководство могло раскрыть карты перед своим азиатским союзником, но предпочло не делать этого. Ведший переговоры германский министр иностранных дел Риббентроп позволил себе лишь слегка намекнуть, что война между Германией и СССР возможна, и пообещал германскую помощь Японии в случае войны последней с Советским Союзом. Гитлер увел вопрос из конкретной плоскости еще дальше, когда во время встречи с Мацуокой 4 апреля 1941 года заявил, что им сделаны приготовления, благодаря которым ни один американский солдат не сможет высадиться в Европе. Гитлер также обещал Японии поддержку в случае ее войны с Америкой. Самоуверенность немцев была столь велика, что от Японии в этот роковой час попросили лишь обязательство в случае начала ее войны с англосаксами атаковать Сингапур.

Как это ни странно, Гитлер желал участия Японии в войне, но не в войне с Россией, а в войне с Британией. По счастью, на фюрера нашло ослепление. Он твердо заявил, что война в Европе окончена. У него по этому поводу не было никаких сомнений, это лишь вопрос времени. Япония могла бы помочь Германии, если бы нанесла удар по крупнейшей британской военной базе в Азии — Сингапуру. Это помогло бы и реализации японских целей в Азии — возник бы уникальный по своим возможностям шанс. Гитлер говорил Мацуоке: «Человеческое воображение не может представить себе более благоприятных условий для совместных действий участников трехстороннего пакта... Такой момент может не представиться вновь. Это уникальный случай в истории». Руки Британии заняты, у нее нет средств защитить себя в Азии. Америка еще не готова к борьбе, и захват Сингапура ослабит желание США участвовать в войне. Если Америка все же выступит, значит, это предопределено, неотвратимо и ничто уже ее не остановит. В подобном, маловероятном, случае Япония сможет полностью положиться на Германию.

А что же Советский Союз? Гитлер ни словом не намекнул на план «Барбаросса», крайнее, что было им

позволено Риббентропу, — указать на приготовления, которые Германия осуществляет на своих восточных границах. Риббентроп заверил Мацуоку, что Германия тотчас же выступит против России, если последняя двинется против Японии. «Фюрер убежден, что в случае начала действий против Советского Союза потребуется всего лишь несколько месяцев, чтобы великая держава Россия перестала существовать».

Итак, немцы берут на себя решение русского вопроса, а японцам предстоит приятная миссия захватить британское наследие в Азии. «Япония лучше всего поможет общему делу, если не позволит обстоятельствам отвратить ее от дороги на Сингапур». Далее Риббентроп посоветовал Мацуоке подготовить к встрече с Гитлером карту Сингапура, чтобы величайший военный гений своего времени мог дать надлежащий совет относительно способа захвата города-крепости. Обусловленная поведением немцев неспособность Мацуоки объяснить токийскому кабинету истинные намерения рейха приведет через три месяца к его падению.

История покажет, что дьявольская гордыня Гитлера будет наказана, и довольно скоро. Он сам отказался сообщить Мацуоке о «Барбароссе» и сам сделал все возможное, чтобы ориентировать Японию в южном направлении.

Своими маневрами немцы настолько смутили своих японских союзников, что у тех появились опасения, сможет ли Германия, буквально толкающая Токио на конфликт с США и Великобританией, прийти на помощь Японии в случае ее столкновения с СССР на Дальнем Востоке. В таком случае японцы останутся один на один с Красной Армией, как это уже было в 1935—1939 годах. Результатом этой фатальной оплошности нацистской дипломатии стало обращение Японии к поискам достижения временного взаимопонимания с Москвой. Мацуока 13 апреля 1941 года поспешил подписать со Сталиным договор о ненападении. Отчуждение японцев от германских военных планов стоило немцам дорого. Но они твердо держались своего курса. Японский посол в Берлине Осима в роковые недели апреля—мая 1941 года напрасно обращался к заместите-

лю Риббентропа Вайцзеккеру за разъяснениями в отношении германских планов (которые уже явственно начинали обозначаться и о которых свободно говорили дипломаты в Берлине). Германское руководство хранило высокомерное молчание. Плохую службу Берлину оказали и неверные оценки германских наблюдателей в Токио. Так, военный атташе Германии, руководствуясь фантастической логикой, утверждал в своих донесениях, что Япония в случае начала войны с Америкой оккупирует Владивосток. Отсюда следует вывод, что в германо-японских отношениях воцарилось взаимное непонимание, сказавшееся на результатах 1941 года. Причиной этого непонимания было, прежде всего, стремление Гитлера ориентировать Японию на связывание рук Америке, исходящее из сверхуверенности в победе вермахта в России в ходе краткосрочной кампании.

Что касается второго важнейшего союзника, то мы видим, что к январю 1941 года Гитлер практически списал Италию со своих счетов. Ее поражения на Балканах и в Африке лишь усложнили многочисленные задачи вермахта. Но, как говорил Черчилль, «хуже, чем иметь союзников, лишь одно — их не иметь». Поэтому Гитлер призвал Муссолини к себе в Бергхоф 19 января. Дуче прибыл присмиревшим. На фоне германских побед унижение итальянцев было особенно наглядным. По свидетельству Чиано, дуче был «хмурым и нервным», когда взбирался по ступенькам на поезд, идущий на север.

Судьба, однако, переменчива, вместо презрения и насмешек Муссолини неожиданно для себя встретил подозрительную благожелательность. К тому времени Гитлер уже, видимо, обозначил для себя пределы полезности своего южного союзника и решил извлечь из него максимум возможного.

Фюрер встретил дуче на заснеженной платформе небольшой станции Пух и на протяжении всего пути в Бергхоф был воплощением любезности. Министр иностранных дел отметил в дневнике, что, по словам Муссолини, Гитлер был настроен ожесточенно антирусски. Весь проведенный в дискуссиях второй день показал итальянцам, что все мысли фюрера сосредоточены на

России: «Я не вижу большой опасности со стороны Америки, даже если она вступит в войну. Гораздо большая опасность исходит от гигантского блока России. Хотя у нас есть очень благоприятные для нас политическое и экономическое соглашения с Россией, я предпочитаю в данном случае полагаться на силовые методы».

Риббентроп просто предложил итальянцам не расширять связей с Россией. Гитлер, много говоривший о стратегии, не сказал дуче о «Барбароссе», но его оценка отношений с СССР давала основания для подозрений о существовании подобного плана. «Пока жив Сталин, возможно, опасности нет; он разумен и осмотрителен. Но, если он исчезнет, евреи, которые в настоящее время занимают только второстепенные и третьестепенные позиции, могут снова выйти на первый план. Русские постоянно пытаются выдвинуть новые требования, которые они стараются обосновать имеющимися соглашениями... Поэтому необходимо постоянно иметь в виду русский фактор и обезопасить себя силовыми средствами и умной дипломатией».

Следующим по значимости союзником Германии была Финляндия. Гитлер был информирован о высоких боевых качествах финской армии, оценки такого рода поступали от германских военных атташе. Мы помним, что в декабре 1940 года Гитлер «сместил акцент» будущей операции против Советского Союза к северу. Незначительная по численности населения, Финляндия занимала ключевое стратегическое положение, от которого зависел успех «устремленной к северу» стратегии Гитлера в начале 1941 года. Удар в тыл Ленинграда должен был гарантировать быстрое овладение европейским Севером СССР и дальнейшее продвижение с севера на Москву.

Гитлер не без оснований рассчитывал на этого союзника. Финская армия показала высокую боеспособность, ее опыт и стратегическая позиция Финляндии очень ценились Берлином. «Зимняя война» 1939–1940 годов привела к потере десятой части территории Финляндии и переселению примерно половины миллиона ее жителей. В случае с Финляндией германское руководство проявило гораздо более гибкий подход, чем в

своей японской политике. Уже в октябре 1940 года военный атташе Германии в Финляндии намекнул высокопоставленным финнам, что возникает реальная возможность столкновения двух крупнейших европейских держав. Прозрачные намеки упали на подготовленную почву, финское руководство стало стремиться найти в Германии противовес Советскому Союзу, а в случае столкновения СССР и Германии воспользоваться шансом реванша.

Именно тогда, в середине декабря, в Германию был приглашен финский генерал Талвела, а спустя несколько недель — начальник финского генерального штаба генерал-лейтенант Хайнрихс. Официальной целью его визита было чтение лекций о «зимней войне» в училище германского генерального штаба в Берлине. Немцы пытались воспользоваться опытом ведения боевых действий против Красной Армии, их интересовали финские оценки боеспособности советских войск. Как и в случае с Японией, Гитлер долго не решался уведомить Финляндию о своих планах. Но в конечном счете раскрыл их до наступления рокового дня: 26 мая 1941 года он послал к финскому президенту Рюти специального посланника Шнурре с приказом изложить ту мысль, что, хотя мирное разрешение советско-германских споров возможно, Германия не может игнорировать опасность нападения СССР на Финляндию.

По приказу Гитлера Шнурре в провокационной манере уведомил финского президента, что нападение СССР на Финляндию будет рассматриваться Берлином как акт агрессии против Германии.

Генерал Хайнрихс во главе группы финских военных специалистов был послан в Зальцбург для переговоров с Кейтелем и Йодлем (25 мая) и в Берлин для переговоров с Гальдером (26 мая). Йодль заявил Хайнрихсу, что война на Западе закончена и что, видимо, предстоит кампания на Востоке, которая тоже не будет долгосрочной. По крайней мере, речь может идти о нескольких месяцах. Йодль обратился к финским генералам с просьбой, в случае начала германо-советской войны, «связать» части Красной Армии, находящиеся на ее границах, и оказать содействие германским вой-

скам в боевых операциях против Ленинграда и Мурманска. Судя по всему, перспектива реванша захватила финских генералов. Германское оружие уже поступало в арсенал финской армии.

Проникновение собственно германских войск в Финляндию шло полным ходом. Подготовительная фаза приходилась на лето 1940 года, когда горный корпус генерала Дитля, расквартированный в Северной Норвегии, получил задание в случае необходимости установить контроль над районом Петсамо. Через полгода вооруженным силам Германии в Норвегии, находившимся под командованием генерала Фалькенхорста, было поручено разработать планы реализации совместно с финнами двух задач: перерезать железную дорогу Ленинград – Мурманск и овладеть Кольским полуостровом; осуществить продвижение с северо-запада в район Ладожского и Онежского озер (операция «Серебряная лиса»).

Предполагалось, что германские войска переместятся из северной Норвегии в юго-восточную Финляндию, но уже достаточно скоро штабные офицеры стали воспринимать эту идею со скепсисом. Главной его причиной было бездорожье. Для того, чтобы быстро перебросить войска с севера (Норвегия) к озерам юго-востока, необходимо было, как минимум, овладеть магистралью Мурманск – Ленинград, а захватить ее, полагали в Берлине, будет не так-то просто. В условиях наличия у СССР Северного флота Мурманск являлся трудно достижимой северной крепостью, и немецким военным специалистам приходилось с этим считаться. У Германии в данном районе не было превосходства в авиации. Поблизости находился британский флот. Все это разрушало умозрительную картину быстрого изгнания Красной Армии с североморских позиций и пролегавшей здесь железнодорожной трассы.

В конечном счете Гитлер включил в план «Барбаросса» нехарактерно осторожный абзац о том, что задачей размещенной в Норвегии германской армии является охрана добычи никеля в Петсамо и попытка перерезать железнодорожную магистраль, ведущую к единственному незамерзающему порту СССР. И в дан-

ном случае связь с союзником не была гладкой. Финны предпочитали предоставить Германии свободу действий на севере (против Мурманска), сами же хотели сосредоточиться на южном направлении. Боевая задача, как ее фиксирует конечный этап планирования, была таковой: со стороны Финляндии против СССР будут нанесены три удара. Первый осуществит размещенная в Норвегии группировка генерала Дитля, она двинется в направлении Мурманска. Тремястами километрами южнее корпус генерала Фойге (две немецкие и одна финская дивизия) постарается, продвигаясь южнее Рованиеми, перерезать магистраль Ленинград — Мурманск у Кандалакши. Еще почти двумястами километрами южнее финские войска двинутся на Ухту и Кемь. Общее командование возьмет на себя генерал фон Фалькенхорст, командующий германскими войсками в Норвегии. Его штаб-квартира будет размещена в Финляндии.

Лишь в начале июня 1941 года немцы отбросили всякую маскировку и предложили финнам планировать не гипотетические, а конкретные операции. Было окончательно решено, что финские вооруженные силы отвечают за операции на юго-западной границе Финляндии, что они начнут их после предупреждения, которое последует за пять дней до начала немецкого наступления.

Финны пообещали выставить в день выступления шесть дивизий, а в дальнейшем добавить еще семь. Условием финской стороны было то, что войсками на юго-востоке будет командовать финский генерал Маннергейм. Это условие, принятое немцами, осложняло координацию действий двух стран. Многие из обстоятельств этого сотрудничества уже тогда обеспокоили германское главнокомандование. Финская сторона не планировала операций восточнее реки Свирь. И она обусловила свое участие в войне также тем, что ее армия начнет боевые действия спустя семь дней после германского нападения — как якобы вынужденная событиями вступить в войну. Это желание Финляндии скрыть преднамеренность своего выступления было несколько наивным, так как к 22 июня 1941 года она уже мобилизовала 16 процентов своего населения.

Идеология

Непосредственное участие в военном планировании привело к тому, что Гитлер в 1940–1941 годах сравнительно мало выступал перед широкой аудиторией. Это удивительно, если учитывать, как много значили его речи для поддержания режима. В 1940 году он выступал публично всего семь раз. Самую большую речь «в сезоне» 1940–1941 годов он произнес перед рабочими военных заводов «Рейнметалл-Борзиг». Видна логика в выборе аудитории: здесь когда-то большим влиянием пользовались коммунисты. Полагаем, следует подробнее остановиться на сути и форме той пропаганды, которая действительно служила подготовке немецкого народа к войне. Немцы начали ее, будучи сплоченными и полными уверенности в своей правоте. То был триумф демагогии.

Идейная схема Гитлера в этой речи была достаточно проста: богатые нации, ведомые капиталистами Британии и Америки, эксплуатируют и свое население, и весь остальной мир. Они ценят доходы больше, чем рабочую силу. Им противостоит только одна сила — национал-социалистическая Германия, которая покончила с безработицей, в которой высшей ценностью является труд, а не капитал. «Ныне для нас единственная проблема — где найти рабочую силу». В Германии экономическая система подчинена нуждам народа. Дивиденды предпринимателей ограничены. И в германском обществе, и в германской армии с социальными предрассудками покончено. Предстоит праведная война. «В этой войне золото борется против труда, капитализм против народов, реакция против прогресса человечества, в ней труд, народы и прогресс добьются победы. Даже помощь еврейской расы не сможет изменить этого». В доказательство своих рассуждений Гитлер обратился к своей судьбе. «Кем я был до великой войны (1914–1918 гг. — А. У.)? Неизвестная безымянная личность. Кем я был во время войны? Ничем не приметным, обыкновенным солдатом. Никоим образом не был я ответственен за великую войну. Кто же правит сегодня Британией? Все та же старая банда, которая выступила поджигателем

великой войны, тот самый Черчилль, который был самым злобным агитатором во время великой войны... Когда мы выиграем эту войну, ее победителями не будут несколько промышленников или миллионеров, капиталистов или аристократов, какие-нибудь буржуа или кто-нибудь другой. Рабочие, вы должны смотреть на меня как на своего гаранта. Я был рожден сыном народа; я посвятил свою жизнь борьбе за германский народ... Когда эта война будет завершена, Германия приступит к настоящей работе. Тогда германская нация перестанет производить пушки и начнет работать для миллионов. Тогда мы впервые покажем миру, кто является подлинным хозяином — капитализм или труд. Этим трудом мы создадим великий германский рейх, о котором мечтали великие поэты». Рабочие устроили овацию человеку, для которого народ стал всего лишь средством достижения своих целей, который готов был вовлечь — и вовлек — Германию в смертельную авантюру, расплачиваться за которую пришлось всем немцам.

Главной внешнеполитической мишенью зимы 1940/41 годов была для Гитлера Британия. Он изобличал ее лицемерную политику «баланса сил», направленную на то, чтобы держать Европу разделенной, натравливая одно европейское государство на другое. Конец этой коварной британской дипломатической игре, по словам Гитлера, положило объединение Германии в 1870 году. После поражения 1918 года национал-социализм вызвал к жизни еще более мощную Германию. «Неужели Англия думает, что я смотрю на нее, испытывая комплекс неполноценности? Они обманули нас в 1918 году, но мы никогда не были побеждены британскими солдатами... Тогда им противостояла имперская Германия; ныне против них выступает национал-социалистическая Германия». Гитлер сообщил, что он всегда хотел полюбовного урегулирования отношений с Британией: «Мы ничего не требовали от них, и мы ни на чем не настаивали. Я неустанно предлагал им свою руку, но напрасно... Даже после того как началась война, были возможности для урегулирования. Сразу же после Польской кампании я снова предложил им свою руку. Я ничего не требовал от Франции и Бельгии. Но напрасно. Тотчас

после крушения Запада я снова протянул руку Британии. Они буквально плюнули на меня... Мы ввергнуты в войну против своей воли. Никто не предлагал свою руку чаще, чем я. Но если они желают уничтожить германскую нацию, они получат то, что окажется самым большим сюрпризом их жизни». Так Гитлер индоктринировал свой народ, таким было простое и популярное среди немцев объяснение смысла ведущейся войны. С горечью следует признать, что большинство немцев не пришло к другому объяснению происходящего до мая 1945 года. Германия предпочла умереть, быть разрушенной с этим объяснением.

Гитлер, возможно, интуитивно понимал, что такая идеология годится лишь для экстремальной ситуации и на ограниченные годы. Время породит скептицизм, который убьет слепую веру. Поэтому он спешил: «Я убежден, что 1941 год будет критическим годом для великого Нового Порядка в Европе. Мир должен быть открыт для всех. Привилегии для отдельных индивидуумов, тирания отдельных наций и их финансовых руководителей будут сметены. И, наконец, этот год поможет заложить основания подлинного понимания между народами, а с ним обеспечить примирение наций». В определенном смысле Гитлер был прав. 1941 год, год начала его величайшей авантюры, положил начало долгому процессу сближения наций — но уже на обломках гитлеризма.

Сосредоточение войск

Германия довольно быстро начала наращивать силы на границах с СССР. Напомним, срок нападения был назначен на май. Уже в середине февраля 1941 года в Румынии находилось около 700 тысяч немецких солдат (на 500-километровой границе). Но авантюра Муссолини превратила Балканы из надежного опорного пункта (горы, союзники) в поле битвы, и греки отогнали итальянцев к Албании. Нетрудно было предвидеть (что вскоре и оправдалось), что англичане постараются получить на Балканах плацдарм для наступления на германский блок с юга. Такой поворот событий был опасен. Из района Салоник британская авиация могла бомбить

нефтяные месторождения вокруг Плоешти и тем самым остановить механизированные соединения вермахта. Греческий вопрос перестал быть вопросом помощи незадачливому итальянскому союзнику, обретя самоценность. Начинать «Барбароссу», не обезопасив свой фланг, было опасно. Помимо прочего, на Балканах располагалась нейтральная Югославия, которая при определенных обстоятельствах как буржуазная демократия могла пойти за Англией, а как преимущественно славянское государство — за Россией.

Операция «Марита» уже лежала в планшетах командующих армиями. Болгария, рассчитывавшая на греческую территорию, дающую выход к Эгейскому морю, готова была стать плацдармом для удара по Греции. В обстановке особой секретности (сведения о происходящем более всего раздражили бы Москву) 8 февраля 1941 года болгарский генеральный штаб подписал соглашение с фельдмаршалом Листом. Через двадцать дней, не дожидаясь весеннего таяния снегов, части германской армии со стороны Румынии пересекли Дунай, чтобы занять уже подготовленные позиции в Болгарии. На следующий же день София присоединилась к трехстороннему пакту. Можно представить себе, какой была реакция в Кремле, где еще несколько недель назад германского посла Шуленбурга убеждали в том, что СССР надеется видеть в Болгарии друга и союзника.

Германская дипломатия должна была, прежде чем предоставить инициативу фельдмаршалу Листу, попытаться решить югославскую проблему. Гитлер действовал в лучших традициях нацистского дипломатического насилия, испытанного на себе канцлером Шушнигом и президентом Гахой. Югославский регент принц Павел был срочно и секретно вызван к Гитлеру на виллу в Бергхоф; в ее огромные окна смотрели величественные альпийские вершины. Последовала уже знакомая череда угроз и соблазнов в виде предложения Салоник (которые болгарская сторона уже видела у себя в кармане). Борьба в высшем эшелоне югославской правительственной верхушки длилась три недели. Жива была еще память о Первой мировой войне, трагической для Югославии, сильны были те политические течения, для

которых союз с Германией был невозможен принципиально. Но росли и прогерманские силы. Спорить с хозяином Европы было сложно. Премьер-министр Цветкович и министр иностранных дел Цинкар-Маркович 25 марта сделали выбор. Они ночью покинули волнующийся Белград и прибыли в Вену, где их ждали Гитлер и Риббентроп. К вящему удовольствию Гитлера, югославы подписались под «трехсторонним пактом». Теперь, как сказал Гитлер Чиано, ему будет легче совладать с Грецией. Чтобы облегчить югославским министрам процесс подписания, Риббентроп предоставил им два письма, в которых говорилось о «решимости Германии уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии во все времена». Рейхсминистр твердо обещал, что Германия не будет требовать прав прохода своих войск через Югославию «в течение этой войны».

Но союз с Гитлером возмутил всю Югославию. В ночь на 27 марта 1941 года под руководством армейских офицеров произошел переворот. Молодой наследник трона Петр, бежавший от дворцовой охраны, был объявлен королем, а правительство возглавил генерал Душан Симович. Понимая опасность переворота и видя непоколебимую решимость немцев, Симович попытался спасти положение, предложив Германии подписать пакт о ненападении. Впрочем, на чьей стороне были симпатии югославов, не следовало объяснять — по крайней мере, германскому послу в Белграде, чей лимузин был оплеван толпой.

Ярость, охватившая Гитлера, имела самые печальные последствия для Югославии. Но она, возможно, способствовала и его гибели, так как, полный решимости «наказать сербов», Гитлер решил осуществить крупную фланговую операцию, отвлекавшую его от Москвы и Ленинграда.

В этот же день, не терпя промедления, Гитлер созвал своих генералов и дипломатов. Фюрер был откровенно обеспокоен тем, что белградские события ставят под вопрос осуществление «Барбароссы» в текущем году. Хватит дипломатии, прочь увертки! Последовал приказ: «Не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, сокрушить военными средствами Юго-

славию как нацию. Никаких дипломатических запросов не делать, ультиматумов не представлять... Сокрушить страну с безжалостной свирепостью». Отдельная задача Герингу: уничтожить Белград волновым бомбардированием, базируясь на венгерских аэродромах. Для разработки планов вторжения (директива №25) Кейтелю и Йодлю давался один вечер. Риббентропу приказано оповестить Италию, Венгрию и Румынию, что они получат часть югославской территории, если выступят вместе с Германией. Разделу подлежала вся Югославия за исключением небольшого хорватского государства, предназначенного быть вассалом Германии.

Во время обсуждения деталей вторжения в Югославию Гитлер довольно неожиданно принял решение исключительной важности: «Начало операции «Барбаросса» будет отложено на четыре недели». Читатель помнит, что первоначальной датой было 15 мая 1941 года. Теперь вторжение в Россию откладывалось на середину июня. Пройдет время, и военные помощники Гитлера, такие как фельдмаршал фон Браухич и генерал Гальдер, будут с горечью вспоминать этот мартовский день и роковое решение фюрера. Пока же они неукоснительно следовали его указаниям, и никто не пытался ни слова вымолвить против. Скорее всего никто из присутствовавших в тот вечер в рейхсканцелярии не осознавал значимости новой поправки Гитлера к «Барбароссе». Об этих четырех неделях они будут сожалеть в октябре.

Пока же Югославия овладела всеми умами. Рожденный в этот день документ — типичный продукт штабного планирования вермахта того времени, времени веры в свое всесилие: «Югославия, вопреки всем уверениям в лояльности, должна в настоящее время рассматриваться как противник. Ее следует сокрушить настолько быстро, насколько это возможно. Моим намерением является вторгнуться вооруженными силами в Югославию и уничтожить югославскую армию».

Генерал Йодль работал всю ночь под сводами построенной Шпеером рейхсканцелярии. «В четыре часа утра 28 марта я вручил памятную записку генералу фон Ринтелену, офицеру, осуществлявшему связь с верховным командованием Италии. Цель была — наладить

оперативную связь с итальянским командованием». Со своей стороны, Гитлер в ночь на 27 марта послал депешу Муссолини. Письмо было передано той же ночью. В нем Гитлер просил задержать операции в Албании и сосредоточиться на перекрытии основных горных проходов между Албанией и Югославией, бросить войска на югославскую границу и сделать это в обстановке абсолютной секретности и с максимальной скоростью.

На рассвете 6 апреля, после выполнения люфтваффе своей обычной миссии устрашения и разрушения коммуникаций, германские войска пересекли границу с Югославией со стороны самой Германии, а также Венгрии и Болгарии. Три дня немцы бомбили Белград, доведя цифру погибших в абсолютно беззащитном городе до 17 тысяч. Тринадцатого апреля немецкие и венгерские войска вошли в разрушенную столицу, еще через четыре дня остатки югославской армии (28 дивизий) сдались в Сараево. Король и премьер-министр бежали в Грецию, авиация перебазировалась в СССР.

В это же время трагедию переживала и Греция. Пятнадцать дивизий фельдмаршала Листа вторглись в Элладу с севера. Предоставленные англичанами четыре дивизии из Ливии не сумели отразить страшный удар. Греческие войска сдались немцам и итальянцам 23 апреля. Немецкие танки вошли в Афины, на Крит был выброшен парашютный десант. Не дожидаясь окончания боев, Гитлер уже 12 апреля поделил Югославию между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. К Германии отошли территории, принадлежавшие прежней Австро-Венгерской империи. Немецкие войска оккупировали всю Сербию, а также месторождения меди и угля. Хорватия стала страной-сателлитом.

Гитлер, словно беря опеку над незадачливым итальянским партнером, послал в Ливию легкую моторизованную дивизию, заставив итальянцев принять в качестве верховного командующего ее командира генерала Роммеля. Собрав две итальянские дивизии и пользуясь ослаблением англичан (высадившихся в Греции и сейчас возвращавшихся оттуда), Роммель в конце марта начал наступление и в течение двенадцати дней восстановил контроль «оси» над Киренаикой. Он почти дошел

до египетской границы, заново поставив господство англичан в регионе под угрозу из-за присутствия немцев и в Греции, и на Крите.

Ликующий Гитлер в своей речи в рейхстаге 4 мая саркастически отозвался о Черчилле: «Он наиболее кровожадный стратег-любитель в истории... Он сумел потерять одним махом два театра военных действий. В любой другой стране его судил бы военный трибунал... Его неестественное состояние ума может быть объяснено либо симптомами паралича, либо алкоголизма». Гитлер ждал развала Британской империи. Его воодушевляли сообщения с Ближнего Востока. Премьер-министр Ирака Рашид Али выступил против британской базы Хаббания (в пригороде Багдада) и попросил германской помощи. Здесь открывались новые перспективы. Адмирал Редер, который никогда не был восторженным сторонником «Барбароссы», попытался склонить Гитлера к повороту на Средиземноморье и Восток, он стремился оживить средиземноморскую альтернативу «Барбароссе». Успешное продвижение Роммеля в Египте, говорит он фюреру в эти дни, «нанесет Британской империи более чувствительный удар, чем захват Лондона». Гитлер не избежал искушения поддержать восставших против англичан в Ираке и приказал послать туда военную миссию, а также несколько самолетов.

Директива от 25 мая 1941 года гласила: «Арабское освободительное движение является нашим естественным союзником на Ближнем Востоке в борьбе против Англии... Поэтому я решил способствовать происходящим на Ближнем Востоке процессам посредством помощи Ираку. Можно ли будет — и какими средствами — начать впоследствии наступление в направлении Суэцкого канала и окончательно выбить англичан с их позиций между Средиземным морем и Персидским заливом — предстоит решить лишь после завершения операции «Барбаросса».

Гитлер успокаивал своего любимца Редера: Германия еще вернется к Средиземноморью, выступив из Ливии в направлении Египта, из Болгарии в направлении Малой Азии, вторгнувшись в Персию из Закавказья. Но все это после завершения главного плана — «Барбароссы».

«Весной 1941 года, — пишет английский историк А. Кларк, — победоносный и понесший минимальные потери вермахт, прошедший выучку и превосходно оснащенный — прекрасно сбалансированная и скоординированная военная машина, — стоял в зените военного совершенства. Куда направится эта машина? Казалось, сама гравитация увлекала ее против единственного оставшегося на евразийском массиве оппонента; притягивала, как Наполеона, который тоже в разочаровании стоял на берегу Ла-Манша, а затем двинулся на восток, в темные, непокоренные степи России».

Глава восьмая
ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Любую службу разведки ждет трагедия, потому что даже наилучшие результаты будут лежать ниже уровня желаний клиента.

Фридрих Гемп, первый руководитель абвера, 1938г.

Берлин принимает решение

Сравнительно небольшими силами немцы в кратчайшие сроки овладели Балканами и изменили ход событий в Северной Африке. В ходе шестидневной кампании потерпела крах Югославия. Месяц длилось сопротивление Греции. Без особых усилий Гитлер сумел поставить Британскую империю на грань самого острого в ее истории кризиса. Даже несгибаемый Черчилль писал 4 мая 1941 года Рузвельту, что поражение на Ближнем Востоке делает продолжение войны «крайне сложным, долгим и несущим мало надежд предприятием».

Немецкие победы на Балканах произвели на Сталина глубокое впечатление. После появления германских войск на территории Болгарии Молотов выступил с нотой протеста, указывая на вторжение Германии в советскую зону безопасности. Немцы промолчали. Новый антинемецкий кабинет в Югославии обратился за

помощью к Кремлю, и там подписали двусторонний договор. Однако оккупация Югославии не привела к протесту Сталина. На этот раз он стал демонстрировать определенную лояльность Берлину за счет безукоризненно четких экономических поставок.

В апреле 1941 года Сталин добился огромного дипломатического успеха — договора с Японией о ненападении. Все дни, пока японская делегация находилась в Москве, Сталин был необычайно любезен с японскими дипломатами. Они в полной мере испытали на себе прелести традиционного русского гостеприимства. Правда, вначале переговоры шли сложно, но 12 апреля Сталин пригласил Мацуоку — министра иностранных дел Японии. «Вы душите меня», — сказал Сталин, выразительно обхватив свое горло. На вопрос японца о соответствии их договора с трехсторонним соглашением Берлина—Рима—Токио Сталин сказал, что он «убежденный сторонник оси». Он совершенно неожиданно появился на платформе вокзала со словами: «Европейские проблемы могут быть решены естественным путем, если Япония и Советский Союз будут сотрудничать». Подойдя к немецкому послу Шуленбургу, Сталин в совершенно не свойственной ему манере обнял посла за плечи и достаточно громко заявил: «Мы останемся друзьями, и вы должны теперь все сделать для этого». Затем взял руку военного атташе Германии Кребса и счел нужным сказать: «Мы останемся друзьями, что бы ни случилось».

* * *

События весны 1941 года породили в германском руководстве своего рода эйфорию, ощущение всемогущества. В Берлине решительно потеряли осмотрительность. Никто не говорил о потраченных на Балканскую кампанию неделях, об отнятом от первоначального проекта «Барбароссы» месяце хорошей погоды. Напротив. Успех балканского блицпохода привел к тому, что в плане «Барбаросса» были сделаны изменения в сторону сокращения сроков предполагаемых военных действий.

В германском посольстве в Москве царило настроение тревоги. Там, похоже, ясно осознавали всю гибельность выступления против Советского Союза. Результа-

том коллективной работы явился меморандум, в котором излагались причины того, что СССР не мог и не хотел напасть на Германию. Шуленбург отвез его в Берлин Гитлеру. На аудиенции меморандум, заранее переданный, лежал на столе у Гитлера. Но речи фюрера не соответствовали изложенным в нем идеям. Когда через полчаса пустой траты времени Шуленбург взялся за ручку двери, Гитлер посчитал нужным сказать ему: «О, и еще об одном. Я не намерен начинать войну против России». Зная своего фюрера, граф Шуленбург отныне был уверен в том, что Гитлер замыслил войну. О чем и сказал посольским работникам.

Начинался июнь, моторизованным дивизиям немцев предстояло возвращаться на исходные рубежи в Польше и Румынии, но Гитлер и верхушка вермахта не испытывали сомнений. В течение шести месяцев германское командование сосредоточило на границах СССР армию в 3,2 млн. солдат.

Впрочем, опьянение быстрыми победами лишало германскую армию не только природной рассудительности. За день до выступления против России приказ Гитлера отдал приоритет производству самолетов, танков и подводных лодок перед производством оружия и боеприпасов для полевой армии. Более того, двумя месяцами позже — 16 августа 1941 г. — «ввиду приближающейся победы над Россией» Гитлером было приказано сократить вооруженные силы, не увеличивать впредь производственные мощности, поставки сырья и рабочей силы для военной промышленности. Не было предпринято никаких мер предосторожности на случай неожиданного поворота фортуны. А ведь речь шла о столкновении двух величайших сил в истории.

А в Москве были очень далеки от эйфории. В конце декабря 1940 года Главный военный совет пытался осмыслить уроки германского блицкрига в Европе. Доклад комиссии, представленный в ЦК, говорит о всеобщем смятении: «Нет единого мнения по поводу использования авиации и парашютных войск... Танковые и механизированные части отстают в своем развитии от современных требований. Степень механизации войск — низка, а

качество танков, состоящих на вооружении Красной Армии, — неудовлетворительно».

В ходе штабной игры Жуков, командовавший «западными» войсками, уничтожил войска «красных» и глубоко вонзился в территорию России. Игра Жукова предполагала, что немцы ворвутся в страну тремя из своих четырех танковых армий. И главным будет направление на Смоленск и Москву. 13 января 1941 года Сталин спросил, кто же победил в ходе штабной игры? Поинтересовался у Жукова, почему он считает, что немцы пойдут таким путем, и услышал в ответ, что их тактика диктуется соображениями наличия дорог и их общей стратегией. Вождь отчитал поклонника кавалерии маршала Кулика: «Он против механизации, против моторов, которые правительство дает армии. Это то же самое, как если бы он был против трактора или комбайна, защищая деревянную соху». Вскоре Жуков был назначен начальником Генерального штаба. За первые шесть месяцев 1941 года было выпущено более тысячи танков Т-34. Увы, лишь немногие танкисты имели более чем часовую практику вождения этих машин, сами же они были рассредоточены по мелким подразделениям.

А план обороны, окончательно принятый Сталиным в апреле—мае 1941 года, соответствовал убеждениям вождя, что главным направлением удара Гитлера станет юго-западное, обещавшее немцам Украину. И накануне великих событий Юго-Западный фронт получил дополнительно 25 дивизий.

Война на уничтожение

Нацизм гипертрофировал худшие черты германской армии, делая жестокость не только неизбежной спутницей войны, но и сознательно планируемым фактором.

Готовясь к походу на Восток, нацизм и вермахт выработали правила новой войны. Гитлер считал сознательную аморальность армии залогом ее бескомпромиссных и успешных действий. Он как бы вовлекал миллионы немцев в действия, которые являлись преступлением даже на этапе обсуждения и планирования.

Народы России ждала война в ее новом виде, основой которой был расчет на тотальный террор.

В начале марта 1941 года Гитлер призвал к себе командующих всеми тремя родами войск и ведущих военачальников для того, чтобы объяснить им новые правила ведения войны. Фюрер обратился к тем, кому через три месяца было поручено завоевать Россию: «Война против России будет такой, что ее не следует вести с элементами рыцарства. Это будет битва идеологий и расовых различий, и она должна проводиться с беспрецедентной безжалостной и неослабеваемой жестокостью. Все офицеры должны избавиться от устаревших взглядов на мораль... Я абсолютно настаиваю на том, чтобы мои приказы выполнялись беспрекословно. Комиссары являются носителями идеологии, прямо противоположной национал-социализму. Поэтому комиссары должны быть ликвидированы. Германские солдаты, виновные в нарушении международных законов, будут прощены. Россия не участвует в Гаагской конвенции и поэтому не имеет соответствующих прав».

13 марта 1941 г. вышла директива Кейтеля (ОКВ): «По распоряжению фюрера и ввиду новых задач политического управления в свете противоположности политических систем (России и Германии. — А.У.) рейхсфюрер СС получает особые полномочия». Это было задание без всякого суда истреблять всех врагов, начиная с евреев, цыган, коммунистов, славян.

13 мая 1941 года, за месяц с небольшим до начала осуществления плана «Барбаросса», генерал Кейтель от имени Гитлера издал приказ, ограничивающий деятельность военных судов в отношении нарушителей воинской дисциплины. По существу это было подстрекательством солдат (и заведомым их прощением). Текст говорил недвусмысленно: «Наказуемые нарушения, совершенные гражданскими лицами населения противника, впредь, до особого распоряжения, не подпадают больше под юрисдикцию военных трибуналов. Лица, заподозренные в преступных действиях, будут на месте представлены офицерам. Данный офицер будет принимать решение, должны ли они быть расстреляны. В отношении же нарушений, совершенных против гражданских

лиц населения противника солдатами вермахта, уголовное преследование не является обязательным, даже если это деяние является военным преступлением или нарушением».[7]

Военный трибунал отныне ожидал германских солдат только в том случае, если их действия не вызваны необходимостью «поддержания дисциплины и безопасности вооруженных сил». Эта, содержавшаяся в строжайшем секрете, директива указывала, что «только те приговоры судов получат подтверждение, которые будут совпадать с политическими намерениями верховного командования».

Впоследствии немецкие генералы будут говорить о своем неприятии изуверского приказа Гитлера, но в чем выразился их протест во время обсуждения «приказа о комиссарах», требовавшего уничтожать политических руководителей как носителей враждебной идеологии? Согласно устным показаниям Гальдера, несколько генералов обратились к главнокомандующему сухопутных войск фон Браухичу, и тот пообещал представить протест Гитлеру. В Нюрнберге Браухич показал, что не сделал этого, так как «ничто на свете не смогло бы изменить его (Гитлера.— А. У.) позиции». Браухич ссылался на изданное им письменное распоряжение о том, что «дисциплина в армии должна строго соблюдаться согласно установкам и правилам, которые применялись в прошлом». Заметен ли был этот протест в армии? Увы, генералы не только не отвергли тактику тотального террора, но полностью согласились с ней. Уве фон Хассель записал в своем дневнике 16 июня 1941 года: «Браухич и Гальдер уже согласились с тактикой Гитлера в России. Таким образом, армия должна принять на себя основную долю убийств и поджогов, которые до сих пор поручались СС». Надежды антигитлеровских офицеров, составивших костяк заговора 20 июля 1944 года, на то, что германские генералы возмутятся приказами Гитлера, не оправдались. Вермахт полностью связал свою судьбу с нацистской машиной. (Кейтель 27 июля 1941 года приказал уничтожить все копии директивы от 13 мая, «хотя исполнение данной директивы не затрагивается фактом уничтожения копий директивы». Сам при-

каз от 27 июля тоже следовало ликвидировать. Вступая в войну на уничтожение, германские генералы прятали концы).

Войскам СС были даны «особые задачи» по подготовке политической администрации в завоеванной России. Эти «задачи» проистекали из «борьбы, которая должна вестись между двумя противоположными политическими системами». Войскам СС была предназначена миссия действовать «независимо» от армии «в пределах собственной ответственности». В директиве говорилось, что до окончания миссии войск Гиммлера оккупированные территории будут закрыты для внешнего мира. Более того, даже высшим чинам рейха («партии и правительству») запрещалось проникать в этот период на оккупированные территории. Гитлер поручил СС «эксплуатацию страны и обеспечение ее экономического использования германской индустрией».

После завоевания Россию следовало «разделить на отдельные государства, каждое с собственным правительством». Немцы обозначили следующие области раздельного управления:

«а) Великороссия с Москвой в качестве центра,

б) Белоруссия с главным городом Минском или Смоленском,

в) Эстония, Латвия, Литва,

г) Украина и Крым; центр — Киев,

д) Донская область со столицей в Ростове,

е) Кавказская область,

ж) Русская Средняя Азия, или Русский Туркестан».

Планировалось «полное уничтожение государственного управления без последующей организации нового разветвленного государственного аппарата... Глубокая и повсеместная реквизиция предметов экономики... В стране должно оставаться только то, без чего обойтись невозможно».[8]

В промежуточный период ее территорией должен был управлять прибалтийский немец А. Розенберг — он был назначен 20 апреля 1941 года ответственным за «централизованный контроль при решении вопросов, связанных с восточноевропейским регионом». Цинизм германского стратегического планирования невозможно

представить. Без всяких обиняков предполагалось, что Украина даст недостающие рейху семь миллионов тонн зерна в год, а Баку станет главной кладовой нефти.

В начале мая Розенберг представил первый проект управления будущей завоеванной гигантской страной. Европейская часть России делилась на так называемые рейхскомиссариаты. Украина становилась «независимым государством в союзе с Германией». Закавказский регион должен был управляться германским «уполномоченным». Прибалтика и Белоруссия образовывали германский протекторат, предназначенный войти непосредственно в Великий Германский Рейх. Здесь предстояла крупномасштабная и долговременная работа по улучшению «исторических и расовых обстоятельств», иными словами — германизация всего региона. Намечалось «уничтожение нежелательных элементов», особенно интенсивное, указывал Розенберг, в Латвии и Эстонии. Выдворенное отсюда население предполагалось заменить немцами, прежде всего, ветеранами текущей войны. «Балтийское море должно стать внутренним германским морем».

Судьба жителей завоеванной страны определялась с невиданной жестокостью. Согласно докладу Восточного экономического штаба, «населению северных районов России, особенно городскому, придется страдать от жесточайшего голода. Они должны будут либо умереть, либо мигрировать в Сибирь. Усилия по спасению населения оккупированных территорий от голодной смерти посредством поставок продовольствия могут быть осуществлены лишь за счет Европы. Это подорвет способность Германии выдержать напряжение войны и противостоять блокаде. В этом вопросе должна быть полная ясность. Следствием такой политики будет угасание промышленности и вымирание большого числа человеческих существ в и без того малолюдных районах России». Доклад, как говорилось в преамбуле, был «одобрен высшими властями, он полностью согласуется с политической целью оттеснения великороссов за Урал».

Рейхсфюрер СС Гиммлер планировал более определенно. К примеру:

«К вопросу об украинцах. По плану главного управ-

ления имперской безопасности, на территорию Сибири должны быть переселены западные украинцы. Предусматривается переселение 65% населения». Знал ли об этом планировании Бендера и его прогерманское окружение? «К вопросу о белорусах. Согласно плану предусматривается выселение 75% белорусского населения с занимаемой им территории. 25% белорусов подлежат онемечиванию». Что касается русских, то ведущие германские ученые (доктор Абель и др.) провели подробные антропологические исследования русских. «Абель видит только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет признаки нордической расы. Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Для нас, немцев, важно ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе».[9]

В середине июня Розенберг определил главное назначение страны, которую предстояло завоевать. В выступлении перед будущими администраторами восточных территорий рейха он сказал: «Задача обеспечения продовольствием германского народа стоит во главе списка требований Германии на Востоке. Южные территории (Советского Союза. — А. У.) будут служить делу обеспечения продовольствием германского народа. Мы не видим абсолютно никакого смысла во взятии на себя обязательств по предоставлению продовольствия, выращиваемого на этих дополнительных территориях, русскому народу. Мы знаем, что такова жесткая необходимость... Будущее несет русским очень тяжелые годы».

Дальше Розенберга в определении будущего для русского народа зашел Геринг. Это именно ему принадлежат слова, уже приведенные выше, но мы позволим себе еще раз привести их. В директиве от 23 мая 1941 года он (как руководитель экономического штаба «Ост») заявил, что следует предотвратить перемещение продо-

вольствия из черноземной зоны России в индустриальные районы страны, в которых промышленность должна быть уничтожена. Рабочим русских заводов предлагался выбор: умереть голодной смертью или переселиться в Сибирь. Урожаи черноземной зоны пойдут в Германию. «Германская администрация на этих территориях должна контролировать последствия голода, который, несомненно, будет иметь место, чтобы ускорить возвращение населения к примитивному сельскохозяйственному производству. Однако эти меры не предотвратят голода. Любые мероприятия по спасению местного населения от голодной смерти могли бы быть осуществлены лишь за счет запасов, предназначенных Европе. Они уменьшили бы мощь Германии, ведущей войну, подорвали бы способность Германии и Европы выдержать блокаду. Это должно быть ясно и полностью понято».

* * *

В богатой скорбными страницами истории России такого еще не было. Противник планировал ее умерщвление, планомерное и хладнокровное. В мае 1941 года на встрече секретарей нескольких министерств рейха бестрепетно предусматривалось следующее: «Нет сомнений в том, что в результате вывоза из страны товаров, необходимых нам, многие миллионы лиц будут доведены голодом до смерти». (В Берлине Геринг после начала войны говорил министру иностранных дел Италии Галеаццо Чиано, упомянувшему о возможности голода в Греции: «Не нужно излишне волноваться о греках. Подобные несчастья еще поджидают многие народы. В своих лагерях русские военнопленные уже начали есть друг друга. В этом году в России погибнут от голода от двадцати до тридцати миллионов человек. Возможно, что это и хорошо, так как некоторые нации должны быть сокращены. Если человечество приговорено к тому, чтобы умереть от голода, последними пусть будут наши народы».)

1 июня 1941 года Берлин издал «12 заповедей» для немецких административных чиновников в предназначенных для оккупации областях Советского Союза. Ше-

стая заповедь гласила: «Поскольку вновь осваиваемые пространства предназначены Германии и Европе на длительный срок, решающее значение приобретает ваше поведение. Вы должны сознавать, что являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы на многие века. Поэтому вы должны с достоинством осуществлять даже самые жесткие и безоговорочные меры, вытекающие из потребностей государства. Слабость характера, проявленная каким-либо лицом, приведет к его отзыву...

№8. Не говорите, а делайте. Русских вы никогда не «переговорите» и речами их не убедите. Говорить они умеют лучше вас, поскольку они — прирожденные диалектики и унаследовали «склонность к философствованию». В разговорах и дискуссиях они всегда одерживают верх. А вы должны действовать. Русским импонирует только действие, так как сами они обладают бабьей натурой и сентиментальны. «Велика наша страна и обильна, да нет в ней порядка. Приходите владеть нами» — таково изречение русских, относящееся еще к началу их государства и приглашению норманнов. Эта установка проходит красной нитью через всю их историю — от монгольского ига, через польское и литовское владычество, автократию царей и господство немцев вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой правят. Так же подействует на них и вступление немцев. Тогда будет исполнено их желание: «Приходите и правьте нами»... Не будьте мягкотелы и сентиментальны. Если будете плакать вместе с русскими, они будут счастливы, ибо потому смогут вас презирать. Будучи предрасположены ко всему женственному, русские хотят видеть в мужском начале позорное пятно, чтобы презирать его. Поэтому будьте настоящими мужчинами, храните нордическую основу своего поведения.

Только ваша воля должна быть решающей, но эта воля должна быть направлена на выполнение крупных задач. Лишь тогда она моральна в своей жестокости. Сохраняйте дистанцию между собой и русскими, ведь они не немцы, а славяне... Исходя из многовекового

опыта, русские видят в немце существо более высокого порядка. Заботьтесь о том, чтобы престиж немцев сохранялся... Остерегайтесь русской интеллигенции — как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция дурачит вас. Сама она ничего не может, но у нее есть особый шарм и искусство воздействовать на умонастроение немцев...

Россия всегда была страной коррупции, доносительства и византизма с его роскошью. Эта опасность всегда будет особенно воздействовать на вас через эмигрантов, переводчиков и т. д. Русские, находящиеся на сравнительно высоких должностях, также и руководители предприятий, прорабы и мастера всегда были склонны к вымогательству от подчиненных, но сами дают себя подкупать...

№11. Нищета, голод и непритязательность — удел русского человека вот уже многие века. Его желудок переварит все, а потому — никакого ложного сострадания.

Берлин, 1 июня 1941 г.
Г. Бакке».

Замыслы Гитлера в отношении управления территорией России менялись по мере того, как падали листы календаря 1941 года. К лету он пришел к выводу, что особую ценность — как место заселения — имеет Украина. Он думал о ней как о территории, окруженной системой крепостей наподобие средневековых замков. Замки располагались бы в стратегических пунктах. Каждый из них должен был иметь гарнизон войск СС, аэродром и мощную радиостанцию. В случае малейшего неповиновения местного населения из этих крепостей выходили бы танки.

Постепенно Гитлер пришел к идее уничтожения Москвы. «Я разрушу этот город до основания и создам на его месте искусственное озеро, которое будет давать воду электростанции. Название «Москва» исчезнет навсегда». Таким образом, германский национализм, начиная с тезисов о защите культуры, дошел до идеи уничтожения соседних народов.

Для Гитлера сокрушение Ленинграда всегда было

символом конца России. В меморандуме штаба военно-морских сил говорится: «Фюрер полон решимости уничтожить Петербург до основания. Нет никакого смысла в существовании этого большого населенного пункта после поражения Советской России. Финляндия тоже объявила, что не заинтересована в сохранении этого большого города, находящегося так близко к ее новым границам... Следует окружить город и затем уничтожить его посредством артиллерийского обстрела и продолжительной бомбардировки с воздуха. Взятие пленных неприемлемо, поскольку мы не можем и не желаем разрешать проблему расселения и питания его жителей. Мы не заинтересованы в том, чтобы сохранить какую-либо часть населения в ходе этой борьбы Германии за выживание».

Несколько позже Гитлер поведал окружающим о грандиозной задаче, павшей на его плечи строителя мировой империи: «Территория России будет для нас тем, чем является Индия для англичан. Только бы я смог заставить немецкий народ понять, что эти пространства означают для нашего будущего!.. Мы не должны более позволять немцам эмигрировать в Америку. Более того, мы должны привлечь норвежцев, шведов, датчан и голландцев на наши новые восточные территории. Они станут жителями германского рейха... Германский колонист должен жить на красивой, большой ферме. Германские официальные учреждения будут размещены в прекрасных зданиях, губернаторы будут жить во дворцах... Вокруг города, в радиусе от тридцати до сорока километров, мы создадим пояс привлекательных деревень, связанных между собой прекрасными дорогами. За пределами этих поясов будет находиться другой мир, в котором мы намерены позволить русским жить так, как они хотят. Простая необходимость диктует, чтобы мы управляли ими».

Кредо национал-социализма

Точку зрения НСДАП на национал-социалистскую оккупационную политику в России освещает меморандум заместителя Гитлера по партии Бормана от 16 июля 1941 года. «В принципе речь идет о том, как сподручнее разделить гигантский пирог, чтобы мы

во-первых, господствовали,
во-вторых, управляли,
в-третьих, могли эксплуатировать...

Ни о какой вооруженной силе западнее Урала больше никогда не может быть и речи, даже если за это нам придется воевать целых сто лет. Все преемники фюрера должны знать: безопасность рейха может быть обеспечена только тогда, когда западнее Урала не будет существовать никакой военной силы; защиту этого района от всех эвентуальных опасностей берут на себя немцы.

Железным принципом должно быть во веки веков: никому, кроме немцев, носить оружие не дозволено... Из вновь приобретенных восточных областей мы должны сделать для себя райский сад... Фюрер подчеркивает, что Волжская республика немцев должна стать частью рейха. Точно так же, как и район Баку, она должна быть превращена в немецкую военную колонию. Финны хотят получить восточную Карелию, но ввиду имеющегося там большого никелевого месторождения Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Со всей осторожностью надо подойти к присоединению Финляндии в качестве федерального государства. Финны предъявляют свои притязания на район Ленинграда. Фюрер хочет сначала сровнять Ленинград с землей, а уже потом передать его финнам.

Фюрер говорит рейхсмаршалу Герингу и фельдмаршалу Кейтелю: он всегда добивался, чтобы полицейские полки получили крайне необходимые им для действий в восточных областях танки... Рейхсмаршал намерен перенести свои учебные аэродромы в эти новые области, бомбардировщики Ю-52 в случае бунта смогут забросать бунтовщиков бомбами. Огромное пространство нужно усмирить как можно быстрее; этого лучше всего можно добиться расстрелом всякого, кто посмеет посмотреть на немца косо... Жители должны знать: каждый, кто не работает на немцев, будет расстрелян, и за любой проступок виновный будет наказан... Ни о какой деятельности церквей в России не может быть и речи».

10 октября 1941 года командование 6-й армии детализировало задачу: «Важнейшей целью похода против еврейско-большевистской системы является разгром ее

средств власти и уничтожение азиатского влияния на культурный круг европейских народов... Солдат в Восточном пространстве — не только воин, но и носитель неумолимой германской идеи... Целью является безжалостное уничтожение расово чуждого нам коварства и жестокости, и тем самым обеспечение жизни германского вермахта в России. Только так мы окажемся на высоте поставленной перед нами задачи: раз и навсегда освободить немецкий народ от азиатско-еврейской опасности».

* * *

27 июля после ужина Гитлер обратился к карте. Восточные границы своей империи он определил по линии 2300 км к востоку от Уральского хребта. Германия будет вечно охранять эти границы, никакой иной военной державе не будет позволено приблизиться к этому редуту. «Мы будем контролировать эти области на востоке при помощи контингента в 250 тысяч солдат и хороших управляющих. Давайте учиться у англичан, которые при помощи 250 тысяч человек — в том числе 50 тысяч солдат — управляют 400 миллионами жителей Индии. Мы должны навсегда установить господство на просторах России... Попытка дать образование этим массам была бы с нашей стороны непростительной ошибкой. Мы превратим южную Украину и Крым в немецкую колонию. Обитающее там население мы вытесним... Рейх обеспечит колонистов полностью оборудованными фермами. Землю мы получим даром. От нас потребуется только построить фермы... Солдаты-колонисты получат оружие, чтобы быть призванными при малейшей опасности».

В октябре, когда началось наступление на Москву, Гитлер снова дал волю своему воображению: «Мы населим эту русскую пустыню... Мы лишим ее черт азиатской степи, мы европеизируем ее. Для этого мы предпримем строительство дорог, которые будут вести в самые южные районы Крыма и Кавказа. Вдоль дорог будут стоять немецкие города, а вокруг этих городов будут жить наши колонисты.

Что касается двух или трех миллионов человек, в которых мы будем нуждаться для реализации этого пла-

на, то мы найдем их быстрее, чем мы думаем. Они прибудут из Германии, Скандинавии, западных стран и Америки. Я... не увижу всего этого, но уже через двадцать лет на Украине будут жить двадцать миллионов жителей, не считая местного населения...

Мы не будем заселять русские города, мы позволим им распасться на части без внешнего вмешательства. И, прежде всего, никакой жалости в этом вопросе! У нас нет абсолютно никаких обязательств в отношении этого народа. Борьба с лачугами, изгнание блох, обеспечение немецких учителей, доставка газет — от нас будет требоваться немного! Возможно, мы ограничим свои функции установлением радиоретрансляторов под нашим контролем. Что касается остального, пусть знания русских ограничиваются лишь тем, чтобы понимать наши дорожные знаки, чтобы их не давили наши автомобили.

Для них слово «свобода» означает право умываться по праздникам... Существует лишь одно обязательство: германизировать страну посредством иммиграции немцев и надзиранием над местными жителями как над краснокожими».

Обладание новыми землями оплодотворит германскую экономику. «Никто никогда не похитит у нас Восток!.. Мы скоро будем снабжать зерном всю Европу, а также углем, сталью, лесом. Чтобы надлежащим образом эксплуатировать Украину — эту новую Индийскую империю, — мы нуждаемся только в мире на Западе... Для меня целью является эксплуатация возможностей континентальной гегемонии... Когда мы станем хозяевами Европы, мы займем доминирующие позиции в мире. Сто тридцать миллионов жителей в рейхе, девяносто миллионов на Украине. Добавьте к этому население других государств новой Европы и у нас будет 400 миллионов человек, превосходящих 130 миллионов американцев».

Этот текст не нуждается в комментариях. И все же мы приведем слова английского историка А. Буллока, которого поражает «вульгарность гитлеровской мысли, хитрость, жестокость, нетерпимость и отсутствие человеческого чувства. Он так же непробиваем, как и неве-

жествен... Борьба за существование — закон природы, твердость — это высшая добродетель, раса — это ключ к истории, власть — это исключительное право расовой элиты, массы способны только выполнять приказы, сила — единственное средство исторического свершения, мировые исторические фигуры действуют как фактор Провидения».

Неизбежно возникает вопрос: звучали ли в одной из наиболее цивилизованных европейских стран голоса протеста против хладнокровного геноцида соседнего народа? Если среди военных, пусть и самым двусмысленным, нелепым образом, хотя бы был в некоторой степени ощутим ропот неодобрения по поводу «приказа о комиссарах», то гражданские чиновники («Моцарт по воскресеньям, Гете на ночь») не выразили ни малейшего протеста. В течение многих месяцев сотни, если не тысячи германских служащих спокойно калькулировали планомерное убийство народа, не причинившего ему зла. Национальное чувство заменило им совесть — это исторический урок для наших дней.

Что обещал русскому народу план «Барбаросса»? «Барбаросса» и все последующее планирование немцев никогда не предусматривали ничего, кроме полного исчезновения России с карты мира. Даже не возникал вопрос о новых ее границах, о выплате контрибуции — предполагалось, что ее некому будет платить. Россия должна была перестать существовать. Москва, Ленинград и Киев обрекались на разрушение, и населению между польской границей и Уралом предстояло жить в качестве рабов на фермах, управляемых одетыми в черную форму войсками СС. Предполагалось вычеркнуть из мировой цивилизации русскую культуру. Запрещалось печатать книги на русском языке (исключение допускалось лишь для книг по сельскому хозяйству). В русских школах (несколько начальных классов) учили бы только арифметике. Безусловно, должны были быть запрещены русские высшие учебные заведения. Все представляющие ценность русские музеи намечалось перевезти в Германию, здесь «достойное немцев» поместили бы в немецкие музеи, остальное собирались просто уничтожить.

Дипломатия накануне

После визита Молотова в Берлин исчезли шансы на совместное сотрудничество Германии, Италии, Японии и СССР в глобальном переделе мира. Решающее значение этому визиту придавали, в частности, Риббентроп, его правая рука фон Вайцзеккер и видный чиновник германского МИДа Г. Гильдер. Они полагали, что в дальнейшем дипломатия станет попросту прикрытием военных приготовлений.

9 января 1941 года Гитлер сказал Риббентропу: «Сталин, хозяин России, — умный парень. Он не станет открыто выступать против Германии... Сейчас русские вооруженные силы — это обезглавленный колосс на глиняных ногах, но невозможно предсказать его будущее развитие. Коль скоро Россия должна быть разбита, лучше сделать это сейчас, когда русские войска не имеют хорошего руководства, плохо оснащены и когда русские испытывают большие трудности в военной промышленности... Уничтожение русской армии, захват наиболее важных индустриальных районов и уничтожение остальных станут целью этой операции».

Весь февраль и март 1941 г. Гитлер был занят обдумыванием и обсуждением плана «Барбаросса». К этому времени о существовании плана и о его деталях знало уже около тысячи человек. Такое число посвященных делало практически неизбежной утечку информации. Возникало и немало неожиданностей, которые иногда лучше детализированных доказательств говорили о том, что происходит и что готовится.

Целый ряд признаков стал свидетельствовать о германских намерениях. Из лагерей в Восточной Пруссии и Польше заключенных переместили западнее, а освободившиеся лагеря, как сказал своим подчиненным генерал-лейтенант Рейнеке в феврале 1941 г., предназначались для русских военнопленных. К началу мая здесь было освобождено 3 миллиона мест.

Весной 1941 г. в Германии исчезли книги о России, ее карты, учебники и разговорники русского языка. В то же время появились сборники русско-немецких фраз

военной тематики. Не заметить этого аппарат советского посольства в Берлине не мог.

Еще одним настораживающим фактом было появление над советской территорией германских военных самолетов. Немцы фотографировали приграничную зону, в этом не было сомнений. ОКХ в лице Браухича и Гальдера рекомендовало начать аэрофотосъемку уже в сентябре 1940 г. Последовал секретный приказ Гитлера генерал-лейтенанту люфтваффе Т. Ровелю: с большой высоты, стараясь остаться незамеченным, сфотографировать приграничные области СССР. (Ровель, базируясь в Венгрии, уже летал с подобной миссией над Британией). Были использованы лучшие высотные самолеты — «Хейнкель-111», «Дорнье-215-Б2», «Юнкерс-88Б» и «Юнкерс-86Р», которому принадлежал рекорд высоты — примерно 14 тысяч метров. Отряд Ровеля был разбит на четыре эскадрильи и летал до Киева, Минска, Ильменьозера и побережья Черного моря. Значительных результатов удалось достичь уже в марте 1941 года. За две недели до начала осуществления плана «Барбаросса» отряд Ровеля резко увеличил радиус своих полетов.

Советская сторона некоторое время делала вид, что ничего не происходит. Первый протест по поводу нарушения границы был представлен Берлину 28 марта 1941 года. Он был неофициальным — заместитель советского военного атташе с устным протестом обратился к Герингу. Второе заявление советского правительства было передано германскому руководству 31 апреля 1941 года. Советское правительство выступило с протестом по поводу восьмидесяти случаев нарушения границы германскими самолетами. Каждое нарушение характеризовалось отдельно, о нем давалась подробная информация. На особые размышления наводил случай, имевший место 15 апреля близ города Ровно: германский разведывательный самолет, севший на советскую территорию, был оснащен специальной съемочной камерой, в нем было обнаружено большое количество отснятой пленки и топографическая карта западных районов СССР, что «делает очевидной цель экипажа самолета». При этом советская сторона не заостряла возникшую ситуацию. Войскам, охраняющим границу, было дано распоряже-

ние, говорилось в ноте, «не открывать огонь по германским самолетам, летающим над советской территорией, пока эти полеты не станут слишком частыми».

Третий, и последний, протест советской стороны был выражен Молотовым в беседе с Шуленбургом и одновременно доставлен послом Деканозовым в германское министерство иностранных дел 21 июня. Сама дата — немцы уже прекратили даже формальную маскировку — говорит о неэффективности, запоздалости этого более серьезного протеста, в котором упоминается 180 случаев нарушений границы, начиная с 19 апреля 1941 года.

Возникает вопрос: что знало советское руководство о готовящемся нападении и как оно относилось к тому, что знало?

Как теперь известно, директива №21, операция «Барбаросса», была напечатана лишь в девяти экземплярах. И тем не менее первое сообщение о нем достигло Москвы уже через неделю. Советский военный атташе в Берлине 25 декабря 1940 года получил анонимное письмо, в котором говорилось о принятом Гитлером решении и довольно детально излагалась вышеупомянутая директива. «Рождественский подарок» стал первым в ряду свидетельств и донесений, общее число которых превысило сто случаев.

Следующий блок информации о «Барбароссе» как об общей перемене стратегической направленности вермахта был получен в середине февраля 1941 года, когда немецкий печатник передал в наше посольство копию только что вышедшего из-под печатного пресса разговорника. Фразы «Руки вверх!», «Я стреляю», «Сдавайтесь!» не нуждались в особых комментариях. Разговорник был тотчас переслан в Москву дипломатической почтой.

Довольно странную, по сей день окончательно не выясненную роль играет в мрачной истории германского фашизма глава военной разведки (абвера) адмирал В. Канарис. Через Швейцарию он информировал англичан о том, что Гитлер зимой 1940—1941 годов переориентировался в сторону России. Весной он сообщил, что Балканы будут одним из трамплинов для нападения

Германии на СССР. Англичане постарались уведомить об этом Москву.

Находясь, по существу, один на один с Германией на континенте, СССР предпринял собственные усилия выяснить намерения грозного потенциального противника. Сделать это было совсем не просто. Сказалось то обстоятельство, что советская разведывательная сеть понесла большие утраты во время «чисток» 30-х годов. Сменилось руководство в центре, произошли перемены за рубежом. Но несколько источников сохранилось, и они давали исключительную по важности информацию.

До сих пор не раскрытые источники передали в декабре 1940 года и в Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), и в Главное разведывательное управление армии (ГРУ) важнейшие сведения о переориентации Германии с Британии на Советский Союз. В НКГБ, как сейчас признается, в феврале 1941 года была передана информация об отсрочке вторжения на Британские острова «до окончания войны против СССР». Военная разведка в то же время получила важные данные о планировании создания на фронте против СССР трех группировок (назывались, хотя и в неправильном порядке, имена их командиров). Написание Ленинграда как Петрограда говорило в данном случае об иностранном источнике (или кругах эмиграции).

ГРУ получило доступ к материалам германского посольства в Японии. Р. Зорге, являясь доверенным лицом германского посла в Токио, имел всю возможную информацию от прибывающих в столицу Японии высокопоставленных германских специалистов. Первый микрофильм, содержавший переписку посла Отто с Риббентропом, прибыл в Москву в начале марта 1941 года. Вторая констатация готовности немцев к войне пришла в конце апреля, третье и четвертое послание — в мае. Последнее, датированное 15 июня, называло точную дату начала вторжения — 22 июня. Отметим донесение от 20 мая: «Нападение начнется 20 июня; возможна задержка на два или три дня, но приготовления завершены. 170—190 дивизий сосредоточены на восточной границе. Не будет ни ультиматума, ни объявления о начале военных действий. Красная Армия потерпит по-

ражение, и советский режим развалится в течение двух месяцев».

Слухи о грядущем конфликте заполнили Москву. Шуленбург жалуется 2 мая: «Попытки что-либо противопоставить этим слухам в Москве поневоле остаются неэффективными, поскольку такие слухи проистекают из Германии, и каждый путешественник, прибывающий в Москву или проезжающий через Москву, не только привозит с собой эти слухи, но может даже подтвердить их, приводя факты».

Берлин приказал Шуленбургу продолжать опровергать слухи, а также утверждать, что не только не существует концентрации германских войск на границе, но, напротив, в самое последнее время значительные немецкие силы — восемь дивизий — были передислоцированы с Востока на Запад.

Особым источником информации о плане «Барбаросса» стал американский дипломат С. Вудс, который имел тесные связи с дипломатами и бизнесменами, считавшими политику Гитлера губительной. Встречаясь в темноте кинотеатров со своими немецкими друзьями, Вудс раньше многих узнал о военных совещаниях, на которых Гитлер обсуждал свои восточные планы. Экономисты уже знали, что вторжение в Англию отложено, что подбирается администрация для восточных земель и печатаются советские рубли. Собранная Вудсом информация 21 февраля 1941 года поступила к государственному секретарю К. Хэллу и произвела такую сенсацию, что ФБР поручили проверить аутентичность документов, а дипломатической службе — лояльность Вудса. Американцы не нашли никого другого, как жившего в США бывшего германского канцлера Брюнинга, и тот убедил своих американских друзей в аутентичности информации Вудса.

Эксперты ФБР вынесли решение: документ подлинный. На запрос об источниках Вудс назвал крупные фигуры в германском генеральном штабе и в различных министерствах. Впоследствии выяснилось, что у Вудса имелся немецкий друг, стоявший на антинацистских позициях, который свел его с единомышленниками. Он информировал Вудса уже в августе 1940 года о том, что

в Германии начинаются приготовления к походу на Восток. Источник имел возможность получать сведения о тех закрытых военных конференциях, на которых обсуждался план «Отто-Фриц-Барбаросса». Избегая слежки, Вудс встречался со своим информатором в различных уголках Берлина. На передаваемых записках трудно различимым почерком фиксировались сведения о самых больших секретах нацистской Германии. Не только Вудс видел впереди грандиозные события. Самый блестящий дипломат американского посольства в Берлине Джордж Кеннан уже в декабре 1940 года понимал смысл происходящего.

Американцы устроили проверку степени осведомленности лиц, указанных Вудсом, и убедились в их компетентности. Только тогда Хэлл принес полученные от Вудса материалы президенту Рузвельту. Тут же решено было эту информацию исключительной важности передать в Москву. Отношения с СССР были у американского правительства в то время далекими от сердечности, но Рузвельт и Хэлл посчитали необходимым предупредить советское правительство. Посол Стейнгард воспротивился — Сталин и его окружение воспримут представленные сведения как провокацию, предпринятую по просьбе англичан. Тогда заместитель госсекретаря С. Уэллес встретился 20 марта 1941 года с послом СССР К. Уманским. По описанию Уэллеса, получив данные, «мистер Уманский побелел. После секундного замешательства он просто сказал: «Я полностью осознаю важность материала, который вы мне дали. Мое правительство будет благодарно за ваше доверие, и я информирую его тотчас же после нашей беседы». Посол пообещал передать сказанное в Москву немедленно. Через двадцать дней Уманский запросил Уэллеса, нет ли у него дополнительных деталей, подтверждающих прежнее сообщение. Американцы полагали, что Сталин сделал необходимый вывод. Лучшее доказательство этому они видели в подписании советско-японского договора: СССР решил обезопасить себя на Востоке, чтобы сконцентрироваться на Западе.

Но Москва отнюдь не выразила благодарности. Сталин в это время изгнал посольства стран — жертв Гер-

мании из Москвы, и отношения с Америкой становились все более натянутыми, что уменьшало, в частности, возможности экономического сотрудничества США с СССР. Однако Хэлл не поддался эмоциям. В начале июня он через посла Стейнгарда передал Молотову сведения, полученные от дипломатических представителей США в Швеции и Румынии. Они подтверждали сообщенное ранее Уэллесом.

Со своей стороны продолжали предупреждать Кремль англичане. Посол Криппс посетил Турцию и, возвратившись, уведомил своих советских собеседников, что Германия (февраль 1941 года) готовится к выступлению на Балканах, а затем повернет в сторону СССР. Чтобы придать еще больший вес своей информации, он 28 февраля обращается к представителям английской и американской прессы: «Я убежден, что Гитлер нападет на эту страну в конце июня. Гитлер не осмелится ждать, потому что он знает, что советский прогресс в промышленности и оборонительные мероприятия разворачиваются слишком быстрыми темпами. Вы думаете, что он вполне может нанести удар по Англии, но его целью является Россия и, скажу вам доверительно, генерал Дилл (начальник английского генерального штаба.— А. У.), по-видимому, придерживается той же точки зрения».

Английская разведка приложила значительные усилия, чтобы определить направленность планов Германии. В результате английское руководство получило потрясающую информацию: Гитлер отложил вторжение на Британские острова и начал подготовку к действиям в совсем другом направлении. Черчилль стал приходить к мысли, что Гитлер решился на гигантскую авантюру на Востоке в конце марта 1941 года. Но прошло еще немало времени, прежде чем его догадки переросли в уверенность. Теперь Черчилль мог поверить в то, что судьба оказалась милосердной к англичанам — их противник повернул на Восток. Доказательством тому служили не только данные разведки, но и общая оценка деятельности германской дипломатии.

Черчилль придал большое значение перемещению германских войск и появлению строительных организаций на железнодорожных путях в районе от Бухареста

до Кракова. Он в полной мере оценил тот факт, что танковые дивизии, которые нанесли удар по Югославии, были возвращены в Румынию. Перемещение примерно 60 составов не могло быть проведено без того, чтобы не попасть в поле зрения британской разведки. Черчилль вспоминал, что «эти события осветили восточную сцену как молния. Неожиданное перемещение к Кракову гигантского числа вооруженных сил, необходимых на Балканах, могло означать только лишь намерение вторгнуться в Россию в мае».

Скептичных англичан окончательно убедило в этом перемещение штаб-квартиры фельдмаршала Листа из Афин в Люблин, создание штаб-квартиры 11-й германской армии в Бухаресте и формирование затем в Румынии штаба целой армейской группировки.

3 апреля 1941 года Черчилль пошел на необычный шаг. Он написал письмо Сталину и поручил британскому послу Криппсу вручить его советскому вождю лично. В письме говорилось: «В моем распоряжении находится надежная информация от доверенного агента, свидетельствующая о решении немцев после захвата Югославии, то есть после 20 марта, переместить 3 из 5 танковых дивизий из Румынии в южную Польшу». Черчилль выражал уверенность, что Сталин оценит значение этих фактов. Посол Криппс еще до встречи со Сталиным написал Вышинскому большое письмо от себя лично, в котором указывал на события на Балканах, затрагивающие советские интересы, и тем самым подводил адресата к мысли, что в интересах Советского Союза было бы занять более твердую позицию в отношении стран «оси» в этом районе. Исходя из факта передачи этого письма Вышинскому посол Криппс посчитал излишним передавать Сталину послание Черчилля, поскольку его (Криппса) письмо было более детализированным, и краткое послание Черчилля не меняло основной идеи, которую Криппс уже изложил в своем письме. Но Черчилль был недоволен действиями Криппса и потребовал, чтобы его послание было немедленно передано Сталину (он запрашивал об этом 16 и 18 апреля 1941 года, а затем еще раз 30 апреля 1941 года). Министр иностранных дел Иден ответил Чер-

чиллю 30 апреля, что Криппс послал письмо Черчилля Вышинскому 19 апреля и Вышинский информировал его 23 апреля, что письмо передано Сталину.

Происходящие события все больше убеждали Черчилля в том, что немцы планируют вторжение на Востоке. Берлин 12 марта приказал прекратить работу советских комиссий, работавших на германской территории, и отослать их в СССР. Немало было и других косвенных доказательств, о которых не могли не знать в Кремле. Поэтому Черчилль ждал ответа Сталина. Но он так никогда и не получил его. В мае 1941 года у Черчилля уже не осталось никаких сомнений в отношении будущих действий немцев. Он пишет 16 мая в письме Смэтсу, премьер-министру Южной Африки: «Гитлер собирается выступить против России. Наблюдается бесконечное движение на Восток больших контингентов войск, механизированных частей, авиации».

Надо сказать, что британская разведка и генеральный штаб довольно долго не верили, что Гитлер поступит так необдуманно и пойдет на такое перенапряжение своих сил. Имея чрезвычайно убедительную информацию (в частности от лиц, наблюдавших за перемещением войск в Восточной Европе), они все же отказывались верить в свое счастье. Объединенный комитет разведки только 5 июня определенно изменил свою точку зрения, а генеральный штаб лишь 10 июня пришел к твердому заключению: «Имеющаяся в наличии свежая информация указывает на то, что Гитлер принял окончательное решение в отношении выступления против Советского Союза. Начало военных действий кажется в высшей степени вероятным, хотя еще преждевременно определять дату такого выступления. По нашему мнению, события придут к финалу во второй половине июня».

Примерно к 10 июня англичанам стало абсолютно ясно, что Германия готовится к нападению. Ближайший сотрудник Черчилля А. Кадоган пригласил к себе в этот день посла Майского, предложил ему взять ручку и бумагу и продиктовал список всех последних перемещений германских войск. В конце беседы он попросил как можно скорее передать эти данные советскому правительству.

(Тем большим было изумление Майского, когда 14 июня в советской прессе появилось известное заявление ТАСС).

Черчилль пишет 15 июня 1941 года Рузвельту: «Основываясь на данных источников, находящихся в моем распоряжении, можно считать, что огромное германское наступление на Россию неизбежно. Последнее перемещение воздушных и моторизованных частей завершено». Американский посол привез с собой ответ президента Рузвельта. Тот обещал, что он «немедленно публично поддержит русскую сторону», если начнется германское наступление на Россию.

Англичане не могли предположить, что Сталин передает полученные сведения немцам. Но это было так. Германский военно-морской атташе 24 апреля сообщил из Москвы: «Британский посол предсказывает, что 22 июня будет днем начала войны».

В Берлин Шуленбург постоянно сообщал о готовности СССР к сотрудничеству. Важен отчет о его встрече с Молотовым 22 мая. Министр иностранных дел «был дружественным, уверенным в себе, как всегда... Два самых влиятельных человека в Советском Союзе (Сталин и Молотов. — А. У.) стремятся прежде всего предотвратить конфликт с Германией».

Именно в этом духе проходила важная беседа Молотова с Шуленбургом 14 июня 1941 года. Молотов вручил Шуленбургу заявление Совинформбюро, которое через несколько часов появилось в газетах. В нем британский посол Криппс обвинялся в «распространении слухов о предстоящей якобы войне между СССР и Германией».

Советское правительство назвало его действия «абсолютным абсурдом... неуклюжим пропагандистским маневром сил, выступающих против Советского Союза и Германии... По мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии... начать наступление против Советского Союза полностью лишены оснований». Недавнее перемещение немецких войск с Балкан к границам СССР подавалось в коммюнике как «не имеющее отношения к советско-германским отношениям», а слухи о возможности нападения СССР на Германию характеризовались как «фальшивые и провокационные».

К началу апреля в Москве накопилась значительная информация. Посол Югославии Д. Гаврилович 6 апреля, после более чем шестичасового обсуждения советско-югославского договора о мире и ненападении, спросил Сталина, имеют ли основание слухи о предстоящем выступлении Германии против России в мае? Сталин ответил: «Пусть попробуют». Германская разведка перехватила телефонный разговор посла с Белградом, в котором Гаврилович сообщил о ремарке Сталина. Сам Гаврилович позднее рассказал советскому руководству, что немцы убеждали принца-регента Павла подписать с ними договор при помощи следующего аргумента: они нуждаются в надежном южном фланге для уже определенного выступления против СССР.

Значительными разведывательными возможностями располагало чехословацкое правительство в изгнании, руководимое Э. Бенешем. В начале апреля 1941 года он получил из Праги донесение следующего содержания: «Кампания против Советского Союза определенно решена; как только Германия покончит с югославским сопротивлением, начнется нападение на Советский Союз; из Берлина докладывают, что все необходимые военные приготовления завершены и была уже проведена конференция всех высших командующих германского Восточного фронта, на которой были точно определены начальные действия германских войск; дата военной тревоги для всего Восточного фронта назначена на 15 мая».

Потрясенный Бенеш передал свои сведения советскому руководству. Между прочим, чехословацкая разведка довольно быстро пришла к заключению, что немцы недооценивают военные возможности Советского Союза.

Тем временем Геринг обратился к шведскому промышленнику Б. Далерусу, сыгравшему в 1939—1941 годах особую роль в германо-английских отношениях. Далерус возвратился в Стокгольм и тотчас же связался с английским послом Маллетом. Германия, сообщил он, опасаясь наступления времени, когда СССР станет слишком сильным, намерена предъявить ему ультиматум, который составил якобы Геринг: демобилизация, создание сепаратного правительства на Украине, конт-

роль за нефтяными месторождениями Баку и, возможно, получение выхода к Тихому океану. Далерус утверждал, что эти требования будут предъявлены советскому правительству в ближайшем будущем, возможно, в течение недели. Эта информация была передана и американскому посольству. Госдепартамент оценил предстоящее как избранную Германией «тактику давления». С. Уэллес сказал британскому послу Галифаксу, что Россия согласится почти на все требования, за исключением демобилизации.

На самом деле это было дезинформацией немцев. Никаких ультиматумов в Берлине никогда не составлялось.

Министр иностранных дел Англии А. Иден 13 июня в очередной раз пригласил к себе Майского: «За последние сорок восемь часов к нам поступила существенная информация. Концентрация войск может быть использована в целях войны нервов. Я не знаю точно, но мы были обязаны прийти к заключению в свете этого огромного военного строительства, что конфликт между Германией и Россией возможен». Присутствовавший при встрече глава британской разведки Кавендиш-Бентинк убеждал Майского: «Немцы собираются напасть, и это нападение будет иметь место 21/22 или 28/29 июня. Я поставил бы деньги на 22 июня». По словам Идена, Майский «предпочел не поверить в возможность германского нападения». Кавендиш-Бентинк подтверждал: «Майский отказался поверить в это». Увы, была названа «провокацией» и информация дезертировавшего 18 июня германского военнослужащего.

Не нужно было уже ожидать сведений из особо доверительных источников — в Москве за двенадцать дней до начала войны началась эвакуация германского посольства. Вывозились жены, дети, домашние животные. Об этом 11 июня было сообщено Сталину, как и о том, что в посольстве начали жечь документы. К 22 июня в посольстве осталась лишь одна женщина — жена экономического советника Хильгера. Молотов 21 июня вызвал Шуленбурга и спросил о причине отбытия семей. Шуленбург указал на суровость московского климата и время отпусков. Молотов только пожал плечами.

Немцы методично обрывали экономические связи. С 17 июня началось отплытие германских торговых судов из советских портов. В то же время прибытие новых германских судов в советские порты откладывалось под самыми различными предлогами. 21 июня советский порт покинуло последнее германское судно.

Откуда неверие

Нарком ВМФ Кузнецов делится: «У Сталина были соображения на тот счет, как вести войну, но, будучи патологически недоверчивым, он держал их в секрете от тех, кому пришлось бы осуществлять их. Ошибаясь относительно сроков начала столкновения, он считал, что у него имелось достаточно времени, и когда ход исторических событий набрал обороты, он не смог перевести эти идеи в ясные стратегические концепции и конкретные планы. Такие планы, разработанные до мельчайших подробностей, были совершенно необходимы».

Историк А. Буллок ищет рациональное в мыслительном процессе Сталина, с порога отвергавшего все предположения о возможности германского нападения: Сталин убеждал себя, что Гитлер не такой дурак, чтобы представлять себе возможность победы над СССР одним ударом в духе блицкрига. «Никто, находясь в здравом уме, не попытается завоевать громадные пространства России, прежде чем не проведет многомесячную подготовку и не соберет запасы стратегических военных материалов. Немецкое наращивание сил, по мнению Сталина, имело целью оказать давление на Россию и добиться увеличения размеров поставок. Сталин видел, что британцы и американцы старались столкнуть Россию и Германию: отсюда предупреждения, которые они слали Москве в надежде, что Россия предпримет оборонительные шаги, которые спровоцируют Гитлера на нападение. Любой ценой советские войска должны избежать провокаций».

План «Барбаросса» не мог быть подготовлен незаметно. Речь шла о концентрации огромных людских масс и техники. Советская разведывательная сеть была одной из наиболее крупных и эффективных, она выдер-

живала сравнение с любой разведкой. Сообщения о концентрации немецких войск стали поступать в Москву на довольно ранней стадии. Но Сталин, судя по всему, полагал, что в интересах Германии иметь дружественный тыл и Гитлер не пойдет на силовое решение.

У Сталина были свои предрассудки, свои ложные представления, свои заблуждения. Он видел в национал-социализме прежде всего орудие капиталистических монополий Германии, направленное на борьбу за рынки и инвестиции, и не понимал, что это независимое националистическое движение, направленное на реванш и на территориальную экспансию. Он стал жертвой собственных убеждений, что, предоставляя Германии рынки и сырье, СССР может сильнейшим образом повлиять на Берлин. Идеология искажала его видение мира в значительной мере, как и видение Гитлера. К 1941 году у Сталина имелось множество доказательств того, что помощь Гитлеру в Европе не создает ощутимых стимулов к сближению. И вина была не в злостном заговоре капиталистов Германии и западных стран, а в принципиально враждебном для коммунистической России видении мира германскими националистами.

После публикации в 1994 году британских документов периода войны стало ясно, что британский посол сэр Стаффорд Криппс невольно усугублял недоверие Сталина, постоянно повторяя мысль (полностью нарушая данные ему инструкции), что действия Советского Союза могут повлиять на отношение Британии к германским мирным предложениям.[10]

Знания Сталина частично базировались на сообщениях из Интеллидженс сервис и Форин оффис. Многие из этих сообщений противоречили предостережениям Черчилля Сталину. «Эти сведения предполагали, что Гитлер мобилизует немецкие силы вдоль советской границы ради оказания давления на Сталина с целью достижения территориальных уступок.[11] Черчилль не представлял, до какой степени советская разведка проникла в британскую разведку. Однако советских разведчиков не было на том уровне, где разглашался источник сведений от расшифрованной «Энигмой». Посол Майский

говорил англичанам 2 июня 1941 года: «Все это часть войны нервов».

Особую настороженность Сталина, как уже говорилось, вызвал эпизод с перелетом заместителя Гитлера по НСДАП Гесса 10 мая 1941 года в Шотландию. В ходе войны Сталин постоянно выспрашивал Черчилля и Идена о целях прибытия Гесса в Шотландию и о предложениях, которые тот выдвинул. В мемуарах англичане (в частности У. Черчилль и А. Иден) объясняют все сверхподозрительностью Сталина. Но дело представляется не столь простым. Возможно, Сталин располагал своими сведениями о том, с чем прибыл Гесс к англичанам. Известно, что адъютант Гесса одиннадцать лет находился в советском плену и что он дал важные показания. Фактом является и то, что англичане засекретили дело Гесса.

Жуков, тесно контактировавший со Сталиным в это время, пишет, что Сталин скептически воспринимал информацию, исходящую от империалистических кругов, а Черчилль вызывал у него особое подозрение. Одному из кембриджской пятерки, Киму Филби, была поставлена задача узнать об условиях, предлагаемых Гессом. В кратком сообщении в Центр Филби 18 мая доложил, что «Бивербрук и Иден навестили Гесса, и это отрицается официальными источниками». Из Берлина агенты «Юн», «Франкфуртер» и «Экстерн» сообщили, что Гитлер послал Гесса с мирными предложениями. Филби был осторожен, он считал, что «время для переговоров еще не пришло, но в процессе дальнейшего развития военных событий Гесс, возможно, станет в центр интриг, направленных на заключение сепаратного мира, он будет полезен и для партии мира в Британии, и для Гитлера».[12] Напомним еще раз, что дело Гесса в Британии до сих пор спрятано в архивах.

Возможно, на Сталина действовал опыт Первой мировой войны. Тогда политическая власть — кайзер — оказалась оттесненной от руля управления Германией уже через несколько месяцев после начала боевых действий. В Берлине неимоверно усилилось влияние Гинденбурга и Людендорфа. Именно их приказы имели силу законов, именно их оценки происходящего явля-

лись официальными, именно их указания были решающими для канцлера Бетман-Гольвега.

Можно предположить, что Сталин искал аналогию во внутренней расстановке сил в Германии. Гитлер — политический руководитель, но в недрах рейха действует и власть военных. В случае кризиса военные могут занять доминирующее положение. Гитлер склонен к политическому компромиссу, военные жаждут довершить дело 1918 года — завоевать Россию. Ради избежания конфликта следует остерегаться действий, провоцирующих германский генералитет. Неизвестно, была или нет у Сталина такая (или подобная) схема, но без нее трудно понять логику действий обычно в высшей степени подозрительного Сталина.

Увы, Сталин не знал подлинной истории взаимоотношений Гитлера и военной касты в Германии. В тишине каюты линкора «Дойчланд», спешившего из Киля на маневры в Кенигсберг весной 1934 г., недавно назначенный канцлер Гитлер заключил соглашение с военным министром фон Бломбергом. Гитлер стремился занять пост престарелого президента Гинденбурга. Бломберга, представлявшего военную элиту, пугали вооруженные отряды нацистской партии СА. Он пообещал поддержать президентские амбиции фюрера национал-социалистов, если тот разоружит параллельную вооруженную силу в Германии.

Гитлер задерживал выполнение своего обещания — речь шла о камарадах, приведших его к власти. Тогда его вызвали в имение Гинденбурга Нойдек. Здесь, стоя несколькими ступеньками выше, облаченный в парадный военный мундир, Бломберг жестко отчитал канцлера: «Если правительство рейха не сумеет осуществить ослабления напряженности, президент введет военное положение и передаст контроль над страной армии». Во время четырехминутной аудиенции президент Гинденбург повторил ту же идею. Бломберг стоял рядом. Канцлера отпустили. То был последний раз, когда армия продиктовала свою волю Гитлеру. В течение десяти дней руководство СА было уничтожено — это сделали отряды СС, а армия оставалась в бараках. Начиная с августа 1934 г. каждый военнослужащий вооруженных сил дол-

жен был принести присягу на личную верность «Адольфу Гитлеру, фюреру рейха и германского народа, верховному главнокомандующему вермахта».

С этого времени оспаривать первенство Гитлера в Германии стало смертельно опасно. Армия не заступилась за своих прежних вождей, таких как генерал-лейтенант Курт фон Шляйхер, а вскоре смерть Гинденбурга подкосила главный инструмент ее воздействия на национальные дела. Провозглашенная Гитлером задача перевооружения армии «заняла» военные круги. 17 марта 1935 г. тот же Бломберг оценил ситуацию в стране так: «Преодолев внутренний конфликт, армия расчистила почву для Богом посланного архитектора. Вооруженный волей и духовной силой, этот человек преуспел там, где потерпело поражение целое поколение». Запоздалое признание первенства Гитлера не спасло лично Бломберга от отстранения и национального позора. А декрет от 4 февраля 1938 г. объединил все три рода вооруженных сил под единым командованием Гитлера, который заявил: «Отныне я лично осуществляю непосредственное руководство всеми вооруженными силами». Гитлер противопоставил руководимое им ОКВ подчиненному командованию армии (ОКХ). В ОКВ верные Гитлеру Кейтель и Йодль возвысились над всей традиционной армейской кастой.

Всего этого не знал (или не смог оценить) Сталин, постоянно ожидавший самостоятельного слова той касты, что возобладала над цивильными в Первой мировой войне. Лишь через двадцать лет после окончания войны английский историк А. Кларк напишет: «Структура Рейха не являла собой более дуумвирата — совместного правления гражданской администрации и военных; возникла пирамида власти с Гитлером на самой вершине».

При этом Гитлер испытывал к военной касте нечто вроде презрения. По его словам, в ходе четырехлетия Первой мировой войны всемогущие военные, допущенные к управлению государством, делали одну ошибку за другой. Они настояли на губительной неограниченной подводной войне, приведшей к вступлению в конфликт Соединенных Штатов. Военные вожди не сумели заключить сепаратный мир с царской Россией, когда это

было возможно. Они настояли на создании марионеточного Польского королевства, что отсекло всякую возможность примирения с Россией. Бездумный аннексионизм военных вождей Германии в отношении Бельгии и Франции лишил смысла мирную инициативу Папы Римского. Гинденбург и Людендорф совершили катастрофическую ошибку, позволив Ленину прибыть в Петроград. Привязавшись к Вердену, генерал Фалькенгайн потерял шанс нанести смертельный удар по Франции. Наступление Людендорфа на Западном фронте весной-летом 1918 года было столь кровавым для германской армии, что в дальнейшем Германия не сумела обеспечить оборону своих рубежей. Гитлер полагал, что подключение военных к стратегическим решениям может только ослабить его государство.

В то же время, начиная с зимы 1940 года, военные руководители Германии отбросили всякие претензии на самостоятельность в вопросах стратегического планирования. «Все эти представители ОКВ и ОКХ, — вспоминает генерал Гудериан, — с которыми я говорил, излучали неистребимый оптимизм и были просто неспособны к критике или возражениям». И главный аргумент Гитлера остался без критического анализа: «Надежда Британии покоится на России и Соединенных Штатах. Если Россию ликвидировать в этом уравнении, Америка тоже будет потеряна для Британии, потому что ликвидация России в огромной степени увеличит мощь Японии на Дальнем Востоке. Вывод: крушение России должно быть частью этой борьбы — и чем скорее будет сокрушена Россия, тем лучше».

Беспредельная вера Сталина в то, что он сможет избежать рокового конфликта, является одним из самых трагических обстоятельств 1941 года. Захваченные документы германских архивов говорят о гигантской операции по введению в заблуждение противоположной стороны, проведенной Гитлером. Операции, увы, успешной.

Как пишет английский историк А. Буллок, «Сталин осознавал возможность войны с Германией, но не сумел понять идеологическое, можно смело сказать, — мифологическое значение ее для Гитлера, для которого эта война выходила за рамки разумного расчета. Сталин

убедил себя в том, что раз уж он подписал нацистско-советский пакт, то Гитлер так будет занят остальной Европой, что для него станут очевидны обоюдные выгоды сохранения этого пакта».

Советская сторона достаточно ясно видела происходящее в Восточной Европе и периодически протестовала, если немцы нарушали статус-кво. Так, СССР достаточно быстро и недвусмысленно отреагировал на ввод германских войск в Румынию и Болгарию. Последовали решительные протесты советского правительства в связи с нападением Германии на Югославию и Грецию, что рассматривалось в Москве как нарушение советско-германского пакта и непосредственная угроза советским интересам. В Кремле не могли не видеть, что действия вермахта являются показателем нечувствительности Гитлера к обеспокоенности, выраженной Молотовым в Берлине. Германское руководство не только грубо указало, что и Румыния, и Болгария войдут в германскую зону влияния, но и не посчитало нужным проявить минимум внешней деликатности и предупредительности — оповестить о своих возможных инициативах на Балканах. А ведь Молотов говорил не более и не менее как об «интересах безопасности» Советского Союза.

Между тем Сталин, как это ни странно, задушив собственную бешеную гордость, становился все обходительнее. Германский посол фон Шуленбург 13 апреля 1941 года, описывая обстоятельства отбытия из Москвы японского министра иностранных дел Мацуоки, подчеркивает «замечательную дружественность манер», проявленную Сталиным в отношении не только японцев, но и немцев. Германский уполномоченный в делах фон Типпельскирх посчитал необходимым срочно уведомить Берлин о демонстративном поведении Сталина на вокзале (об этом эпизоде уже говорилось выше), ибо это приобретало особое значение «в свете постоянно циркулирующих слухов о неизбежном конфликте между Германией и Советским Союзом». Проявляя нарочитую дружественность, советское правительство безоговорочно приняло тот вариант советско-германской границы, который был выдвинут немцами (это произошло 15 апреля 1941 года). Гибкая, склонная к компромиссу

позиция Советского Союза, отметил Типпельскирх, «весьма примечательна».

Окружающие, прошедшие страшную школу 30-х годов, вольно или невольно подыгрывали Сталину. Глава ГРУ генерал Голиков инструктировал (!) резидентов заграничных филиалов: «Все документы, сообщающие о возможной войне, должны рассматриваться как подделки, имеющие британское или даже немецкое происхождение». Голикову было запрещено обсуждать свои данные с наркомом Тимошенко и начальником Генштаба Жуковым.

Заведомая готовность к компромиссу

Но самый большой восторг по поводу дружелюбия Кремля выражал германский представитель на торговых переговорах Шнурре. Он, ликуя, сообщает 5 апреля в Берлин, что охлаждение января–февраля уступило место безусловной сердечности, выразившейся в подписании торговых соглашений о поставке сырья, причем «это особенно касается зерна, нефти, марганцевой руды, неметаллических руд и драгоценных металлов». Просьба об увеличении поставок каучука получила немедленный положительный отклик – выделено несколько дополнительных эшелонов с Дальнего Востока. Шнурре в высшей степени доволен: «Заказанные сырьевые поставки осуществляются русскими пунктуально, несмотря на тяжелое бремя, которым эти поставки ложатся на них... У меня сложилось впечатление, что мы можем увеличить экономические запросы в Москве, выходя даже за пределы соглашения от 10 января, с целью обеспечения германских потребностей в продовольствии и сырье».

В то же время германские поставки продукции машиностроения с каждым месяцем 1941 года замедлялись. Следует сказать, что внутри Германии были силы, выступавшие в поддержку дружественных отношений с СССР, или, по крайней мере, против восточной авантюры. К ним принадлежала часть офицерства и дипломатического корпуса. Этого мнения придерживался, в частности, посол Германии в СССР граф фон Шуленбург. У германского посла сложилось твердое убеждение

в мирных намерениях советского правительства. Именно в этом хотел убедить Шуленбург Гитлера во время их встречи 28 апреля. «Россия очень чувствительна к слухам о германском нападении. Я не могу поверить в то, что Россия когда-либо атакует Германию... Если Сталин не был в состоянии выступить вместе с Англией и Францией в 1939 году, когда обе они были еще сильны, то определенно он не примет такого решения сегодня, когда Франция сокрушена, а Англии нанесены суровые удары. Наоборот, я уверен, что Сталин готов пойти на еще большие уступки нам».

Во время аудиенции у фюрера дипломат постарался убедить того в политической и иной целесообразности тесных советско-германских отношений, в том, что СССР намерен всячески сохранять дружбу с Германией. По поводу закрытия в Москве посольств завоеванных немцами стран посол Шуленбург писал в Берлин 12 мая 1941 года: «Эти проявления намерений правительства Сталина строго рассчитаны... на ослабление напряжения в отношениях между Советским Союзом и Германией и на создание более благоприятной атмосферы на будущее. Мы должны иметь в виду, что сам Сталин всегда был сторонником дружественных отношений между Германией и Советским Союзом». Поддержкой этих взглядов характеризовалась позиция государственного секретаря по иностранным связям Вайцзеккера. Он убеждал политическое руководство не поворачивать с Запада на Восток, с британского направления на советское. Он считал, что конфликт с СССР лишь подорвет силы вермахта, заставит Германию рассредоточить свои войска, но не ослабит противостоящих англосаксов. Вайцзеккер писал Риббентропу: «Если бы каждый русский город, обращенный в пепел, был бы для нас столь же ценен, как потопленный британский корабль, я бы выступил за начало германо-русской войны этим летом. Но я полагаю, что мы будем в России победителями только в военном смысле и потеряем при это экономически».

Но Гитлер 30 мая утвердил точную дату начала войны против Советского Союза — 22 июня.

Шуленбург 6 и 7 июня снова убеждал свое руководство: «Россия будет сражаться только в том случае, если

будет атакована Германией... Русская политика, как и прежде, направлена только на то, чтобы иметь возможно наилучшие отношения с Германией... Все наблюдения показывают, что Сталин и Молотов делают все, чтобы избежать конфликта с Германией. Поведение советского правительства в целом, равно как и отношение прессы, подтверждает эту точку зрения. Лояльное выполнение экономического договора с Германией говорит о том же». Все эти послания со свидетельствами желания Сталина сохранять дружественные отношения с Германией не оказали ни малейшего влияния на Гитлера.

У фюрера были свои особенности восприятия информации. Так, Гитлер в целом считал разведку «бессмысленным занятием». Не большим было уважение к дипломатам. Когда граф фон Шуленбург в критический час — 28 апреля 1941 года — прибыл в Берлин с меморандумом, призывающим к сдержанности, фюрер попросту встал, положил документ в ящик своего стола, пожал послу руку и поблагодарил за интересные соображения.

Гитлер, в частности, вопреки всему не верил в быструю и эффективную мобилизацию СССР — в этом ему «помогли» оценки генерального штаба. В то же время попытки уверить его в миролюбии русских наталкивались на контраргументы: «Какой дьявол заставил русских заключить договор о дружбе с Югославией?». От волнения Гитлер стал спать всего 3—4 часа в сутки. Его внутреннее напряжение передавалось окружающим.

В Москве тоже росло напряжение. Раздражительность Сталина была видна многим. В начале мая он занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров — это очевидный показатель того, что вождь чувствовал приближение кризиса и был готов взять на себя ответственность. Сталин был явно недоволен развитием отношений с Германией. Частично он возлагал вину на Молотова. Мнение Шуленбурга было таково: «Определенно можно предположить, что Сталин сам поставил перед собой политические цели огромной важности... которые он надеется достичь собственными усилиями. Я твердо верю, что в международной обстановке, кото-

рую он считает серьезной, Сталин поставил перед собой цель предотвращения конфликта Советского Союза с Германией». Затем последовала кампания, совершенно очевидно рассчитанная на то, чтобы сохранить дружбу Германии. ТАСС 8 мая выступил с опровержением сообщений о якобы имеющей место концентрации германских войск у границ СССР. На следующий день советское правительство отказало в признании и сохранении дипломатических представительств Бельгии, Норвегии и Югославии; 12 мая Советский Союз признал поддержанное немцами правительство Рашида Али в Ираке. Через месяц, 14 июня, ТАСС в самых категорических выражениях отрицал наличие осложнений в советско-германских отношениях. Именно в этот день Гитлер провел последнее совещание со своими командующими. С каждым из них он разговаривал отдельно. А Жуков в этот день убеждал Сталина привести войска в боевую готовность. «Вы предлагаете проведение мобилизации, — отвечал ему Сталин. — Вы представляете себе, что это означает войну?» А Молотов, поддакивая в унисон, произнес: «Только дурак может напасть на нас».

В субботу, 21 июня, из Виши через советское посольство пришла телеграмма с сообщением о предстоящем нападении 22 июня Германии на СССР. Сталин в Москве и Деканозов в Берлине критически отнеслись к этой информации: провокация англичан.

А Гитлер накануне великого события решил вместе с Геббельсом проехаться по Берлину. На коленях у него лежал текст объявления войны Советскому Союзу. Геббельс записал свои впечатления: «По мере приближения решающего момента фюрер, кажется, избавляется от своего страха. Вот так всегда. Видно, что он расслабился и его утомление совсем прошло». Гитлера волновало, какие музыкальные заставки будут теперь звучать перед передачами с Восточного фронта. Он остановился на нескольких тактах из «Прелюдий» Листа. Своему архитектору Шпееру он сказал: «Ты теперь часто будешь слышать эти звуки. Нравится тебе?.. Мы сможем вывозить гранит и мрамор из России в любых нужных нам количествах». Перед отходом ко сну фюрер германского

народа объявил окружающим: «Не пройдет и трех месяцев, и мы увидим крах России, такой, какого мир не видел за всю свою историю».

Границу перешли еще два дезертира. Их сведения не оставляли сомнений — германские войска выдвигались к границе. Нарком С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба Г. К. Жуков и его заместитель Н. Ф. Ватутин пришли к согласию в том, что следует просить Сталина о разрешении объявить тревогу. Они прибыли в Кремль. Сталин спросил: «А что, если немецкие генералы посылают нам дезертира, чтобы спровоцировать конфликт?» Но отрицать очевидное становилось все труднее. Была подготовлена директива об объявлении тревоги. И снова в последний момент Сталин перебил Жукова: слишком рано, вопрос еще может быть решен мирным путем. Не нужно длинных телеграмм, послать короткую: нападение может быть спровоцировано действиями германских войск. Войска приграничных округов не должны поддаваться на провокации. Двусмысленная телеграмма, приди она даже раньше, собственно, мало что меняла. Но она была отправлена (напомним, в ней были все же ключевые слова «неожиданное германское нападение возможно») в штабы округов в половине первого ночи 22 июня.

Ошибка Сталина заключалась в твердой уверенности, будто Германия, не покончив с Англией, не начнет кампанию на Востоке. Сталина неимоверно страшила возможность той или иной степени согласия между Германией и Британией. Он готов был сделать все что угодно, лишь бы избежать примирения на Западе — тогда его позиции действительно становились уязвимыми. Он не знал, что лидер, подобный Черчиллю, никогда не пойдет на компромисс с Гитлером. Эпизод с Гессом мучил Сталина всю войну, и он откровенно не верил личным объяснениям Черчилля, данным во время визита последнего в Москву в 1942 году.

Свое мнение об отношении правительства к сигналам о грядущей опасности Литвинов выразил, уже будучи послом СССР в США, 13 декабря 1941 года: «Мое правительство получало предупреждения о предательских намерениях Гитлера в отношении Советского Со-

юза, но оно не воспринимало их всерьез и делало так не потому, что верило в священность подписи Гитлера или считало его неспособным нарушить подписанные им договоры и часто повторяемые им торжественные обещания, но потому, что считало безумием с его стороны начинать войну на Востоке против такой мощной страны, как наша, не завершив войны на Западе».

Историческая вина Сталина состоит в том, что во главе Красной Армии он поставил людей, главным достоинством которых было знакомство с вождем. Такие фигуры, как маршал Кулик, никогда бы не взошли на военный Олимп, если бы не давние связи со Сталиным. Бывший портной Щаденко едва ли был способен руководить армиями. Ворошилов и Мехлис не отличались стратегическими талантами. Чистка в армии стала ее первым разгромом. К лету 1941 года 75 процентов командиров Красной Армии занимали свои должности менее одного года.

Покинув в 1939 году т.н. «линию Сталина», войска не создали новых укреплений. Только 1000 из 2500 бетонных дотов были оснащены артиллерией. План постройки 190 новых аэродромов в западных районах СССР был одобрен лишь в феврале 1941 года. А НКВД начал работу над расширением всех имеющихся сразу, в результате чего большая часть самолетов была переведена на гражданские аэродромы, расположенные близко к границе и слабо защищенные.

Войска не получили предварительного уведомления. Чего стоит потеря 1811 самолетов в первый же день войны — причем почти всех на земле! Но еще важнее другое — обстановка всепроникающего страха перед репрессивной машиной буквально парализовала наших офицеров и солдат. Она резко ограничила их способности к гибкому маневру, право на личную инициативу, доверие друг к другу, без которых невозможно ведение современной войны, где каждый должен брать на себя ответственность в сложных обстоятельствах и доверять решениям, принятым соратниками.

Сталинизм демонстрировал жесткость, наказывая за малейшие проступки, и при этом ослаблял лучшие качества нашего солдата: способность не пасовать пе-

ред обстоятельствами, умение полагаться на себя, действовать автономно и одновременно веру в коллективную борьбу. Несчастьем стала изоляция страны от остального мира. Борьба против «поклонников Запада» обернулась неумением армии извлечь уроки из Польской и Западной кампаний германской армии. Страх не позволил прямо указать на самое слабое место наших войск — отсутствие надежной связи и координации (а это подразумевает наличие радио- и телефонной связи, постоянной авиационной разведки, действенной службы тыла). Наши инженеры сумели создать танки и самолеты, превосходящие немецкие. Воины показали готовность отдать жизнь. Но чтобы соединить передовую технику и самоотверженность солдата, нужен был третий элемент — умелое управление войсками, что означало самостоятельность подразделений при общей координации их действий фронтовыми штабами (так действовали немцы, предоставлявшие, скажем, Гудериану полную возможность тактической инициативы, но строжайшим образом координировавшие действия его танков с продвижением других частей армейской группировки). Потребовался кровавый опыт для того, чтобы найти систему эффективного управления войсками, чтобы выделились независимые характеры, самостоятельные командиры всех рангов.

* * *

Нетрудно, просмотрев более ста конкретных случаев предупреждений о «Барбароссе», прийти к выводу, что Сталин собственное видение происходящего поставил выше хладнокровного анализа реальности. Но он был не единственным среди тех, кто не пришел к безусловному выводу о неминуемости германского вторжения. Пожалуй, среди первостепенных государственных деятелей того времени это поняли лишь британский премьер Черчилль, американский президент Рузвельт, руководители госдепартамента США Хэлл и Уэллес. Среди деятелей «второго эшелона», пришедших к аналогичному выводу (и ждавших именно нападения, а не блефа или ультиматума), были Папа Пий XII и чехословацкий экс-премьер

Бенеш. Профессионалы-разведчики, разделявшие эту точку зрения, — глава итальянской военной разведки Чезаре Аме, председатель британского Объединенного комитета по разведке В. Кавендиш-Бентинк, посол Японии в Берлине Осима. В то же время такие первостепенные фигуры, прямо заинтересованные в том или ином повороте событий, как Муссолини и Чиано в Италии, Коноэ и Мацуока в Японии, Петэн в вишистской Франции, Франко в Испании, Хорти в Венгрии, отнюдь не пришли к выводу о решимости Германии начать войну против СССР. А они знали о перемещении войск и тому подобном.

Напомним при этом, что Гитлер определенно сказал Риббентропу о «Барбароссе» только 20 апреля 1941 года, своему главному союзнику — Муссолини — лишь 22 июня, а японцам вообще не посчитал нужным сообщить о выступлении на Востоке.

Рассуждения западных специалистов о судьбе России не отличались однозначностью. Показателен своего рода диспут ведущих американских журналистов, имевший место в Американском клубе в Токио в середине мая 1941 года. Дж. Нойман из «Нью-Йорк геральд трибюн» получил от Бранко де Вукелича (французское агентство «Гавас») сведения о том, что Гитлер нападет на Россию в конце июня, до начала сбора урожая. Нойман решил проверить, как относятся к этим сообщениям знающие люди — Томас из «Нью-Йорк таймс», только что переведенный из Берлина, Дюранти, представлявший лондонскую «Таймс» и американскую «Нью-Йорк таймс», недавно прибывший из Москвы, а также специалист по СССР (тоже недавно переведенный из Москвы), — будущий посол Чарльз Болен. Болен — самый сведущий — сказал, что версия выглядит неправдоподобной, поскольку Гитлер может получить все, что хочет, от Сталина, выдвинув ультиматум, так как Сталин знает, что нападение Германии будет означать конец его режима. Дюранти напрочь исключил возможность войны между Германией и Россией. Подавленный мнением признанных авторитетов, Нойман отложил публикацию своей статьи, а когда она вышла 1 июня 1941 года, то

была «разжижена» сомнениями самого автора и вследствие невыразительности помещена на 21-й странице газеты.

Превентивная война или агрессия?

Как пишет классик английской дипломатической историографии А.Дж.П. Тейлор, Гитлер решил вторгнуться в Советскую Россию не потому, что она представляла опасность, а потому, что ей будет очень легко нанести поражение.[13] Вопрос о превентивной войне тогда даже не обсуждался. Как не обсуждался он и позже в нацистской Германии на стадии первых двух лет германской агрессии. Геббельс стал использовать эту идейную карту только при переходе Германии к тотальной войне. Даже наиболее убежденными идейными противниками Советской России этот тезис не использовался на пике «холодной войны». И в настоящее время лишь несколько германских ученых используют тезис о превентивной войне, внесенный в российскую публицистику В. Суворовым.[14]

Аргументация. Нацистская пропаганда и (немногочисленные) сторонники версии о превентивном характере нападения Гитлера на СССР опирались и опираются на одни и те же аргументы: Красная Армия концентрировала свои силы для удара; советская стратегическая доктрина была наступательной; Сталин в своей речи 5 мая 1941 года перед выпускниками Военных академий говорил о необходимости быть готовыми к войне.

Что доказывают эти аргументы? Ожидание Сталиным войны в будущем не означает, что Советская Россия готовилась ее *начать*. И прежние, и открытые в 90-е годы документы подают советские стратегические оценки и планы 1941 года как реакцию на германские приготовления на границе с СССР. Даже ревизионисты (скажем, немецкий историк Гофман) признают, что до июня 1941 года Красная Армия мобилизовала свои части лишь в западных военных округах.[15]

Что касается речи Сталина, то сразу же напрашивается вопрос: неужели предельно скрытный Сталин стал бы излагать свои смертельно опасные планы перед сот-

нями молодых офицеров? Стоит ли забывать, что в середине июня 1941 года Сталин отказался принять предложение командования Красной Армии объявить полномасштабную военную готовность войск в прифронтовых округах.[16]

Красная Армия находилась в состоянии глубокой трансформации. В войсках был недокомплект офицеров (до одной трети). Координации действий между артиллерией и бронетанковыми частями практически не существовало, что принципиально обесценивало бы любые наступательные планы. Но дело-то в том, что их не было вовсе. *Немецкие* историки отмечают: «Если бы вермахт начал наступление против Красной Армии, тоже готовой к наступательным операциям, то можно было бы ожидать огромного числа свидетельств этой наступательной готовности в дневниках и мемуарах — тем более охотно это фиксировалось бы ввиду того, что помогало бы отрицать преступления самой германской армии».[17] Но признаков готовящегося похода на Запад немцы не видели. Потому что такой подготовки не проводилось.

Что не менее важно: ни на каком этапе в 1940—1941 годах *германское военное командование никогда не осуществляло планирование, базирующееся на предпосылке необходимости предотвращения нападения Красной Армии.* (В апреле 1940 года германская разведка не могла найти даже *выдуманного, сфабрикованного* аргумента о возможности выступления Красной Армии против Румынии. На всех этапах планирования все немецкие генералы были абсолютно уверены в превосходстве вермахта и не ограничивали это превосходство некой датой в будущем (как, к примеру, перед Первой мировой войной немцы нередко предусматривали потерю своего превосходства где-то к 1917—1918 годам). Известны слова Гитлера, обращенные к Кейтелю (об этом последний свидетельствовал на Нюрнбергском процессе): «Первоклассный состав высших советских военных кадров истреблен Сталиным в 1937 году. Таким образом, необходимые умы в подрастающей смене пока еще отсутствуют». Немцы были абсолютно (и справедливо) уверены в том, что элитарные боевые части Красной Армии (бронетанко-

вые дивизии и бригады) не смогут осуществить крупномасштабные операции.

Военный атташе германского посольства в Москве генерал Кестринг придерживался твердого мнения, что в непосредственном будущем агрессивная наступательная политика для СССР *невозможна*. Генералы Маркс и Лоссберг, ответственные за германское планирование в 1941 году, безусловно исключали наступательные действия Красной Армии даже в случае нападения на нее. Гитлер во всех своих беседах этого периода говорит об «исключительной благоприятности момента». В его словах не было обеспокоенности некой русской угрозой. 8 мая 1941 года верховное командование вермахта подчеркнуло, что состояние Красной Армии «не улучшилось, ей не хватает хорошего руководства».[18] Именно тогда ОКВ (германский генеральный штаб) пришло к выводу, что «расположение советских войск носит оборонительный характер ввиду схемы расположения мобильных частей в тылу, что определяет их функцию противостояния германским танковым дивизиям, когда те прорвутся сквозь русскую оборону. Такие мобильные русские дивизии были размещены в Пскове, Вильнюсе, Барановичах, Проскурове и Южной Бессарабии, то есть примерно в 140 км от границы, а псковская группа даже в 500 км».[19]

Военный дневник ОКВ не содержит ни малейшего намека на угрозу предупреждающего удара Красной Армии. Запись от 22 июня гласит: «Сегодняшние доклады повсеместно подтверждают, что неожиданность достигнута повсюду. Враг только сейчас начинает организовывать сопротивление. Больших движений войск противника не замечено».[20]

Офицерская честь, пишет генерал Варлимонт, страдала от слов Гитлера о якобы «угрожающем характере расположения советских войск». От этих слов находившийся в штабе сухопутных сил генерал Варлимонт «испытывал неловкость и дискомфорт».[21]

Глава ОКВ фельдмаршал Кейтель выступал против войны с Советским Союзом — не видел в этом необходимости. В августе он направил меморандум с этой идеей Гитлеру: нет никаких оснований предполагать,

что Россия готовится к нападению на рейх. Кейтель пытался в этом отношении заручиться поддержкой Риббентропа. Той же идеи придерживался генерал-полковник Гудериан.[22] На вопрос, на какой день он намерен войти в Минск, Гудериан ответил Гитлеру — на пятый после начала войны (и вошел в Минск 27 июня). Можно ли представить большее доказательство неготовности Красной Армии? Можно ли продвигаться с такой скоростью в глубь территории противника, если он готов тебя атаковать?

Генерал Лоссберг, помощник Йодля в штабе командования вермахта, слышал вопрос Гитлера, сможет ли он нанести удар по Советскому Союзу после победы над Британией.[23] Это не был вопрос об опасности русского удара в спину.

Немецкие историки упрекают ревизионистов — сторонников теории превентивной войны — в том, что, *во-первых*, те отказываются учитывать нацистскую идеологию, критически важную при определении военных целей Гитлера. *Во-вторых*, Гитлер видел в уничтожении любой силы на континенте сокрушение «континентального меча» Британии. *В-третьих*, известная речь Сталина о необходимости быть готовыми к войне никак не взволновала германских военных. Именно по этому поводу генерал Типпельскирх (обер-квартирмейстер германского генерального штаба) пишет, что «в высшей мере маловероятно, что Советский Союз начнет войну против Германии в обозримом будущем».[24]

Международные специалисты

Оспорить точку зрения о *превентивном* характере войны посчитал необходимым целый ряд историков, начиная с Г. Городецкого (Израиль), Д. М. Проектора, Й. Цуккерторта, Б. Петрова.[25] В целом, историографические звезды первой величины в данном вопросе — Хью Тревор-Ропер, Герхард Вайнберг, Эберхард Екель, Аксель Кун, Андреас Хильгрубер — считают, что намерение фюрера напасть на Советский Союз никоим образом не может быть объяснено в монокаузальной манере в ситуации 1941 года. Ответ на этот вопрос может быть дан

лишь в контексте его *Восточной программы*, выработанной еще до 1933 года и провозглашавшей своей целью захват *жизненного пространства* на Востоке. Существует подлинное согласие в том, что в июне 1941 года «была начата не превентивная война, а началась реализация подлинных намерений Гитлера, которые были идеологически мотивированы».[26] Гитлером владел не страх перед Красной Армией, а выполнение программы расширения германского жизненного пространства, он начал войну на уничтожение, расово-геополитическую войну. Война Германии против Советского Союза была заранее спланированной *агрессивной* войной.

Ведущие историки Второй мировой войны на Западе и Востоке не видели и не видят элемента реализма в перекладывании вины гитлеровской Германии на ее жертвы. Многолетний убежденный противник сталинизма и коммунистической идеологии, которого трудно заподозрить в симпатии к сталинской России, американец А. Даллин призывает высказываться с точки зрения *здравого смысла*: «Можно найти идеологические элементы в стандартных советских декларациях о ведении войны на территории противника, о том, что следует полагаться на помощь мирового пролетариата в случае войны — включая рабочий класс Германии. *Но утверждение о реальности советского нападения на Германию в 1941 (или в 1942) году абсурдно*».[27]

Он аргументирует: «В конце концов, это было время, когда Красная Армия продемонстрировала серьезную слабость в ходе «зимней войны» с Финляндией, а Германия только что завершила удивительно легкое завоевание всего Европейского континента от норвежского арктического севера до греческих островов в Средиземноморье; Советская Россия страдала от последствий чисток и террора — которые, помимо прочего, привели к уничтожению высшего армейского командного состава, — страдала от последствий насильственной коллективизации. Правда, что Сталин мог не в полной мере ощущать длительный эффект этих событий и абсурдность решений иногда была ему присуща. И все же характер расположения советских вооруженных сил и документальные свидетельства, ровно как и мемуары,

находящиеся в нашем распоряжении, касающиеся дискуссий по данному вопросу на самой вершине советской системы, делают эту гипотезу абсолютно незащищенной и уязвимой для критики».[28]

Начальник оперативного отдела ОКХ генерал Хойзингер вспоминает разговор между Гальдером и начальником разведки восточного направления, во время которого Гальдер задал вопрос: есть ли признаки того, что СССР готовится напасть на Германию? Ответ был таков: «По моему мнению, способ размещения сильных советских войск связан с опасениями относительно наших намерений». Гальдер: «Я согласен...»[29] Фельдмаршал Кессельринг дает хорошую характеристику превентивной войне в гитлеровской интерпретации. «Гитлер хотел войны — превентивной войны! Строго говоря, *положение дел не заставляло Гитлера прибегать к превентивному нападению.* Но нужно признать, что государственный деятель должен иметь особую интуицию, чтобы различить необходимость принятия решения, имеющего такие гигантские последствия». При таком подходе козырный туз доказательств просто вынимается из обшлага. Получается: никакой необходимости в настоящем, но подчеркивается возможная необходимость в будущем. А что если бы немцы создали в 1944 году ядерное оружие? Или реактивную авиацию? Суждение, «что-было-бы-если» историографически трудноощитимо.

Главное ответственное лицо — начальник штаба сухопутных сил генерал Гальдер — характеризует расположение советских войск как строго *оборонительное.* Во время беседы в Цоссене 4 июня 1941 года он *«не думал, что широкомасштабное наступление Красной Армии вероятно».*[30] И уже после начала боевых действий: Красная Армия готовилась к оборонительным действиям *на границе,* о чем свидетельствует оборонительный характер расположения войск.[31]

Германские документы и аргументы

О мнимой превентивности и о высшей степени самоуверенности Гитлера говорит проект его директивы №32 под названием «Приготовления к действиям

после осуществления плана «Барбаросса», подготовленный 11 июня 1941 года. После завоевания Советского Союза предусматривалось: 1) сокрушение стратегических позиций Британии на Ближнем Востоке ударами с трех направлений — через Ливию и Египет к Суэцкому каналу, через Болгарию и Турцию к британским владениям на Ближнем Востоке, через Кавказские горы к Ирану и Ираку; 2) создание оперативной базы в Афганистане для броска в Индию со стороны северо-запада (надеясь при этом на выступление Японии, как минимум, против Сингапура); 3) завоевание стратегических позиций в Северной Африке посредством захвата Гибралтара, испанских и португальских островов в Атлантическом океане; 4) создание базы в Западной Африке — Дакар, Конакри, Фритаун — для создания угрозы Соединенным Штатам. Гитлер называл это проведением Weltblitzkrieg — молниеносной войны в мировых масштабах.

Это планирование лучше всего прочего отвечает на вопрос о превентивной войне. Были ли подобные планы у жертв германской агрессии? В свое время лучший германский историк Первой мировой войны Фриц Фишер разрубил «гордиев узел» спора о виновниках развязывания той (Первой мировой) войны обращением к целям сторон. Анализ показал, что только у Германии они были сугубо *наступательными и завоевательными.* Вооружась тем же методом, посмотрим на Вторую мировую войну. И мы увидим, что лишь Германия планировала захват и оккупацию территорий в глобальном масштабе. Это, собственно говоря, ставит точку в дискуссии по вопросу о *превентивности.* Страна, которая после победы над Россией готовилась к битвам *на трех континентах,* решала задачу не превентивного удара против СССР, а задачу установления мирового владычества. Обороняющаяся сторона не создает концепции Weltblitzkrieg.

Война против Советской страны была начата не потому, что Гитлер боялся Сталина, а потому, что Гитлер выполнял программу, намеченную еще до 1933 года.

* * *

И, как пишет германский историк М. Мессершмидт (из Института военной истории во Фрайбурге), «нет сомнений в том, что, если бы Сталин нанес удар перед 21 июня 1941 года, он начал бы превентивную войну в подлинном смысле понятия *praevenire — предотвращать*».[32]

В последнее десятилетие появились свидетельства по меньшей мере одного случая, предполагавшего предварить германское вторжение в Россию предупреждающим ударом. Согласно сведениям, представленным историком Д. Волкогоновым и писателем В. Карповым, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал Жуков 15 мая 1941 года, точно убедившись в неминуемости германского нападения, предложил предварить его выступлением Красной Армии. И Волкогонов и Карпов, согласно их утверждениям, видели соответствующий документ в личном досье Жукова в Министерстве обороны.[33] Жуков якобы предлагал использовать 152 дивизии. «Использовать эти войска к югу от Бреста—Демблина и в результате тридцатидневного наступления выйти к северу от Остроленки, реки Нарев, Лович, Лодзь, Крайтсбург, Опелеон, Оломоуц». В документе указывались направления и других ударов, прилагалась подробная карта. Если бы Сталин внял совету Жукова (поддержанного — подписанного маршалом Тимошенко и адресованного Сталину и Молотову), война началась бы иначе. Впрочем, заместитель начальника Генерального штаба (в 1991 г.) генерал-полковник А. Клейменов утверждал, что документ этот не был подписан и никогда не обсуждался.

По-видимому, Жуков был в отчаянии от бездействия Сталина. Его предложение не было выражением философии наступления на Центральную и Западную Европу, но смотреть спокойно на германские приготовления Жуков, как представляется, не мог. Категорический отказ Сталина даже рассматривать это предложение стоит в ряду его других действий, направленных на умиротворение Берлина. В данном конкретном случае он не решился на шаг, оправданный со многих точек зрения. Ведь речь шла о судьбе страны, о жизнях миллионов ее жителей.

Руководители рейха отбирали союзников по степени надежности. Япония по важности была союзником номер один. Гитлер и Риббентроп были полны решимости подтолкнуть Токио к захвату Сингапура, чтобы нанести критический удар по Британской империи. 5 марта 1941 года фельдмаршал Кейтель подписал директиву Гитлера №24 – о сотрудничестве с Японией: «Целью сотрудничества, инициированного Трехсторонним пактом, *должно быть привлечение Японии к активным действиям на Дальнем Востоке* так скоро, насколько это возможно». Операция «Барбаросса» создаст «особенно благоприятные политические и военные условия для этого». И тем не менее Гитлер приказал: «Никакого намека на операцию «Барбаросса» японцам не должно быть». Их главная задача «удержать США от участия в войне».[34] Посол Японии Хироси Осима 3 июня пришел к выводу, что выступление Германии против Советского Союза произойдет в недалеком будущем. Он сообщал в Токио, что Риббентроп сказал ему: Германия приветствовала бы присоединение Японии к борьбе против СССР.[35]

Гитлер был занят в мае урегулированием связей с союзниками. Румынский диктатор Антонеску прибыл в Мюнхен и лично обещал Гитлеру принять участие в нападении. В конце месяца в Германию прибыл начальник штаба финской армии. В течение недели он обсуждал обстоятельства германо-финского военного сотрудничества. Трудно объяснимым фактом, как уже было сказано, является молчание Гитлера в отношении предстоящего выступления при встрече с итальянцами. Он ничего не сказал Муссолини во время майского приезда последнего в Берхтесгаден. Риббентроп 15 июня позволил себе сделать намек. В Венеции, сидя в гондоле с Чиано, он так ответил на вопрос о слухах, касающихся возможностей советско-германской войны: «Дорогой Чиано, я ничего не могу вам сказать, потому что всякое решение замкнуто в груди фюрера. И лишь одно определенно: если мы выступим, Россия Сталина исчезнет на карте мира в течение восьми недель».

Из Венеции Риббентроп послал телеграмму в Будапешт с указанием венграм обеспечить боевую готовность своих войск. «Ввиду большой концентрации русских войск на восточной границе Германии фюрер, возможно, будет вынужден не позже начала июля осуществить выяснение германо-русских отношений и в связи с этим выдвинуть определенные требования». Гитлер 18 июня в письме Антонеску обговорил последние детали. В этот же день был заключен пакт о ненападении между Германией и Турцией.

Вопреки довольно настойчивым требованиям Риббентропа Гитлер категорически отказался предупреждать Японию о нападении на Советский Союз. Фюрер, равно как ОКВ и ОКХ, был уверен в том, что Германия сокрушит Россию без помощи восточного союзника. (В свою очередь, Исследовательский комитет Секретного комитета короны пришел еще в сентябре 1940 года к выводу, что Германия начнет войну против России через три или четыре года после победы над Британией.[36])

Итак, о нападении на СССР были уведомлены Финляндия и Румыния, на чьи войска немцы полагались, чьи хром, никель и нефть необходимы были для германской военной машины. В последний момент сообщения о походе на Восток получили Италия, Венгрия, Словакия и Хорватия. Только София отказалась предоставить свои войска. Союзники были уверены в скорой победе Германии и спешили занять лучшее место в новой германской Европе, торопясь проявить союзническую верность, чтобы быстрее оказаться «за столом победителей».

* * *

Все основные пункты плана «Барбаросса» уже выполнялись. Строго по расписанию происходили концентрация войск, перемещение техники, поступление боеприпасов, приход в порты назначения кораблей. В военно-морском журнале 29 мая появилась запись: «Началось подготовительное движение кораблей по плану «Барбаросса». Переговоры с генеральными штабами Финляндии, Румынии и Венгрии закончились. Находясь в Берхтесгадене, Гитлер 9 июня вызвал на совещание в

Берлин командующих родов войск. Это было последнее предвоенное совещание такого ранга.

Цвет вермахта собрался в рейхсканцелярии 14 июня 1941 года. Генералы и адмиралы пришли выслушать последние установочные указания Гитлера. Конференция длилась с одиннадцати утра до половины седьмого вечера. Присутствующие, позднее, в мемуарах, поведавшие о своих сомнениях, имели в тот день хорошую возможность поделиться ими. Никто этого не сделал. Следовательно, они были солидарны с фюрером, разделяли его оценку России и цели Германии в войне с ней. А тот достаточно внимательно слушал соображения военных и утвердительно кивал головой.

На этом последнем большом совещании перед началом «Барбароссы» властители Германии еще раз задумались о возможности мирных предложений СССР в последний момент. Было решено, что в любом случае советские дипломаты не должны «пробиться» к Гитлеру и Риббентропу. Чиновникам было предложено отвечать, что обоих нет в данный момент на месте и они находятся вне зоны досягаемости. Даже персоналу их собственных железнодорожных вагонов были даны инструкции реагировать таким немудреным способом. (Впрочем, эти приготовления оказались излишними: 18 и 21 июня посол Деканозов удовлетворился беседой с Вайцзеккером, и его поиски Риббентропа 21 числа не имели вида «отчаянных» усилий, ему было поручено вручить очередную ноту протеста.).

Подводя итоги подготовки к «Барбароссе», Гитлер еще раз подчеркнул особый характер разворачивающегося конфликта. Кейтель вспомнит об этой речи в Нюрнберге: «Главной темой было то, что предстоит решающая битва между двумя идеологиями и что практика, к которой мы как солдаты привыкли... должна определяться по совершенно иным стандартам». Гитлер, по словам Кейтеля, отдал приказы по осуществлению в России беспрецедентного террора «брутальными» методами. Ни один из присутствовавших генералов не выразил ни своего несогласия, ни своего неодобрения.

16 июня 1941 года Геббельс записал в дневник: «Фюрер заявляет, что мы должны добиться победы, не

важно, правы мы или нет. Мы должны любым путем достичь победы, в противном случае немецкий народ будет сметен с лица земли».[37]

Наконец 21 июня Гитлер продиктовал письмо Муссолини: «Дуче! Я пишу вам это письмо в момент, когда оканчиваются месяцы беспокойных размышлений и продолжительного нервирующего ожидания перед принятием самого трудного решения моей жизни. Я полагаю — после просмотра последних карт, указывающих на положение в России, и после оценки многочисленных других документов, — что я не могу взять на себя ответственность ждать дольше, и, прежде всего, я полагаю, не существует иного пути избежать опасности — если он не заключается в дальнейшем ожидании... Что бы ни случилось, дуче, наше положение в результате этого шага не может стать хуже: оно может лишь улучшиться. Даже если я обязан буду в конце этого года оставить шестьдесят или семьдесят дивизий в России, это будет лишь часть войск, которые я ныне сохраняю на Восточном фронте».

Дуче жаловался на позднее прибытие письма Гитлера: «Я не беспокою ночью даже слуг, но немцы заставляют меня вскакивать с постели в любое время без малейших предупреждений». В те минуты, когда Муссолини читал письмо Гитлера, тишина на Востоке уже взорвалась.

Прочитав письмо, Муссолини тотчас же распорядился объявить войну Советскому Союзу. Теперь он был более чем когда-либо зависим от немцев. Но он не мог не понимать грандиозного характера предпринимаемой ими авантюры: «Я надеюсь только на то, что в ходе этой войны на Востоке немцы потеряют немало перьев», — сказал он Чиано. У дуче пока не было сомнений в том, что немцам удастся превозмочь сопротивление своего противника, но он был уже уверен, что эта кампания не будет для вермахта легкой.

К началу войны Гитлер построил себе центр управления Восточной кампанией в сосновом лесу Мауэрвальд в Восточной Пруссии. Ближайшим городом был Растенбург, бывшая цитадель тевтонского ордена. Гитлер назвал свою новую Ставку «Волчье логово» — Вольф-

шанце. В глухом и мрачном лесу был создан подземный бункер. Никакие химикаты не могли летом уничтожить мириады комаров. Зимой над местностью расстилался туман — вокруг простирались озера и болота. Центр был окружен тремя рядами колючей проволоки. Сверху бункер был выкрашен под окружавшую его зелень, камуфляж скрывал постройки от железной дороги. Дальние подходы к Вольфшанце были заминированы, повсюду стояли посты охраны и слежения. Радиостанция, узел телефонной связи, железнодорожная станция. Шесть метров бетона над головой для сотрудников, семь метров — для фюрера. (Самое поразительное во всем этом то, что немцы смогли взорвать Вольфшанце в 1944 году.) Гитлер намерен был провести здесь короткий период Восточной кампании, но обстоятельства, как известно, задержали его.

Характерно, что Вольфшанце не нравилось никому из его обитателей, в том числе и Гитлеру. Генерал Йодль определил его как «нечто среднее между монастырем и концентрационным лагерем». Большинство же видело в нем скорее второе. Это место пребывания Гитлера так и не было обнаружено разведками противостоящих Германии стран. Служба Геббельса сообщала, что фюрер находится «в полевых условиях», и большинство немцев думало, что Гитлер перемещается между фронтами. В малом пространстве среди минных полей, отдавая приказы, даже когда он был один (тренируя овчарку), Гитлер провел три с половиной года. Здесь, среди туманов и снегов, фюрер пытался реализовать план «Барбаросса». Он прибыл в Вольфшанце в ночь на 22 июня 1941 года. В маленькой комнате с достаточно непритязательной дубовой мебелью на стене висел портрет Фридриха Второго. В его компании Гитлер проведет годы осуществления и агонии «Барбароссы».

Для официальной пропаганды Гитлер выдвинул два тезиса: Россия готовилась выступить против Германии летом 1941 года; нежелание Британии признать свое поражение базируется на вере в конечное вступление в войну России и Америки, фактически Британия уже вступила в негласный союз с Россией. Гитлер молчал о том, о чем так красноречиво писал пятнадцать лет на-

зад: о предназначении немцев покорить Восток, о том, что туда «Германию влечет судьба», о том, что в его планы входило аннексирование территории до Урала. Но все германские офицеры и солдаты читали «Майн кампф», власти дарили им это сочинение на свадьбах и юбилеях, это «евангелие нацизма» имелось в каждом доме. Рейх был идеологически вымуштрован, армию не требовалось убеждать.

Теперь предстояло убедиться в возможности покорения России в ходе одной скоротечной кампании. Фельдмаршал Клейст скажет после войны: «Надежды на победу базировались в основном на том, что вторжение произведет политический взрыв в России... и что Сталин, если последуют тяжелые поражения, будет свергнут своим собственным народом». Гитлер заверял Йодля: «Нам нужно только постучать в дверь, и вся прогнившая структура рухнет». Как пишет английский историк А. Буллок, «Гитлер не был слеп в отношении численного превосходства русских, но он был убежден, что политическая слабость советского режима и техническое превосходство немцев обеспечат ему быструю победу в кампании, которая, по его мнению, должна была длиться не дольше, чем та, в ходе которой он сокрушил Францию годом раньше. А когда он выйдет к Уралу и захватит Кавказ, его противнице Британии не поможет присоединение к ней Америки. Гигантская Евразия будет у его ног, и не останется на земле силы, способной совладать с Германией, контролирующей самый обширный континент Земли». Итак, на пути к мировому господству стояла лишь Россия, и это препятствие следовало ликвидировать в течение краткосрочной кампании.

У верховного командования вермахта не было дурных предчувствий. Грандиозность предстоящей операции странным образом лишь возбуждала. Накануне нападения, ночью, фон Браухич вернулся после инспекции войск, приготовившихся к нападению по плану «Барбаросса». Он был в высшей степени удовлетворен. Гальдер записал его оценки в дневник: «Офицеры и солдаты находятся на пике формы».

20 июня 1941 года Альфред Розенберг заявил, что СССР не является более субъектом европейской поли-

тики, он является объектом германской мировой политики: «На Западе ничто не угрожает интересам Германии, а на Востоке Германия вольна делать все что угодно по желанию фюрера».[38]

Для Гитлера день 22 июня имел символическое значение. Во-первых, именно в этот день Наполеон перешел Березину и начал свой восточный поход. Второе, более близкое и лестное, — именно в этот день год назад он добился своего величайшего военного триумфа: в историческом спальном вагоне Фоша посреди Компьенского леса он принял капитуляцию Франции. Автор наиболее полной биографии Гитлера Й. Фест назвал решение выступить против СССР «последним и наиболее серьезным среди самоубийственных решений фюрера».[39]

Отметим особо, что, согласно директиве ОКВ, скрупулезные и методичные немцы должны были всячески маскировать свои приготовления только до 18 июня. Предполагалось, что из-за гигантской концентрации войск советская разведка неминуемо «прочитает» намерения германской стороны и поэтому дальнейший камуфляж будет излишен. В любом случае 13 часов 21 июня — это последний срок, после него вообще не нужно было придерживаться маскировочных усилий. Армия получила два пароля: «Альтона» — отмена операции, «Дортмунд» — начало операции.

ОКВ послало в войска пароль «Дортмунд» вечером 20 июня. Военная машина развернулась с немецкой пунктуальностью в 3.00 22 июня. Началась война на уничтожение России как страны и ее населения как неполноценных биологически и психологически индивидов.

* * *

Было ли у Сталина предчувствие? Едва ли. Судя по его и Молотова действиям, они предпочли закрыть глаза на все предупреждения. На то у них были свои резоны. На Западе Германия еще воевала с Британией, Югославия, охваченная партизанской войной, еще не покорилась. Вооруженные силы Германии были распылены по всей Европе, новые образцы германского вооружения

еще не были запущены в производство. Импровизация на западных рубежах России по меньшей мере выглядела как авантюра. План «Барбаросса» строился на идее блицкрига, это был план войны без резервов, без больших материальных запасов — план одноактной операции. С точки зрения не одного только Сталина Германия, даже с учетом ресурсов всех ее сателлитов, в потенциале уступала Советскому Союзу в соотношении материальных и военных сил. И если делать расчет на трезвомыслящего противника, то он должен был предусмотреть вариант затяжной войны с СССР. Но Гитлер был авантюристом. Он опирался на другой опыт — опыт Первой мировой войны, который был слишком лестным для германской армии. Нацизм создал мощное государство. Его критика была в Советском Союзе однобока — здесь так и не поняли до самой последней минуты, что умный, твердый, рациональный немецкий рабочий может забыть о классовой солидарности с первой страной победившего пролетариата и превратиться в непоколебимого солдата вермахта. Вина Сталина — он этого не учел и не предусмотрел.

В половине десятого вечера 21 июня Молотов пригласил посла Шуленбурга. Сидя в своем кремлевском кабинете, нарком упомянул о нарушении воздушного пространства СССР немецкими самолетами. Советский посол в Берлине должен указать на эти нарушения Риббентропу. И это все. Молотов как бы сам уходил от неприятного разговора. Не таков он был в Берлине в ноябре, когда его прямые вопросы рвали словесную сеть Гитлера. Сейчас он был настроен примиренчески, если не сказать больше. Душной ночью Шуленбург передал содержание этой беседы в Берлин. «Существует целый ряд указаний на то, что германское правительство недовольно советским правительством. Распространяются даже слухи, что между Германией и Советским Союзом готовится война... Советское правительство не в состоянии понять причин недовольства Германии... Он (Молотов) был бы признателен мне, если бы я смог объяснить ему, что создает такую обстановку в германо-советских отношениях. Я ответил, что не могу ответить на его вопросы, так как не располагаю необходимой информацией». А из

германской столицы тем временем шло шифрованное послание – длинная телеграмма Риббентропа. Оно датировалось 21 июня и несло на себе гриф «очень срочно, государственный секрет, для посла лично»: «По получении этой телеграммы все зашифрованные материалы, еще имеющиеся в посольстве, должны быть уничтожены. Радиоточка должна быть выведена из строя. Пожалуйста, информируйте герра Молотова сразу же по получении моей телеграммы, что у вас есть для него срочное сообщение... Затем, пожалуйста, сделайте следующее заявление».

Накануне, двадцать первого июня, члены Политбюро собрались на даче у Сталина. После обеда смотрели кино, и именно оттуда Молотов поехал на первую встречу с Шуленбургом.

В кабинете Сталина Тимошенко и Жуков ссылались на данные, представленные немецкими дезертирами, и уже более жестко предлагали привести войска в состояние боевой готовности. Тем временем собрались члены Политбюро. Сталин обратился к ним: «Что делать?» В ответ – молчание. Жуков вынул заранее приготовленный приказ. Сталин приказал его зачитать. Когда Жуков кончил, Сталин отреагировал нервно: «Еще рано давать такой приказ. Пожалуй, вопрос можно уладить мирным путем. Войска не должны поддаваться на провокации». Тимошенко и Жукову пришлось продемонстрировать всю свою уверенность в необходимости приказа. Они согласились на незначительные поправки, и последние возражения Сталина были сняты. Утомленный и раздраженный, Сталин отправился на ближнюю дачу.

А по телефону в Кремль уже пытался прорваться адмирал Кузнецов: немцы бомбили Севастополь. В половине четвертого ночи сообщение о налете на Минск и Киев получили Тимошенко с Жуковым. У последнего был телефон дачи Сталина, и вождя разбудили. Сталин приказал через час быть у него в кабинете в Кремле, куда Поскребышев уже созывал членов Политбюро. «Собрались все члены Политбюро. Сталин с белым лицом сидел за столом. В руках у него была набитая табаком трубка».

Между тем около трех ночи 22 июня в секретариат Молотова позвонили из германского посольства с просьбой о приеме. Кабинет Молотова находился в двух-трех минутах ходьбы от кабинета Сталина, он выходил углом на колокольню Ивана Великого. Здесь у окна, с видом на русские святыни, Молотов услышал, что Германия объявляет Советскому Союзу войну.

Глава девятая
НАШ САМЫЙ СТРАШНЫЙ И ЛУЧШИЙ ЧАС

Мир затаит свое дыхание...

А. Гитлер, 1941 г.

Германская декларация об объявлении войны превосходит своим лицемерием все прежние лживые немецкие документы. В ней говорится, что, в то время как Германия лояльно выполняла положения советско-германского договора, Советский Союз постоянно нарушал его, прибегая к «саботажу, терроризму и шпионажу» против Германии. Советский Союз подрывал «германские попытки установить стабильный порядок в Европе». Советскому Союзу вменялись в вину попытки закулисного сговора с Британией «с целью выступления против германских войск в Румынии и Болгарии... Все русские войска были сконцентрированы на широком фронте от Балтики до Черного моря, угрожая рейху... Из Англии получены сообщения относительно переговоров посла Криппса о более тесном сотрудничестве между Англией и Советским Союзом.

Суммируя все это, правительство рейха заявляет, что Советское правительство, вопреки взятым на себя обязательствам:

1) не только продолжало, но интенсифицировало свои попытки подорвать позиции Германии и Европы;

2) проводило все более и более антигерманскую внешнюю политику;

3) сконцентрировало все свои силы в состоянии боевой готовности на германской границе. Тем самым Советское правительство нарушило свой договор с Германией и готовится атаковать Германию с тыла в то время, когда та борется за свое выживание. Фюрер вследствие этого приказал германским вооруженным силам устранить угрозу всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

Геббельс записал в дневнике: «Мы должны победить и сделать это быстро». При этом Геббельс отдал приказ не публиковать крупномасштабные карты Советского Союза, чтобы не нервировать население.

Германия наносит удар

Переодетые в крестьян артиллеристы в Восточной Пруссии подвозили последние артиллерийские снаряды. Радиомолчание сохранялось на огромной территории от Балтийского до Черного моря. С орудий снимали маскировочные сети. Конские упряжки подвозили орудия к границе. Здесь уже находились офицеры-корректировщики. В свои бинокли они хорошо видели советских пограничников. Чуть в отдалении офицеры поднимали бокалы с шампанским. Солдатам раздали разговорники с русскими фразами. Из немецких позиций слышались звуки аккордеона. Читавшие Коленкура офицеры размышляли над задачей, решение которой не далось Наполеону. Они были задумчивы — слишком велика страна, на которую они вскоре обрушат смерть. Русские наблюдательные пункты, лагеря и палатки были молчаливы.

Первый залп германской артиллерии раздался в три часа двенадцать минут по берлинскому времени.

Шуленбург зачитал текст германской декларации Молотову на рассвете. Услышав зачитанный послом текст, Молотов долго молчал, затем сказал: «Это война. Вы считаете, мы ее заслужили?» Шуленбург (который

будет позже казнен в связи с заговором против Гитлера 20 июля 1944 г.) был сторонником взглядов Бисмарка, который считал необходимым поддерживать мир с Россией, он читал объявление войны со слезами на глазах и от себя осмелился добавить, что не одобряет решения своего правительства.

В германской столице посол В. Деканозов приложил много сил, чтобы встретиться с Риббентропом во второй половине дня 21 июня. Он многократно звонил на Вильгельмштрассе с целью договориться о встрече с рейхсминистром — из Кремля ему было поручено вручить еще один протест по поводу нарушения немцами воздушного пространства СССР. Ему отвечали, что министр находится за пределами Берлина. Наконец последовало сообщение, что Риббентроп примет его в два часа ночи 22 июня. Деканозов прибыл точно в назначенный час. В огромном кабинете рейхсминистра полоса узорчатого паркета вела к затерявшемуся в углу столу. Бронзовые статуэтки стояли у стен. Его встретил Риббентроп, который, по словам переводчика Шмидта, «никогда еще не был таким взволнованным». Шмидт вспоминает: «Он ходил по своему кабинету взад и вперед как загнанное животное... Вошел Деканозов и, ничего не подозревая, протянул свою руку Риббентропу. Мы расселись, и Деканозов приступил к порученным ему вопросам, нуждавшимся в разъяснении. Но, как только он начал, Риббентроп с каменным выражением лица прервал его словами: «Сейчас это не вопрос». Переводчик Бережков отметил, что «лицо Риббентропа опухло и покраснело, глаза стали тусклыми и невыразительными». Бережков подумал о действии алкоголя.

Риббентроп вручил послу копию документа, который в это время Шуленбург зачитывал Молотову. «Враждебное отношение Советского правительства и концентрация советских войск на восточной границе Германии, представляющая серьезную угрозу, — сбивчиво сказал Риббентроп, — вынудили правительство Третьего рейха предпринять военные контрмеры». Затем министр неожиданно быстро встал и проговорил о поручении фюре-

ра — он «поручил мне официально проинформировать вас о предпринятых нами оборонительных мерах».

Как пишет Шмидт, пораженный посол довольно быстро пришел в себя и выразил «глубокое сожаление» по поводу происходящего: «Вы пожалеете о том, что совершили это разбойное нападение на Советский Союз. Вы за это дорого заплатите». Возложив ответственность на Германию, он «поднялся, поклонился и покинул комнату, не пожав руки». Провожая посла, Риббентроп шептал: «Я был против этого нападения». У советского посольства на Унтер-ден-Линден войска СС уже оцепили комплекс посольских зданий. Все телефонные линии были отключены. Радио же Москвы передавало обычные мирные вести. Офицеры НКВД и ГРУ на верхнем этаже посольства за тяжелой бронированной дверью жгли в специальных печах секретные документы.

Впрочем, и здесь нацизм остался верен себе. Боевые действия на советской границе начались за полчаса до предъявления германской ноты в обеих столицах. Получив германскую декларацию, Молотов поспешил в расположенный в Кремле неподалеку кабинет Сталина, где на него обратились взоры всех членов Политбюро. Сталин опустился на стул, словно силы покинули его. Похоже, на этот раз мастера психологической интриги обошли. В своем дневнике генерал-полковник Гальдер пишет, что «русские попросили Японию быть посредником в политических и экономических отношениях между Россией и Германией».

Последняя интрига Кремля была феерической. Сталин, так долго ждавший немецкого ультиматума, решил сам проявить инициативу. Вместе с Берией и Молотовым он обсудил возможность повторения Брест-Литовска в новых очертаниях: отдать Германии значительную часть Украины, Белоруссии и всю Прибалтику. Посредником попросили быть вызванного в Кремль посла Болгарии И. Стоянова. Тот оказался большим оптимистом, чем его собеседники: «Даже если вам придется отступить до Урала, вы все равно в конце концов победите». И только когда это последнее дипломатическое усилие не дало результатов, на войну в Москве стали

смотреть как на неотвратимое историческое испытание. Только когда стало окончательно ясно, что попытки восстановить статус-кво анте беллум бессмысленны, советское правительство объявило о нападении Германии.

Заявление Гитлера было прочитано немецкому народу Геббельсом в семь часов утра 22 июня. «Принужденный месяцами молчать, я наконец получаю возможность высказаться свободно. Германский народ! В этот момент начинается марш, который по своим масштабам может быть сравнен с величайшими, виденными миром. Я решил сегодня вручить судьбу и будущее рейха и нашего народа в руки наших солдат». Гитлер, раньше стращавший силой России, теперь говорил только о ее слабости. Шести недель было достаточно для разгрома Франции, чья армия считалась сильнейшей в мире; с Россией дело пойдет легче. Гитлер утверждал, что Россия не обладает даже той силой, которой обладала во время Первой мировой войны. Ее экономическая система находится в состоянии хаоса, коммунистическая диктатура вызывает ненависть. «Нужно только громко хлопнуть дверью».

Через 129 лет — день в день — после перехода Наполеоном Березины немцы пошли по его пути. В три пятнадцать ночи командующий Черноморского флота сообщил в Москву о налете германской авиации на Севастополь — за два часа до вручения послом Шуленбургом декларации об объявлении Германией войны.

Шесть тысяч жерл германских пушек уже раскалились до крайности. Четыре группы танковых армий — Клейста, Гудериана, Гота и Геппнера бросились сквозь оцепеневшую русскую оборону. Две величайшие армии мира столкнулись насмерть. Германская авиация захватила господство в воздухе, что позволяло говорить о классическом блицкриге.

Немцы удивительным образом не испытывали дурных предчувствий. Им не приходило в голову, что в конце концов, как пишет американский историк Вайнбергер, «попытка теснить Красную Армию по территории всего СССР могла оказаться безуспешной хотя бы

потому, что гусеницы немецких танков не могли не износиться в стране таких размеров. Согласно германским планам, советское сопротивление должно было прекратиться после достижения вермахтом линии, соединяющей Архангельск с Астраханью. Хотя эта блестящая идея держалась в секрете от русских, германские штабные карты не предусматривали ведения боевых действий за пределами этой мифической линии — более того, неясно было, что делать даже значительно западнее этой линии. Первые удары должны были оказаться решающими; в этом анализе немцы даже не знали, насколько они правы. Однако первые удары не сокрушили Красную Армию, не погребли советскую систему. Германские победы были потрясающими, трофеи огромны, военнопленным не было числа; но война продолжалась на все более расширяющемся фронте. Не заключалось ли в этом нечто иное: если немцы не победят за шесть недель, смогут ли они вообще победить? Над этим простым вопросом никто в германской военной иерархии не задумывался... Гитлер не только исповедовал наиболее дикие расовые глупости, но он верил в них и основывал на них свою политику. Они предопределяли необходимость в жизненном пространстве, которое требовало ведения войны; предпосылка — предрассудок о расовой неполноценности славян — с неизбежностью обусловливала порочные и ошибочные военные планы и приготовления».[40]

Первая реакция

Уже в первые часы битвы германская авиация бомбила пять советских городов — Каунас, Ровно, Минск, Одессу и Севастополь. Начали действовать засланные диверсионные группы, их интересовали прежде всего мосты, железнодорожные развязки, места скопления советских войск. Но первое слово сказала германская авиация. Основной удар германские бомбардировщики нанесли по шестидесяти шести советским аэродромам. В первый же день стратегически важный мост через Неман у Алитуса был захвачен нетронутым. Гальдеровский дневник: «Русские части захвачены в их собствен-

ных казармах, самолеты стояли нетронутыми на взлетных полосах, а атакованные нашими войсками части запрашивали свое руководство, что им делать». Через пятнадцать минут после трансляции речи Гитлера Жуков издал директиву «атаковать и уничтожить врага». Но советским войскам при этом приказывалось не пересекать границу Германии. Бомбардировке должны были подвергнуться несколько немецких городов (в том числе Кенигсберг и Мемель), но не глубже 150 километров от советской границы. Советская радиосвязь с германским министерством иностранных дел сохранялась.

В полдень 22 июня московское радио наконец нарушило свое мирное вещание. По свидетельству Микояна, Сталин отказался выступить по радио с обращением к стране. Ему «нечего сказать народу». Заикающийся Молотов сказал притихшим огромным толпам, собравшимся у тарелок громкоговорителей: «Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу и без объявления войны германские войска напали на нашу страну». Свое лаконичное выступление Молотов завершил словами, которые отозвались в миллионах сердец: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

23 июня Гитлер на своем поезде «Америка» отправился в специально подготовленную военную Ставку в Вольфшанце, в Восточной Пруссии. Он поделился с окружающими: «В начале каждой кампании открываешь дверь в темную незнакомую комнату. Никогда не знаешь, что прячется внутри». Тем временем Италия и Румыния объявили войну Советскому Союзу. Вечером этого дня в Москве был создан Совет по эвакуации. Его задачей стала передислокация полутора тысяч военных заводов и фабрик с территории Белоруссии и Украины на Урал и в Казахстан.

Руководство страны

Россия на этот раз вступила в борьбу с очередным захватчиком, не имея главнокомандующего (пост главкома был отменен семнадцать лет назад). На второй

день войны советское правительство и Центральный комитет ВКП(б) создали Ставку Главного Командования. Слово ставка говорило о восстановлении традиции – последней ставкой было верховное командование России в 1914–1917 годах. Ставка, как отмечает английский историк Дж. Эриксон, была «одновременно и институтом, и месторасположением». Как институт, установление, она включала в себя Маршалов Советского Союза, начальника Генерального штаба, руководителей военно-морских и военно-воздушных сил, а со временем и глав родов войск. Ставка принимала решения стратегического характера, основываясь на утренних и вечерних сводках Генерального штаба. Она размещалась в комплексе кремлевских зданий. Именно здесь отмечались перемещения основных войсковых единиц. Здесь же находились и шифровальные комнаты, в распоряжении которых были три независимых батальона и несколько рот, отвечавших за связь между основными военными органами.

С 10 июля 1941 года председателем Ставки Верховного Главнокомандования стал И.В. Сталин. Он, вспоминает Жуков, «командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало». Но, делится полководец, «в начале войны со Сталиным было очень и очень трудно работать. Он тогда плохо разбирался в способах, методике и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом». Маршал Василевский: «На первых порах войны Сталин явно переоценивал свои силы и знания в руководстве войной».

Оперативный контроль осуществлял Оперативный отдел Генерального штаба во главе с генерал-лейтенантом Г. К. Маландиным. Когда маршал Тимошенко возглавил Западный фронт, он взял Маландина с собой. Оперативный отдел возглавил генерал-майор Четвериков.

Реакция Запада

Британский посол Криппс, знавший о предстоящем, был уверен, что немцы предварят свое выступление суровым ультиматумом и Сталин согласится с лю-

быми условиями. Посол даже не собирался возвращаться в Москву. В случае, если война все же начнется, британский посол давал Советской России не более месяца. Британская разведка определяла срок сопротивления СССР в десять дней. Британский маршал Дилл полагал, что русские могут продержаться не более шести недель.

Когда Черчилль проснулся утром 22 июня, ему сообщили о пересечении немецкими войсками границы Советского Союза. Стратегическая ситуация радикальным образом изменилась. Премьер тут же распорядился предоставить ему микрофоны Би-би-си в 9 часов вечера того же дня. Он начал составление речи еще утром и весь день обдумывал каждую фразу. У него не было времени консультироваться с военным кабинетом, да Черчилль и не ощущал необходимости в этом. В процессе подготовки речи секретарь спросил: как может премьер идти на установление союзных отношений с СССР — не помешает ли этому вся его прошлая деятельность? Черчилль ответил: «Ни в малейшей степени. У меня только одна цель — разбить Гитлера. Если бы Гитлер вторгся в ад, то я нашел бы, как защитить дьявола в Палате общин». Составив текст, Черчилль, как обычно, отошел к послеобеденному сну. А вечером, выступая перед страной и всем миром, он сказал: «Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я, за последние 25 лет. И я не отказываюсь ни от одного сказанного мною слова. Но все это бледнеет перед той гигантской картиной, которая разворачивается перед нами. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге родной земли, охраняющих поля, где их отцы работали с незапамятных времен. Я вижу их, защищающих дома, где матери и жены молятся — да, да, бывают времена, когда молятся все — за безопасность своих близких, за возвращение кормильца, своего защитника, своей опоры. Я вижу 10 тысяч деревень России, где средства к существованию добываются на земле с таким трудом, но где все же существуют человеческие радости, где смеются и играют дети. Я вижу надвигающуюся на все это ужасающую мощь германской военной машины.

Отныне у нас одна цель, одна-единственная — уничтожение нацистского режима. Мы никогда не будем вести переговоры с Гитлером. И пока мы не освободим народы, находящиеся под его ярмом, любой человек или правительство, которое сражается против нацизма, получит нашу помощь, любой человек или государство, которое сражается против Гитлера, будет нашим союзником. Такова наша политика... Из этого следует, что мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу, и мы будем призывать наших друзей и союзников во всех частях мира занять ту же позицию и следовать ей до конца».

В контексте мировой борьбы представляет интерес позиция США. После получения известия о нападении Германии на СССР чиновники государственного департамента США провели сутки в непрестанных дебатах. В заявлении американского дипломатического ведомства говорилось, что «коммунистическая диктатура» так же недопустима, как и «нацистская диктатура». В заявлении не было никаких патетических слов по адресу жертвы агрессии, но заканчивалось оно выводом, что США помогут русским, поскольку Германия представляет собой большую угрозу. Через два дня президент пообещал помощь Советскому Союзу, но подстраховал это обещание указанием, что официально Советское правительство ни о чем еще не просило и что главным получателем американской помощи остается Англия.

Но не все было так просто в Лондоне и Вашингтоне. Как пишут англичане (историк А. Дж. П. Тейлор), «заявление Черчилля было встречено рабочим классом с энтузиазмом. На более высоком уровне ситуация была иной. Лидеры лейбористов превзошли консерваторов в недоверии к России, они не верили ни в ее искренность, ни в ее силу. В Военном кабинете только Бивербрук горячо поддержал Россию. Черчиллю и в голову не пришло (и в еще меньшей мере другим министрам), что Великобритания и США приобрели союзника, который выиграет для них войну против Германии».

Но и в Москве не сразу восприняли дружественность Запада. Американский посол Стейнгард цитирует

слова Криппса, сказанные Сталину: «Десять лет взаимного недоверия не могут быть нейтрализованы в десять дней».[41]

Британской военной миссии было поручено узнать о военных потребностях Советского Союза. Ведущие английские военные эксперты разделяли германскую точку зрения, что сопротивление России в 1941 г. не будет долгим. (Напомним, что даже те из германских генералов, которые впоследствии высказывали сомнения в мудрости фюрера, в то время полагали, что Россия будет покорена до конца года). В середине июня 1941 г. британские официальные оценки сводились к тому, что германские армии достигнут Кавказа в конце августа или, в крайнем случае, в начале сентября 1941 г. (Историческим фактом является требование британских военных уничтожить кавказские месторождения нефти, чтобы немцы не смогли ими воспользоваться).

Британские военные специалисты питали скепсис относительно военных возможностей СССР, но сковать часть сил Германии было для них очень желательным. Восточный фронт должен был держаться настолько долго, насколько это возможно. Бывший военный атташе Британии в Берлине генерал Мейсон Макфарлейн был 24 июня назначен осуществлять координацию в Москве. В первые дни своего пребывания в советской столице он не питал особых надежд на выживание России. Но постепенно его взгляды менялись.

Американский военный министр Г. Стимсон увидел в германском вторжении «почти жест Провидения», защитивший Британию и позволяющий Соединенным Штатам надеяться на выигрыш в «битве за Атлантику», позволяющий оккупировать Исландию. Франклин Рузвельт сказал лорду Галифаксу, что Гитлер «сделал свою первую большую ошибку», теперь у демократий появилось время вооружиться.[42] Если Красная Армия, сказал президент, продержится до октября, то зима вынудит немцев отложить решающие операции до весны, и в этом случае их победа будет проблематична, более того, резко увеличится шанс германского поражения. «А чтобы этого добиться, я пожму руку самому дьяволу».[43]

Президент Рузвельт в большей мере, чем его советники, верил в способность Советского Союза выстоять. Одним из источников этой веры была дружба со старым (со времен кабинета Вудро Вильсона) приятелем Джозефом Дэвисом, бывшим американским послом в Москве в 1937–1938 годах. С другой стороны, Гарри Гопкинс, самый близкий друг президента, посетил советскую столицу в конце июля 1941 года и возвратился с твердым убеждением, что Россия выстоит. На заседании кабинета министров 1 августа 1941 года Рузвельт провозгласил, что «помощь России имеет чрезвычайную важность для безопасности США». 11 сентября Объединенный комитет армии и флота пришел к выводу, что русский фронт дает самые большие шансы для наземного наступления против Германии, поскольку только Россия обладает адекватной наземной мощью и находится «вблизи центра германской военной мощи».

Но не стоит забывать и того, что ленд-лиз был распространен на Россию только в ноябре 1941 года (в течение лета и осени Рузвельт постоянно подчеркивал, что Соединенные Штаты не будут втянуты в войну. А это было время, когда Россия нуждалась в помощи более всего).

Со стороны советского правительства на изменение позиций Запада в сторону дружественности не последовало никаких особых комментариев, но «Правда» опубликовала выдержки из речи Черчилля. Не получив официального ответа, Черчилль написал письмо Сталину 7 июля 1941 г. 10 июля через Криппса он передал еще более детализированное письмо Сталину, в котором говорилось о принципах совместных действий. 19 июля 1941 г. Черчилль наконец получил первое личное послание от Сталина. Оценивая в целом последовавшую обширную переписку со Сталиным, Черчилль замечает, что отношения с советским руководством складывались далеко не просто. Он пишет, что в их переписке «было слишком много упреков. Во многих случаях мои телеграммы оставались без ответа в течение нескольких дней». Разница в политических взглядах и культуре слишком велика. Тем не менее Черчилль воздал должное своему союзнику: «Сила советского правительства, твер-

дость русского народа, неисчерпаемые запасы русской мощи, огромные возможности страны, жестокость русской зимы были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии».

12 июля 1941 года СССР и Великобритания подписали в Москве соглашение о сотрудничестве. Обе страны пообещали друг другу не заключать сепаратного мира — в требовании подписания такого соглашения сказалась подозрительность Сталина в отношении страны, которую он всегда рассматривал как противника России.

Но значимость этих факторов отнюдь не была очевидной в 1941 г. Посетившие Чекерс сэр Джон Дилл и американский посол Вайнант полагали, что России удастся сопротивляться лишь шесть недель. Другие, включая Идена и Стаффорда Криппса, давали чуть больший срок. Черчилль слушал все это и резюмировал по-своему: «Готов побиться об заклад, что русские будут сражаться, и сражаться победоносно два года после этого дня». В своих оценках потенциала Советского Союза, его возможностей выстоять в борьбе с Германией Черчилль ставил мощь СССР гораздо выше, чем его военные эксперты. Черчилль полагал, что Россия выстоит, хотя борьба и будет долгой. Но и он тогда едва ли мог себе представить, что между 1941 и 1944 годами три из четырех миллионов германских войск будут сражаться на Восточном фронте, что из 13,6 млн. общих германских потерь на Россию придется десять миллионов.

Подготовка западной союзнической помощи Советскому Союзу началась в середине августа 1941 года. Первый из сорока караванов кораблей в северные советские порты отправился 21 августа 1941 года из Исландии в Мурманск. Примерно сто из восьмисот кораблей будут потоплены немцами в холодных арктических водах, но это была помощь в нужный час, в час, когда решалась судьба нашей страны — и мы не должны ее забывать. Другим возможным путем получения помощи был Иран. Чтобы обеспечить этот путь, советские и британские войска в августе 1941 года оккупировали Иран. По этому пути пройдет некоторая часть английских поставок и четверть американской помощи Рос-

сии. Переведенные в Средиземноморье самолеты Кессельринга — вот вклад англичан в битву под Москвой.

В сентябре 1941 года Бивербрук и представитель Рузвельта Гарриман посетили Москву. Речь встала о подписании политического соглашения с Россией. При этом англичане и американцы отказались подписать соглашение, гарантирующее СССР предвоенные границы, хотя права России на балтийские государства и восточную часть Польши были (цитируя знаменитого английского историка А. Дж. П. Тейлора) «более обоснованными по сравнению с правом Соединенных Штатов на Нью-Мексико. Фактически англичане и американцы применяли к русским нормы, которые они не применяли к себе».

18 ноября английские войска нанесли удар по войскам Роммеля в Северной Африке, что тоже было вкладом в борьбу с Германией в решающие для России дни. Долговременность предстоящей борьбы требовала тщательно координированных усилий, и Черчилль приступил к выработке стратегии антигитлеровской коалиции. Он полагал, что на текущем этапе СССР должен связать силы немцев, а США — японцев. Нападение Германии на СССР сразу же давало англичанам шанс сохранить за собой Египет и Суэцкий канал. И о России Черчилль в ноябре 1941 года говорит, что она в текущий момент больше нуждается в Британии, чем Британия в ней. Он рассматривал возможность посылки на юг советско-германского фронта двух британских дивизий, но обострение обстановки в Ливии изменило его планы. Через своего резидента Кима Филби советская разведка знала о британских планах. Под давлением Москвы Лондон порвал дипломатические отношения с Финляндией, Венгрией, Румынией.

Рузвельт со своей стороны готовил общественное мнение к идее о необходимости помощи России. Не забудем и другое. Читая японский радиокод, зная детали переговоров стран «оси», Вашингтон наблюдал за попытками японцев помирить Германию и Россию, с тем чтобы совместно обрушиться на англичан. Особенно упорно Токио убеждал немцев подписать сепаратный договор на Восточном фронте.

Смятение

Главной ошибкой советского командования было размещение частей Красной Армии таким образом, который удовлетворял вермахт более всего, – при впечатляющей общей массе советских войск не было организовано оборонительных порядков в тылу. Войска покинули фортификационно прикрытые позиции 1939 года, но не укрепились на новых, выдвинутых вперед. Рассредоточенные на огромных территориях, части Красной Армии не были связаны между собой линиями коммуникаций, не имели четкой системы снабжения. Между позициями подразделений существовали грандиозные разрывы, позволявшие противнику легко рассекать фронт. В течение решающих первых дней московское руководство не обеспечило управление войсками, которые как раз в эти часы нуждались в координации и управлении более, чем когда бы то ни было. Даже оповещение о начале войны последовало спустя много часов после фактического начала боевых действий. Вершиной этой смеси иррациональности и преступной несобранности был поступивший вечером первого дня войны приказ «немедленно отбросить войска противника на его территорию». Это было свидетельством того, что кремлевские стратеги потеряли связь с реальностью. Этот приказ имел отнюдь не чисто психологические последствия; армейские части бросались туда, где их ждало заведомое поражение, где смерть косила лучших – кадровые части армии. Пройдет много месяцев, прежде чем новая, молодая поросль обретет необходимый опыт, профессиональную выучку.

Одним из наиболее популярных суждений по поводу плана «Барбаросса» является указание на потерю месяца-полутора из-за битвы на Балканах, что якобы и спасло Россию с ее ранней зимой. Далеко не все историки разделяют это суждение. Такие специалисты, как англичанин А. Дж. П. Тейлор, считают подобные посылки «легендой, придуманной немецкими генералами для оправдания своего поражения в России и фактически ни на чем не основанной. Лишь 15 из 150 немецких дивизий, предназначенных для первого удара, были

отвлечены на Балканы — вряд ли это серьезная потеря. Планы мобилизации в Германии для Восточного фронта не были выполнены к 15 мая по совершенно другой причине: вследствие недостатка снаряжения, особенно автотранспорта. Гитлер пытался начать грандиозную войну, опираясь на экономику мирного времени. Даже при месячной отсрочке 92 немецкие дивизии, т.е. 40% общего числа, пришлось снабжать из французских трофеев. Отсрочка, возможно, даже оказалась кстати, поскольку после весеннего таяния снега земля просохла к середине июня».

Первый страшный удар по Советскому Союзу нанесла германская авиация. В нападении были задействованы 2700 самолетов люфтваффе (60% всей военной авиации Германии). Их эффективность была страшной. В течение первой недели войны вражеские самолеты уничтожили на земле и в воздухе более 4000 советских самолетов. Небо на долгие месяцы стало немецким, что обеспечивало танковым колоннам возможность, не боясь воздушных ударов, сосредоточиться на выполнении своих основных задач.

Генерал-полковник Франц Гальдер, начальник штаба ОКХ (главное командование сухопутных сил) — лицо, ответственное за ежедневную оценку Красной Армии, — записал в дневнике 22 июня 1941 года: «Общая картина первого дня наступления такова: противник был захвачен немецким нападением врасплох. Тактически он не был развернут для обороны. Его войска в приграничной зоне находились в своих обычных местах расположения. Охрана границы в целом была плохой. Тактическая внезапность привела к тому, что вражеское сопротивление непосредственно на границе оказалось слабым и неупорядоченным, а потому нам удалось повсюду захватить мосты через приграничные реки, прорвать находившиеся вблизи границы позиции пограничной охраны (полевые укрепления). После первого шока противник вступил в бой. Наступлением наших дивизий на всех участках он был отброшен с боями в среднем на 10—12 км. Тем самым был открыт путь моторизованным соединениям».

Смятение в Москве длилось несколько дней. Из

столицы не поступало четких приказов. Собственно, действовал лишь один приказ — сражаться до последнего. Генералы, отдавшие приказ отступать или просто вынужденные отступать, были расстреляны. 29 июня вышла основополагающая директива правительства и партии: «Война радикально изменила всю ситуацию, наша Родина находится под страшной угрозой, и мы должны быстро и решительно перевести всю нашу работу на военные рельсы». Теперь речь пошла о борьбе за выживание. Руководство страны призвало «не оставлять врагу ни единого локомотива, ни грузовика, ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозы должны уводить свой скот... вся имеющая ценность собственность, включая металл, хлеб и горючее, которые не могут быть взяты с собой, должны быть все без исключения уничтожены». То было первое указание немцам на то, что западная «прогулка» по России не повторится. Врага ждала выжженная земля.

Вскоре же был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО). В него вошли всего восемь высших руководителей государства, но его функции стояли над всеми законами. Члены ГКО имели право заседать в Ставке. Так обозначилась сверхцентрализация управления в стране, вступившей в смертный бой. (Одним из теоретиков, подготовивших систему «ГКО-Ставка» явился маршал Шапошников, предсказавший эффективность этой системы еще в начале 30-х годов). Сталин, скрывшийся ото всех на трое суток сразу после начала войны («в плохом настроении и нервный», по словам очевидца), выступает снова на первый план.

Но пока в Москве не было серьезной оценки быстро меняющихся событий. Сталин и его помощники на этом этапе теряют время, обсуждая, какой тип винтовки (стандартная или кавалерийская) выдавать войскам, нужен ли штык, каким должен быть этот штык, и т. п. Маршалы Советского Союза и генерал Жуков, возглавлявший Генеральный штаб, разъехались по фронтам. Известный своей беспардонностью маршал Кулик приземлился 24 июня в расположение генерала Болдина около Белостока, чтобы увидеть своими глазами 10-ю армию, пытающуюся в условиях нехватки горю-

чего и боеприпасов выйти из готового замкнуться кольца германского окружения. Не дав никакого совета и тем более не взяв на себя руководство, Кулик лишь порекомендовал «продолжать действовать» и улетел. Командиру корпуса Никитину оставалось только прокомментировать это как «странный визит». Неподалеку Шапошников и Ворошилов видели своими глазами, как контроль над критически важным Западным фронтом ускользает из рук его командующего — генерал-полковника Павлова.

Командование Северо-Западного фронта (генерал-полковник Кузнецов) строило свою тактику на контрударах — особенно против наступающих танковых колонн немцев в приграничном районе. Просчеты такой тактики сказались быстро. 11-я армия генерала В. И. Морозова отступила от старой крепости Каунаса к месту сосредоточения относительно боеспособных дивизий и начала контратаку. В наступлении прямолинейно действующие нападающие при умелой огневой обороне теряют гораздо больше. И в данном случае части Морозова понесли огромные потери, не добившись при этом желаемых результатов. Когда Морозов 25-го июня позвонил Кузнецову, тот отказался с ним разговаривать и назвал его «немецким шпионом». В пику атакующему его 4-му танковому корпусу немцев сам Кузнецов призвал свои танковые части «осуществлять операции небольшими подразделениями». Такая тактика свела на нет большие танковые резервы Красной Армии. 690 танков полковника Черняховского 23 июня стояли без горючего, а в ходе трехдневного боя 23—26 июня 250 советских танков встали на пути 1-й танковой дивизии вермахта. Немцы довольно быстро справлялись со старыми моделями советских танков, но огромные, тяжелые КВ («Клим Ворошилов») поразили германских танкистов. Атака советских КВ заставила элитарную первую танковую дивизию вермахта сначала перейти к обороне, а затем отступить. Но немцы вели себя гораздо энергичнее и маневреннее, они разместили на соседних высотах батареи тяжелых орудий и буквально расстреляли танки, против которых не действовали обычные противотанковые ружья.

Это был первый случай столкновения советских и германских сил, и в какой-то момент немцы дрогнули. Но они быстро вышли из положения: Манштейн мчался вперед, оставляя позади огромные массы советских войск. На мгновение в эти жаркие июньские дни враг усомнился в своей безусловной непобедимости. И все же, даже для самых критичных немцев, реальность уже была обескураживающе ослепительна: между Укмергом и Двинском (Даугавпилс) в советском фронте зияла дыра, сквозь которую Лееб вводил все новые силы. Северо-Западный фронт терял способность к организованному сопротивлению. Как будто советские военачальники никогда не слышали о минных полях, о бетонированных огневых точках «линии Маннергейма», о способах остановить рвущегося врага иным, кроме контратаки, способом. Еще об одной удивительной слабости вспоминает начальник связи Северо-Западного фронта Т. П. Каргополов: «Офицеры штаба продолжали рассматривать телефон как главное средство связи. В случае обрыва линии у них как бы автоматически отключалась связь с подчиненными войсками, хотя радио еще работало. В этих случаях, когда им предлагалось использовать радио для передачи критически важной информации, они всячески выражали сомнение в отношении этого вида связи». Все это препятствовало изобретательной и скоординированной обороне.

Манштейн взял Двинск, захватил мосты через Западную Двину и стал укреплять плацдарм на правом берегу Западной Двины. Маршал Тимошенко приказал устроить рубеж обороны по берегу Двины, но было поздно — немцы расширяли плацдарм. Направившиеся из резерва 98 танков Лелюшенко позволили Кузнецову думать вновь о контратаке, и он назначил ее на 10 часов утра 29 июня: направление удара — даугавпилсский плацдарм немцев. Манштейн назначил свое наступление на 5 часов утра. Вечером этого дня немцы взяли под свой контроль мосты через Западную Двину у самой Риги. У Лелюшенко к этому времени осталось лишь семь танков. Тимошенко приказал Кузнецову закрепиться на следующей реке — Великой. Наспех собранные части контратаковали еще раз и были снова разби-

ты танковой атакой немцев, обходящих очаги сопротивления, а не стремящихся к лобовой схватке.

Неправильно думать, что Москва не ощутила несчастья мгновенно. Уже 28 июня прибывшему в Ставку Еременко маршал Тимошенко с большим реализмом описывает грандиозный масштаб разворачивающейся близ границы катастрофы. Тимошенко признал, что попытки организовать контрудары лучшими — регулярными частями Красной Армии — провалились.

Самоуверенность агрессора

Германский лейтенант из 29-й моторизованной дивизии писал о том, что «русская оборонительная система представляет собой ряд стеклянных домов». Впереди двигались мотоциклисты и бронетранспортеры, поддерживаемые легкими танками, средняя скорость составляла до сорока километров в час. Вслед за ними продвигалась основная масса танков, поддерживающая между собой постоянную радиосвязь. За ними двигалась моторизованная пехота и дивизионная артиллерия. Лишь за ними шла германская пехота. Между командирами танковых групп и германскими пехотными частями возникло жесткое противоречие. Командующие танковых групп требовали от пехоты быстрого продвижения, пехотные командиры настаивали на замедлении движения танков, требуя помощи в уничтожении окруженных советских войск.

Как уже говорилось, 26 июня немцы пересекли нетронутые мосты через Двину, их войска находились уже на расстоянии 250 километров от границы. В тот день Финляндия объявила войну Советскому Союзу. А в далекой Вероне Муссолини устроил смотр итальянской дивизии, отправляемой на советский фронт. В тот же день Жуков, возвратившийся в Москву из Тернополя, предложил создать оборонительный рубеж по линии Дрисса—Полоцк—Витебск—Орша—Могилев—Мозырь. Стало ясно, что в Москве серьезно думают об отступлении. В Ленинграде было остановлено строительство всех гражданских объектов, и 30 тысяч строителей стали создавать оборонительные сооружения в районе Луги.

По оценке Г. К. Жукова, «для нас оказалась неожиданной ударная мощь немецкой армии, для нас оказалось неожиданностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались неожиданностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара».[44]

И все же Красная Армия, в отличие, скажем, от французской, не была деморализована первыми потрясающими успехами немцев. Сопротивление войск продолжалось даже в разбитых батальонах. Импровизация, разумеется, не всегда означала разумное руководство, но Москва продолжала искать ключи к собственной системе руководства армией, к упорядоченному характеру действий. Сотни тысяч гражданских лиц безропотно вышли на изнурительные фортификационные работы не потому, что их гнала туда репрессивная система, а потому, что было нечто, чего не нужно было объяснять. Траншеи, рвы, блиндажи чаще всего не были использованы, фронт быстро катился на восток, но жертвенное чувство к своей стране не могло уничтожить ничто. Это чувство практически не зависело от имени тех, кто подписывал высокие приказы, кто на жестоких ошибках учился воевать с лучшей армией мира. Это чувство было бездонным. Уже летом 1941 года стало ясно, что Россию можно уничтожить, но нельзя поставить на колени.

И о государстве. Можно говорить о сталинском режиме все что угодно, но даже западные историки признают, что, несмотря на масштабность жесточайших поражений, «контролирующая система (пишет американский историк Г. Вайнберг) советского государства функционировала если и не оптимально, то достаточно эффективно в сравнении с царским режимом и режимом Временного правительства в Первую мировую войну, достаточно эффективно по сравнению с тем, что уверенно ожидали от него немцы во Второй мировой войне». А в тылу разворачивались такие производственные мощности, о которых немцы ничего не знали, и что повергло бы их в ужас, знай они о них.

Новый реализм медленно, но верно овладевает советским командованием в Москве. Уже в начале июля Ставка

приходит к выводу, что Северо-Западный фронт слишком слаб, чтобы суметь решить одновременно две задачи — сохранить военно-морскую базу Таллин и оградить подступы к Ленинграду. После всех колоссальных потерь этот фронт имел 1442 орудия. В дивизиях осталась треть первоначального состава. Генерал Кузнецов был снят с поста командующего фронтом, его 4 июля заменил генерал Собенников, начальником штаба стал Н. Ф. Ватутин. Козлом отпущения сделали прежнего начальника штаба фронта генерал-лейтенанта П. С. Кленова. Интенсивно укреплялась линия Нарва—Луга—Старая Руса—Боровичи. Укрепления строились на глубину до десяти километров, противотанковые препятствия строились интенсивно. Здесь, в ста километрах от Ленинграда, была создана «Лужская оперативная группа» (ЛОГ) во главе с генералом Пядышевым. А за его спиной уже создавалась еще одна оборонительная линия: Петергоф—Гатчина—Колпино. Более того, готовилась линия обороны, идущая по самому Ленинграду. Но главные усилия сосредоточились вокруг Луги. Записи генерала Зайцева: «Половина прибывших копает траншеи и устанавливает противотанковые надолбы. Другая половина работает на сотнях огневых точек, создаваемых из бетонных блоков, бревен, дерева, камней в зоне укрепленных препятствий. Ничего не хватает — грузовиков, лопат, десятников. Но каждый стремится обеспечить армию оборонительной линией как можно скорее. Они работали дни и ночи напролет, они спали на брустверах и в траншеях, и они спорили о глубине и ширине укреплений, где разместить колючую проволоку».

В Москве уже видели свои слабости. Оперативный отдел жаловался на отсутствие достоверных сведений о продвижении германских частей. 8 июля 8-я танковая дивизия немцев вышла к реке Великой. Саперы взорвали железнодорожный мост с немецкими танками на нем. Но 9 июля немцы все же заняли Псков. Утром 10 июля о падении Пскова узнали защитники Лужского оборонительного района. Теперь после оборонительной линии по Великой наступила очередь Луги. Сталин послал возглавлять Северо-Западный фронт своего старого протеже — маршала Ворошилова.

Центральное направление

И все же главные события развивались на Западном фронте. Здесь командующий генерал-полковник Павлов ввел в действие резервные силы уже 25 июня, чтобы создать оборонительную линию Лида—Слоним—Пинск. Павлов был полон решимости преградить путь немцам на Москву, позади стояла резервная армия маршала Буденного. Немцы действовали стремительно. Танковая группа Гудериана пробилась через Барановичи, а севернее 3-я танковая группа (Гот) пошла к тому же Минску через Вильнюс—Молодечно. Павлову ничего не оставалось, как отдать приказ отступать на приготовленную оборонительную линию. Уже 23 июня атакующие немцы вошли в Гродно и пересекли Неман. К 26 июня лучшие командиры Красной Армии стали жаловаться на нехватку горючего и боеприпасов. Утром 25 июня офицер связи обнаружил у Барановичей три бронированные машины, в средней сидел командующий фронта генерал Павлов. Он еще не потерял надежды: Западный фронт несколько отступает, но под его прикрытием восточнее, на Днепре, концентрируются резервные войска. Но до Днепра было еще далеко, а в предполагаемом укрепрайоне Слуцк не оказалось ни войск, ни вооружений — их несколько дней тому назад, перед самой войной, отослали в Брест.

В семь часов вечера 25 июня немецкая танковая колонна была обнаружена в 50 километрах к северо-западу от Минска. Утром следующего дня Павлов перевел свой штаб в несчастливый (память о Ставке Первой мировой войны) Могилев. Минск уже представлял собой скопище стремящихся на восток автомобилей и находящегося в шоке населения, смятение и всеобщие поиски субординационных связей. В этот день войскам вокруг Минска оставался еще 50-километровый коридор, позволявший вырваться из столицы Белоруссии на восток.

Незнакомый с удачей Тимошенко уже знал о катастрофических событиях на Западном и Северо-Западном фронтах. Вечером 26 июня маршал собрал офицеров инженерного корпуса и приказал им взрывать все

мосты, ведущие на восток, разрушать ведущие в глубину страны дороги, всячески препятствовать продвижению немцев. Прибывший из Генерального штаба генерал Маландин мог сообщить только «самую общую» информацию. Никто не знал, где имелись мины и сколько их. Офицеров поразило, что Тимошенко не упомянул в своем ориентировочном сообщении товарища Сталина. В штаб-квартиру Западного фронта Тимошенко послал Шапошникова и Ворошилова, а Буденный получил приказ подготовить оборонительную линию от Западной Двины по Днепру. Из Москвы прибыли три специальных подразделения по уничтожению мостов и любых оставляемых ценностей. Бдительная охрана одного из мостов приняла их вначале за немецких диверсантов.

Гот и Гудериан сомкнулись в Минске 28 июня, оставляя за собой грандиозную массу оказавшихся в окружении советских частей и соединений. А потерявший связь с реальностью Павлов именно 28 июня приказал уже невозможное: «Нарком и Военный совет Западного фронта подтверждают 13-й армии, что Минский укрепленный район должен удерживаться даже под угрозой окружения». Реальность же была иной. Гордость Павлова — 6-й механизированный корпус — был разбит, лишь одна дивизия (Яшин) вырвалась к востоку от Минска. Генерал Болдин объединил ряд частей и, не зная, где линия фронта, прорывался по компасу на восток.

Павлов приказал держать оборону по Березине «так долго, насколько это возможно». Очевидцы описывают потрясенного событиями Павлова (глаза впали, тело исхудало), отчитывающего подчиненных за слишком легко сданные города. Рано утром 29 июня в Могилев прибыл А. И. Еременко. Ему сказали, что Павлов завтракает в лесной столовой. Еременко положил перед Павловым приказ о его снятии, на что тот спросил: «Куда мне идти?» И услышал ответ: «В Москву». Последовала горькая беседа с упреками и безнадежными вопросами. Тут же собрались штабные офицеры. Ворошилов высказал главную мысль: «Павлов плохо руководил войсками». Шапошников давал советы, где разместить резервы, Ворошилов готовил партизанскую войну.

Тимошенко прислал приказ: «Остановите германское наступление». Еременко пришел к заключению, что информация о противнике абсолютно недостаточна. Главная задача — удержать рубеж по Березине.

Характер боевых действий

Немецкому солдату предписывалось быть «носителем безжалостной расовой концепции». Германское руководство ожидало, по словам американского историка Вайнберга, что «низшая раса славян, управляемая некомпетентными еврейскими комиссарами, не сможет ни организовать, ни повести за собой эффективно действующие вооруженные силы». Реальность оказалась несколько иной. Уже 22 июня бросившиеся вперед немцы ощутили отличие их нового противника от всех прежних.

Начальник штаба четвертой немецкой армии генерал Блюментрит: «Первые сражения в июне 1941 года показали нам, что такое Красная Армия. Наши потери достигли 50 процентов. Пограничники защищали старую крепость в Брест-Литовске свыше недели, сражаясь до последнего человека, несмотря на обстрел из самых тяжелых орудий и бомбежку с воздуха. Наши войска очень скоро узнали, что значит сражаться против русских».

Англичанин А. Кларк пишет о «скорости и глубине танкового удара; безостановочной вездесущности люфтваффе; блестящая координация всех родов войск придавала немцам ощущение непобедимости, неведомое нигде со времен Наполеона. Но русские, казалось, не знали этого, как не знали они правил германских военных учебников... Словно гигантские кедры стояли они прямо, хотя корни их уже были подорваны, они стояли будучи обреченными, чтобы вскоре погибнуть». И они предпочитали погибнуть — они не гнулись.

24 июня генерал Гальдер отметил появление на фронте нового танка — Т-34. («Новый тяжелый танк у противника!»). Немцы уже захватили большую территорию, но в воздухе витало нечто новое для немецких

мастеров блицкрига. Русские были согласны отдавать десять своих жизней за жизнь одного немца. Именно тогда полковник Берндт фон Клейст написал примечательные слова: «Германская армия сражается в России как слон, атакующий гнездо муравьев. Слон убивает их тысячами, возможно, миллионами, но в конечном счете их масса одолеет слона, они его обглодают до костей».

Уже 23 июня Гальдер жалуется, что нет пленных. На следующий день он пишет об «упорном сопротивлении отдельных русских частей». Внешне все напоминало кампанию во Франции — ликующее движение вперед, солнце над головой и потрясенные лица в окнах и за заборами. Отличие прежде всего сказалось на дорогах — бесконечная смена шин на трофейных, французских, грузовиках. Но было и нечто бесконечно более важное, о чем записал капитан 18-й танковой дивизии: «Несмотря на огромные пройденные расстояния, не было чувства, которое у нас было во Франции, не было чувства, что мы входим в побежденную страну. Напротив — здесь было сопротивление, всегда сопротивление, каким бы безнадежным оно ни было. Стоящее одиноко орудие, группа людей с винтовками... однажды из дома выбежал на дорогу парень с гранатой в руке». 29 июня Гальдер записывает: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. Теперь наши войска должны сражаться в соответствии с учебниками ближнего боя. В Польше и на Западе они могли пренебречь правилами, но здесь снова пришлось вспомнить о них».

Танковый гений Германии генерал Гудериан вспомнил, как «еще Фридрих Великий сказал о русском солдате, что его нужно два раза застрелить и потом еще толкнуть, чтобы он, наконец, упал. Он правильно оценил стойкость этого солдата. В 1941 году мы должны были прийти к такому же выводу. С несгибаемой стойкостью удерживали эти солдаты свои позиции». Озадаченная упорством обреченных русских, дивизия СС «Мертвая голова» издала приказ особо жестоко обра-

щаться с теми, кто предпочитает сражаться, но не сдаваться. 140 партизанских отрядов уже начали действовать между Львовом и Ровно.

Английский историк М. Гилберт приводит описание того, как 27 июня в деревне Низвеж немецкий солдат избивал «невысокого русского военнопленного с монголоидными чертами лица. Пленный не знал, за что его подвергают избиению и чего желает от него немец. Он стоял молча, не защищаясь от ударов. Внезапно пленный поднял руку и нанес страшный удар в скулу избивающему его немцу. Кровь выступила на лице немца. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, один — кипя негодованием, другой спокойно. Несколько немцев оттащили пленного за забор. В воздухе эхом отозвались выстрелы».

28 июня, когда немцы были в Минске, финны и немцы обрушились на Карелию. Изучая итоги боев «Мертвой головы», Гальдер заметил: «Информация с фронтов подтверждает, что русские обычно сражаются до последнего солдата». Он отметил повсеместное истребление мостов и переправ. Нацистский официоз «Фелькишер беобахтер» сообщала своим читателям 29 июня, что русский солдат «превосходит наших противников на Западе в своем презрении к смерти. Терпение и фатализм заставляют его держаться в окопах, пока его не подорвет граната либо поразит смерть в рукопашном бою».

29 июня Москва приказала уничтожать скот и все движущееся, «не оставляя врагу ни единого паровоза, ни одной автомашины, ни единого куска хлеба, ни литра горючего». Россия приступала к практике «выжженной земли». В то же время началась эвакуация детей из Ленинграда. Пал Львов.

30 июня Гальдер праздновал в ОКХ свой день рождения. Спустившись в столовую, начальник штаба армии получил от коллег букет полевых цветов. Браухич преподнес розы. Сам фюрер благосклонно пожаловал на чаепитие и подарил ведерко со сливками. Но более всего радовали новости из России. Накануне русские потеряли еще двести самолетов — в основном старые

бомбардировщики ТБз. Значит, противник собирает из центральных областей остатки авиационных средств. Их войска отступают. Лучшая минута праздника наступила, когда Гальдер произнес: «Русские потерпели поражение в этой войне в течение первых же восьми дней».

На Украине Кирпонос отдал приказ отходить к старой «линии Сталина». В Белоруссии основная часть войск Павлова оказалась окружена у Минска и Слонима. Именинник приказал готовиться к форсированию Днепра. Он смотрел в будущее: консерваторы свергнут Черчилля в Англии, чтобы избежать коммунистической революции; после войны Германия должна будет объединить всю Европу. На Востоке будет создан некий гибрид Римской и Британской империй, вырастет особая раса вице-королей, задачей которых будет господство над миллионами славянских илотов.

В ночь на 1 июля шедевры Рембрандта, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Рубенса, Эль Греко отправились из Эрмитажа в глубь страны. А в Могилеве сразу два маршала — Ворошилов и Шапошников — инструктировали остающихся за линией фронта партизан. «Взрывайте автомобили с солдатами и офицерами. Постарайтесь замедлить движение врага на фронт. Взрывайте поезда с войсками, оборудованием и оружием. Взрывайте их базы и склады». Пала Рига. 2 июля сталеплавильный завод в Мариуполе начал отгрузку своей техники в Магнитогорск. Государственный Комитет Обороны приказал отгружать заводы из Киева, Харькова, Москвы, Ленинграда и Тулы на восток.

3 июля — на одиннадцатый день войны, обращаясь на этот раз к «братьям и сестрам», Сталин признал тяжелые потери (Литва, Латвия, Западная Белоруссия, часть Западной Украины). Он оправдывал заключенный в 1939 году пакт с Германией: «Была ли это серьезная ошибка? Конечно, нет». Он сказал об опасности, нависшей над страной. «Военные трибуналы будут судить всех, кто совершил просчеты в нашей обороне, кто впал в панику и допустил предательство». Сталин призвал к формированию партизанских отрядов и к созданию на пути захватчиков зоны выжженной земли. Горизонт не

совсем темен: Британия и во все большей степени Америка становятся союзниками Советского Союза. Наступившая война — патриотическая, народная.

Сталин, свидетельствует К. Симонов, говорил бесцветным голосом, с сильным грузинским акцентом. «Один или два раза во время его речи можно было слышать, как звенит стакан, когда он пил воду. Его голос был низким и мягким, и он казался бы абсолютно спокойным, если бы не его тяжелое, усталое дыхание и то, что он продолжал пить воду... Сталин не описывал ситуацию как трагическую; трудно было бы представить его, произносящим такое слово; но то, о чем он говорил — ополчение, партизаны, оккупированные территории, — означало конец иллюзий».

Наступила новая эпоха. «Сталин, — пишет Дж. Эриксон, — человек с посеревшим лицом, находясь в кремлевской Ставке, принял на себя главенство военными операциями в качестве руководителя боевых фронтов, организатора чрезвычайной мобилизации; человека, к которому сходится вся информация, ответственного за огромные массы людей; он мстительно относился ко всем поражениям, с нетерпением требовал побед, не соглашаясь признавать реалии даже за счет жертв целых армий и фронтов, он не знал еще искусства войны, не знал, как остановить и как уничтожить германскую армию». Но жестокие для страны уроки постепенно стали давать результаты.

А немцы ощутили близость триумфа. В тот же день, 3-го июля, начальник штаба германской армии Франц Гальдер записал в свой красноречивый дневник: «Поскольку в Новгородском котле враг больше активности не проявляет, можно уверенно предполагать, что на Белостокской дуге противник, силу которого один пленный русский командир корпуса оценивает в 15—20 дивизий, разбит наголову. Надо считать полностью уничтоженными эти 12—15 дивизий. Наблюдающиеся перед фронтом группы армий «Юг» признаки отступления и развала наверняка объясняются не желанием командования отвести войска, а тем, что противник, вследствие жестоких ударов по нему, расчленен и большей частью разбит. В общем и целом можно сказать, что задача

уничтожения массы русской армии на пространстве от Двины до Днепра выполнена. Считаю достоверным мнение пленного русского командира корпуса, указавшего, что восточнее Двины и Днепра мы можем столкнуться лишь с силами, которые по своей численности и вооружению помешать немецким операциям не в состоянии». Умиротворенный Гальдер записал в дневнике нечто такое, чего он уже никогда не повторит: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России была выиграна за четырнадцать дней».

Гитлер в том же духе живописал прелести Крыма («это будет наша Ривьера») и указывал на необходимость построить автобан, соединяющий Крым с Германией. Восточную границу России он теперь определял по Уралу. Что касается политической системы, то «большевизм будет искоренен. В случае необходимости, если возникнут новые очаги сопротивления, мы возобновим наступление. Москва как центр распространения марксистской доктрины должна исчезнуть с лика земли сразу же после изъятия ее богатств». В день, когда был взят Псков, Гитлер в Вольфшанце сказал слова, занесенные в дневник Гальдером: «Фюрер полон решимости сровнять Москву и Ленинград с землей, полностью выселить население, которое, в противном случае, нам пришлось бы кормить зимой».

Британская разведка, с помощью своей дешифровальной машины «Энигма», узнала, что немцы читают зашифрованные послания советского военно-морского флота, о чем было сообщено в Москву. Соединенные Штаты, пользуясь занятостью немцев, расширили спектр своего влияния в Северной Атлантике. Американские военно-морские пехотинцы высадились в Исландии. Черчилль написал Сталину, что англичане «делают все, что позволяют время, география и наши растущие ресурсы».

Июль сорок первого

На Западном фронте у Еременко осталось 150 самолетов и 145 танков в первом эшелоне. Его время испытаний наступило 2 июля, когда 18-я танковая дивизия вермахта вышла к Березине и уничтожила все оборони-

тельные сооружения на западном берегу. Неудачи на Березине стоили Еременко его поста. 2 июля 1941 года Сталин назначил Буденного и Еременко своими заместителями, а во главе важнейшего, Западного, фронта поставил наркома обороны Тимошенко. Германская авиация впервые с начала войны отметила действенные попытки создать оборонительный вал — между Западной Двиной и Днепром. Немецкие самолеты-разведчики и данные радиоперехвата зафиксировали прибытие и сосредоточение свежих советских дивизий между Оршей и Витебском. Новый фронт находился примерно в 250 километрах от старой границы.

Москву держала, помимо прочего, в напряжении неизвестность относительно стратегических планов Японии — дальневосточные армии готовились к худшему. Но 6 июля Зорге сообщил в Москву, что Токио сделал выбор и этот выбор — битва за английские и голландские владения в Азии. Япония устремляется в южном направлении, она не поддалась нажиму Риббентропа выступить против СССР с востока. Другое дело — германский фронт. Здесь румыны начали наступление в общем направлении на Винницу. 7 июля в войну против СССР вступила соперница румынов — Венгрия.

На фоне гигантских потрясений СССР и Британия подписали соглашение о союзе и взаимопомощи. Они пообещали друг другу не заключать сепаратного мира. Очень важно и следующее обстоятельство: английские криптографы на своей базе в Блечли прочитали германский код, используемый на Восточном фронте. Черчилль отдал приказ сообщать русским ценные сведения, не раскрывая источника их получения. Офицер британской разведки Сесил Барклай, служивший в британском посольстве в Москве, связался по этому поводу с советской разведкой. «Энигма» стала просвещать советское командование относительно планов немцев под Гомелем и Смоленском. А из Ленинграда к фронту двигались отряды ополчения, вооруженного бутылками с «коктейлем Молотова» и даже косами и серпами — не хватало оружия.

* * *

Итак, первая операция немцев на Восточном фронте завершилась примерно к первой декаде июля 1941 года. Германская армия замкнула у Минска свои первые гигантские клещи. По их данным, в это первое большое окружение попали 288 тысяч военнопленных, 2585 танков. Гальдер пишет 8 июля в дневнике о «твердом решении фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей... Танки для этого использоваться не должны. Эта национальная катастрофа лишит русских не только центра большевизма, но и центра московитства вообще».

Попасть в плен для солдат и офицеров Красной Армии было величайшим несчастьем — германский плен означал для советских солдат и офицеров невероятные лишения, а часто — смерть. Но и выход с боями имел жестокие последствия. НКВД сурово проверял вышедших, спрашивая, как они могли попасть в плен живыми. Жестоко платил Сталин и за промахи, за некомпетентность, за растерянность, за непонимание своего места и задачи в огромной политической и военной игре без правил. Подвозивший Павлову взрывчатые вещества полковник Старинов видел арест генерал-полковника и людей из его окружения. Теперь «никто не мог быть уверенным в будущем, и все хорошо помнили 1937 год».

Немцы приступили к своей следующей задаче. Перед ними на центральном участке стоял Западный фронт во главе с маршалом Тимошенко. В него входили семь армий, 24 дивизии, примерно 200 танков и около четырехсот самолетов. Позади 16-я армия Лукина, переведенная с Дальнего Востока, сосредоточивалась в районе Смоленска. Сам город немцы уже жестоко бомбили. Тимошенко решил контратаковать на своем правом фланге — именно здесь он видел самую большую угрозу со стороны 3-й танковой группы немцев. Ставка поддержала его план. Войскам было приказано: «Твердо удерживая Западную Двину и Днепр, утром 6. 7. 41. перейти в решительное наступление».

3-я танковая группа немцев в это время с семьюстами танками без надежного авиационного прикрытия сражалась на захваченном плацдарме по северному бе-

регу Двины. В десять утра советские танки успешно вонзились в захваченную германской армией территорию. Это была элита предвоенной Красной Армии, танкистов учили воевать быстро и мужественно. Хуже было с общим взаимодействием — командование оказалось не на высоте. Семьдесят два часа длилась эта танковая битва — предвестница Прохоровки. Именно с этих июльских дней советские высшие командиры начинают воспринимать танк в качестве главного «действующего лица» этой войны. Еременко, на правах любимца Сталина в данный момент, просит танков и танков. Он предлагает придать по два танка каждой роте пехотинцев. Тимошенко издает директиву об антитанковой борьбе. С этого времени — прямо на ходу сражений — начинается перестройка Красной Армии с акцентом на танковый элемент. Первая директива такого характера выпускается Ставкой 15 июля. Впервые всерьез заходит речь о «реорганизации тыла», начинаются поиски противоядия от танкобоязни, которой страдала пехота.

В битве на Западной Двине дело решили 200 германских штурмовиков, нещадно нанесших удар по танкам и укреплениям правого фланга советского Западного фронта. Битва в городских кварталах Витебска была жестокой. 10 июля немцы активизировали свой правый фланг — Гудериан рванулся к Днепру. Находившийся неподалеку Шапошников порекомендовал Сталину начать создавать новый Резервный фронт. Косвенно Шапошников признавал, что судьба Западного фронта Тимошенко решена — он обречен. За первые две недели июля группа армий «Центр» захватила под Оршей и Смоленском еще 300 тысяч советских военнопленных.

Уверенность немцев сказывалась в том, что они не имели — и не предусматривали — использования резервов. Они были убеждены, что битва будет жестокой, кровавой, короткой, решительной, решающей, но ни в Берлине, ни в Растенбурге никто не беспокоился по поводу ее исхода. Война шла строго по немецкому плану. Американский историк Герхард Вайнберг пишет, что самой поразительной чертой германских военных карт «является отсутствие на них указаний на значительные, на существенные резервы — черта, которая

будет свойственна германским картам начиная с первых дней войны на Востоке»[45]. Показательная самоуверенность. 16 июля Гитлер прилюдно сказал, что Германия никогда никому не отдаст завоеванных на Востоке территорий (может быть, в виде исключения часть территории получат финны, но те, в свою очередь, так или иначе будут ассимилированы немцами). Местное население не получит никаких прав на самоопределение. Все подозрительные лица будут расстреляны. Польские историки опубликовали документы германского планирования: «Немцы не имели ни малейшего намерения «освобождать» кого бы то ни было. Напротив, балтийские государства и Украина, равно как и прочие оккупированные территории, должны были быть заселены немцами, и вовсе не случайно то, что первый серьезный план заселения восточных территорий (Generalplan Ost) был создан в июле 1941 года».[46]

Показательно, что именно в это время — 14 июля 1941 года — Гитлер отдал приказ переориентировать программу вооружений, уменьшив разработки военных вооружений и увеличив производство военно-морских и военно-воздушных вооружений. Новый громадный германский флот должен был получать из оккупированных (уже и в будущем) российских земель.

Но, несмотря на все поражения, Советская Россия продолжала сражаться. Как обобщает Г. Вайнберг, «советская система явственным образом держалась, и слухи распространялись о том, что всех политработников Красной Армии убивают на месте, слухи о бойне среди взятых в плен, об ужасном обращении с остальными, об убийстве десятков тысяч гражданских лиц — евреев, партийных работников, пациентов психиатрических клиник, всех, кто хотя бы внешне не понравился немцам, — эта судьба попавших под германскую оккупацию становилась известной советским гражданам по обе стороны фронта. Со времен Первой мировой войны оставалась память о том, что германская армия сражается жестоко, но она в общем и целом обращается с военнопленными и гражданскими лицами достойно; было ясно, что теперь это все драматически изменилось».[47]

На Юго-Западном фронте (командующий генерал

Кирпонос) немецкие танки вызвали меньший ужас — их здесь было меньше. А масса советских войск была расположена удачнее своих северных соседей. Но общий сценарий повторился. Танки фон Клейста уже 23 июня взяли Берестечко и ринулись к Дубно, увеличивая зону прорыва для пехотных частей вермахта. Естественно, Кирпонос 24 июня приказал контратаковать. Координация и здесь была слабым местом. Контакта между крупными танковыми частями практически не было. Машины двух танковых дивизий так и не соединились в Дубно, что позволило германским войскам осуществить прорыв. Кирпонос несколько раз пытался нанести удар во фланг Клейсту, но без особого успеха. (Следует отметить удар 1-го механизированного корпуса из Коростеня во фланг 1-й германской танковой группе с целью предотвращения выхода Клейста на житомирскую дорогу). 30 июня Ставка согласилась на отход Юго-Западного фронта на линию Новоград-Волынский—Каменец-Подольский.

В отличие от фельдмаршала Бока, его южный сосед Рундштедт не имел точной цели наступления. Обладая свободой действий, группа армий «Юг» двинулась на северо-восток от начальных позиций. Оттуда армии генерала Кирпоноса, базирующиеся вокруг Киева (750 тысяч человек), виделись соблазнительно неприкрытыми.

На самом юге генерал Тюленев с 24 дивизиями нанес 1 июля удар по румыно-германским войскам, пересекшим границу. Для позиционной войны Красная Армия не использовала даже приемы Первой мировой войны — минные поля и пулеметные гнезда. В маневренной же войне 1941 года равных германской армии в мире не было. Шаг за шагом южные советские части отступали перед натиском германских танков, ничуть не боявшихся оторваться от основных частей своей пехоты и раз за разом создававших бреши в обороне противника.

В пятницу, 11 июля, Кирпонос собрал большой военный совет в Броваре. Присутствующим стало ясно, что, пользуясь «житомирским коридором», Клейст стремится прямо к Киеву, чтобы захватить мосты через Днепр и выйти на Левобережье. Соответственно, задача: прикрыть Киев и не допустить немцев к Днепру. Стоя

у большой карты, генерал Кирпонос огласил приказ об очередном контрнаступлении. Следует «закрыть житомирский коридор», взять Житомир, Радомысль и Каменец-Подольский.

Несчастья Красной Армии на Украине начались тогда, когда, утратив связь с тылом, танки Кирпоноса потеряли и свою ударную силу и оборонительная линия Ровно—Дубно—Тернополь начала крошиться. 10 июля Ставка объединила Южный и Юго-Западный фронты под началом маршала Буденного. Сталин категорически отказался даже обсуждать возможность оставления Киева. Войска Буденного концентрировались вокруг двух центров: Киев и Никополь—Кривой Рог. Советские танки у Киева страдали от недостатка бензина. Немцы двигались по периметру вокруг украинской столицы, как волки в поисках бреши. А Буденный хвалился «мощными оборонительными сооружениями».

* * *

Созданная в ОКХ аналитическая оценка состояния армии противника №14 (середина июля) вела к однозначному выводу: «Положение Красной Армии начинает становиться критическим». На севере началась битва в пригородах Ленинграда (по «линии Луга»). Германская группа армий «Центр» начала битву за Смоленск, а танки Гудериана пересекли Днепр. На юге группа армий Рундштедта сокрушила правое крыло оборонительных линий Кирпоноса и подошла к Киеву. Собственно, Сталин со своей стороны высказал схожие с приведенными немецкими мысли, когда 10 июля объявил о новой конфигурации вооруженных сил на фронтах.

Страна ощутила себя над бездной. У Ставки были проблемы с резервами. Генералы воочию увидели мощь танков. Сталин больше и больше советовался с маршалом Шапошниковым, определенно стремившимся восстановить некоторые традиции старой России, дореволюционной армии. Более суровыми стали требования к передаваемой в центр информации. Создавались новые дивизии, лихорадочно готовились офицеры, осмысливался горький опыт. Шеститысячные дивизии военного времени были вдвое меньше кадровых дивизий, с кото-

рыми страна встретила 22 июня, но набор в эти дивизии шел спокойно и уверенно — общее понимание сложности переживаемого момента было очевидным.

Упрощенное руководство войсками Ставкой теперь уже не устраивало Сталина. Никакой коллегиальный орган не был способен быстро и адекватно реагировать на калейдоскопическую смену обстановки. В критических обстоятельствах была образована Ставка Верховного командования под председательством Сталина. (Тремя неделями позже Сталин примет титул Верховного Главнокомандующего Советских Вооруженных Сил). Три главкома взяли на себя ответственность за три основных направления: Ворошилов за северо-западное (Северный и Северо-Западный фронты, Северный и Балтийский флоты); Тимошенко за западное (Западный фронт и Пинская флотилия); Буденный — за юго-западное (Юго-Западный и Южный фронты, Черноморский флот). Было создано отдельное Командование ВВС Красной Армии, воссоздан пост Главнокомандующего артиллерией.

Конструкция армия—корпус—дивизия не показала свою надежность в управлении. Инструкция №1 от 15 июля 1941 года гласила: «Опыт войны показал, что существование больших и громоздких армий с большим числом дивизий и большим административным аппаратом мешает организации боевых операций и управлению войсками в бою, особенно ввиду молодости и неопытности наших штабов. Ставка полагает, что следует осуществить постепенный и не вредящий текущим операциям переход к системе небольших армий с пятью, максимум шестью дивизиями, не имеющими корпусного управления и с прямым подчинением дивизий командующему армии. Ставка требует от фронтовых командиров принять во внимание эти соображения по поводу опыта трехнедельной войны с германским фашизмом и ввести их в практику». Танковые дивизии теперь не подчинялись механизированным корпусам. При этом было также решено увеличить число кавалерийских корпусов — как дань традиции. К концу июля на фронте было 240 дивизий из общего числа 350, которыми располагал Советский Союз.

Во всей стране вводился военный всеобуч. ГКО специально обсуждал слабости противотанковой борьбы. Особое внимание в этот горький и трагический час уделялось новым видам вооружений. Было решено опробовать новую ракетную установку «катюша» близ Смоленска и уже рассматривались возможности массового производства этого вида оружия. Именно в июле была осуществлена централизация военного производства, служб тыла, транспортных и медицинских служб. Отменили достигнутое маршалом Тимошенко в 1940 году единоначалие; в армии снова вводился институт политических комиссаров (директива №81 от 15 июля) как ответственных за дисциплину, за предотвращение проявлений трусости и паникерства. Отчасти это был знак определенной потери веры Сталина в офицерский корпус. 27 июля всем военнослужащим зачитали приговор военного трибунала, осудивший девятерых генералов, начиная с генерала Павлова. Все они были расстреляны. 20 июля Сталин издал приказ о «чистке нежелательных элементов» с целью выявления «германских шпионов». Все выходящие из окружения военнослужащие должны были пройти тщательную проверку Особых отделов. В один лишь день 25 июля НКВД рассматривал дела более 1000 «дезертиров», и приговоры были нередко неимоверно суровы.

В письме Черчиллю 19 июля Сталин признал сложность положения. Но, по его словам, оно было бы еще хуже, если бы Красная Армия не встретила вермахт на рубеже Кишинев—Львов—Брест—Каунас—Выборг. Десятью днями позже, стараясь не обескуражить посланца президента Рузвельта Гарри Гопкинса, Сталин сказал, что линия Одесса—Киев—Смоленск—Ленинград оптимальна для обороны. Разумеется, он бравировал. По прогнозу Сталина, фронт должен был стабилизироваться к 1 октября, а в середине октября погода остановит все активные действия. К этому времени фронт будет «не более чем в ста километрах к востоку от нынешней линии фронта». Москва, Ленинград и Киев останутся в русских руках. Красная Армия удержит свои позиции на протяжении всей зимы, а весной она начнет свое контрнаступление. Неизвестно, поверил ли этим словам

Гопкинс, но ему определенно хотелось в это верить. И на него произвели впечатление реализм и суровая уверенность советского руководства, о чем он не преминул сообщить Рузвельту.

Немцы не сомневаются

14 июля 1941 года Гитлер уверовал в победу настолько, что приказал несколько сократить военное производство. Вставала задача управлять завоеванным. Фюрер выразил свои идеи относительно эксплуатации Востока 16 июля 1941 года — в день, когда германские войска начали окружение Смоленска. «Хотя германские цели и методы должны быть скрыты от мира в целом, все эти необходимые меры — расстрелы, выселения и пр. — мы должны осуществлять в любом случае. Порядок должен быть таков: завоевать, установить свою систему правления, наладить систему эксплуатации». 17 июля Гитлер доверил задачу «полицейской безопасности на недавно завоеванных землях» шефу СС Гиммлеру.

Ставленники Гитлера отнеслись к делу с ревностью и педантизмом. Прежний железнодорожный служащий Кох стал наместником Украины со следующей программой: «Наилучшим было бы убить всех мужчин старше пятнадцати лет, а молодых послать в лагеря СС». Кох всегда ходил с кнутом. Он хвалился, что является «первым арийцем, владеющим империей от Черного моря до Балтийского». Гиммлер учил Коха: «Словно жировая пленка на кипящем бульоне, существует тонкий интеллектуальный слой на поверхности украинского народа; избавься от него, и лишенная лидеров масса станет покорной как беспомощное стадо». Гитлер беспокоился относительно сентиментальных мотивов: «Всякий, кто благосклонно высказывается о местных жителях, о цивилизующем влиянии на них, должен быть отправлен прямо в концентрационный лагерь... Единственное, чего я боюсь — это того, что Министерство восточных земель попытается цивилизовать украинских женщин».

Но не все было радужно для ликующего врага. 14 июля 1941 года под Оршей капитан Флеров впервые использовал «катюшу», многоствольный миномет — 320

ракет, запускаемых за 25 секунд. В далеких гарнизонах свежепостриженные юноши вставали в строй, страна напрягла свои силы — понимание критической важности момента наконец вытеснило глупое шапкозакидательство первых дней. Огромная страна остро почувствовала угрозу своему бытию, и инстинкт самосохранения стал действовать ощутимо.

Советская пехота проходила в среднем тридцать пять километров в сутки. Воздух принадлежал немцам, а германские танки покрывали вдвое большее пространство. Немудрено, что передовые части Гудериана первыми вышли 18 июля к Ельне, достигли правого берега Десны и создали Смоленский котел. Фронт маршала Тимошенко оказался в страшной опасности. 16 июля командующий докладывает в Ставку: «У нас нет подготовленных сил и недостаточно войск для прикрытия направления Ярцево—Вязьма—Москва. Главная слабость — отсутствие танков». Это был канун битвы за Смоленск — традиционные ворота Москвы.

Гудериан уже ощущал себя завоевателем России. Он был уверен в результате Смоленского сражения, он уже смотрел в будущее, его целью теперь была Москва.

Однако не все складывалось согласно немецким желаниям. Восемь дивизий Красной Армии вырвались из смоленского окружения. Танки генерала Гота ринулись на восток, чтобы перехватить ускользающих русских, но, как жалуется Гот, «это была устрашающе трудная страна для движения танков — огромные девственные леса, болота повсюду, ужасные дороги и мосты, не выдерживающие веса танков. Сопротивление стало более жестким, и русские начали прикрывать свой фронт минными полями. Это тем легче для них, что приходится блокировать ограниченное число дорог».

Говоря о дорогах, следует сказать, что германская разведка более или менее точно отразила их состояние на прежней польской территории, но ее карты собственно России — России за Минском — точностью не отличались. Как пишет генерал Блюментрит, «наши карты не соответствовали реальности. Большая автомобильная дорога, ведущая от границы к Москве, не была завершена — а это была единственная дорога, которую на Западе

могли бы назвать собственно «дорогой». На наших картах все основные дороги были отмечены красным, и казалось, что их много, но они чаще всего оказывались лишь грунтовыми дорогами. Почти весь наш транспорт был колесным, его нельзя было использовать на дорогах без покрытия. Земля слишком быстро превращалась в грязь. Пара часов дождя останавливала движение танковых войск».

Но 19 июля в директиве №33 Гитлер выразил свою обеспокоенность способностью русских избегать планируемых вермахтом операций по окружению: «Целью следующих операций является предотвращение отхода значительных сил противника в глубину России». Возвратившийся из Вольфшанце адмирал Канарис сделал примечательное признание: *«Не все идет по намеченному плану. Увеличиваются признаки того, что эта война не только не вызовет ожидавшийся в России внутренний коллапс, но, напротив, приведет к укреплению большевизма»*. В кругу близких сотрудников Канарис заметил, что «никто еще не сумел нанести поражение или победить Россию». Слушавший его лейтенант Фабиан фон Шлабрендорф еще в 1938 году пытался убедить фельдмаршала фон Клюге арестовать Гитлера и лишить его всех постов в государстве. Оппозиция начинает задумываться, хотя теперь о противодействии Гитлеру говорить с Клюге было невозможно.

А германское командование склонно было думать, что вермахт свою задачу уже выполнил. 23 июля Гитлер заявил, что еще в этом году дойдет до Волги и вступит на Кавказ. Логика многих германских военачальников была довольно проста: если 200 советских дивизий уже уничтожены, то с кем остается сражаться? Военное руководство рейха 27 июля 1941 года пришло к выводу, что «основная масса готовых оперативно быть использованными частей русской армии уже уничтожена». Триумф германской военной мысли и мощи виделся немецким генералам бесспорным. Германское командование считало, что у противника осталось только 20 пехотных, 13 бронетанковых, 2–3 кавалерийские дивизии. Единственная надежда русских возлагается на усталость германских

войск. В Берлине начали работать над «реорганизацией армии после завершения операции «Барбаросса».

Однако Сталин именно в эти дни располагал другими цифрами: 240 советских дивизий на фронте и 20 в резерве.

Наш самый трудный час

Уже начиная думать о новых потенциальных фронтах будущего, немецкие военачальники были вынуждены признать, что они впервые встретили противника, который продолжал сопротивление даже в окружении. «Русские не ограничивают себя противостоянием фронтальным атакам наших танковых дивизий. Они пытаются найти любую возможность ударить по флангам тех клиньев, которые создали наши моторизованные части... С этой целью они используют свои танки. Они стремятся отделить наши механизированные части от пехоты, которая следует за ними». Именно тогда — в битве за Смоленск — генерал Гальдер отметил «фанатичное и зверское» (fanatisch und verbissen) сопротивление советских солдат: «Их воля к сопротивлению не сломлена».

Согласно приказу Сталина от 20 июля, следовало «очистить все части от нежелательных элементов». Отныне все рядовые и офицеры, вышедшие из окружения, подвергались жестоким допросам об обстоятельствах их попадания в окружение. Были созданы «заградительные отряды», стоявшие за линией окопов и укреплений Красной Армии. Только за один день 25 июля перед строем солдат были расстреляны семеро военнослужащих как «предатели Родины». Паникерство, дезертирство, «оставление оружия и боевых позиций» были названы преступлениями, за которые платили жизнью. В то же время некоторые командиры Красной Армии, подвергшиеся репрессиям еще в предвоенные годы, были освобождены из лагерей и посланы на фронт.

22 июля немцы начали авианалеты на Москву и продолжали их пять ночей подряд. Геббельс утверждал, что «Кремль превратился в груду дымящихся руин».

Москва официально объявила о расстреле девяти крупных военачальников — Павлова, Климовских, Коробкова и других. Спустя несколько дней Красная Армия оставила Кингисепп — чуть более ста километров до Ленинграда.

29 июля, разложив карты перед Сталиным, начальник Генерального штаба Жуков сделал обзор стратегического положения на фронтах. Начал с севера и двигался на юг. Он приводил цифры наших потерь и высказывал предположение о возможном направлении германских операций. Начальник политуправления Красной Армии Мехлис перебил маршала: откуда тот знает о планах германской армии? Жуков ответил, что не знает о планах немцев, но, глядя на расположение сил на фронтах, он может представить себе ход их мыслей. «В направлении Ленинграда немцы не смогут взять город и соединиться с финнами без привлечения дополнительных войск. На Украине главные сражения достигнут пика в районе Днепропетровска—Кременчуга, куда проникли танковые части группы «Юг». Самым опасным и наиболее слабым сектором нашей линии является Центральный фронт, так как армии, прикрывающие Унечу и Гомель, слабы и плохо экипированы — немцы могут использовать слабость их позиций и нанести удар во фланг и тыл Юго-Западного фронта».

«Что вы предлагаете?» — спросил Сталин. Жуков предложил укрепить Центральный фронт не менее чем тремя армиями, дополнительной артиллерией и назначить командующим опытного командира, скажем, Ватутина. Жуков предложил отозвать с Дальнего Востока восемь полностью экипированных дивизий — они перекроют путь на Москву. «Вы предлагаете отдать Дальний Восток?» — спросил Сталин. Жуков не ответил на этот вопрос и поставил вопрос о том, чтобы отвести войска Юго-Западного фронта за Днепр и перевести на север пять дивизий этого фронта. «А что о Киеве в этом случае?» — спросил Сталин. Жуков изложил аргументы в пользу исправления линии фронта и важности Центрального фронта. В последовавшем споре, услышав реплику Сталина о том, что его соображения — «полная чепуха», Жуков резко ответил, что если он способен,

говорить только «чепуху», то он недостоин своего поста. Через сорок минут после того как он ушел со своими картами, Сталин снова вызвал его. Начальником Генерального штаба назначили маршала Шапошникова, а Жукова послали командовать Резервным фронтом, оставив при этом членом Ставки. А «чепуха», о которой говорил Жуков, как выяснилось уже в ближайшие недели, оказалась лучшим стратегическим советом для нашей отступающей армии, вступившей в кризисную фазу конфликта.

Предпоследняя линия обороны

В конце июля между Ржевом и Вязьмой частями Красной Армии была создана новая линия обороны. 30 июля германская директива №34 предписывала окружить советские части, расположенные к северо-западу от Днепра. 2 августа, после пятидесятидневного постоянного отступления Красная Армия начала двадцативосьмидневную битву в районе Ельни. Гитлер отметил успехи Гудериана тем, что присвоил его танковой группе название «Группа армий Гудериан». Это давало последнему большую свободу маневра. Прибывший к Гудериану адъютант Гитлера полковник Рудольф Шмундт украсил его Рыцарский крест дубовыми листьями. Разговоры Гудериана со Шмундтом представляют интерес. Согласно Шмундту, Гитлер рассматривал три цели: 1) захват Ленинграда сделает Балтику немецким озером, обеспечит бесперебойное поступление шведской железной руды, надежную связь с армейской группой «Север»; 2) захват Москвы, «чья промышленность имеет важное значение», лишит русских важнейшего транспортного узла; 3) овладение Украиной обеспечит Германию углем и хлебом. Гудериан со всей страстью уговаривал Шмундта обратиться прежде всего к Москве, «сердцу России». До нее оставалось примерно двести пятьдесят километров.

В начале сентября советские войска после тяжелых наступательных боев освободили Ельню. Даже не ведающий пока сомнений Гитлер «оговорился» 4 сентября после посещения штаба группы армий «Центр» в Бори-

сове: «Если бы я знал, что у них столько танков, я бы дважды подумал, прежде чем начать вторжение». Потом, в октябре, сражавшиеся у Ельни советские войска будут окружены и уничтожены, но их доблесть, доблесть обреченных, отодвинет дату решающего наступления немцев на Москву.

Совещание высших немецких офицеров в Борисове требует особого внимания. Штаб группы армий «Центр» ощущал себя элитой германского офицерства. И эта элита позволяла себе видеть в действиях Гитлера отстранение германского рыцарства, лучших представителей прусской касты от решений, определяющих судьбу Германии. Группа офицеров во главе с генерал-майором Хеннингом фон Тресковым и Фабианом фон Шлабрендорфом, узнав о намерении фюрера посетить штаб фельдмаршала Бока, решила арестовать «ефрейтора», судить военным судом и восстановить традицию, когда армия является арбитром в государственных делах Германии, высшим аналитическим советом и средоточием власти в рейхе. Шлабрендорф и Тресков решили остановить автомобиль с Гитлером и посадить вождя нацистов под стражу. Гитлеру предстояло предстать перед независимым военным удом. О дальнейшем офицеры предпочитали не задумываться. (В определенном смысле это была подготовка к выступлению 20 июля 1944 года).

А. Кларк полагает, что заговорщики персонифицировали «лучшие качества своей страны, рациональный интеллектуализм в союзе с самоотверженной смелостью. Их целью было создание «достойной Германии»... Будучи немцами, они считали военную мощь и конституционный порядок основными элементами «достоинства». На фронте, будучи на расстоянии восьмисот километров в глубине России, им было легче оценить реальности данной кампании. Они могли видеть, что неукротимая мощь вермахта столкнулась с неколебимым объектом и «...когда наши шансы на победу испарятся очевидным для всех образом, уже ничего нельзя будет поправить».[48] Заговорщики пытались найти подход практически к каждому армейскому генералу, и никто из касты военных не предал их, не позвонил Гиммлеру. Вера в то, что вооруженные силы должны

стать арбитром и руководителем нации, была достаточно широко распространена среди германских офицеров. Возможно, если бы заговорщики преуспели, фельдмаршал Бок согласился бы их возглавить. Но в текущей ситуации он не хотел рисковать — ведь он и без того возглавлял группу армий «Центр», перед ним маячила манящая перспектива стать национальным героем — покорителем Москвы. И Бок не принял активного участия в заговоре. Талант Гитлера сказался в том, что он сумел разъединить генералов. Три раза он откладывал время визита в Борисов. 3 августа прибыл конвой из эсэсовцев, привезших свои собственные автомобили. И когда самолет Гитлера приземлился, войска СС прикрыли его на всем пути продвижения. На протяжении всего визита молодым германским офицерам не удалось даже приблизиться к фюреру, не говоря уже о том, чтобы произвести выстрел. Гитлер же вызывал военачальников по одному, сидя в кабинете фельдмаршала Бока вместе с адъютантом Шмундтом и двумя адъютантами из СС. Пред ним предстали прежде всего Бок, Гудериан, Гот, Хойзингер.

Обсуждался вопрос: что является первостепенной целью вермахта. Выслушав поток мнений, Гитлер вынес свое суждение. Он объявил первой целью захват Ленинграда. Это отрежет русских от Балтики и обеспечит бесперебойное поступление шведской железной руды. Далее по шкале ценностей следовало сделать выбор между Москвой и Украиной. Гитлер дал понять, что Украина — его приоритет. Ее завоевание даст рейху огромные ресурсы. Фюрер приказал после оккупации Крыма осуществить десант через Керченский пролив и двигаться в направлении Батуми.

В прежние времена Гудериан был способен открыто протестовать против решения фюрера, с которым не был согласен. На этот же раз он пишет: «Как только решение атаковать Украину было подтверждено, я делал все возможное, чтобы выполнить приказ как можно лучше. Я упросил Гитлера не разбивать на части мою танковую группу, а бросить ее в бой целиком». А. Кларк полагает, что «трудно определить, в какой степени увод целой армейской танковой группы повлиял на неудачу

наступления на Москву... Но это был катастрофический спор, последствия которого для итогов войны едва ли даже можно измерить».[49]

Посетив штаб группы армий «Юг» в Бердичеве, Гитлер возвратился в Вольфшанце. Штаб-квартира войск СС в Берлине получила донесение командующего германской полиции на Центральном участке фронта фон дем Бах Желевского, что его подразделения уничтожили с начала войны 30 тысяч человек. Глава гестапо Мюллер потребовал держать в курсе массовых экзекуций фюрера.

И все же в конце июля немцев посетили первые сомнения. Победы вермахта перестали быть безусловными. Завершение первой фазы «Барбароссы», при всем ее триумфе, не дало необходимых результатов. Красная Армия не была сокрушена. Разведка обнаруживала новые и новые дивизии. Русские сражались, а не бежали и не сдавались.

Август

В начале августа появились и первые признаки того, что не все подвластно германской армии. По крайней мере, оккупация Кавказа и Мурманска стала казаться целью, уже недосягаемой в ходе данной кампании. Германская военная машина начала перестраиваться на ходу. Наконец-то обнаружилось нечто странное для педантичных немцев — у них не оказалось планов на период, непосредственно следующий за вторжением на территорию СССР. Да, они ворвались в ворота Советского Союза, но вот что делать с противником, не желающим складывать оружие после первых поражений, они не знали. А колесный транспорт не поспевал доставлять горючее танкам. Во весь рост встала задача перевода железнодорожного транспорта на русскую колею, ибо только железные дороги могли решить проблему снабжения наступающих частей.

20 июля немцы взяли Ельню (40 км к юго-востоку от Смоленска). Но 5 сентября Красная Армия освободила ее — первая, пусть не очень впечатляющая победа в этой войне.

В это время, согласно воспоминаниям наркома ВМС

адмирала Кузнецова, Сталин «мало-помалу» овладевал началами военного искусства, началами ведения военных операций. Он все чаще навещал кабинет наркома Тимошенко в комиссариате обороны, именно там встречал ведущих военачальников. Уже с определенным знанием дела он спрашивает Кузнецова о возможности перевода морской артиллерии с балтийских островов для обороны Таллина. 8 августа 1941 года Верховный Совет СССР назначил Сталина Верховным Главнокомандующим всех вооруженных сил.

А в дневнике Гальдера появляются ноты сомнений, прежнее ощущение триумфа отходит на задний план. На 51-й день войны, 11 августа, он пишет с явной тревогой: «Во всей обстановке на фронтах в целом становится ясным, что колосс Р о с с и я, который сознательно готовился к войне, при безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта констатация относится как к организационным, так и к экономическим силам, а в особенности к чисто военному потенциалу... Их дивизии, конечно, вооружены и оснащены не в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом неудовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русские выставляют новую дюжину. Они выигрывают время благодаря тому, что находятся поблизости от своих источников снабжения, а мы все больше от них отдаляемся. Наши разбросанные по всему огромнейшему фронту и не имеющие никакой оперативной глубины войска снова и снова подвергаются атакам противника, который имеет определенный успех, ибо на невероятных просторах поневоле остается много разрывов между войсками».

11 августа советская стратегическая авиация осуществила свой первый рейд на Берлин. В ответ Гитлер приказал уничтожить все аэродромы, с которых был возможен вылет на германскую столицу.

На следующий день Сталин сказал спецпредставителю президента Рузвельта Гарри Гопкинсу: «Величайшая слабость Гитлера заключается в огромной численности порабощенных народов, которые ненавидят Гитлера и аморальные методы его правительства». Эти

народы, равно как и «бесчисленные миллионы людей в еще не завоеванных нациях могут получить моральную помощь, укрепить свою моральную силу, которые им необходимы, только из одного источника, а именно из Соединенных Штатов».

Сталин попросил Гопкинса прислать алюминий. Это обрадовало Гопкинса как ничто иное — терпящие крах государства просят автоматы, а не алюминий. Сталин говорил, что его страна «может сражаться в течение трех или четырех лет». Россия производит 1800 самолетов и 1000 танков в месяц. Сталин боялся, что Германия сможет превзойти СССР в промышленном производстве — особенно в производстве танков. Заметим, что, когда Сталин беседовал с Гопкинсом, Смоленск уже две недели был в руках немцев; три армии, которым Верховный приказал взять город любой ценой, окружали немцы; Верховный главнокомандующий отдал приказ о начале строительства «Можайской линии», на гораздо большем расстоянии (чем обещанные Гопкинсу сто километров) отстоящей от Смоленска к Москве.

А далеко на западе, в концентрационном лагере Освенцим на русских военных в августе было испробовано самое дешевое средство массового убийства — использовавшийся прежде как пестицид газ «Циклон-Б». Как сказал Черчилль в радиообращении к англичанам в августе, «германские полицейские войска хладнокровно уничтожают тысячи русских патриотов, защищающих свою собственную землю. Со времен монгольского вторжения в Европу никогда еще не было такой методичной безжалостной бойни в таких масштабах».

Стараясь осмыслить стратегический замысел германского командования, Жуков, командуя Резервным фронтом, в середине месяца отмечает «потерю интереса» немцев к центральному участку фронта. 18 августа он пишет Сталину и Ставке: «Враг, убежденный в мощной концентрации наших войск на дороге к Москве, видя на флангах Центрального фронта и в районе Великих Лук сосредоточение наших сил, временно оставил планы удара по Москве и, обратившись к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, бросил все свои мобильные ударные и танковые силы про-

тив Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможные намерения противника: уничтожить Центральный фронт и, прорвавшись в район Чернигов—Конотоп—Прилуки, ударом с тыла уничтожить Юго-Западный фронт».

Чтобы предотвратить такую возможность, был создан Брянский фронт. Сталин пишет: «Вы, товарищ Еременко, назначены командующим Брянским фронтом. Поезжайте туда завтра и организуйте фронт как можно быстрее. Танковая группа Гудериана действует на брянском направлении, и здесь предстоят тяжелые бои. Вы получите то, чего хотели. Вы встретите механизированные части вашего «старого друга» Гудериана, чьи методы должны быть известны вам по Западному фронту». Увы, импровизированного фронта и сил Еременко оказалось недостаточно, чтобы предотвратить катастрофу на юге.

Судьба Ленинграда

На Северо-Западном фронте маршал Ворошилов прибыл в Ленинград в качестве главкома направления. Официально — согласно документам — под его началом было тридцать дивизий, реально же у него имелось полностью экипированных и готовых к бою лишь пять. Немцы планировали пробиться к Ленинграду через свои плацдармы в Ивановском и Сабске — до города на Неве оставалось примерно сто километров. В начале августа Ставка отправила Ворошилову еще девять пехотных и две кавалерийские дивизии.

На северо-западном направлении в девять часов утра 8 августа 1941 года германская армия начала наступление, которое ее генералы считали последним. 16 августа немцы вошли в Новгород Великий, до тех пор единственный русский город, никогда за тысячу лет не видевший иноземной оккупации. Они перерезали в Чудово Октябрьскую железную дорогу, соединявшую Москву с Ленинградом. К 24 августа танки Рейнгарда вышли к пригородам Гатчины — в сорока километрах от северной столицы. Связь Ленинграда с остальной Россией была прервана. Ленинград готовился к уличным

боям, когда прибыли Молотов и Маленков с задачей «организовать оборону города». 26 августа Сталин разрешил укреплять оборонительные позиции танками, непосредственно сходящими с заводских конвейеров города, и обещал четыре авиационных полка для прикрытия города сверху. Когда слабым местом обороны города стало справедливо казаться высшее руководство, Сталин решил прислать в Ленинград Жукова. Его назначение означало только одно — Ленинград будет сражаться до конца.

Город покинули лишь те научные учреждения, без которых Россия не мыслила ни своего выживания, ни своего возрождения. Ведущие ленинградские институты двинулись на восток. Оборудование грузилось на платформы, книги складывались в грузовики. Физико-технический институт был переведен в Казань, на четыреста километров к востоку от Москвы. Страна требовала быстрых полезных решений. Курчатов и Александров были заняты защитой судов военно-морского флота от магнитных мин. Будущий президент Академии наук Александров отправился на Северный флот, а Курчатов остался в Севастополе. Флеров одел мундир ВВС и был приписан к Академии военно-воздушных сил в Йошкар-Оле. Он был уверен в том, что в мире идет гонка за создание атомной бомбы, и просчитывал шансы России. В ноябре 1941 года ученый послал письмо в ГКО со своей оценкой российских возможностей в создании атомного оружия.

Курчатов возвратился в Казань с воспалением легких. Больной и слабый, он поклялся не бриться до дня победы. Мир таким и узнал его — с бородой. Курчатов приветствовал идеи Флерова (этот доклад Флерова Курчатов до последних дней держал в ящике своего письменного стола). Его страсть была дорога будущему руководителю нашего атомного проекта. У обоих этих людей столь органично соединилась любовь к отечеству с научным скептицизмом. Рядом с Курчатовым в одном ряду можно поставить изобретателей лучшего в мире танка Т-34, конструкторов прекрасных боевых машин авиации, создателей непробиваемой брони, творцов «катюши», изобретателей радара. Именно их умом и талантом был остановлен враг.

Самое тяжелое решение

По признанию самого Гитлера, ему понадобилось почти шесть недель для принятия «самого тяжелого решения во всей Восточной кампании». 21 августа он принял его вопреки мнению ОКХ. Гитлер назвал в качестве своих целей Ленинград, Крым, Донбасс. Москва следовала лишь на четвертом месте. «Приказываю следующее: 1. Важнейшей целью, которой следует достичь еще до наступления зимы, является не взятие Москвы, а овладение Крымом, промышленным и угольным районом на Донце и прекращение русского снабжения нефтью из района Кавказа, а на Севере — блокирование Ленинграда и соединение с финнами... Овладение Крымским полуостровом имеет наиважнейшее значение для обеспечения нашего снабжения нефтью из Румынии. Поэтому всеми средствами, включая также применение подвижных соединений, следует стремиться быстро форсировать Днепр в направлении Крыма, прежде чем враг перебросит сюда новые силы... Только блокирование Ленинграда, соединение с финнами и уничтожение русской 5-й армии создает предпосылки и высвобождает силы для того, чтобы с перспективой на успех атаковать и разбить вражескую группу армий Тимошенко».[50]

По мнению германского историка Г. А. Якобсена, «это было далеко идущее решение, больно ударившее по ОКХ, которое уже с августа с несомненной обескураженностью вынуждено было констатировать, насколько сильно оно недооценило способность Советского Союза к сопротивлению и имеющиеся у того возможности в кадровом, техническом, а также и в политическом отношении. Понимание этого пришло слишком поздно».

Это решение впоследствии приведет к весьма суровой критике немцами фюрера. Послевоенные историки будут говорить то, чего не говорили самые скептичные из современников: Гитлер не обладал ни военным опытом, ни соответствующим образованием, среди специалистов вермахта он был дилетантом. «Поначалу, — рассуждает Якобсен, — он высказывал свои планы большей частью в виде спонтанных экспромтов или как бы слу-

чайно в разговоре. Это были молниеносные озарения и в гораздо меньшей степени — конкретные предложения, причем не вполне продуманные и не обоснованные до конца. Не владея аргументацией офицера генерального штаба, он давал полную волю всем своим интуитивным и внезапным мыслям. Импровизированно сказанное им его военные советники должны были облекать в надлежащую форму». А после побед на Западе в психологии Гитлера произошли глубокие изменения. Квалифицированные генералы перестали быть для него неоспоримыми профессиональными авторитетами. ОКХ теряет свое значение центра принятия решений. Немцы сами вручали Гитлеру право принимать роковые для армии решения. Отказ от движения на Москву был классическим примером отхода от германской доктрины «бить по критически важной точке».

В конце августа 1941 года к Гитлеру прибыл Муссолини. Он нашел его уверенным в себе. Вместе они осмотрели руины Брестской крепости. Фюрер признал, что «плохая работа разведки дала ему полностью неверные данные о размерах и качестве русских войск, а также о решимости, с которой они идут в бой». Именно в тот день русские танки у Великих Лук бросились в наступление и были остановлены лишь через сутки. В этот вечер по ленинградскому радио поэтесса Вера Инбер процитировала слова Герцена: «Рассказы о сожжении Москвы, о битве при Бородино, о переправе через Березину, о падении Парижа были легендами моего детства, моими Илиадой и Одиссеей. В наступившие времена Россия пишет для своих внуков новую Одиссею и Илиаду». Именно в этот день отступающие советские войска взорвали Днепрогэс. Финские войска взяли Выборг и вышли к границе 1940 года.

Сентябрь

Относительно дальневосточного союзника Германии 11 сентября 1941 года Риббентроп сообщал руководству рейха: «Токио, очевидно, намеревается отложить действия против Советского Союза, чтобы выждать дальнейших успехов Германии на Восточном фронте».[51] Риббен-

троп и Вайцзеккер предложили «оказать давление на Японию с целью побудить ее атаковать Владивосток: 1. По военным соображениям, поскольку это облегчит нашу военную задачу. 2. По внешнеполитическим соображениям, поскольку это докажет, что Япония явным образом встала на сторону «оси». Но Гитлер был против «активного давления на Японию; он опасался, что это будет интерпретировано как знак немецкой слабости».[52]

Спокойствие, с которым Сталин обсуждал проблемы войны с Гарри Гопкинсом, базировалось на нескольких объективных обстоятельствах. Во-первых, помимо донесений Зорге, советская военная разведка фиксировала факт отсутствия концентрации японских войск в Маньчжурии. Японцы не могли начать завоевание советского Дальнего Востока без серьезной предварительной подготовки. Ее пока не было. Более того, все явственней становилась ориентация Токио на южное направление. В начале октября 1941 года можно уже было определенно полагаться на то, что СССР сможет избежать борьбы на два фронта. А это в реальности значило, что боевые порядки Дальневосточной армии становились резервом главного командования. Во-вторых, крупная группировка советских армий на Украине могла не только защитить эту богатейшую республику Союза, но и оказать давление во фланг движущимся к Москве германским армиям.

В сентябре 1941 года война, полагали немцы, заканчивается. По оценке Эриксона, «кровавое побоище на юге, осуществленное с устрашающей эффективностью, было только преддверием — «необходимым условием», если пользоваться терминологией Гитлера, — массированного наступления против советских армий, защищающих Москву».[53] Но Гитлер насторожился. 11 сентября он отменяет приказ о сокращении производства для армии, военные заводы снова заработали на германскую восточную армию. Военно-морская программа, рассчитанная на битву с Британией, была отложена.

* * *

Великая страна ощутила нависшую угрозу. К последней неделе сентября 1360 крупных промышленных пред-

приятий в западной России были эвакуированы на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и Центральную Азию. Крупные заводы Харькова и Краматорска были подготовлены к переезду за несколько дней. Полтора миллиона вагонов перевозили целые отрасли промышленности на восток, а навстречу, на запад, продвигались два с половиной миллиона солдат.

На северо-западном направлении 1 сентября немцы окончательно взяли станцию Мга и Ленинград попал в страшное кольцо блокады. Кейтель уведомил фон Леeба, что Гитлер не имеет ничего против бомбардировки и обстрела великого города. Гитлер не хотел боев в городских кварталах, но он уже решил, что Ленинград будет сметен с лица земли. Под давлением немцев финны, остановившиеся было на старой советско-финской границе, в сентябре 1941 года, после нового наступления немцев на Ленинград, снова бросились вперед и пересекли реку Свирь. Прямой путь из Мурманска в Москву был перерезан, хотя действовала обходная ветка. Над Ленинградом нависла смертельная опасность.

Утром 13 сентября самолет с Жуковым взлетел с Внуковского аэродрома и взял курс на север. На Ил-2 с ним были генералы Федюнинский и Хозин. Ударные части немцев неуклонно приближались к Ленинграду, они штурмовали Пушкин, Тосно, Мгу и Шлиссельбург, дошли до реки Волхов, где в южном течении реки Свирь надеялись встретить наступающих на юг финнов. Подавленный Ворошилов сдал командование и отбыл в Москву. Под бортом его самолета лежали 700 километров противотанковых надолбов, 5000 огневых точек, 25 километров баррикад. И город, готовый пожертвовать собой.

Жуков сократил периметр обороны, оставив прежнюю «линию Луги». На западном направлении Таллин был оставлен, Балтийский флот возвратился в Кронштадт. Против устремившихся из Красного Села к Урицку немцев он послал последний резерв. В координационной комнате Жуков демонстративно сгреб в угол всевозможные карты и схемы, оставив в центре внимания одну: карту собственно города. Линию Пушкин—Гатчина—Колпино приказал защищать до последнего патрона. Все силы были сконцентрированы на поисках резер-

вов и укреплении оборонительных линий. Он издал также приказ №0098, требовавший расстрела всех отступающих как «пособников» немцев. Ни у кого не оставалось сомнения, что город будет сражаться до последнего дыхания. Знаменитые ленинградские мосты были заминированы – от минеров потребовали взорвать их до 17 сентября. 40 тонн взрывчатки привезли на основные заводы. Последние позиции перед городом были обозначены между Пулковом и собственно городом. Пал Пушкин, немцы вошли в Слуцк и Кузьмино, но Колпино держался. К 19 сентября фронт стабилизировался по линии Пулково–Кузьмино–Пуртолово.

А германское ОКХ сделало обзор стратегического положения, одобренный Гитлером. «1. В данный момент еще нельзя сказать, как можно будет высвободить крупные силы с наступлением зимы на Востоке и сколько их потребуется в следующем году для ведения операций при тяжелых погодных условиях.

2. Если поход на Восток в 1941 г. еще не приведет к полному уничтожению советской воли к сопротивлению (как на то рассчитывало высшее командование), военное и политическое воздействие этого на общее положение может быть таковым:

а) выступление Японии против России может задержаться. С другой стороны, Америка может дать Японии непосредственный повод для вторжения (вероятно, нет!);

б) объединению сил России и ее союзников через Иран воспрепятствовать не удастся;

в) Турция отнесется к этому ходу событий с большим недовольством. Несмотря на это, она будет выжидать до тех пор, пока не убедится в крушении России...

Разгром России – ближайшая и решающая цель войны, которая должна быть достигнута привлечением всех сил, без которых можно обойтись на других фронтах».

Катастрофа на Украине

В группе армий «Центр», выполняя приказ, Гудериан повернул свои танки под углом в 90 градусов на юг – он нашел двухсоткилометровую щель между войсками Тимошенко и Буденного. Тем самым он уходил

от опасности быть атакованным 5-й советской армией и войсками, выходившими из-под Гомеля. Гудериан шел впереди с двумя танковыми дивизиями, за ним следовала, ощущающая близость победы, основная масса его войск. На третий день боев, пройдя примерно сто километров, Гудериан захватил нетронутый мост через Десну у Новгород-Северского, преодолевая тем самым последний естественный рубеж между северными силами и движущимися с юга, со стороны Черкасс и Кременчуга танками Клейста. Огромные силы, сосредоточенные под командованием Буденного в районе Киева, могли двигаться лишь со скоростью пешехода. Вокруг же ревели моторы моторизованных германских частей. 16 сентября германские танковые колонны сомкнулись в Лохвице.

Сталин сместил Буденного, но разрешил общее отступление лишь двумя днями позже немецкого окружения. Поздним вечером 17 сентября Шапошников связался с Кирпоносом. «Главнокомандующий позволил вывести войска из Киева». Но как выйти из окружения? Генерал Бурмистренко утром 18-го посоветовал Кирпоносу полагаться лишь на себя. После четырех дней непрерывных запретов на отступление маршал Тимошенко разрешил генералу Кирпоносу отводить войска. В течение 24 часов Киев пал. Кирпонос приказал прорываться на восток. К этому времени огромная масса советских войск была лишена общей координации, у нее уже не осталось горючего, необходимых боеприпасов, общего планирования на случай создания бреши. С последними патронами шла пехота в контратаки, чтобы лечь навеки в украинских полях — германская артиллерия твердо знала свои цели. После пяти дней массового уничтожения немцы начали брать пленных. Их было ни много ни мало шестьсот пятьдесят пять тысяч — треть кадрового состава Красной Армии в начале войны. Кирпонос попал в засаду 20 сентября и погиб. На восток пробилось лишь 15 тысяч. 19 сентября немцы вошли в город — «мать городов русских». Берлин объявил, что с начала Восточной кампании германская армия потеряла только 86 тысяч убитыми.

Под Киевом замолкли последние выстрелы. На за-

пад потянулось бесчисленное количество эшелонов с вагонами из-под скота, переполненными советскими военнопленными. Потери Красной Армии после начала войны были неслыханными. По оценкам ОКВ, она к концу сентября потеряла два с половиной миллиона человек, 18 тысяч танков, 22 тысячи орудий, 14 тысяч самолетов. Такую оценку сделала германская разведка. Но оно же, несколькими месяцами ранее, именно такими (или меньшими) цифрами оценивало совокупную мощь Советского Союза. На чем же держалась его мощь после потрясающих поражений? В любом случае, считали немцы, еще одно такое поражение, и у русских просто не останется солдат.

Берлин прислал сонм фотографов, и сейчас мы можем взглянуть в лица тех, кто потерпел крушение, на обожженные танки, на горы оружия, на трупы наших солдат, тянущиеся до горизонта.

Как пишет английский историк А. Кларк, «столь любовно собранный, этот документальный «материал» раскрывает меру тевтонского садизма, германского восторга перед насилием и брутальностью. Фотографии выдают ужасающий характер снимавших. Упоенные победой, немцы даже не старались проявить хотя бы некую меру неприятия дикости и безжалостности. Ничто не может трогать больше, чем фотографии военнопленных. Эти длинные, молчаливые колонны брели по изрытой воронками земле. В глазах русских видна глухая, «бычья» обреченность людей, которые сражались за свою Родину и потерпели поражение. Могли ли они представить себе, что ждет их впереди? Сознательно подготовленный голод, лагеря, пораженные тифом, двадцатичасовой рабский труд на заводах Круппа, под ударами бичей эсэсовцев. «Медицинские эксперименты», физические муки, четыре года сознательной жестокости самого ужасающего и непростительного вида. Могли ли они предположить, что лишь тридцать из каждой тысячи увидят снова свои дома? Но пока мы задаем эти риторические вопросы, задумаемся на секунду. Понимали ли немцы, наблюдая за почерневшими тракторами в степи, что они, сея ветер, пожнут бурю?»[54]

Сталин ликвидировал юго-западное командование. Тимошенко (последний главком после потерявших свои посты Ворошилова и Буденного) был назначен командующим Юго-Западным фронтом. В конце сентября ради укрепления Крыма Сталин приказал эвакуировать Одессу. Москва начинала терять надежду. И не только она. Стажировавшийся при германском штабном колледже между 1936 и 1938 годами американский майор Альберт Ведемейер предсказал 11 сентября 1941 года, что к 1 июля 1942 года Германия будет владеть всей территорией к востоку от Белого моря, Москвы, Волги. Россия к этому времени окажется в военном отношении бессильна.

Рундштедт с Гудерианом разбили в прах успокаивающее Сталина ощущение, что в районе Киева еще стоят нетронутые кадровые войска. Видя потерю Украины, Сталин заколебался. Мы впервые видим признаки отчаяния Верховного главнокомандующего. Он начинает просить о втором фронте. По личному приказу Сталина посол Майский передает премьер-министру Черчиллю 3 сентября его личное послание, в котором содержится просьба, во-первых, открыть в текущем году театр военных действий «где-нибудь на Балканах или во Франции, что отвлекло бы 30—40 германских дивизий с Восточного фронта». Во-вторых, предоставить Советскому Союзу к началу октября 30 тысяч тонн алюминия и ежемесячную минимальную помощь в 400 самолетов и 500 танков. «Без этих двух форм помощи Советский Союз будет либо разбит, либо ослаблен до такой степени, что надолго потеряет способность помочь своим союзникам активными операциями на фронте против гитлеризма».

13 сентября Сталин идет еще дальше. Англичанам предлагается «высадить 25—30 дивизий в Архангельске или в южной части Советского Союза через Иран для военного сотрудничества с советскими войсками подобно тому, как это делалось в последней войне во Франции». Американцам Сталин предлагает занять своими войсками любой сектор на советском фронте под американским командованием. Американцы и англичане решили не связываться с «тонущим кораблем».

* * *

Германский посол во Франции Отто Абец прибыл к Гитлеру в Вольфшанце 16 сентября 1941 года. Гитлер поделился с ним планами на Востоке. Ленинград будет сметен с лица земли — это «ядовитое гнездо», откуда уже долгое время «распространяется азиатская злоба». Азиаты и большевики будут вышвырнуты из Европы. «Будет положен конец двумстам пятидесяти годам азиатской заразы». Урал станет новой границей поверженного врага. Россия к западу от Урала станет германской Индией. Железорудные месторождения Кривого Рога обеспечат Германию миллионом тонн руды в месяц. При этом экономически самодостаточном новом порядке Франция получит свою долю. Условием является ее участие в разгроме Британии.

Но в тот же день фон Лееб убедился в невозможности пробиться к Ленинграду и началась переброска танков на московское направление. Обеспокоенный Гальдер записал в дневник: «Отныне дренаж наших сил под Ленинградом будет продолжаться. Противник сконцентрировал значительные силы и большой объем боеприпасов, такая ситуация сохранится до тех пор, пока голод не выступит нашим союзником». А Гитлер продолжал делать экскурсы в будущее. Крым обеспечит Германию цитрусовыми, хлопком и резиной. «Мы будем снабжать зерном всю Европу». Среди русских «мы найдем человеческий материал, необходимый для обработки пашни. Немецкие поселенцы и надзиратели будут жить в замкнутом сообществе, как в крепости. Но наши конюшни должны быть лучше, чем у туземцев».

Казалось, теперь дикие мечтания Гитлера имели под собой основания — за спиной германских солдат находились Минск, Смоленск, Киев, совсем рядом — Москва.

Но и это страшное поражение Красной Армии не было решающим. Советские войска сумели — страшными усилиями — восстановить линию фронта. Потеряв Харьков, они все же сомкнули ряды восточнее. Немцы бросились к Азовскому морю и сумели взять ключи к Кавказу — Ростов-на-Дону. Но на дальнейшее герман-

ская армия не была способна — силы концентрировались на севере, в направлении Москвы. Германское командование уже не могло всерьез думать о захвате северокавказских нефтяных месторождений, они не могли и препятствовать потоку горючего по волжскому пути.

В это же время финны, видя, что немцы, при всех усилиях, не могут выйти к Неве, следуя безошибочному внутреннему чувству, все же остановились в сентябре на старой границе Финляндии и СССР. Поворачиваясь к Москве, Гитлер решил задушить Ленинград в блокаде, бросая основные силы на центральное направление. Об этом решении Сталин узнал от разведывательной сети в Германии, «Красной капеллы», когда признаки ослабления давления на северную столицу еще не ощущались. Но 23 сентября Пулково штурмовали лишь 12 танков. Жуков зафиксировал ослабление этого давления 25 сентября.

На Ленинград в этот день обрушилась самая большая с начала войны масса снарядов и бомб. 276 германских бомбардировщиков убили тысячу мирных жителей. Пострадал Кронштадт и его верфи. Миллион ленинградцев двадцать четыре часа в сутки копали окопы. Великий город готовился дорого отдать свои жизни. Немцы начали детально планировать, что делать с северной русской столицей. Генерал Варлимонт составил следующий меморандум: оккупация как таковая места иметь не будет. Детей и пожилых следовало выпустить из города, а остальных оставить умирать. Наилучшим решением было бы запереть жителей в городе, окружить его колючей проволокой с пропущенным в ней током, поставить на высотах пулеметы. Были предложения «филантропу Рузвельту» вывезти жителей Ленинграда. Варлимонт завершил свой анализ так: «Замкнуть Ленинград герметически, ослабить население посредством террора и усиливающегося голода. Весной мы оккупируем город, уберем выживших в глубину России и сровняем Ленинград до нулевого уровня взрывчатыми веществами». Йодль поощрил подчиненного: «Это увеличит хаос и поэтому облегчит нашей администрации эксплуата-

цию оккупированных территорий». Германские бомбардировщики постоянно бомбили Ленинград. Бадаевские склады уже сгорели.

В октябре группа армий «Север» предприняла еще одну попытку пробиться к Ленинграду — удар был нанесен к востоку от Тихвина; немцы надеялись на восточной стороне озера Ладога встретить финнов. Удачей было то, что финны остановились на своей прежней границе. Немцы всячески уговаривали Маннергейма, но у финнов были свои соображения. Ленинград был бы обречен, но Гитлер теперь пришел к выводу, что столица — Москва — главная цель Восточной кампании. Гитлер приказал считать Ленинград «второстепенным театром операций». Он начал осуществлять блокаду шестью или семью дивизиями и перенацеливать основные силы на Москву.

Все выглядело как будничное и логически неизбежное историческое действо. Имперский шеф печати Дитрих уже заявил по радио, что русский колосс повержен и больше никогда не поднимется.

Поворот к Москве

В английском поместье Блечли 1500 английских специалистов по дешифровке продолжали свою работу. В конечном счете они прочитали варианты кода «Энигма», применяемого немцами в радиообмене между Берлином и Восточным фронтом. По приказу Черчилля в Москву были доставлены дешифрованные данные о дислокации германских войск на Восточном фронте. Особый интерес представляли данные о их концентрации вокруг Смоленска. Кроме Сталина, эти данные получал только один человек — начальник Генерального штаба маршал Шапошников. На вопросы об источнике этих сведений английский связной — Сесил Барклай — отвечал, что у английской разведки есть свой человек в германском военном министерстве.

Советская разведка имела и свои важные источники. Наверное, самым важным из них была «Красная капелла», разведывательная сеть, базировавшаяся на

германском министерстве авиации. В нее входил Шульце-Бойзен, глава разведывательной службы люфтваффе, Дольф фон Шелиа из министерства иностранных дел, Арвид Харнак из министерства экономики. Используя секретные радиопередатчики, «Красная капелла» снабжала Москву сведениями о главных операциях и особенно детально о планах германского командования. Так советское руководство узнало о том, что после взятия Киева Клейст не собирается к кавказским предгорьям, о том, что Гитлер решил взять Ленинград измором, а не прямым штурмом.

В Токио группа Зорге была близка с помощником премьера Коноэ. Уже в конце июня разведчик докладывал, что Япония решила оккупировать французский Индокитай и голландскую Ист-Индию — японцы устремляются на юг, а не к советским границам. Третьим важнейшим источником была группа «Люси» в Швейцарии. Историк Эриксон отмечает: «Информация, поступавшая в Москву, была столь точной и невероятно детализированной, что первоначально вызвала подозрение, что работает опытный специалист по дезинформации из абвера и все это — гигантская западня. Но в конечном счете Москва признала аутентичный характер информации «Люси» о планах германских вооруженных сил, ее способность ответить на самые сложные вопросы относительно обсуждений самого высокого уровня в германской армии».[55] (В то же время немцы не имели ни малейшего представления об основных процессах в Советском Союзе; они оставили свои попытки организовать подлинно стратегическую разведку и полагались лишь на допросы военнопленных, слежение за перемещением полков и дивизий. Воздушная разведка давала тоже мало — советские части перемещались преимущественно ночью, их тылы не были глубокими, они быстро исчезали из поля зрения).

Пока немцы наступали, работа разведки была не так уж важна. Но когда речь зашла о стратегической обороне, незнание противника становилось для вермахта существенным минусом. На фронтах советские полевые командиры получали информационную помощь со стороны партизан, чего немцы никогда не имели, и хотя

немцы ввели в практику убивать 50 советских людей за одного немца, они не могли остановить рост партизанского движения. Расстреливая, немцы старались попасть жертвам ниже пояса, часто хороня заживо, хороня раненых, умиравших в страшных мучениях. Как пишет А. Кларк, «немцы получали от репрессий садистское удовольствие. Он совмещали долг и спорт; совмещали рвение крестоносцев и специфическое физическое удовольствие, которое столь многие немцы извлекают из причинения боли другим. В долгие летние вечера «охота на людей» предпринималась по малейшему поводу; деревни окружались, а жителей избивали прямо на улицах. В Германию отсылали «сувениры». Один из оккупантов отослал в Германию «локон волос русской девушки-партизанки. Они сражаются, как дикие кошки, и это явные недочеловеки».[56]

Часть стратегов в Берлине уже начала считать поставленные в России цели достигнутыми. Ленинград изолирован, Украина завоевана, Донбасс отрезан от советской экономики. Военное министерство стало планировать возвращение в Германию восьмидесяти дивизий, половину которых предполагалось расформировать. Военное управление на Востоке будет иметь в своем распоряжении «мощные мобильные силы в главных индустриальных и коммуникационных центрах; каждая воинская группировка, помимо своих обычных оккупационных обязанностей, будет в состоянии посылать быстро действующие боевые группы в центры неоккупированных территорий с целью сокрушить любую попытку сопротивления еще до того, как она стала представлять опасность». Нужно сказать, лишь Рундштедт (с пассивным сочувствием Браухича) в эти дни и недели эйфории стоял за то, чтобы остановить германскую армию на Днепре и дожидаться весны 1942 года. Другие — Бок, Гудериан, Гот, Клюге — и слышать не хотели о паузе в войне, для них сама мысль о замедлении операций была абсурдной.

На оккупированной территории, следуя указаниям непосредственно Гитлера, Гиммлер, Борман и Кох действовали по принципу: мы — господа, они — унтерменши. Немцы должны господствовать и управлять. Как

отмечает немецкий историк Г.-А. Якобсен, «любую попытку считаться с чувствами и образом жизни русских они отвергали как сентиментальничанье». Рейхсфюрер СС сформулировал свое отношение одной фразой: «Что касается русских... мне совершенно безразлично, живут ли они в достатке или подыхают с голоду; меня они интересуют лишь постольку, поскольку мы нуждаемся в них как в рабах для нашей культуры, а до остального мне дела нет». По оценке германского историка М. Геринга, Германия «ярчайшим, потрясающим образом показала всему человечеству, в результате каких обстоятельств культурный народ смог с гордой высоты погрузиться в самую мрачную бездну. На его примере подтвердился опыт истории, на его примере была доказана незыблемость твердых, имманентных природе вещей законов». Эти законы исключали безнаказанность массового насилия.

Постепенно, капля за каплей, две простые идеи стали посещать головы немцев: Россия огромна, русских много. Ответом на зверскую жестокость немцев стала бездонная ненависть русских.

Глава десятая
НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО

Если они хотят войны на уничтожение, они получат ее.

И. В. Сталин, 1941 г.

К середине октября 1941 года историческая судьба России приближается к нижайшей точке. Многие жизненные центры были уже потеряны, многое не могло работать, находясь в смертельной опасности. В армию уходила самая деятельная часть населения, деревни покидали кормильцы, под пули шла лучшая часть нации. Ее ум, ее интеллигенция копала противотанковые рвы, записывалась в истребительные батальоны, бессловесно — как и весь народ — жертвовала собою.

На территориях, уже захваченных немцами или находившихся под ударом, проживало не менее 45 процентов всего населения — не менее 88 миллионов людей. Одна треть промышленного производства СССР находилась здесь: 62,5 процента добычи угля, более двух третей металлургии, 68 процентов выплавляемой стали, 60 процентов алюминия. 303 крупных завода европейской России не действовали, будучи демонтированными с прежнего места производства. 47 процентов пахотной земли оказались в руках немцев, равно как и 41 процент железнодорожных путей.

При этом не следует преувеличивать степень пред-

военной готовности к переводу промышленности на восток. Современные данные говорят, что у советского правительства были самые общие наметки, но не имелось конкретного плана перевода стратегической индустриальной базы на Урал и за Урал. Этот перевод был результатом колоссальной импровизации, потребовавшей величайшей жертвенности. Только после нападения Германии начала работать Комиссия академика Комарова «по мобилизации ресурсов Урала для оборонных целей».

Можно прямо сказать: против мобилизованной Германией мощи всей Западной и Центральной Европы поздней осенью сражалась половина России, раненая, потрясенная, в муках собирающая свои последние силы.

Советский Союз и Германия столкнулись в смертельной схватке. Эта схватка происходила у самой сонной артерии России. Как пишет Дж. Эриксон, «задачей вермахта было: разбить Красную Армию в полевых сражениях, одновременно уничтожить источники индустриальной мощи, которые позволяли продолжать сопротивление; русские, охваченные фатальным спазмом ужасного конфликта, обязаны были спасти хотя бы часть своих вооруженных сил и, платя любую цену, сохранить жизненно необходимый минимум — 57% производства, работающего на фронт».

«Поведение русских...»

До Москвы оставалась одна треть уже пройденного немцами пути, на юге завершалось окружение миллионной русской армии под Киевом, впереди — у Вязьмы — в клещи попадет еще почти миллион наших солдат. Но реальность уже бросила свою тень на безумные планы тех, кто хотел сделать нас рабами.

Немецкие генералы — возможно, лучшие профессионалы в мире — начали осознавать особый характер борьбы, особый характер противостоящего им противника. Генерал Блюментрит, наступавший на Минск, отметил: «Поведение русских войск даже в этой первой битве являло собой поразительный контраст с поведением поляков и западных союзников, когда те терпели

поражение. Даже будучи окруженными, русские держались за свои позиции и сражались». И они не собирались сдаваться. Взятый в плен в июле 1941 года сын Сталина Яков ответил допрашивающим его немцам именно так. На фоне массового страха и паники, на фоне головокружительных потрясений «решительное меньшинство» (определение Дж.Эриксона) было настроено идти до конца. 17 сентября 1941 года командование 39-го армейского корпуса направило Гитлеру памятную записку «О возможности подрыва большевистского сопротивления изнутри»: «Предшествующий ход Восточной кампании показал, что большевистское сопротивление и ожесточение далеко превзошло все ожидания. Красная Армия имеет такой, особенно унтер-офицерский, корпус, который постоянно крепко держит в своих руках рядовых как в наступлении, так и в обороне... Любая попытка переворота была бы в конечном счете ликвидирована самой жесткой силой в самом зародыше. Никто не должен предполагать, что война приведет к революции в Советском Союзе. Большевистское государство проявляет в борьбе такую же силу сопротивления, что и КПГ в борьбе за власть в рейхе».

И уже выделилась плеяда военных вождей, способных встать вровень с современной военной наукой, — стратег Жуков, военачальники полевых армий Рокоссовский, Конев, Ватутин, военные специалисты в своей сфере Воронов и Говоров, энергичные и мужественные командиры — Катуков, Ротмистров, Богданов, Новиков.

Германия не сумела верно оценить противника. Его вооружение было гораздо лучше, чем полагали немецкие военные специалисты. И численность советских войск едва ли не вдвое превосходила ожидаемую. Генерал Гальдер занес в свой дневник 11 августа: «Мы недооценили силу русского колосса не только в экономической и транспортной области, но прежде всего в военной. Вначале мы рассчитывали встретить 200 дивизий противника, но теперь мы идентифицировали уже 360 дивизий». Командующий группировкой армий «Юг» фельдмаршал Рундштедт уже после войны сказал: «Я понял вскоре после нападения, что все, что было написано о России, является глупостью».

Даже господство в воздухе не было абсолютным. Если во Франции у немцев было 10 самолетов на каждый километр фронта, то в России — один. Вообще, сравнение в Францией, столь популярное среди немцев в тот период, имело очень мало смысла. В Советском Союзе расстояния были как минимум в пять раз больше, чем в ходе войны с Францией. Кейтель позднее признал: «Гитлер говорил так, будто русская кампания — дело верное... Но теперь, оглядываясь назад, я вижу, что это был страшный риск». Гитлер самоуверенно утверждал, что политическая система Советской России рухнет после первых же сражений. Неизбежно возникал вопрос о том, что должно ее заменить. Немцы не знали на него ответа.

Английский историк А. Кларк считает, что прежде всего «следует сказать об обычном русском солдате. Неадекватно руководимый, недостаточно обученный, плохо экипированный, он изменил ход истории благодаря своему мужеству и твердости в этот первый год войны». Германский офицер рассказывает о русском танке, подбитом в ходе боя. Обгорелый, он стоял на гребне холма, тогда как германские части в течение десяти дней пытались продвинутся, но не находили нужного пути. «Никакие запасы не могли быть доставлены нам, так как подвозящие их солдаты встречали шквал артиллерийского огня. Мы изменили время доставки, но это не улучшило ситуацию. Снаряды часто падали и на наши позиции. В глубине ночи (русский) патруль пробился через лес и бросил ручные гранаты прямо в наши орудия. Мы спрашивали себя, какой дьявол сделал все это возможным. Тайна открылась случайно... В один из дней армейский повар в поисках танковых приборов открыл люк русского танка. От зловония он едва не потерял сознание, но увидел два стоящих на коленях скелета. Мы вытащили их. Один из них — капитан, потерявший глаз, находился рядом с разлагающимся трупом. Раненый, он посылал по радио сообщения своим войскам о наших перемещениях». Даже сухой Гальдер пишет о «дикой решимости» русских солдат.

Возможно, германские солдаты первыми ощутили особый характер противника, особый характер террито-

рии, особый тип войны. Однообразную равнину пересекали похожие друг на друга реки. И на каждом берегу отступающий противник стремился создать рубеж обороны. Именно германские солдаты создают грозный и трагический фольклор: русского всегда нужно убивать дважды; всякий, кто пролил русскую кровь, не смог уйти живым с этой земли. Из уст в уста передавались описания того, как ведут себя советские раненые. «Они не кричат, они не стонут, они никого не проклинают. Без сомнения, в этом есть нечто мистическое, нечто непостижимое относительно их жесткого, упорного молчания». Так немецкий автор Двингер описывает советских военнопленных, которым сознательно не оказывали медицинскую помощь: «Некоторые из них обожжены огнеметами, и ничто у них не напоминает человеческого лица. У многих шрапнель вырвала куски мяса. У одного пуля вырвала нижнюю челюсть. Кусок мяса у раны не закрывает трахеи, сквозь которую дыхание вырывается пузырями и хрипом. Пять пулеметных патронов вошли в плечо и руку другого пленного, лишенного всякой одежды. Казалось, что его кровь вытекает через несколько трубок. ...За моими плечами пять кампаний, но я не видел ничего похожего. Ни крика, ни стона из губ этих раненых, которые сидели на траве».

«Тайфун»

К востоку от Киева Клейст и Гудериан завершали окружение пятидесяти советских дивизий. Тридцать советских дивизий были заперты в Ленинграде. 25 сентября немцы начали наступление на юге — в направлении Харькова и Крыма. Через два дня германские части взяли Перекоп — ворота в Крым.

Но Гитлер отставил свои черноморские и прочие увлечения. Находясь в штаб-квартире Бока, он приказал остановить продвижение и на ленинградском направлении. Следует сказать, что в германских военных кругах начало ощущаться понимание того, что одногодичной кампании для крушения России недостаточно. А если предстоит еще один военный год, не лучше ли закрепиться на продвинутых оборонительных позициях и за

минными полями и колючей проволокой подготовиться к решающим битвам следующего года? Но основные действующие лица — Гитлер, главнокомандующий сухопутных войск Браухич, его начальник штаба Гальдер и командующий группой армий «Центр» Бок — выступали за решение стратегического вопроса в текущем 1941 году. Со взятием советской столицы армия получит лучшие зимние квартиры. Главный железнодорожный узел страны будет парализован. Индустрия огромного Московского района будет выведена из строя. А если готовиться к новой весне, то как создавать укрепления в чистом поле?

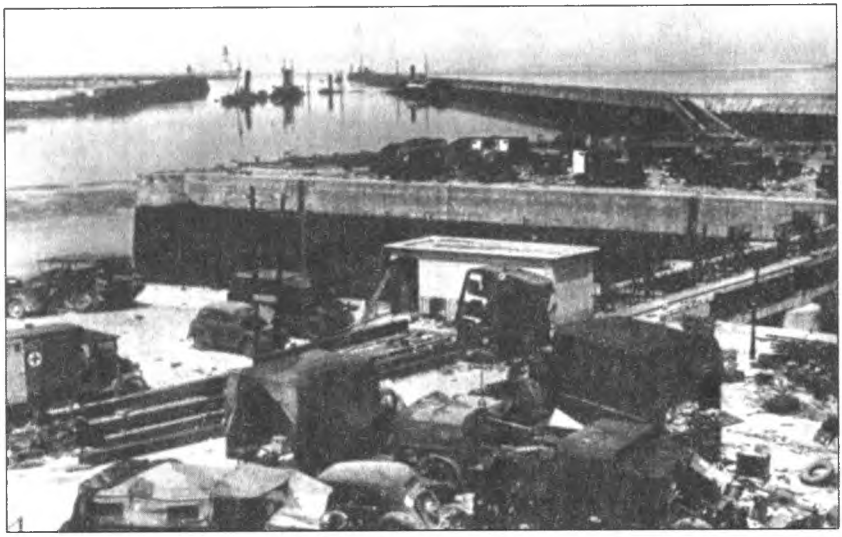
Едва ли можно подвергнуть сомнению то положение, что германская разведка, стратегическая в первую очередь, была неадекватна стратегическим задачам. Германское командование не имело ни малейшего представления о грандиозных усилиях противника по обеспечению работы новой промышленности в тылу, о мобилизуемых армейских резервах, о маршруте движения дальневосточных армий. Невозможно отделаться от впечатления, что к зиме, к декабрю, германское командование было в полной уверенности относительно невозможности для Красной Армии «восстать из пепла». Согласно директиве №35, немецкая военная машина стала концентрироваться в направлении Москвы.[58] Операции по взятию столицы было присвоено кодовое название «Тайфун» — это был апофеоз германской «битвы на уничтожение». Генерал фон Вальдау записал в свой дневник: «Мы входим в зимнюю кампанию. Я верю в окончательную победу».

Операцию должны осуществить три пехотные армии (вторая, четвертая и девятая). Три танковые группы (Гот—3-я, Гудериан — 2-я, Геппнер — 4-я) приготовились к удару. У фельдмаршала Бока, возглавившего наступление на Москву, было больше танков, чем в начале осуществления операции «Барбаросса» — 14 танковых и 9 моторизованных дивизий. Теперь три четверти германских войск собирались ради удара по советской столице, поддерживаемые с воздуха лучшими силами люфтваффе.

Британские криптологи дешифровали германские

«Аншлюсс». Евреев заставляют мыть тротуары в Вене. 1938 г.

«Я привез вам мир на вечные времена!» Н. Чемберлен после Мюнхена.



Трофейная техника и затопленные корабли в Дюнкерке. Июнь 1940 г.

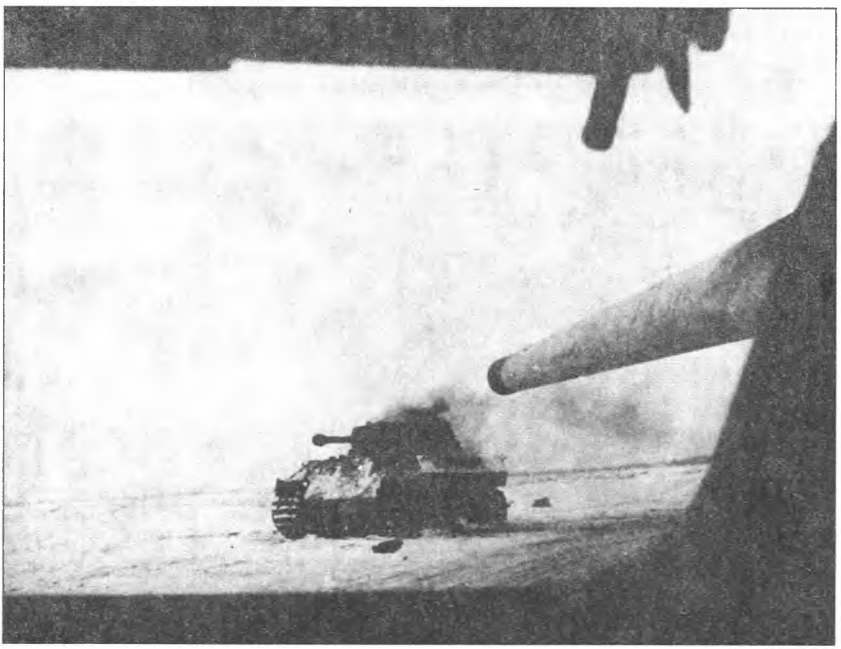
Немецкая 37-мм пушка на улицах Парижа. 14 июля 1940 г.

Солдаты дивизии «Дас Рейх» в районе Смоленска. Август 1941 г.

Действия вермахта на Украине. Июль 1941 г.

Советское контрнаступление под Москвой. Декабрь 1941 г.

Горящий немецкий танк. Декабрь 1941 г.



Ввод германских войск в Прагу

Так жители Праги встречали немцев. 15 марта 1940 г.

Парад войск вермахта у Триумфальной арки. Париж, 14 июня 1940 г.

Советско-германский Пакт о ненападении заключен. До начала Второй мировой войны остается чуть больше недели. 23 августа 1939 г.

Выступление А. Гитлера в рейхстаге. 1 сентября 1939 г.

Судетские немцы приветствуют германские войска. Октябрь 1938 г.

приказы об операции «Тайфун». Черчилль постоянно спрашивал, получил ли Сталин дешифрованные сведения («покажите мне последние пять отосланных сообщений»)? Они говорили об отчетливой подготовке немцев к прыжку на Москву.

В составе противостоящих «Тайфуну» трех советских фронтов имелось 80 пехотных дивизий, 2 моторизованные и 1 танковая дивизия, 9 кавалерийских дивизий и 13 танковых бригад. (Численность одной дивизии к этому времени составляла 7–5 тысяч человек). 18 сентября в Красной Армии появились гвардейские части. Ими стали 100-я, 127-я, 153-я и 161-я дивизии. Это была попытка выделить наиболее отличившиеся части – отражение понимания того, что количество в этой войне не равно качеству. Да и преимущества в количестве людей на советской стороне уже не было. В июне 1941 года кадровый состав армии равнялся 4 700 000 солдат. Поздней осенью 1941 года численность армии упала до 2 300 000 воинов. За один октябрь 1941 года было потеряно 5 000 советских самолетов.

* * *

2 октября Гитлер объявил о завершающей стадии «Барбароссы»: «Сегодня начинается последняя великая и решающая битва войны». В германских руках уже находятся «три величайших индустриальных центра большевиков. Наконец мы создали предпосылки для финального сокрушительного удара, который до начала зимы приведет к крушению врага». Восемь русских армий находились в котле вокруг Вязьмы и Брянска – 673 тысячи солдат и офицеров взяты в плен, 1242 танка и 5432 пулемета захвачены или уничтожены. Выступая в берлинском «Спортпаласте», Гитлер заявил онемевшей толпе, что «началась операция грандиозных размеров. Она приведет к сокрушению врага на Востоке. Противник уже отступает, и он никогда не восстановит свою силу». Огромный зал взревел. Гитлер в тот же день возвратился в свое «Волчье логово».

Против Бока стояла последняя из крупных советских воинских группировок – отступавшие от границы остатки войск и мобилизованное ополчение. (Только к

началу 1944 года армия восстановит необходимый профессионализм). Противостоящие немцам Конев и Еременко имели под своим командованием пятнадцать пехотных армий — примерно полмиллиона солдат. Их мобильность была прискорбно низкой, их техническое оборудование желало много лучшего, у них была недостаточная огневая мощь, чтобы упорно и умело защищать свои позиции. В войсках уже редкостью были кадровые части. Резервисты повсюду — это был грозный знак роковой слабости, оставались личное мужество и физическая неприхотливость. Но эти резервисты не могли выдержать танкового блицкрига.

Полоса наступления немцев была около 250 километров, что в пять раз меньше июньского фронта 1941 года. Согласно германскому плану, танковая группа Геппнера вместе с дивизиями СС «Дас Райх» и «Гросс-дойчланд» должна была расколоть противостоящий советский фронт на две части — одна в районе Вязьмы, другая около Брянска. В бой против Красной Армии бросились две тысячи немецких танков. Их марш продолжался десять дней.

Уже на третий день, пишет Гудериан, «был осуществлен решающий прорыв». Еще через сутки немецкие танки вошли в Орел, где явно не ожидали такого поворота событий — горело электричество и ходили трамваи. На станции грузили эвакуируемый на Урал завод. Геппнер оттеснил Западный фронт Конева к верховьям Днепра. Гот вел свои танки по шоссе Вязьма—Гжатск, далеко оставив позади основную массу советской пехоты. Полмиллиона советских солдат будут сражаться отчаянно, но они обречены. Теперь путь на Москву был открыт. В Берлине министр пропаганды Геббельс объявил иностранным журналистам, что «уничтожение группы армий Тимошенко окончательно привело войну к концу».

Настроение у германских генералов было приподнятое. Главный квартирмейстер армии Э. Вагнер записал 5 октября: «Теперь все устремилось к Москве. Складывается впечатление, что впереди окончательный коллапс противника и что к вечеру Кремлю придется паковать чемоданы». О Гитлере у Вагнера в этот момент было самое лестное мнение: «На этот раз он вмешался —

и вмешался самым решающим образом — в проведение операции, и до сих пор он был прав во всем. Большая победа на юге — его индивидуальная заслуга». На юге, в районе Бердянска, немцы взяли в плен более ста тысяч советских солдат, они вышли к Азовскому морю. 8 октября в руки врага попал Мариуполь. Глава пресс-службы Гитлера Отто Дитрих возвестил собравшимся иностранным журналистам, что «в военном смысле Советская Россия уничтожена». В растенбургском «Вольфшанце» 10 октября Гитлер говорил о законах природы, «которые не поощряют безостановочное убийство, чтобы лучшие могли выжить». В тот же день командующий 6-й армии фельдмаршал Рейхенау издал директиву: «Самой главной целью кампании против еврейско-большевистской системы является полное уничтожение его инструментов мощи и ликвидация азиатского влияния на европейский регион».

Доля советских военнопленных была ужасна. В одном лишь Заксенхаузене между серединой августа и серединой октября умирало более трехсот человек в день, а всего за этот срок погибло 18 тысяч. До Можайска отсюда дошли лишь 90 тысяч.

Но Бог не покинул Россию. 12 сентября с небес пали первые снежинки. Через несколько дней с севера подул неуютный ветер. Даже «Вольфшанце» неожиданно оказалось засыпанным снегом. И чем дальше к востоку и северу, тем более ощутимой была эта ранняя пурга.

В ночь на 2 октября генерал Еременко умолял Шапошникова позволить «более мобильную оборону». Начальник Генерального штаба был неумолим: «Осуществляйте упорную оборону своей линии фронта». Войска продолжали занимать губительную линейную оборону (которую инициировавший ее Сталин со всей присущей жесткостью позднее осудит). Брянский фронт под ударами немцев распадался на части. Немецкие танки уже перерезали жизненно важные железнодорожные линии, оставляя фронт без подвоза припасов и продовольствия. Утром 6 октября заклинания Еременко встретило молчание Сталина. А через пять часов немецкие танки появились перед командным пунктом

командующего фронта, которого спасли лишь три быстроходных штабных танка. В этот же день Брянск был захвачен немцами, мосты через Десну оказались в руках противника.

По мере продвижения германских войск крестьяне жгли запасы зерна, уводили скот, взрывали дома в самых скромных поселках и деревнях. Немцев встречал запах пожарищ, выжженная земля и всеобщая ненависть. Би-би-си в передачах на Германию напоминала немцам: «Каждые семь секунд немец гибнет в России. Может быть, это ваш муж? Или сын? Или ваш брат?» 7 октября упал настоящий первый снег. Гудериан послал за зимней одеждой, однако посланцам сказали, что им выдадут ее в нужное время.

Но и результаты впечатляли. На следующий день после падения Орла, 4 октября, Сталин приказал ускорить вывоз заводов из Ленинграда, особенно производящих тяжелые танки. На юге нарком тяжелой промышленности Тевосян требовал 13 383 вагона для вывоза оборудования из Донецка, а в наличии их было 3 460. И погрузку прервали вступившие в город немцы. Гордость индустриализации — Днепрогэс — был взорван, чтобы не оставлять его врагу. На восток были отправлены 1 523 завода: 455 — на Урал, 210 — в Западную Сибирь, 200 — в Поволжье, 250 — в Казахстан и Центральную Азию. Использованы были полтора миллиона вагонов. В Саратове станки привезенного издалека предприятия уже работали, а стены завода только начали возводиться. Через десять недель после демонтажа Харьковского танкового завода — 8 декабря 1941 года — с нового конвейера сошли первые 25 танков Т-34. Через четырнадцать дней после разгрузки последнего вагона авиационного завода с конвейера пошли первые истребители. И хотя производство стали упало на две трети, броня для танков продолжала литься. Пожалуй, хуже всего обстояли дела с алюминием, медью, никелем. По государственному плану уже в январе 1942 года уральские и сибирские заводы должны были давать дополнительные тысячи тонн металла. 14 ноября ГКО наметил на 1942 год произвести 2500 самолетов и 22 тысячи средних и тяжелых танков (удвоение производства са-

молетов и увеличение вчетверо производства танков). 1100 ученых были вывезены из Ленинграда в Казань. Страна знала, в чем ее сила.

Немцы в Калуге

12 октября немецкие танки вошли в Калугу — это 160 километров от Москвы. Генерал Роммель пишет жене: «Превосходные новости из России! Мы можем ожидать быстрого наступления на восток и исключения возможности создания там значительных новых сил». 5 октября один из московских летчиков-истребителей увидел на дороге, ведущей к Юхнову, внушительную — почти в двадцать километров длиной — колонну немецкой техники. Новость была столь невероятна, что офицер советского Генерального штаба не принял ее всерьез и в дневной сводке не отметил «тревожных новостей». Но второй разведывательный самолет подтвердил первую новость. Маршал Шапошников попросил не тревожить его по пустякам (правда, московский гарнизон все-таки подняли по предварительной тревоге). Третий разведсамолет не оставил никаких сомнений — никем не преследуемые немецкие танки почти что мирно катят к Москве. Вначале Шапошников был все так же недоверчив, но, почувствовав нечто, он прервал телефонный разговор. Через четыре минуты в штаб Московского округа уже звонил Сталин. Надежна ли информация? «Хорошо. Мобилизуйте все, что можете, но врага нужно остановить на 5—7 дней, пока мы не задействуем резервы Ставки».

Началось чрезвычайное совещание ГКО. Теперь «Можайская линия» была признана главной оборонительной линией Москвы. В Можайск были отправлены шесть пехотных дивизий и шесть танковых бригад. Днем позже этот рубеж защищали 14 пехотных дивизий и 16 танковых бригад. Возможно, впервые думать о дальневосточных дивизиях стало стратегической необходимостью. Зорге сообщил очень к месту и ко времени: японцы ринулись на юг, их решение необратимо.

14 октября пал Калинин. Но ртуть в термометрах опускалась все ниже. Гитлер объяснил окружению, что

«предсказание погоды не является точной наукой». Перед дивизией «Мертвая голова» расстилалось тридцатисантиметровое снежное одеяло. Именно в этой грязи и снегах широкие гусеницы Т-34 увеличивали мобильность советских войск. А командующим разбитого вдребезги Центрального фронта стал неведомый немцам Жуков.

Промежуточные итоги

Германские войска подошли на расстояние менее ста километров к столице Советского Союза. Под их владычеством уже находилась территория, на которой проживали 65 миллионов жителей СССР. В немецких лагерях были три миллиона советских пленных. Полковник Лахаузен говорит о нескончаемой «полубезумной толпе животных», как он назвал захваченных красноармейцев. По его воспоминаниям, «генерал фон Рейхенау отдал приказ расстреливать всех ослабевших пленных. К сожалению, это делается на обочинах дорог, даже в деревнях, так что местное население видит эти инциденты».

21 октября Гитлер живописал будущую столицу рейха. «Ничто не может быть в этом случае слишком хорошим, когда речь заходит об украшении Берлина. Всякий входящий в рейхсканцелярию должен чувствовать, что он находится у хозяина мира. В Берлин через Триумфальную арку, Пантеон Армии, Площадь народа будут вести широкие проспекты — все это заставит всякого затаить дыхание». Монументы планируются из гранита, «потому что они будут стоять вечно». Личный архитектор Гитлера Альберт Шпеер попросил у фюрера тридцать тысяч советских военнопленных для использования на строительстве новых монументальных зданий в германской столице — строить следует еще до победы в войне. Гитлеру понравился проект нового здания канцелярии, офис Геринга. Фюрер тут же своей рукой нарисовал монумент, который он хотел бы видеть в городе своего рождения — Линце.

Адмирал Канарис интересовался более актуальными вопросами: например, какова погода на фронте? «Пло-

хая», — ответил Гитлер. Шесть недель оставалось до наступления настоящей зимы. Генерал-лейтенант Байерляйн вспоминает: «Уже ставшие плоскими, лучи солнца, низко стоящего над горизонтом и равнинами, обманывали нас. Каждый вечер многозначительное черное облако поднималось на большом отдалении, возвышаясь над горизонтом. Эта темная масса приносила через атмосферу дождь, лед и снег наступающей зимы. Утром облако уходило и, казалось, возвращалось еще более огромным в вечерних сумерках».

Но Гитлер жил в ослеплении. «Если Россия падет, Европа будет простираться до восточных границ германской колонизации. На восточных территориях я заменю славянские географические названия немецкими. Крым, например, будет именоваться Готенландом». Германские саперы в эти дни взорвали кафедральный собор в Киеве. Над Ленинградом немцы разбрасывали листовки следующего содержания: «Идите в ванные комнаты. Оденьте белые одежды. Съешьте все, приготовленное для похорон. Ложитесь в свои гробы и приготовьтесь к смерти. 7 ноября небо будет синим — синим от взрывов германских бомб».

12 октября Геппнер пересек реку Угру, давшую когда-то независимость князю Ивану III. Москва должна была решить задачу, куда дальше пойдут немцы — направо — к Калуге, замыкая еще один котел, или прямо на Москву через Малоярославец. Надежда возлагалась на выдвигающиеся со стороны Гжатска танки Лелюшенко. Угрозу столице представляли два страшных клина — со стороны Калинина и Волги наступала северная группировка вермахта; со стороны Орла рвался Гудериан. Западный фронт советских войск располагал 824 танками, лишь половина из которых двигалась своим ходом. На фронте имелось лишь несколько Т-34 и КВ, способных успешно вступать в бой с немецкими танками. Выходящие из Москвы батальоны (в которых насчитывалось по 675 человек) имели, как правило, всего 295 ружей, 120 гранат, 9 автоматов, 145 пистолетов и 2000 «коктейлей Молотова».

15 октября власти Москвы посоветовали дипломатическим представительствам подготовиться к эвакуа-

ции в Куйбышев. Молотов предложил британскому и американскому послам покинуть столицу. Грузовики развозили 584 тонны взрывчатки для минирования 56 мостов. Противотанковые взводы заняли оборону у ворот столицы. Приказ гласил: взрывать мосты при виде противника. В самой Москве мины заложили под шестнадцать городских мостов. Двести поездов и 80 тысяч грузовиков вывезли из Москвы посольское и государственное имущество. 500 столичных заводов были перемещены на восток. В Краматорске демонтировали завод, когда передовые немецкие части были в десяти километрах. Не помещаясь на платформах, рабочие и инженеры пошли на восток за своим военным заводом пешком.

В Москве даже квалифицированных рабочих принимали в истребительные батальоны. Более полумиллиона москвичей рыли мерзлую землю. 14 октября 1941 года танки Гота вошли в Калинин и остановились на берегу Волги. Стокилометровый канал Москва—Волга вел прямо в Москву. Немцам оставалось только дождаться, когда мороз скует водную преграду. Но и Жукову нужно было продержаться до настоящих холодов. Еще одного крупного окружения армия могла не выдержать. Мобилизована милиция — совместно с рабочими батальонами она держит укрепленные деревни и небольшие города. У них один приказ — держаться до последнего. Инициатива отдана небольшим отрядам, кавалерии, тревожащей немцев своими перемещениями и внезапными атаками. Спасительны леса, щедро окружившие Москву с запада и севера. Немецким танкам было нелегко прорваться сквозь них, да еще в условиях, когда светлого времени было только десять часов. Пренебрегающая снежными заносами советская кавалерия нападала на тыловые части немцев. Даже ошеломивший Жукова Гот, взявший с ходу Калинин, старинную русскую Тверь, вынужден был замедлить темп своего продвижения.

Но на юге леса редеют. И, несмотря на близость врага, наступавшего по Волоколамскому шоссе, подлинная угроза стране зрела на юго-западе. Здесь у России не было ни лесов, ни танков. Отсюда Гудериан

грозил единственным стремительным ударом выйти к Кремлю. Впрочем, одну танковую часть Жуков найти сумел. Организованная на основе харьковской танковой школы (инструкторы и ученики), получившая в сентябре танки Т-34, 4-я бронетанковая бригада полковника Катукова дважды в последний момент сумела выскочить из окружения. Она прошла через Орел за несколько часов до того, как группа Гудериана в очередной раз прорвала фронт. На более чем стокилометровом фронте между Окой и Мценском это была единственная боеспособная танковая часть. Правда, ее боевой опыт (в отличие от опыта отступления) был невелик, в боях бригада побывала лишь раз, когда вплотную столкнулась с дивизией «Великая Германия».

Катукову была поставлена задача любым способом остановить группу Гудериана. Своей контратакой бригада, согласно отчету 4-й танковой дивизии Гудериана, «заставила немцев пережить несколько мучительных часов и понести суровые потери». Возможной ошибкой было то, что Катуков не развил свой успех и отошел, справедливо полагая, что сохранение драгоценных танков важнее славной смерти в сражении со всеми дивизиями Гудериана. Последний отметил: «Это был первый случай, когда огромное превосходство Т-34 над нашими танками стало совершенно очевидным... Быстрое продвижение к Туле было остановлено».

Гудериан, как любимец вермахта и Гитлера, мог многое себе позволить. Он призвал специалистов по созданию танков и, наступив на горло собственной гордости, потребовал создания германского аналога Т-34. «Я представил доклад о сложившемся положении, новом для нас. Я описал в ясных терминах заметное превосходство Т-34 над германским Т-IV и сделал необходимые выводы для дальнейшего процесса создания танков. Я потребовал прибытия на мой сектор фронта комиссии, состоящей из работников министерства вооружений, Отдела поставок армии, проектировщиков, представителей фирм, строящих танки... Они могли бы изучить подбитые на поле боя советские машины... это помогло бы в создании более совершенных новых танков. Я потребовал также быстрого создания тяжелых

противотанковых ружей, способных поражать броню Т-34». Требуемая комиссия прибыла довольно быстро (20 ноября 1941 года). Некоторые улучшения новых германских танков были сделаны. Но создать аналог Т-34 немецкие инженеры, при всех их талантах, не смогли. Это оказалось невозможным по нескольким причинам. Немцы не сумели имитировать дюралюминиевый мотор (легкий и обеспечивающий скорость) и тип брони созданного конструктором Кошкиным в Харькове танка.

Придя в себя, немцы возобновили движение к Москве и вышли к Мценску, но напряжение битвы было столь велико, что танковые командиры потребовали передышки, пополнений и отдыха, в результате чего ударные танковые части возвратились в Орел сквозь грязь, мрак и снег со скоростью десять километров в час. Второй натиск на маленький провинциальный Мценск оказался не более успешным, чем предшествующий. Растянувшаяся на более чем двадцать километров по однорядной дороге колонна немецких танков была лишена пехотного прикрытия и не могла развернуть свою мощь. И тогда 300 спартанцам нашего времени — тем молодым танкистам, которые ощутили мощь своей брони — предоставилась превосходная возможность показать, на что способны их машины. На склоне дня непролазная осенняя грязь полей стала подмораживаться, и быстрые тридцатьчетверки ринулись в бой на нелепо выставившую себя колонну. Лихости им добавлял каждый отскок немецких снарядов от сваренной на Украине стали. Немецкий сержант Имбоден: «Нет ничего более ужасающего, чем танковая битва против превосходящего тебя врага. Дело не в цифрах превосходства или потерь — мы привыкли к ним. Но превосходство в технике — это ужасно... Ты заводишь мотор, а он заводится слишком медленно. Русские танки настолько маневренны, что могут быстро взобраться на холм и пересечь часть болота быстрее, чем ты поворачиваешь танковую пушку. Сквозь шум и вибрацию ты слышишь удар снаряда о броню. Когда они попадают в один из наших танков, слышен долгий взрыв, рев полыхающего горючего, рев настолько

сильный, что, слава Богу, мы не можем слышать криков гибнущего экипажа». Гудериан оправдал свою репутацию честного и прямодушного воина: «До сих пор мы владели танковым превосходством. Отныне ситуация изменилась на противоположную».

Судьба Москвы

Уже в конце июля Москву покинул миллион человек. Но лихорадка исхода наступила между 16 и 21 октября, когда из города отправились двести поездов с москвичами. Еще примерно два миллиона горожан покинули столицу. На восток вывозились десятки крупных предприятий. 80000 грузовиков вывезли 498 заводов. Из 75 тысяч токарных станков в Москве была оставлена 21 тысяча, но из них 14 тысяч использовались для производства снарядов. Своего рода шок Москва испытала после падения Калинина. Город обезлюдел. Вместе с крахом системы снабжения продуктами начались грабежи мародеров. Но никто еще не сумел указать на попытку Москвы договориться о сепаратном мире. 19 октября в столице было введено военное положение — это пресекло панику. И еще. В телефонном разговоре с Жуковым Сталин сказал, что тот назначается командующим Западного фронта.

Жуков считал, что Западный, Брянский и Резервный фронты потеряли бездарно шесть недель. «Они имели достаточно времени, чтобы подготовиться к германскому наступлению». Они не сумели определить численность немецких войск и направление главного удара. Они не создали системы противотанковой обороны. Они не нанесли упреждающий удар. Они не использовали авиацию, когда враг изготовился к броску. На это Конев возразил: немцы постоянно владели стратегической инициативой по всему фронту, заставляя советские войска реагировать, не давая времени для проявления собственной инициативы. Немцы превосходили своего противника по численности танков, германская авиация царила в воздухе. Под ударами германских бомбардировщиков наши части не могли сосредоточить

силы. Фронты не получали подкреплений, их снабжение было беспорядочным и недостаточным. Владея Спас-Деменском, немцы постоянно угрожали выйти в тыл обороняющим Москву силам.

И все же назначение Жукова было равносильно решению защищать Москву всеми возможными силами. Слова Сталина Жукову: «Быстро организуйте Западный фронт и предпримите необходимые меры». Фронт находился в 120 километрах от Красной площади. 17 октября по московскому радио сообщили, что Сталин не покидает города.

В распоряжении Жукова на тот момент имелось примерно 90 тысяч человек, совсем не много для обороны 250-километрового фронта. 316-я дивизия Панфилова встала на Волоколамском шоссе. Двадцать восемь ее бойцов еще не знали о том, что их ждет скоро бессмертная слава. А четверть миллиона москвичей копали траншеи. Специалисты создавали противотанковые надолбы, закапывали танки, создавали доты и дзоты. Оборонительная линия делилась на две части — главную и городскую. Вторая создавала полукольцо по городским окраинам Москвы.

* * *

А немцы все чаще жаловались на тридцатисантиметровый снег, на частую смену сурового мороза и кратких оттепелей. На главной дороге, ведущей в Москву, 18 октября была взорвана бомба, оставившая десятиметровый кратер. Генерал Блюментрит свидетельствует о перемене в моральном состоянии наступающих германских войск: «Большинство командиров спрашивает, «когда мы остановимся?». Они помнят, что случилось с армией Наполеона. Большинство из них перечитывает мрачные мемуары Коленкура о 1812 годе. Эта книга оказала сильное влияние на солдат в критическое время 1941 года. Перед моими глазами стоит фон Клюге, пробирающийся через грязь от своей квартиры к штабу и рассматривающий карту с книгой Коленкура в руке. Так продолжалось день за днем».

Во второй половине октября спасительное для русских бездорожье, снег и холод проявили себя в полную

силу. На северном участке, в районе Калинина и Можайска, температура ниже нуля держалась чаще всего и днем. В условиях лесистой местности, наличия болот и отсутствия дорог с твердым покрытием достаточно было заминировать одну полосу, выставить в нужном месте батарею, чтобы на день остановить рвущиеся к Москве войска Клюге. И даже быстроходные танковые колонны на флангах. Послушаем генерала Байерляйна, имевшего в своем распоряжении двадцать пять танков T-III и T-IV, мотоциклистов, противотанковую роту, артиллерийскую батарею и две роты на грузовиках: «К началу ноября мы вошли в большую лесистую местность к востоку от Рузы и к северу от главной автомагистрали Смоленск—Москва... После непрекращающегося дождя почва стала влажной, а затем она подмерзла. Согласно карте, на местности должны были иметься хорошие дороги. Это оказалось иллюзией. Дорога Руза—Воронцово зашла в густой лес, и ею можно было пользоваться только в самом ее начале... Танки едва двигались по болоту. Движение колесного транспорта стало невозможным. Наступление, однако, должно было продолжаться при любых обстоятельствах. После пройденных первых десяти километров, у Панова, даже танки остановились. Разведчики стали строить дорогу от Воронцова до Панова, но по ней передвигаться можно было лишь на полупустом грузовике... Мы потратили несколько дней, чтобы доставить пехоту и создать заграждения вокруг Моденова».

Прибывшего в Москву генерала Власова Сталин спросил, что необходимо для сохранения столицы. Тот ответил: резервы. Главнокомандующий обернулся: «Любой идиот может защитить город, имея резервы». Резервы истощились. Власов получил для своей армии пятнадцать танков, и это было все. Маленков проверил еще раз. Да, остались пятнадцать танков.

А далеко на западе в германском плену уже находились три миллиона солдат в русских гимнастерках, их доля была печальна. Немцы вели дело к истреблению, но и свои не видели в них братьев по несчастью. Из 3,2 млн. русских пленных до конца 1941 года 2,9 млн. погибли.

Самые лучшие твои сыновья

Снег, глубокий снег пал на Москву. Она уже слышала канонаду — 28 октября немцы вошли в Волоколамск. Из Можайска немцы могли видеть огонь зенитных орудий над Москвой. А список германских приобретений увеличивался стремительно: Ржев, Белгород, Донецк, Таганрог. Манштейн ворвался в Крым. Пал Харьков. Немцы уже вошли в Малоярославец и Тарусу, горел Можайск. Москвичи рыли траншеи близ Кунцева. Жуков надеялся, что, пока Калинин и Мценск сопротивляются, слабый центр тоже мог держаться. Но Калинин пал. 19 октября, когда объявили о введении в столице военного положения, было также заявлено, что «Москва будет защищаться до последнего». В Ленинграде директор Эрмитажа академик Орбели отпросился с фронта, чтобы отметить восьмисотлетие Низами, национального поэта Азербайджана. 20 октября полмиллиона москвичей были мобилизованы для рытья траншей и окопов по всему периметру столицы. Город опоясали 250 километров колючей проволоки.

После сражения на историческом Бородинском поле, где сибирские полки Лелюшенко беззаветно сражались с элитой войск СС (Лелюшенко в ходе боев был ранен, и его сменил Говоров), немцы прорвались к Можайску, превращенному люфтваффе в руины. Их танки вошли в Малоярославец — еще одно напоминание об Отечественной войне 1812 года. Все имевшиеся резервы были брошены в бой. В конце октября немецкая авиация многократно вторгалась в небо над Москвой.

Два главных столпа России — население и территория — начинали иссякать. Для Жукова обмен людей на пространство закончился. Отступать было уже некуда. Смесь обреченности, отчаяния и растущего дерзкого вызова стала новым выражением лица России. Отрешенная апатия начала уступать место отчаянной решимости. Словами А.Кларка, «лишения и жертвы были в течение столетий обычным образом жизни; и теперь в германских захватчиках они видели воплощение своих несчастий и своего жалкого положения».[59] Английский историк приводит слова из присланного ему из России

письма. «Даже те из нас, кто знал о пороках нашего правительства... кто презирал лицемерие политики — даже они понимали, что мы должны сражаться. Потому что каждый русский, переживший революцию и тридцатые годы, почувствовал легкий бриз надежды, впервые в истории нашего народа. Мы чувствовали себя ростком, пробивающимся сквозь столетия каменистой почвы. Нам казалось, что до открытого неба осталось совсем немного. Мы знали, что, конечно же, погибнем. Но наши дети получат два дара: страну, свободную от завоевателя, и Время, в котором возникнут идеалы».[60] И если Гитлер утверждал, что главной ценностью является Волевое начало, то немцы уже проиграли войну. Что они могли противопоставить решимости русских? Стремление захватить территории и рабов, доктрину расового превосходства, ненависть к коммунизму? «Эти ценности ничто в сравнении с глубоким патриотизмом, с заставляющей себя подчиняться верой русских. Вермахт держался своим мечом. Но однажды меч ослабнет».

После падения Волоколамска в штаб 16-й армии (Рокоссовский) прибыла комиссия штаба Западного фронта. Ставка больше не потерпит «сдачи одного города за другим» у ворот самой Москвы. Рокоссовский чувствовал несправедливость упреков в адрес своих дивизий, потерявших половину состава, но как он мог возразить? Он тоже знал, что «велика Россия, а отступать некуда».

К началу ноября потеря трехсот военных заводов лишила Красную Армию ежемесячных поставок восьми с половиной миллионов снарядов, трех миллионов мин, двух миллионов авиационных бомб. Потеря химических заводов резко сократила поступление взрывчатых веществ, прежние запасы быстро иссякали. Производство боеприпасов резко сократилось в августе, и это падение продолжалось до конца года. Производство самолетов сократилось с 2 339 в сентябре до 627 в ноябре (за весь 1941 год СССР произвел 15 874 самолета). Новых, современных машин было еще очень мало — 1 542 штурмовика Ил-2 и 207 истребителей Як-1. За вторую половину 1941 года выпустили лишь половину запланированного количества танков, а общее число произведенных в 1941 году машин

составило 6 542 единицы (из них 2 996 – Т-34). Большая часть военных заводов еще перемещалась на восток. Но Уралмаш уже сократил время производства одного танка со 110 часов до 30; Челябинский тракторный завод уже принимал Харьковский дизельный и цеха Кировского завода.

6 ноября, выступая на торжественном заседании по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции, которое проводилось на станции метро «Маяковская», Сталин назвал германскую армию «людьми с моралью зверей... Если они хотят получить войну на уничтожение, они получат ее».

Будет ли Москва отмечать свой главный праздник и состоится ли парад? В начале ноября Сталин в Ставке задал Жукову вопрос, каковы ближайшие планы немцев. Жуков ответил, что противник не в состоянии начать наступление в ближайшие дни – в его рядах идет перегруппировка. Возможен, однако, воздушный налет, поэтому следует укрепить противовоздушную оборону. В годовщину Октябрьской революции Сталин принял парад, стоя на Мавзолее, на Красной площади. Немцы находились в восьмидесяти километрах. По брусчатке главной площади страны шли старые танки Т-26, но за ними прогрохотали новые «тридцатьчетверки». Снег слепил глаза, но водителям было несложно определять маршрут – все дороги в тот день вели к фронту. Сталин призвал покончить с мифом «о непобедимости немцев». В восемнадцатом году Красная Армия была в худшем положении, но страна восстала – так будет и на этот раз. В горький час, когда все висело на волоске, Сталин призвал помнить имена тех, кто создал и защитил Россию – ее исторических героев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Английский историк Дж. Эриксон вспоминает: «Его фразы были одновременно и бросающими вызов, и мрачными – он взывал к памяти осознание русских свершений и исторического самоуважения. Он давал понять, что «недочеловеки» будут сражаться и отразят врага».[61] Несмотря ни на какие потери, несмотря на растущие трудности, наш народ выразил свою решимость выстоять.

Здесь не место оценивать роль Сталина в русской истории, роль трагическую и огромную. Но позволим высказаться Уинстону Черчиллю, оценившему этого жестокого, подозрительного и масштабного человека восемнадцать лет спустя так: «Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным... Он обладал способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов... Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, как и в моменты торжества, Сталин был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имевшим себе равных в мире диктатором, который принял Россию с сохой, а оставил ее с атомным оружием».

А Гитлер говорил через два дня на юбилее Пивного путча так: «Сколько бы ни длилась эта война, последним батальоном в поле будет германский батальон. Мы решаем судьбу Европы на следующую тысячу лет». Союзники немцев по войне обозначили себя, прибыв на годовщину подписания «Антикоминтерновского пакта»: Германия, Италия, Венгрия, Испания, Болгария, Хорватия, Дания, Финляндия, Румыния, Словакия.

В Ленинграде вечером 9 ноября Симфонический оркестр ленинградского радио исполнил Девятую симфонию Бетховена. Шла прямая трансляция на Лондон. В самом начале третьей части мир услышал вой сирен и разрывы германских бомб. Ведущий пожелал слушателям доброй ночи. А Гитлер в этот же день в Вольфшанце рисовал картины послевоенного рая: «Мы дадим местным жителям еду. Но если они не будут работать, мы пошлем их в концентрационные лагеря и лишим их алкоголя... В этой стране растет все — от апельсинов до хлопка».

9 и 12 ноября Жуков получил 12 тысяч новых войск и немедленно передал их все в шестнадцатую армию Рокоссовского.

В германской армии между тем происходило нечто новое. Возвратившийся из Заксенхаузена на фронт — в дивизию «Мертвая голова» — генерал СС Айке пожаловался впервые на солдат, наносящих себе раны, чтобы избежать невыносимых ужасов войны. Его дивизия потеряла за четыре месяца боев половину личного состава. Знаменитый германский ас Эрнст Удет, ответственный за снабжение люфтваффе, совершил самоубийство. Немцы ближе и ближе знакомились с боевыми качествами танка Т-34. За танками шли сибирские боевые части в новом белом камуфляже. Германский доклад впервые говорит о панике: «Во время русской кампании это случилось впервые, это свидетельствует о том, что боевые способности нашей пехоты подошли к концу, она более не может выполнять сложные задачи».

К Москве вели три основные дороги. Клюге двигался по смоленской дороге. Гот — по дороге Москва — Клин; Геппнер наступал по калужской. Гудериан попытался осуществить прорыв севернее Тулы. Три недели отчаянного продвижения сквозь грязь и минные поля, сквозь потери и постоянные бои измотали элиту германской армии. Бок не мог не прийти к заключению, что его войска нуждаются в перегруппировке. 12 ноября он созвал в штабе армейской группы «Центр» в Орше совещание своих командиров. На кону стояла судьба великого конфликта.

После войны немецкие военачальники будут валить все шишки на бесноватого фюрера, но историческая правда не во всем позволяет с ними согласиться. В Орше в середине ноября 1941 года Гитлера не было. Совещание происходило в специальном поезде начальника штаба германской армии Гальдера (чей дневник является первостепенным источником для историка данного периода). Генералы, прибывшие из всех трех групп армий, чувствовали себя в привычной среде и имели возможность говорить откровенно. Сохранилось два описания происходившего на этом совещании. Первое — записи самого Гальдера. Они лаконичны и не отражают всего спектра мнений. Главное, они служат апологией априорной idee fix самого Гальдера: операцию по взятию Москвы проводить, фронт не фиксировать, весны не дожи-

даться. Гальдер придает данному совещанию вид обсуждения привезенного им (преднамеренно расставившего все необходимые акценты) документа под названием «Приказы для осеннего наступления, 1941».

Второй источник — более подробное описание совещания в Орше, данное начальником штаба Клюге Блюментритом во время допросов западными союзниками в 1946 году. Блюментрит дает более пространное и яркое описание этого совещания. Главное — он указывает на отсутствие единства в германских кругах. «Начальник штаба группы армий «Юг» фон Содерштерн выразил в самой эмоциональной форме свое отрицательное отношение к предполагаемому наступлению. С таких же позиций выступил начальник штаба группы армий «Север». Представлявший группу армий «Центр» фон Грайфенберг занял менее четкую позицию, указывая на существующий риск, но не выражая оппозицию наступлению. Он был в сложном положении. Фельдмаршал фон Бок, под чьим командованием он находился, был очень способным солдатом, но очень амбициозным — его глаза были устремлены на Москву». Никто иной как он сам в октябре вместе со своим старым другом Браухичем уговаривал Гитлера сконцентрироваться на Москве. После окружения частей Красной Армии под Вязьмой им казалось, что у Кремля уже нет сил. Согласно всем оценкам, Красная Армия была уже уничтожена. А может ли германская армия закрепиться на надежных оборонительных рубежах? Как сдавать города, только что взятые такой кровью? Все это не укладывалось в сознании тех, кто надеялся решить судьбу войны еще в 1941 году.

На совещании звучали весьма резкие мнения. Когда генералу Либенштайну поручили овладеть железнодорожным узлом в Горках, тот вскричал: «Сейчас не май месяц, и мы сражаемся не во Франции!» Но Гальдер завершил дискуссию словами, что наступление на Москву — воля Гитлера, а станцией Горки следует овладеть, так как «у ОКХ имеются сведения, что на ней разгружаются сибирские дивизии». Высшие офицеры вермахта без видимого ропота приступили к битве, которая погубит их.

Многие из них хорошо знали о трудностях германской стороны, но они рассчитывали, что трудности советской стороны не меньше. Германским генералам почти невозможно было отделаться от мысли, что Россия стоит на грани полного коллапса.

Итак, пехотные армии Штрауса и Вайхса перемещались на фланги. Рейнгард, возглавивший танковую группу Гота, как и Геппнер, находились по левую руку от Клюге, а Гудериан — по правую. Гудериан наступал на северо-восток к Коломне. Он пытался обойти Тулу с юга, чтобы выйти к Серпухову и перерезать железнодорожную магистраль. Третья танковая группа выходила к каналу Москва—Волга и поворачивала к Москве. Северная группа начнет движение 15 ноября, южная — 17-го. Четвертая армия будет ожидать результатов ударов по флангам и, ощутив эти результаты, начнет свое движение. Гитлер, как всегда, ругал профессионалов, по его мнению, танковым клиньям следовало заходить за Москву. Он объяснял Муссолини: «Мы возьмем город, не потеряв ни одного человека». В бетонном бункере на лощеных картах битва казалась управляемой.

Сибирский резерв

В районе Бородина, не в первый раз видевшего завоевателей России, появились сибирские части, чтобы вступить в сражение с элитной эсэсовской дивизией. Зорге уже пытали в японских застенках, 45 человек его организации встали на порог смерти, но этот верный России немец сумел передать главное — японская военная машина двинулась в противоположном направлении, и тогда сотни тысяч сибиряков начали спешно перебрасывать к столице. На станцию Цветково прибыла 310-я моторизованная сибирская дивизия. Привычные к холодам, крепкие и обученные, солдаты смотрелись лучше спешно обмундированных резервистов.

В СССР вооруженные силы традиционно делились на две части. Помимо ориентированной на Европу основной массы армии, вторая, практически автономная часть, была ориентирована на Японию. 750 тысяч хорошо обученных и хорошо оснащенных солдат и офицеров

являлись частью регулярной армии. В течение десяти лет здесь стабильно находились 30 пехотных дивизий, три кавалерийские бригады, 16 танковых бригад, более 2 тысяч танков и самолетов. Силы к востоку от Байкала составляли первый ударный эшелон, к западу от Байкала — второй эшелон. Местные танкисты отличались высоким профессионализмом, что было доказано в боях против японцев у озера Хасан и при Халхин-Голе. Танковые атаки с пехотным сопровождением позволили Жукову разбить японцев еще в 1939 году. Это были крепкие, дисциплинированные, частично прошедшие проверку огнем части, готовые на любые жертвы. Страна могла положиться на них.

Через два дня после нападения Германии на СССР Имперский генеральный штаб Японии изложил свои цели в особом докладе «Обзор японской национальной политики в условиях изменившейся международной ситуации». Главной идеей доклада было утверждение приоритета южного направления. О северном направлении говорилось, что оно требует независимого решения. Впервые сформулированный еще в 1937 году военный план (подвергнутый ревизии в 1940-м году) имел отдельный раздел, предполагавший начало боевых действий против Советского Союза. Исходя из него, премьер-министр Мацуока на имперской конференции 2 июля 1941 года выступил за начало боевых действий против Советского Союза, даже если «результат войны еще не ясен». Но военные вожди выступили против немедленного японского вмешательства. И все же Квантунская армия, находившаяся в Маньчжурии, получала постоянные подкрепления. Были добавлены две новые дивизии (к прежним двенадцати), численность самолетов достигла 600, численность вспомогательных частей была удвоена — с 350 до 700 тысяч. Были также укреплены Корейская и Северная (Южный Сахалин и Хоккайдо) армии. Мощность японских войск достигла к сентябрю 1941 года своего пика.

Наиболее ценным источником советской разведки был, как известно, Рихард Зорге, представлявший «Фелькишер беобахтер» в Токио. Только в конце сентября Зорге пришел к выводу, что идеи августовской военной

конференции возобладали окончательно. В октябре он был уже уверен, что до весны 1942 года переориентация на северные территории практически невозможна. Именно эта информация оказала решающее воздействие на Сталина. Токио повернул на юг. Сведения об этом пришли в критическое время. И сибирские полки стали драгоценным достоянием страны. Теперь Сталин мог (вначале очень осторожно) воспользоваться дальневосточным резервуаром военной мощи. И на поле Бородина дальневосточники впервые обнажили оружие на западе страны. В октябре и ноябре 1941 года десять дальневосточных дивизий вместе с тысячей танков и тысячей самолетов прибыли под Москву.

Страна собирала все мужские силы — подготовка резервов на Урале становилась стратегической задачей. Прибывшему с Южного фронта генералу Тюленеву (заметно разочарованному своей посылкой в тыл) Сталин сказал: «Положение на фронте полностью зависит от того, как быстро и эффективно мы сможем приготовить наши резервы».

Война становилась народной. Местные жители пересекали линию фронта в обоих направлениях, чтобы оповестить военное командование о расположении германских войск. Свидетель этих событий Байерлин: «У русских имелись все сведения о всех наших оборонительных позициях... Они использовали все гражданское население — женщин, детей и калек, которые вначале не выглядят подозрительными». Немцы в один голос упоминают об огромной разрушительной силе «катюш», вышедших на боевые позиции под Москвой. В небе после летнего разгрома впервые появляется советская авиация. «Они атакуют единственным самолетом любого типа при самых неблагоприятных погодных условиях, когда мы не получаем никакого прикрытия от люфтваффе».

Велика Россия, а отступать некуда

Жуков и его окружение начали думать о широкомасштабном перемещении войск с Дальнего Востока еще в октябре. В первые дни ноября оно уже началось. Это была страшная игра, страшный риск: начать опера-

цию преждевременно означало потерять основной ее эффект. Нужно было втянуть в ледяные русские просторы как можно больше германских солдат, растянуть их линии коммуникаций, дать выдохнуться элитным частям вермахта, уничтожить как можно больше танков. Только тогда наступит верный час. Военный атташе Германии в Москве часто говорил о русских, как о прирожденных игроках в шахматы. Эта игра стоила продуманной партии. А ведь в этот критический день русской истории советские войска были численностью и по качеству еще слабее рвущихся вперед немцев. Что произойдет, если Жуков затянет партию? Ужас непоправимого не мог не леденить сознание. Пока же Ставка забирала резервы и боевые части со всех фронтов — у Тимошенко с юга, везде, где можно.

8 ноября штаб Западного фронта обсуждал возможное поведение немцев. Хотя часть немецких войск строго соблюдала режим радиомолчания, общий немецкий замысел был уже ясен — два ударных крыла на севере и юге от Москвы. Рокоссовский: «Меры, предпринимаемые германским командованием, говорят о подготовке к наступлению против крыльев Западного фронта с целью обойти с флангов Москву; на правом крыле в направлении Клина и Дмитрова, на левом — Тулы и Коломны. Нам следует также ожидать фронтального удара в районе Наро-Фоминска».

Последовало указание активизироваться под Ленинградом, чтобы немцы не смогли взять части оттуда. Но главным и решающим был дальневосточный резерв. Весь ноябрь Россия собирала свои последние силы в кулак.

10 ноября Жуков пригласил из Серпухова генерала Белова обсудить проблемы обороны. В послеобеденный час они с Жуковым прошли сквозь Боровицкие ворота Кремля, обошли образованную немецкой бомбой воронку и стали спускаться в подвальное помещение. Пройдя по длинному коридору, плотно охраняемому, с дверями, выходящими на правую сторону («как в спальном вагоне»), Жуков и Белов вошли в «отделение для кровати». Один из пришедших секретарей повел их в конец коридора в хорошо освещенную комнату. Рядом с огромным столом, заваленным картами, стоял Сталин,

которого Белов видел в 1933 году. «Он очень изменился с этого времени; передо мной стоял человек небольшого роста с усталым, измученным лицом... Казалось, за эти восемь лет он прожил двадцать». Что удивило Белова, так это поведение Жукова. «Он говорил резко, в очень властной манере. В результате он казался старшим из присутствующих офицеров. Сталин воспринимал это как естественное поведение. Ни разу признаки неудовольствия не появились на его лице». Сталин пообещал Белову 500 автоматов и две батареи 76-мм орудий.

Жуков и Шапошников полагали, что немцы предпримут еще одну наступательную операцию. Они тоже расположили основные свои силы на флангах. В их руках на московском направлении было 890 танков (800 из них легкие Т-26). Подмерзшие дороги давали танкам обеих сторон новые возможности. На севере войска концентрировались у Загорска, на юге — у Рязани и Каширы. Сибирские дивизии сосредоточивались за линией фронта. Сколько времени понадобится для их подготовки? Пока же с непревзойденной смелостью Ставка позволила немцам приблизиться на максимально возможное расстояние.

Ожидаемое наступление немцев началось 15 ноября. Именно им принадлежал выбор времени и места. Накануне на Западном фронте был взят пленный немецкий солдат, и он назвал дату немецкого наступления. 14 ноября советские командиры были предупреждены. Шесть армий Жукова — 5-я, 16-я, 43-я, 33-я, 49-я и 50-я ждали своей участи. Этот день по-разному отложился в памяти участников. Большинство вспоминает сырое и туманное утро, покрытые еще легким снегом леса. В памяти Гудериана отложилось солнце, которое сияло в небе «ни голубом, ни сером, но странно кристальном и совсем без тепла или поэзии».

18 ноября Гальдер беседует с командующим группой армий «Центр» фон Боком. «На мой вопрос, какие еще перспективы имеет идея наступления на Москву, получаю ответ: в качестве возможной первоначальной цели для северного фланга 4-й армии рассматриваются Клин — Истра. В остальном же фельдмаршал Бок, как и все мы, проникся мыслью, что оба противника сража-

ются уже на пределе своих сил и предпринимают последние усилия, а потому верх одержит тот, у кого сильнее воля. У противника тоже нет больше оперативной глубины, и дела у него наверняка идут еще хуже, чем у нас».

На следующий день Гитлер еще полон надежд: «Успех в политическом отношении неслыханный. Потери важных источников сырья, особенно угля, нанесли тяжкий ущерб военному потенциалу русских, и теперь они быстро встать на ноги в военной экономике не смогут».

Зимние бури еще не наступили, мороз лишь сковал покорную землю. Немцы в последний раз в этом году ощутили, что ветер дует в их паруса. После первых суток боя в 17-й кавалерийской дивизии осталось 800 человек. Правый фланг Жукова начал крошиться. Здесь, в белоснежных полях под Москвой, погибли тысячи и тысячи безымянных героев, грудью принявших отчаянный штурм немцев. 21 ноября Жуков передал по телеграфу генералу Рокоссовскому: «Клин и Солнечногорск — жизненно важные центры». От белолицей женщины-телеграфистки в здании почты Рокоссовский узнал свою судьбу: сражаться до последнего. Как только на телеграфной ленте появились последние слова, немецкий снаряд разнес здание вдребезги.

Фельдмаршал Бок лично руководил битвой за Москву со своего передового командного пункта. Как пишет 22 ноября Гальдер, «со своей невероятной энергией он всеми силами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии и 3-й танковой группы ничего путного уже не получится. Войска здесь выдохлись... Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются, и они используются до предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне, когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только может».

23 ноября танки Гота вошли в Клин. Пал Солнечногорск. Полки Рокоссовского насчитывали по 150 человек. (Именно в этот день Гальдер отмечает в дневнике, что в германской армии полками стали командовать

обер-лейтенанты, а батальонами — младшие офицеры). Немецкие командиры докладывают, что их войска «предельно измучены». Услышав о падении Клина, Жуков сказал: «Час от часу не легче». Через два дня была оставлена Истра, и 28-го немецкие танки Рейнгарда вышли к каналу Москва—Волга. Германские войска подошли к Москве на расстояние 30 с небольшим километров. Их ударные части проникли в Новый Иерусалим. Немцы оседлали шоссе, ведущее в центр столицы с северо-запада. Именно по нему германские войска пересекли канал Москва—Волга у Яхромы и Дмитрова. В частях Рейнгарда были те же люди, которые несколько месяцев назад видели вдалеке золото Адмиралтейской иглы и шпили Петропавловской крепости в Ленинграде. Немецкое командование пришло к выводу, что русские находятся *um die letzte Krafteanstrengung* — при последнем издыхании.

Если Москву придется сдавать, будет ли владение ею дольше наполеоновского?

Лишь три армии Жукова держались твердо — 5-я, 33-я, 43-я. Но главные его опасения были связаны с югом, с перемещениями танков Гудериана, который захватил Новомосковск и пересек Оку. Теперь Тула была отрезана от центра. Немцы подошли к Кашире на Оке. Задачей Жукова было защитить Каширу — он приказал генералу Белову нанести контрудар со стороны Серпухова. Каширу обильно бомбили, и Белов пришел к правильному выводу: «Если немцы бомбят, значит, они намереваются захватить». Сталин звонил в Каширский горком, обещая прислать два танковых батальона.

У Истры столкнулись элитная нацистская дивизия «Дас Рейх» и сибирские войска генерала Белобородова. Истра пала 28-го ноября. После падения деревни Пешки к востоку от Истры генерал Рокоссовский отдал знаменитый и горький приказ, который нам было бы стыдно забыть: *«Последней точкой отступления является Крюково. Дальше отступать нельзя. Дальше отступать некуда».*

7-я танковая дивизия немцев застала мост у Дмитрова нетронутым. К вечеру четыреста вражеских солдат с помощью тридцати танков и двух артиллерийских

батарей постарались создать плацдарм на восточном берегу канала. Они даже не подозревали, что вторглись в расположение недавно прибывших сибирских войск.

С юга Гудериан пытался форсировать Оку. К этому времени Тула была превращена в своего рода крепость. Немцы продвигались с трудом. На свою униформу они одевали форму большего размера, а между ними прятали для сохранения тепла бумагу. Один из солдат вспоминает: «Газетные новости были хорошим материалом, но их непросто было добыть. Более доступными были листовки, адресованные русской армии. Я помню, как старался в течение недели утеплить себя листовками типа «Сдача в плен является единственным здравым способом поведения в условиях, когда общая судьба битвы решена». Германские войска не могли найти в русском поле жилищ. Они не были готовы к битвам в условиях русской зимы. Немецкий врач из 276-й дивизии пишет о смятении немцев: «Русские чувствуют себя абсолютно как дома в этих диких местах. Дайте им топор и нож, и через несколько часов он сделает что угодно вплоть до санок, лестницы, жилища из снега... Он сделает печь из пары старых банок из-под бензина. А наши люди жалко стоят вокруг костров, где сжигают драгоценный бензин, чтобы согреться. Ночью они собираются в немногочисленных деревянных домах, еще сохранившихся поблизости. Несколько раз мы находили заснувших часовых, в буквальном смысле замерзших до смерти. Ночью артиллерия противника бомбардировала деревни, нанося нам тяжелые потери». На таком морозе автоматическое оружие немцев могло делать лишь первый одиночный выстрел.

Гудериан характеризует советскую тактику ноября как выборочные набеги и быстрые отходы с целью сберечь силы для решающего удара. Он пишет жене в Германию: «Ледяной холод, отсутствие помещений, недостаток одежды, тяжелые потери в людях и оборудовании, нарушенное обеспечение топливом — все это делает задачи командира невыполнимыми, и чем дольше все это длится, тем больше я разбит огромной ответственностью... Мы только приближаемся к конечной цели в этом лютом холоде вместе со всеми войсками, страдаю-

щими от ужасающего состояния дел со снабжением. Наши трудности со снабжением постоянно увеличиваются — а без горючего наши машины не движутся... Только тот, кто видел бесконечные пространства русских снегов этой зимой нашей беды и ощущал пронзительный ледяной ветер, хоронящий в снегу все на своем пути, кто час за часом вел машины по нейтральной полосе, чтобы прибыть к жалкому жилищу вместе с недостаточно одетыми полуголодными людьми, может справедливо судить о произошедших событиях».

Прибыв в штаб-квартиру Бока в Орше 24 ноября, Гудериан потребовал, чтобы «приказы, которые я получил, были изменены, поскольку я не вижу способа их выполнить». Фельдмаршал Бок, которому нездоровилось, ответил, что передаст жалобы танкового героя в ОКХ. Сам Бок, переутомленный и больной, в конечном счете запросил Браухича об остановке операции. Браухич, постоянно испытывавший сложности в общении с Гитлером, ответил, что «не в его компетенции принимать такое решение». Он лишь ограничил задачи Гудериана достижением Зарайска и выходом на железнодорожную линию Москва—Рязань. Фактически это было признанием того, что южная «клешня» германского охвата Москвы достигла предела. Отныне надежда германского командования была связана с центральным участком (Клюге) и танками третьей и четвертой танковых групп, двигавшихся на Москву с северо-запада (Рейнгард).

Острие северного клина составляли теперь лишь две танковые дивизии и одна моторизованная. Серьезного успеха они могли достичь лишь во взаимодействии с пехотными дивизиями Клюге. Блюментрит был в эти дни в штабе четвертой армии. Трудности танковых дивизий на севере «поставили вопрос, должна ли четвертая армия участвовать в наступлении. Каждую ночь Геппнер выходил на телефонную связь и требовал ее продвижения; еженощно фон Клюге и я садились за стол и обсуждали, разумно ли идти на выручку Геппнера. Фон Клюге решил лично узнать мнение передовых частей — он был очень энергичным и активным командиром, любившим навещать атакующие войска, — и он

прибыл на передовые посты, чтобы поговорить с младшими офицерами. Командиры верили в то, что смогут достичь Москвы, и хотели осуществить эту попытку». После пяти или шести дней дискуссий и изучения обстановки фон Клюге решил, что четвертая армия предпримет финальную попытку.

А в своем Волчьем логове Гитлер впервые при свидетелях усомнился в победе. Вспоминает майор Энгель: «Фюрер выразил большое беспокойство по поводу русской зимы и погодных условий; он сказал, что начал войну на один месяц позже, чем следовало. Идеальным решением была бы сдача Ленинграда, завоевания на юге, а затем захват Москвы с юга и с севера и действия в центре». От себя Энгель добавил: «Время становится величайшим кошмаром».

Здесь, в Растенбурге, Гитлер издал приказ, обращенный к каждому германскому военнослужащему — *наступать*. Логика Гитлера была проста: если лучшая в мире армия находится в довольно сложном положении, тогда неповоротливые русские должны быть вообще за пределами своих боевых возможностей. Бок, работавший из-за болезни три-четыре часа в день, полагал, что в этой битве следует, в отличие от битвы на Марне в 1914 году, верить в победу, и тогда она придет. Он так и сказал своему штабу.

Сражение за Москву

Фельдмаршал фон Клюге двинул свою армию вперед после неожиданной артиллерийской подготовки и авианалета между 5 и 9 часами утра 1 декабря 1941 года. В его штабе размышляли схожим образом — на каком-то этапе (скорее всего недалеком) Красная Армия согнется под ударом. Вперед пошел 20-й корпус, и дорога его была самой прямой — по шоссе Минск—Москва. Сокрушив оборонительные рубежи 33-й советской армии близ Наро-Фоминска, немцы оседлали шоссе, хотя мины на отрезке Наро-Фоминск—Кубинка задержали их продвижение. Начальник штаба группы армий «Центр» Грайфенберг собрал в наступление еще сохранившие внушительность силы. И снова родные небеса не подве-

ли. Столбик термометра опустился до *минус сорока по Цельсию.* Затворы винтовок и автоматов примерзали. Горючее в баках становилось желеобразным. Моторы не заводились. В некоторых местах немецкая атака началась в пургу, при видимости 15—20 метров. Кларк называет эти бои «последним спазмом». Жуков же послал к району Наро-Фоминска танковый батальон и батарею «катюш».

27 ноября Жуков смог доложить Сталину о взятых в плен немцах, которые были захвачены на нескольких участках, где доныне победоносная германская армия отступила на несколько километров. Только теперь Гальдер занес в дневник нечто иное: «Новые русские силы проявили себя в направлении реки Оки, противник очевидным образом вводит в действие новые войска... Они прибывают с бесконечной последовательностью и постоянно замедляют действия наших истощенных сил». Но через несколько дней Гальдер успокоился. 2 декабря он с облегчением записывает: «Противник достиг пика своей способности держать оборону. У него больше нет подкреплений».

На севере, захватив Красную Поляну, немцы сражались уже за метры территории, хотя до Кремля оставалось 25 километров, а одно немецкое подразделение даже прорвалось в Химки. В эту ночь, в слепящую зимнюю пургу, немецкий разведбатальон прошел сквозь Химки и вышел в северо-западные пригороды Москвы — в пятнадцати километрах до Кремля. Судьба нашей Родины оказалась в руках тех военнослужащих и просто жителей, которые выдворили прорвавшихся немцев. В деревне Акулово на Можайском шоссе из немецких танков были видны звезды Кремля. Но больше это видение не повторялось. После двух дней практического топтания на месте германские командиры стали говорить о возможности достижения лишь локальных успехов. Эта последняя попытка овладеть Москвой с севера не дала результатов.

На юге Гудериан споткнулся о Каширу. Его непосредственный начальник Клюге сказал: «Твои операции висят на волоске». В центре Клюге был близок к успеху,

но нескольких дней боев оказалось достаточно, чтобы и он очевидным образом выдохся. Между 16 ноября и 4 декабря 1941 года немцы потеряли 85 тысяч человек — столько же, сколько за весь предшествующий период войны. В последующие дни они лишились еще 30 тысяч близ Тулы. Третий рейх впервые столкнулся с силой, с которой он не мог совладать.

В деревне Петрищево немцы казнили восемнадцатилетнюю Зою Космодемьянскую. Ее последние слова на эшафоте были обращены к немецким солдатам: «Вы не можете повесить все сто девяносто миллионов».

* * *

От военнопленных немцы узнали, что русские строят новую линию обороны к востоку от Москвы. Им не приходило в голову, что Советский Союз не сложил бы оружия, даже отойдя к Уралу.

Но уже пятьдесят девять пехотных и семнадцать кавалерийских дивизий ждали приказа выступить из-за плеч сил обороны. 30 ноября 1941 года Жуков представил Сталину план контрнаступления под Москвой. На первой стадии предполагался удар по северной группировке германских войск, удар по Клину и Солнечногорску в направлении на Истру. Речь шла о продвижении на запад примерно на сорок километров. На этой же фазе советские войска выступали на юге во фланг Гудериану с трех сторон и оттесняли его части примерно на восемьдесят километров. Войска центрального сектора сдерживали противника и не позволяли ему оказывать помощь атакуемым флангам.

После окончания первой фазы наступления центральный участок выходил вперед и наступление на подмосковную группировку немцев становилось всеобщим. Целью было «общее уничтожение немецких войск». В тщательно готовившемся контрнаступлении приняли участие семнадцать армий, которые вела плеяда новых военачальников — Конев, Рокоссовский, Говоров, Катуков, Доватор, Кузнецов. Их боевые части как бы «выходили из-за спины» обороняющихся подразделений и обрушивались на германские войска, стремившиеся к Москве.

Советская сторона задействовала все сошедшие с конвейера танки Т-34, всех подоспевших с Дальнего Востока солдат. Все наличные снаряды и патроны.

Чтобы не допустить утечки информации, Жуков сообщил различным войскам не совсем точные сведения. Подлинная карта с приказом по войскам хранилась лишь в его сейфе. Постоянным обдумыванием операции были, помимо Сталина, заняты Шапошников и Василевский. Конев, которому на севере предстояло начинать первым, получил разъяснения от Василевского: «Расстроить германское наступление на Москву и в то же время спасти не только Москву, но положить начало серьезному разгрому врага, который возможен только посредством наступательных операций. Если мы не сделаем этого в ближайшие несколько дней, будет слишком поздно. Калининский фронт находится в благоприятном оперативном положении, и вы должны сделать все возможное».

Сталин стоял за то, чтобы отложить начало наступательной операции еще на некоторое время, и только сообщения о том, что немцы подвозят огромные осадные орудия в Красную Поляну для прямого обстрела Москвы, убедили его в опасности задержки. Итак, предстояло сражение, которое решало судьбу России на целую историческую эпоху.

Общее соотношение сил было таким. 1 декабря 1941 года на фронте против германских сил СССР имел 219 дивизий (213 в октябре). Неважно обстояло дело с техникой и оборудованием. На Западном фронте имелись лишь три танковые и три моторизованные дивизии. Наступление поддерживали лишь 612 орудий. Особенно ощущалась нехватка грузовиков, тракторов, стрелкового оружия, радиопередатчиков — и даже подков.

Германское командование в начале декабря 1941 года полагало, что Красная Армия выдохлась полностью, что у нее нет никаких резервов. 1 декабря в приложении к докладу Браухича о «Задачах на зимний период 1941/42 гг.» боевая мощь Красной Армии оценивалась в 200 пехотных дивизий, 35 кавалерийских дивизий и 40 танковых бригад, «хотя известно наличие резервных формирований в волжском районе и в Сибири».

Общая численность — 265 наличных дивизий, 40 кавалерийских дивизий и 50 танковых бригад. В европейской России вермахту, по оценкам германской разведки, противостояли 900 самолетов. *«В настоящее время не существует резервов значительного масштаба»*. 2 декабря Гальдер сделал примечательную запись того же содержания: Россия достигла вершины своих возможностей, ей не на что более полагаться. *Keine neuen Krafte mehr verfugbar — «Подкреплений у них более нет»*. Разведывательный отдел полковника Кинцеля приготовил обобщенную оценку силовых возможностей России, а также перспективы до мая 1942 года. Красная Армия сможет укрепить себя 35 танковыми бригадами и двадцатью механизированными частями — но лишь к весне 1942 года.

Дальневосточные войска немцы оценили в 24 пехотные дивизии, одну кавалерийскую часть и десять танковых.

В обобщенной оценке советских возможностей говорилось, что Красная Армия будет вынуждена перейти к позиционному типу ведения боевых действий; немецким командованием не предполагалось концентрации сил для наступательных действий. Пилоты люфтваффе обнаружили перемещение первой ударной армии и другие маневры частей под Москвой, но в Растенбурге (Гитлер), Берлине (Браухич) и Орше (Бок) их сведениям не придали значения. Что подлинно беспокоило немцев, так это то, что на фронте глубиной в тысячу километров у них самих не имелось стратегических резервов.

В непосредственном подмосковном резерве у самих немцев была лишь одна дивизия, и прежде всего в свете этого командующий группы армий «Центр» оценил 1 декабря 1941 года ситуацию как *весьма серьезную*. В телеграмме главному командованию сухопутных сил генерал-фельдмаршал фон Бок указывал: «На неоднократно посылавшиеся главному командованию сухопутных войск запросы и донесения группы армий с указанием на угрожающее состояние войск был получен ответ: наступление следует продолжать даже при наличии опасности, что войска полностью сгорят. Для крупных маневров с целью охвата противника сил нет, а

теперь нет и возможности в большом объеме перебрасывать войска. Наступление приведет к дальнейшей кровавой борьбе за ограниченный выигрыш территории, а также к разгрому частей противника, но оперативное воздействие оно вряд ли окажет.

Представление, будто противник перед фронтом группы армий был «разгромлен», как показывают бои за последние 14 дней, — галлюцинация. Остановка у ворот Москвы, где сходится система железнодорожных и шоссейных путей почти всей Восточной России, неизбежно ведет к тяжелым оборонительным боям с численно превосходящим врагом. Силы группы армий уже не могут противостоять ему даже ограниченное время. И если бы даже случилось невероятное, а именно захват новой вражеской территории, то для окружения Москвы и окружения ее со стороны юго-востока, востока и северо-востока не хватило бы сил. Таким образом, наступление представляется не имеющим ни цели, ни смысла, поскольку приблизился тот момент, когда силы группы дойдут до предела. Предвосхитить возможное развитие событий следует сейчас. В настоящее время группа армий действует на фронте протяженностью свыше 1000 км, имея в резерве всего лишь несколько слабых дивизий. Учитывая большую убыль старшего офицерского состава и сокращение численности активных штыков, она уже не в состоянии противостоять планомерно ведущемуся наступлению противника. При неспособности железных дорог обеспечить потребности группы армий нет также никакой возможности подготовить растянутый фронт для оборонительной борьбы или даже просто обеспечить эту борьбу».

Весьма реалистическая оценка. Но Гитлер и верховное командование ОКХ отдало приказ предпринять все, чтобы ценой последнего, крайнего напряжения сил достичь поставленной цели. Этой целью была Москва.

Рационализм иногда называют родовой чертой немцев. Где был их рационализм в час, когда решалась их судьба? Немецкая стратегическая разведка не сумела предвидеть нападения японцев на Пёрл-Харбор. Важнее всего — это главное — немецкая разведка и командова-

ние не усмотрели самой возможности активизации действий советских войск — решительного наступления пятнадцати советских армий на фронте перед Москвой.

Германское командование не увидело в 45-летнем генерале Жукове таланта первой величины, уже проявившего себя на Халхин-Голе и под Ленинградом. Его план был стратегическим шедевром, он верно рассчитал время, место и характер удара. Он не стал вводить резервы панически рано, но проявил чутье мастера. Он понял, что дать немцам закрепиться на подмосковных позициях означало бы резко увеличить их способности к обороне. Следовало уловить момент общей истощенности немцев, следовало в то же время использовать фактор протяженности коммуникаций, суровости зимы, неожиданности удара.

1 декабря 1941 года Красная Армия насчитывала 4 196 000 военнослужащих действующей армии, 32 194 орудия и гаубиц, 1 984 танка, 3 688 самолетов. В вермахте наличествовали 1 453 танка, 2 465 самолетов, 36 000 орудий. В собственно битве под Москвой с советской стороны участвовало 718 800 солдат и офицеров, 7 985 орудий, 720 танков против 801 тысячи солдат и офицеров вермахта, 1000 танков и 615 самолетов, 14 000 орудий. Существовало примерное равенство. Судьбу противостояния должны были решить настрой войск и талант полководцев.

Контрнаступление

В 3 часа утра в пятницу, 5 декабря, при температуре — 30° по Цельсию и толщине снежного покрова в один метр, на передовые позиции германской армии обрушились войска советского стратегического резерва. 88 дивизий Красной Армии начали оказывать давление на 67 немецких дивизий на широком фронте — от Калинина на севере до Ельца на юге. Специальная директива предупреждала от фронтальных атак — «негативные оперативные меры будут играть на руку врагу»; следовало обходить врага, заходить в тыл, проникать сквозь оборонительные рубежи противника.

Эффект внезапности сработал в полной мере. Пер-

вым результатом оказался обрыв связей между Геппнером, Клюге и Гудерианом. Вторым — оставление танкистами на флангах Клюге своих танков (речь идет о сотнях машин). Через две недели у Гудериана осталось только сорок машин, у Геппнера — пятнадцать. Третий результат — ежедневные потери примерно в три тысячи солдат (не считая обмороженных). В целом наступление продолжалось без перерыва почти три месяца. Финальным аккордом можно считать освобождение Великих Лук.

Сказалась общая непродуманность немецкого стратегического замысла. За июнь—ноябрь 1941 года потери германских войск оказались в три раза больше потерь за всю кампанию в Польше и в Западной кампании — во Франции, Бельгии и Голландии. К декабрю этого года офицерский корпус нацистской Германии потерял 27 тысяч офицеров — в пять раз больше, чем в 1939—1940 годах. Восстановить эти потери полностью было уже невозможно. Вложив все силы в первый внезапный удар, германское командование оставило себя без резервов. Поэтому у стен Москвы оно не смогло восполнить потерь. Путь от границы до Москвы — путь в четыре фронтовые наступательные операции — не был обеспечен и материально, поскольку на Западе и в Польше противник вермахта терпел поражение от первой же операции. Германская армия при этом была армией «летнего наступления», она не была обеспечена даже зимним обмундированием.

Генерал Гальдер поверяет дневнику 7 декабря: «Ужасный день. Правое крыло 3-й танковой группы начало ночью отступать. Вклинения противника на севере этой танковой группы очень неприятны. На правом фланге 9-й армии противник тоже значительно расширил свой прорыв... Русские сумели настолько усилить наши транспортные трудности разрушением почти всех строений на главных железнодорожных линиях и шоссе, что фронт оказался лишенным самого необходимого... В ошеломляюще короткий срок русские поставили на ноги разгромленные дивизии, бросили на угрожаемые участки фронта новые — из Сибири, Ирана и с Кавказа, они стремятся

заменить свою потерянную артиллерию множеством ракетных орудий. В противоположность этому сила немецких дивизий уменьшилась более чем наполовину; боеспособность танковых войск стала и того меньше... Приказы продвигаться вперед, не считаясь ни с чем, были заблуждением, и теперь группа армий вынуждена в самых тяжелых условиях переходить к обороне».

Верхушка рейха сразу начала поиск козла отпущения. Дневник министра пропаганды Й. Геббельса: «Большая вина лежит на Браухиче. Тщеславный, трусливый тип, оказавшийся неспособным понять ситуацию, не говоря уже о том, чтобы справиться с ней. Своими постоянными возражениями и вечным неповиновением он опошлил и испоганил весь план похода на Восток, кристально ясно разработанный фюрером. У фюрера имелся план, который должен был привести к победе. Сделай Браухич все, что от него требовалось, мы стояли бы на Востоке не там, где стоим сейчас. У фюрера вовсе не было намерения идти на Москву. Он хотел отрезать Кавказ и тем поразить советскую систему в ее самом чувствительном месте... Но Браухич все время гнал войска на Москву: хотел престижных успехов вместо фактического успеха. Фюрер характеризует его как труса и бездаря... Впрочем, фюрер питает к советскому военному руководству определенное уважение. Жестокое вмешательство Сталина спасло русский фронт. Мы должны в своем ведении войны найти аналогичные методы».

Гитлер снял со своих постов тридцать пять корпусных и дивизионных командиров. Его презрение к высоколобым интеллектуалам в мундирах, к самовлюбленной касте военных достигло пика. Он лично теперь взялся руководить боевыми действиями и в запальчивости сказал Гальдеру: «*Этой маленькой штукой* — оперативным командованием может овладеть каждый». После взятия Красной Армией Калинина Гитлер издал приказ, в принципе запрещающий отступать. Но в тот же день тридцать девятая армия прорвала фронт к северо-западу от Ржева.

Хладнокровно судящий об этих роковых событиях американский историк Г. Вайнбергер призывает подняться *над* конкретными обстоятельствами, оценить

характер борьбы в целом. Он предлагает осознать, что «немцы не сумели мобилизовать свое общество так, как мобилизовал его Советский Союз; советское руководство не только сохраняло эффективный контроль над неоккупированными территориями страны, но сумело сосредоточить людские и материальные ресурсы для сокрушительного удара по силам вторжения».

Сами особенности России оказались спасительными для нее. Как пишет Дж. Эриксон, «тесные связи между людьми предотвращали крах всего; взаимосплетенные административные сети приводили в смятение, но они же давали шанс как-то выпутаться из тенет инструкций; способность абсорбировать огромный урон и все же жить в состоянии импровизированных норм и лишенных строгого порядка жизненных клише; и прежде всего — несмотря на годы сталинских репрессий и принуждения НКВД — их базовая моральная упругость, которую патриотическая война усилила. Своей бесчувственной и самоубийственной приверженностью идее низшей расы людей, «недочеловеков»-славян, германская пропаганда, злонамеренно применяемая войсками СС, придала звериные формы буйству массовых убийств специальных команд, видевших в русских лишь «конгломерат животных». Гром германских побед не мог не усилить наиболее экстремистские взгляды на более низкие свойства русских; германское командование, хотя и ощущало тяжесть своих потерь, игнорировало более трезвые взгляды».

И это обрекло Германию, ибо из горького чувства поражения, унижения и неистребимого чувства любви к своей стране в России выковывалось нечто непобедимое. Горящее в глубине русского характера чувство сопротивления стимулировалось не усилиями пропаганды, а знанием реальностей «нового порядка» немцев с его массовыми зверскими убийствами. Население, привыкшее к лишениям, не ждало справедливости и жертвенность воспринимало естественно. Искони присущая русским беззаветная любовь к Отечеству стала частью их существования. И в самоотверженной борьбе проявился своего рода генетический код, срабатывавший многие столетия.

Что же касается зимы, то она бывает в России ежегодно. Гитлер потому и не начал войну в 1940 году, что посчитал август—сентябрь слишком поздним сроком для организации вторжения. И русским солдатам было так же холодно, как и немцам. Тайна заключалась не в климате. Немцы взяли в плен командующего 6-й советской армии и допросили его со всем пристрастием. И тот указал им на подлинное состояние страны и ее армии: «Когда дело касается судьбы России, русские будут сражаться — потеря территории ничего не означает, и указывать на недостатки режима бессмысленно». В громадных просторах России царила скорбь. Однако, несмотря на ужасающие потери и невероятные жертвы, ее сыны и дочери скорбели не о запрошенной судьбой цене. Собственная их жизнь потеряла цену перед великим патриотическим чувством. Именно этого не учли генералы механизированной армии вторжения.

* * *

Русские партизаны показали на Западе неожиданные и поразительные для них черты героизма, хладнокровия, выносливости, исключительной способности к выживанию, превышающие самые высокие человеческие мерки. Белоэмигрант Г. Гайтанов, впервые увидевший бывших соотечественников — наблюдавший русских партизан во Франции (и опубликовавший книгу на эту тему в 1946 г.), — характеризовал русского как человека коллективистского сознания, привыкшего жить «под крылом у государства» (с полным к нему доверием), как человека, у которого нет быта, который не знает частной собственности и не понимает ее значения в жизни Европы (для него французская расчетливость — своего рода помешательство). «В поведении русских партизан во Франции прежде всего поражает абсолютная одинаковость их поступков и побуждений». Западные писатели и психологи вначале полагали, что такими их сделали пропаганда и коллективистская экономика. Но позднее, наблюдая русских партизан, западные специалисты пришли и к более глубоким выводам. «Никогда, кажется, в истории России не было периода, в котором таким явным образом все народ-

ные силы, все ресурсы, вся воля страны были бы направлены на защиту национального бытия... Все: экономическая и политическая структура страны, быт ее граждан, ее социальное устройство, ее чудовищная индустрия, ее административные методы, ее пропаганда — все это как будто было создано гигантской народной волей к жизни».

Это было похоже на проявление массового инстинкта самосохранения. В час своего самого трудного испытания «с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью Россия воспитала несколько поколений людей, которые словно были рождены для того, чтобы защитить и спасти свою Родину. Никакие другие люди не могли бы их заменить, никакое другое государство не могло бы так выдержать испытание, которое выпало на долю России. И если бы страна была в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 года, — вопрос о Восточном фронте перестал бы существовать. Но *эти* люди оказались непобедимы... Они умирали в чужих европейских пространствах, окруженные со всех сторон вражескими войсками, в таком страшном русском одиночестве».

Благодаря их человеческому самоотрешению, благодаря их мученическому подвигу мы имеем теперь свободу исторического выбора.

И, несмотря на всю браваду, наши враги почувствовали неумолимую поступь истории. Уже накануне нашего контрнаступления под Москвой Гитлер сказал своему ближайшему военному советнику Йодлю: «Если дело пойдет так и дальше, если оно затянется, победы нам не одержать». В свете немыслимой жестокости агрессора, стремления тотального уничтожения славян, евреев, всех «унтерменш» восточноевропейского мира бледнела сталинская антикапиталистическая пропаганда. Осознание этого трагическим образом изменило представление русского народа о соседях на Западе в целом. Если страна Гёте способна на нечеловеческую жестокость, то может ли быть страна Шекспира лучше? Отныне русские связывали представление о западной цивилизации с бомбардировками мирных городов, сожженными селами, увезенными в неволю соотечественниками, с тотальным

истреблением людей. Понадобится еще немало времени, прежде чем в генетическом коде восточноевропейских народов ослабнет это представление.

Создание великой коалиции

Еще до японского выступления на Гавайях Гитлер 4 декабря предложил Японии то, в чем он надменно отказывал в месяцы быстрого продвижения по советской территории, — согласился на подписание договора, который ставил бы двухстороннее военное сотрудничество выше обязательств по Трехстороннему пакту. Но узнав о нападении Японии на американскую базу в Пёрл-Харборе, Гитлер не сразу пришел к решению о присоединении к дальневосточному агрессору. Фюрер не без горечи сказал одному из приближенных: «Мы воюем не с тем народом. Нам следовало сделать Англию и Америку своими союзниками. В силу обстоятельств мы совершили всемирно-историческую ошибку». Но в целом аморальность японских действий ему импонировала, он обратился к японскому послу со словами: «Вы объявили войну правильно. Это единственно правильный метод. Надо бить как можно сильнее и не терять времени на объявление войны».

После четырех дней колебаний Гитлер принял очень важное решение: он объявил войну Соединенным Штатам. 11 декабря он сказал: «Я могу быть лишь благодарен Провидению за то, что оно доверило мне руководство в этой исторической борьбе, которую в течение грядущих пятисот или тысячи лет будут считать решающей не только для истории Германии, но и для всей Европы и, конечно, для всего мира. Создатель повелел нам изменить историю». (Под давлением немцев днем позже — после Германии и Италии — войну Соединенным Штатам объявили Болгария, Румыния и Венгрия).

Это германское высокомерие граничило с безумием, оно автоматически сделало защитников Москвы союзниками огромной заокеанской республики. Пройдут месяцы, годы, и наши воины получат столь ценимые виллисы, студебеккеры и «спитфайры».

* * *

Мир раскололся на две коалиции. Сложились предпосылки для формирования второго (после 1914 г.) союза России с Западом. Во многом этому способствовал тот факт, что британское правительство возглавлял Черчилль, который ни при каких обстоятельствах не собирался идти на компромисс с Гитлером. 22 июня 1941 г. он произнес слова, которые, будучи обращенными к Москве, заложили основу великой коалиции: «Отныне у нас одна цель, одна-единственная — уничтожение нацистского режима. Мы никогда не начнем переговоров с Гитлером. Мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу». После Пёрл-Харбора Америка встала в строй антигитлеровской коалиции.

Россия оправдала надежды западных союзников. 16 декабря 1941 года Черчилль писал Рузвельту, что германские «потери в России являются первостепенным фактором в войне. А впереди немцев ждет зимняя бойня».[62]

Союз складывался медленно по нескольким причинам. *Во-первых*, Сталин органически не доверял Западу, а Запад в свою очередь не доверял режиму, который считал искусственным и в устойчивости которого сомневался. Когда западные союзники подписали в августе 1941 года Атлантическую хартию (о правилах поведения в мире), советский посол в Лондоне И. Майский возмущенно выговаривал министру иностранных дел Идену: «Англия и США ведут себя так, словно всемогущий Бог призвал их судить дела остального грешного мира, включая и мою страну».[63] Сталин назвал Атлантическую хартию *алгеброй*, в то время как он предпочел бы *практическую арифметику*. У союзников должны быть *общие цели*, в противном случае «союз просто не состоится».[64]

Во-вторых, ведущие английские и американские эксперты в основной своей массе разделяли точку зрения немцев относительно того, что сопротивление России в 1941 г. будет недолгим. Согласно британским официальным оценкам середины июня 1941 г., немецкие армии достигнут Кавказа в конце августа или в крайнем случае в начале сентября.

Но совместную борьбу следовало начать, не откладывая. 19 июля 1941 г. Сталин послал первое личное письмо У. Черчиллю. Оценивая впоследствии обширную переписку со Сталиным, Черчилль заметил, что отношения с советским руководством складывались далеко не просто, в переписке «было слишком много упреков». Тем не менее Черчилль воздал должное своему союзнику: «Сила советского правительства, твердость русского народа, неисчерпаемые запасы русской мощи, огромные возможности страны, жесткость русской зимы были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии».

Третьим (после личностных различий лидеров и враждебного прошлого) препятствием были стратегические соображения. Они были различными у СССР и двух главных держав Запада — Великобритании и США. Уже в декабре 1941 г. Черчилль писал министру иностранных дел Идену в Москву: «Никто не может предсказать, как сложится баланс сил и где будут стоять победоносные армии в конце войны. Вероятно, однако, что Соединенные Штаты и Британия, не истощив своих сил, будут наиболее вооруженным и экономически самым мощным блоком, который когда-либо видел мир, а Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи значительно больше, чем мы в его». Такова была *оптимистическая для Запада* картина будущего. Не исключалась и *пессимистическая* картина. Например, в беседе с издателем «Таймс» Баррингтон-Уордом в марте 1943 г. Черчилль изложил концепцию создания в Европе конфедерации малых стран: «Я не хочу однажды остаться один на один с русским медведем». Именно в свете этого видения Запад хотел использовать до конца силы Советской Армии, а высадку союзнических войск в Западной Европе осуществить лишь на этапе коллапса либо СССР, либо Германии.

Четвертым препятствием в формировании союза были культурные и прочие различия. Ф. Д. Рузвельт полагал, что, хотя Сталин возглавляет «очень отсталый народ», но Россия — огромная страна, и будущий мир можно построить только в союзе с ней. Черчилль считал, как и после Первой мировой войны, что «гранды»

современного мира могут обеспечить свои интересы посредством союза наций в организации, охватывающей все страны. Предполагалось создание мировой организации, в которой крупнейшие державы-победительницы имели бы особый статус. Но сохранится ли равенство среди главных победителей?

Увы, это было не так. В ходе войны достаточно быстро изменялось и соотношение сил среди стран Запада. Соединенные Штаты выходят на передовые, главенствующие позиции, а лидером Запада становится президент Рузвельт. Это лихорадило внутризападные отношения, сказывалось и на отношениях Запада с восточным союзником из-за видения ситуации Британией: в случае победоносного исхода войны Соединенные Штаты будут стремиться вытеснить Британию с доминирующих позиций в Европе, Азии, Африке и Австралии. В то же время США постараются найти общий интерес с СССР. Чтобы предотвратить это, Британия лавировала, стремясь противопоставить союзников друг другу. К примеру, Черчилль весной 1942 г. был склонен сблизиться с Россией, поскольку осознал значимость советско-германского фронта и важность того, чтобы Россия выстояла и была сохранена в составе коалиции, а в начале лета он как бы начал сомневаться в способности СССР выстоять и все более подчеркивал стратегическую значимость США, военная промышленность которых методично наращивала свои мощности.

Менялась также и американская точка зрения. Если в 1939 г. Ф.Рузвельт «возлагал» на Англию задачу «спасения цивилизации», то в 1942 г. он и его помощники уже предусматривали главенство в этом дуэте Соединенных Штатов. Англичане, находясь под прицелом гитлеровцев, приветствовали принятие Америкой роли мировой державы, но они осознавали неизбежность того, что рост могущества США, принятие ими на себя безусловного лидерства на Западе будет происходить, в частности, за счет западноевропейских союзников.

В то же время произошло обретение Россией веры в свои возможности. В конце концов Россия победила в первую очередь потому, что создала такую военно-индустриальную машину, которая превзошла герман-

скую. Помощь союзников была очень существенной, но не решающей: более 90% военной продукции Россия произвела сама, многократно превзойдя по основным военно-промышленным показателям Германию. Оказалось, что Россия способна на глобальное соревнование с Западом, если ее танки и самолеты оказались качественно лучше западных образцов. К тому же благополучные западные союзники России не учли, что любая страна, потерявшая более десятой части своего населения, должна испытать национальный шок, стать болезненно восприимчивой, чувствительной в отношении зарубежного воздействия.

Самым большим — *пятым* — препятствием на пути создания союза России с Западом была неравномерность военных усилий. Известие о том, что в 1942 г. настоящий второй фронт не будет открыт, явилось, по мнению британского премьера, подлинным «шоком» для Сталина. Британский посол А. Керр так оценивал решение своего правительства о переносе на будущее открытия второго фронта в Европе: «Мы не представляем себе того напряжения, которое испытывают русские. Советская Армия — и в целом русское руководство — боятся, что мы создадим гигантскую армию, которая сможет однажды повернуть свой фронт и занять общую с Германией позицию против России». Посол счел нужным сказать Черчиллю, что в Британии «высказываются мнения, которые прямо или косвенно поддерживают это опасение русских». Да и сам Черчилль полагал, что две крупнейшие континентальные державы, борясь и ослабляя друг друга, действуют — с точки зрения интересов Запада — в «нужном направлении». Часть американской элиты предлагала позволить немцам и русским использовать друг против друга свои лучшие силы. Провозглашая на словах решимость быстро открыть второй фронт, президент США Рузвельт на обсуждениях 1942—1943 гг., когда вопрос ставился конкретно, соглашался с тем, что следовало из долгих и красноречивых выступлений Черчилля: не делать окончательных обязательных выводов, не сокращать возможностей выбора, который еще многократно предоставит война.

Не открыв фронта на европейском Западе, союзни-

ки нарушили договоренности в критический для СССР момент, когда немцы захватили Севастополь, вошли в Ростов, вышли к порогу Кавказа и подошли к Сталинграду. Это оказало большое влияние на советско-западные отношения. Телеграмма Сталина Черчиллю от 23 июля 1942 г. заканчивалась суровым упреком: «Вопрос о создании второго фронта в Европе не был воспринят с той серьезностью, которой он заслуживает. Полностью принимая во внимание нынешнее состояние дел на советско-германском фронте, я должен указать наиболее серьезным образом, что советское правительство не может согласиться с откладыванием второго фронта».

Последствиями этого в конечном итоге была пятидесятилетняя «холодная война» — гигантская трата средств и ресурсов, вызванная в том числе нежеланием Запада принять Россию в свой лагерь, поскольку последняя не собиралась становиться подчиненным членом этого лагеря.

Заключение

Проблема огромных людских потерь порождена не Великой Отечественной войной. Суровая наша история знает грандиозные людские потери и в мирное время — периодически возвращающийся голод, гибель на стройках, ничтожная стоимость человеческой жизни в быту, на обычной работе — вследствие безразличия или прихоти верхнего класса. Причины уходят в историю, психику, географию, климат, систему межчеловеческих отношений. На великой русской равнине, на ее уральском и зауральском продолжении Богом данная жизнь, увы, никогда не была величайшим правом и благом. Погосты наших деревенских кладбищ — самое затерянное место в мире. Смерть маленького человека всегда была заурядным явлением, не сто́ящим глубоких раздумий, размышлений о потере уникального мира каждого человека. Смиренность стариков, живущих на полатях рядом с приготовленными гробами, поражает лишь западного пришельца. Из дремучей древности обитает вместе с нами тот — часто спасительный — фатализм, который во многом не понятен другим народам, особенно западным. Жестокая жизнь едва ли не стерла трагичность грани между жизнью и смертью. «Отмучился», — вот наша национальная реакция на безвозвратный уход человека.

Армия является слепком со своего народа, иное было бы просто чудом. Российская армия была самой

большой в Европе (в мире?) уже в шестнадцатом веке. Иван Грозный выставил на Ливонскую войну едва ли не полумиллионное войско — с тех пор мы владеем первой по численности армией Европы. Трехсоттысячная армия Людовика Четырнадцатого нас уже не впечатляет, как и шестисоттысячная армия Наполеона. Представление о бездонности людских ресурсов России жило и живет с нами. Как и уверенность в том, что сыны России не пожалеют жизни «за други своя», за отчий дом, за не всегда добрую Родину. Когда великий князь Николай Николаевич провел ночь в горестных раздумьях об огромных жертвах армии генерала Самсонова, итогом его переживаний оказалась по-русски естественная конечная реакция: «Русские бабы нарожают столько же за одну ночь». Сам же Самсонов с пистолетом у виска говорил лишь об утерянном доверии государя — а не сотнях тысяч потерянных бойцов.

Русская армия ушла с поля Бородина, удивив французов тем, что не похоронила своих погибших. В стране удивительно мало памятников тем самоотверженным воинам, что беззаветно хранили страну. Две Триумфальные арки в честь победы над Наполеоном, часовни на поле Бородинском, скромные «вечные огни», гипс общих постаментов, фанерные звезды и тихое забвение. Удивительно — ни одного монумента в честь Великой — Первой мировой войны, обильно усеявшей западные границы костями наших воинов. В далеком Сен-Женевьев-де-Буа стоит надгробие над генералом Алексеевым; но большинство его соратников по Мировой и Гражданской войнам упокоились без знаков поклонения. Ничего похожего на западные некрополи, на потрясающий монумент Лейпцигской битве народов, львам Ватерлоо, огромному кресту над участниками (с обеих сторон) Гражданской войны в Испании, не говоря уже об огромных по площади, тщанию в уходе полях солдатских кладбищ двух мировых войн в Европе, о бесчисленной «кавалерии» конных статуй полководцам Гражданской войны в США.

Понятно, страна постоянно выходила из кровавых конвульсий, и сыновьям было не до мраморно-бронзового великолепия в честь предшествующих поколений.

Но частью объяснения является и то, что жизнь человеческая на Руси ценится недорого. А сами воины видят естественной участью лечь жертвой начальственного порыва, непродуманных действий, стремления добиться победы любой ценой. И они нам молчаливый укор.

Да, Россия представляет собой незападную страну, и эгоистический индивидуализм — в реальной жизни, а не на уроках литературы и истории, — чужд ее эмоциональному коду. Более того, Россия — это единственная незападная страна, которая сумела противостоять натиску с Запада шведа Карла XII, француза Наполеона, немцев Людендорфа и Гитлера. Она избежала участи обеих Америк, Индии, Китая, Оттоманской империи и полтысячи лет не знает над собой владыки или опекуна. В этом наша гордость. Жертвенная патриотическая любовь безвестных солдат стала стеной на пути всех, кто избирал Россию, великую страну от Буга до Аляски, своей мишенью.

Но стоический фатализм воинов в мундирах и гимнастерках не снимает вопроса, обращенного в командирам: как вы распорядились участью своих солдат? Превращение войны в борьбу умов, в ответственное дело, в науку экономии солдатских жизней происходило в русской армии не загодя, а сквозь кровавое поле ученичества. Не нужно винить последние поколения, эта традиция идет из седой древности. В мирное время, когда западные офицеры доводили свои войска до седьмого пота, русские генералы, увы, полагались на «авось». И ждали учителей — таких, как шведские генералы, которых император Петр восславил после Полтавы. Столь же куртуазны кутузовские полковники с французскими офицерами и даже к захваченному в ауле Шамилю. Удачей Петра было овладение вместе с тремя балтийскими провинциями кастой остзейских военных, это укрепило элемент дисциплинированности, организованности, осмысленности в большой русской армии. Но и остзейские ранненкампфы довольно быстро проникались российскими представлениями о подготовке в виде тридцатилетнего сна любимого героя русских сказок. Как и их коллеги, русские генералы обычно готовились к прошедшей войне, им умственно уютно было не тер-

зать себя каверзными вопросами современного технического развития. Даже самые образованные и зрелые военачальники начинали интеллектуальный штурм проблем только после трагического опыта Крымской войны, Маньчжурии, Восточной Пруссии, поражения у стен Варшавы, потерь на Карельском перешейке.

Реформаторы 1860–70-х годов постарались изменить ситуацию. Военный министр Валуев создал генеральный штаб, 25-летняя служба сменилась системой национального набора, в военных училищах стали учить военной науке как профессиональному занятию – стали производить офицеров-военачальников новой индустриальной эпохи. Но почитайте мемуары участников русско-японской войны, и вы увидите слабость академически-научного подхода, над которым открыто смеялись те, кто выкосит цвет русского воинства – такие как генерал Гофман, который заставит Россию подписать Брест-Литовский договор. Да, горький опыт Ляояна и Порт-Артура остудил многие русские головы, но не изменил радикально подхода к военной профессии, к воспитанию современной армии.

С точки зрения противоборства германских и российских военных структур, 1941 год не был началом – таковым был 1914 год, – когда свежая, обученная, руководимая высокообразованным генеральным штабом (породившим генералов Алексеева и Брусилова) российская армия с превосходной уверенностью бросилась в Восточную Пруссию. То было лучшее, что могла создать тянущаяся к Западу императорская Россия на гребне индустриального подъема 1892–1914 годов, на гребне монархической лояльности, уверенности в непобедимости России, признанного патриотизма, веры в западных союзников. И чем же обернулся этот поход героев-богатырей под руководством гиганта двухметрового роста, великого князя Николая Николаевича? Страшной трагедией Танненберга, разгромом элитарных армий Самсонова и Ренненкампфа.

Действуя лишь одной рукой – вторая была задействована на Западном фронте, – немцы сумели научными методами своей армии, великолепной организацией, осмысленностью своих действий, сочетанием воображе-

ния и стойкости, превосходством стратегии, тактики и техники довести обессилевшую Россию до позора Брест-Литовского мира. Россия потеряла тогда два миллиона своих солдат на поле боя, шла от поражения к поражению, дважды сменила государственный строй и все же была вынуждена покориться неизбежной судьбе. По Брест-Литовскому мирному договору она потеряла треть европейской территории страны: Украину, половину Белоруссии, Прибалтику, Молдавию, Закавказье.

Невозможно понять смысл русского коммунизма, не учитывая затаившееся в национальном русском сознании представление о том, что внешне находящаяся на подъеме романовская Россия дискредитировала себя неспособностью отстоять независимость и целостность страны. Государственное дело Петра оказалось в ненадежных руках, открылась бездна цивилизационного отставания России от индустриальной цивилизации Запада. И она согласилась на гигантскую социальную трансформацию ради того, чтобы никогда более не испытать брестского позора. 20—30-е годы стали временем насильственной модернизации, стимулируемой (по меньшей мере отчасти) желанием избежать бессилия 1914—1917 годов. К Голгофе 1941 года Советская Россия вышла более оснащенной, индустриальной, организованной — уплатив за этот рывок тяжелую социальную цену.

Ну, а можно ли было сравнивать блестящих генералов русской императорской армии, этих стратегов ранга генерала Алексеева с доморощенными маршалами в обмотках? Большевики казались западным и германским политикам мастерами строить домны в тайге и пускать пыль в глаза доверчивым западным писателям. Выражение «потемкинская деревня» вошло в западный лексикон еще двести лет назад. Теперь Сталин, с точки зрения Запада, создал в России самую фантастическую по масштабам «потемкинскую деревню». В этой деревне было много танков и самолетов, но еще больше было в ней страха, темени, безалаберности и бездумного послушания. Так полагали немецкие генералы 1940 года, столь великолепного для Германии.

Огромная историческая вина Сталина состоит в том, что советские войска оказались неподготовленными к

смертельно опасному немецкому вторжению. Чего стоит потеря 1811 самолетов в первый же день войны?! Причем почти всех не в воздухе — на земле! Но еще губительнее другое: обстановка всепроникающего страха перед репрессивной машиной, созданной в Красной Армии. Она резко ограничила в самые трудные первые дни и месяцы войны способность бойцов, оказавшихся под чудовищным ударом врага, к гибкому маневру, их право на личную инициативу, доверие друг к другу, без которых невозможно ведение современной войны.

Бедой и горем страны стала ее изоляция, оторванность от внешнего мира и его опыта. Страх самого Сталина оказаться «поклонником Запада» обернулся фактически преступлением перед своей страной: армия не сумела извлечь уроки из Западноевропейской и Польской кампаний германской армии. Скованность догмами не позволила прямо указать на самое слабое место наших войск — отсутствие надежной связи и координации (а это подразумевает наличие радио- и телефонной связи, постоянной авиационной разведки, действенной службы тыла).

Талант наших инженеров и рабочих сказался в создании танков и самолетов, заметно превосходящих по боевым характеристикам немецкие. Однако понадобился огромный кровавый опыт, прежде чем была найдена система эффективного управления войсками и в армейской среде выделились независимые, сильные характеры, самостоятельные командиры всех рангов.

* * *

Надо отдавать себе ясный отчет в том, что идеология нацистской Германии и Советской России не имели между собой ничего общего. Первая основывалась на экзальтированном, фанатичном национализме. Вторая — на социальном воспитании масс. Немецкого школьника учили, что мировая культура и наука происходят от германского корня, что «Германия превыше всего», и задачей живущего поколения является обеспечить ей самое лучшее место под солнцем. Советские школьники учили наизусть Гёте и Шиллера, их воспитывали в безусловном уважении к великой германской культуре и

науке. Невозможно представить себе советского учителя, который проповедовал бы органическое превосходство советского народа над прочими. При любом отношении к социализму невозможно опровергнуть тот факт, что он не провозглашал национальной исключительности, не ставил соседние народы рангом ниже, не взывал к темным инстинктам крови, не порождал спесивого высокомерия. В годы отчаянной битвы за спасение страны от вторгшегося в нее врага в России издавали немецких мыслителей и поэтов. Пытаться сегодня поставить знак равенства между двумя полярными системами ценностей можно, лишь предавая историческую истину в пользу политической злобы дня.

Многие различия двух столкнувшихся в войне обществ проистекали даже не из идеологии, а из контрастных особенностей цивилизационного опыта, западного и восточноевропейского. Индивидуализм, с одной стороны, и коллективизм — с другой, рациональность и эмоциональность, протестантская трудовая этика — и энтузиазм самоотвержения, опыт реформации и традиции православия. Эти различия существовали задолго до петровской эпохи, сохранились в советское время и долго еще будут существовать после нас. Пять столетий подряд демонстрировал Запад победу качества над количеством, победу западной рациональности над фатализмом незападных народов. Вот почему человеку Запада всегда было трудно осмыслить особый случай России и понять, в чем подлинный источник русской силы.

* * *

Недобрым выдался двадцатый век для нашей Родины. Жертвы и потери, страшное напряжение, жестокая судьба. Но не было в этом веке часа трагичнее, чем начавшийся после полуночи в короткую летнюю ночь 22 июня 1941 года. Враг ставил не только сугубо военные цели, он заведомо не удовлетворялся уступками, он лелеял радикальное решение, означавшее для нас падение в бездну исторического небытия. При самом критическом отношении к коммунизму никто не мог с основанием обвинить Советскую Россию в стремлении развязать такой ад под любым из народов. Нечелове-

ческими были цели «Барбароссы», хладнокровная калькуляция этого плана ставит под вопрос саму гуманность на земле. Поколению наших отцов пришлось столкнуться с войной на выживание.

В этой книге мы стремились подойти к поставленной немцами проблеме выживания России издалека. Россия и Германия вместе испытывали конвульсии Первой мировой войны и венчавшего ее Версальского мира. Они обнаружили в Рапалло (1922 г.) параллельность интересов. И обе страны шли, оказывая взаимопомощь, до тех пор, пока к власти в Германии не пришла партия крайнего национализма, для которой союз с Россией был неприемлем, для которой германская национальная будущность виделась в колонизации европейского Востока.

Немцы не сомневались в своей силе. Её в полной мере испытала вечная соперница Германии Франция, разгромленная за месяц боев. Они не сомневались в исходе грандиозного поединка гитлеровской Германии с Советской Россией. Сомнений не испытывало и большинство осведомленных людей на Западе. Одиночки верили в русское упорство, но не в русское счастье. Они верили, что Красная Армия перемелет немало дивизий вермахта, но не смели надеяться, что она дойдет до Берлина. В июне 1941 года каждый немец помнил триумф Гинденбурга и Людендорфа в Восточной Пруссии. В сознании немцев безраздельно господствовала мысль, что если между августом 1914-го и мартом 1918 года несколько германских корпусов смогли развеять в прах славу императорской русской армии, то осененная победой над Польшей, Францией, Скандинавией и Балканами германская армия 1941 года, действуя двумя руками — и имея за собой потенциал всей Центральной и Западной Европы, — быстро и определенно решит задачу сокрушения России. И когда германская военная машина повернула на восток, Россия оказалась над бездной.

Однако динамизм и самоуверенность Берлина уготовили ему неожиданность. Известно, что поражение учит, а победа грозит самодовольством. Веселые танки-

сты Гудериана, загорелые гренадеры Гота и Клейста бодро катили мимо сотен дымящихся русских танков, дивясь прямолинейности примитивной русской навальной тактики, считая падающие с неба — обреченные с первого поворота винта — советские самолеты, издеваясь над неспособностью противника хладнокровно и грамотно сочетать броневую и авиационную мощь, осуществлять маневр, рассчитывать свои силы, употреблять их оптимальным образом. Этого не было — не помогало отчаяние Ворошилова и Буденного, крестьянское упорство Тимошенко, неукротимая ярость Жукова. Удивление вызывало лишь русское хладнокровие в одном — в готовности отдать жизнь.

Между независимостью страны и поражением России осталось то, что трудно было определить даже германским гениям калькуляции. Широко расположившись на огромном континенте, русские органически питали и питают особое, почти религиозное отношение к своей суровой земле. Это чувство абсолютной, заложенной в генах любви и преданности к просторам, почве, к родному пепелищу, к заветам предков, к теплу семьи. В наскоро построенных кирпичных городах и пустеющих деревянных селах, в клетях коммунальных квартир и скупых скарбом избах жило некалькулируемое чувство бездонной любви к своей стране — великое и святое чувство. Это чувство нейтрализовало недовольство режимом, это чувство сняло фактор человеческой усталости, это чувство обесценило саму жизнь перед святой любовью к своему краю. Это чувство невозможно убить. Оно составляет основу нашего мировосприятия.

Западному индивидуализму в этом непросто разобраться. Речь идет о неагрессивном, жертвенном чувстве. Для наших соотечественников было, есть и всегда будет легче умереть за свой мир, чем увидеть его поругание. Святость жизни уступает в такой душе святости самопожертвования — это почти национальная религия. Умирая в смутные времена, будучи вытесненными на чужбину, россияне никогда не жаловались, как не жалуются они и сейчас. Но никто и никогда не сможет поколебать их элементарной и абсолютной готовности положить свою жизнь за никогда не бывшую к ним

ласковой, но беспредельно прекрасную и вечно любимую Родину. Словно преодолевая жестокость существования, словно действуя вопреки всем трудностям жизни, словно забывая мороз и холод, неустроенный быт, ужас бездорожья, ярость стихий, жители нашей страны гибнут за то, что им дорого. Посмотрите, в самом жестоком для нас двадцатом веке, начиная с 1904 года, мы потеряли едва ли не половину своего населения. Но кто усомнится в решимости оставшейся половины? В том далеком 41-м главной силой России оказалось это неприметное и негромкое, отчаянное и беззаветное чувство. Беззаветные труженики в тылу ковали меч, а вышедшие на смертный бой воины не посрамили свою землю.

Именно этого не учли Германия и ее союзники в своем походе на Россию. Судьба очередных «аборигенов» волновала их мало. Но в тысячах деревень, где еле теплится вечером в окне свеча, провожали кормильца со стоической убежденностью, что он не пропустит врага, пока жив. Именно в этом — исток и причина нашей победы. Исполняя тысячелетний обет, люди военного поколения следовали своему генетическому коду. Для такого дела не было жертвы слишком большой.

* * *

В декабре в Вашингтоне Рузвельт и Черчилль определили приоритеты наступающего 1942 года. Их войска отступали в Азии и Африке. Европа еще два с половиной долгих года будет ареной кровавого единоборства Германии и России. Но судьба мира больше всего зависела от того солдата, который определил свой последний рубеж, свою деревню Крюково. Он обрекал себя на смерть, но его не нужно было ни в чем убеждать. Отступив на тысячу верст от своих западных границ до ворот столицы, советский воин встал насмерть. Шестьдесят лет назад, в самый страшный час России, когда ее судьба повисла над исторической бездной, ее сыновья выполнили свой долг.

Примечания

[1] «Известия ЦК КПСС», №4, 1990, с. 202-203.

[2] Там же, с. 203-204.

[3] Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933-39. N.Y., St. Martin's Press, 1984, p.222.

[4] Jakobson M. Finland Survived: An Account of the Finnish-Soviet Winter War 1939-1940. Helsinki: Otava, 1984, p. 117.

[5] «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, №6.

[6] Das Deutsche Reich und Der Zweite Weltkrieg, Band 4. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983, S. 14.

[7] Deutsches Militararchiv, Potsdam, W. 31.00.5, Bl. 277-278; «Fall Barbarossa», Berlin, 1970, S. 314-315.

[8] «Fall Barbarossa», Berlin, 1970, S. 293-298; IMT, vol. XXVI, Doc. 1017-PS.

[9] «Vierteljahreshefte fur Zeitgeschichte», N3, 1958.

[10] Ross G. (ed.). The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941-1945. Cambridge, 1984, p. 10-11.

[11] Hinsley F. British Intelligence in the Second World War, vol. I. London: HMSO, 1979.

[12] Haslam J. Soviet Foreign Policy 1939-41: Isolation and Expansion (In: «Operation Barbarossa», Salt Lake City, University of Utah, 1991, p. 119-120).

[13] Вторая мировая война: два взгляда. Москва: Мысль, 1995, с. 449.

[14] Topitsch E. Stalin's War. New York, St.Martin's Press, 1987; Hoffmann J. Die Angriffsvorberreitungen der Sovietunion 1941 (In: Wagner B. ed., Zwei Wege nach Moskau. Munchen:Piper,

1991); Raack R.C. Stalin's Plans for World War II (In: «Journal of Contemporary History», 1991, N 26, p. 215-227); Suvorov V.[pseud.] Who was planning to attack whom in June 1941? (In: «Journal of the Royal United Services Institute for Defense Studies», 1985, N 2, p. 50-55);

[15] Hoffmann J. Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941 (In: Wegner B. [ed.] Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa», Munchen: Piper, S. 370).

[16] Kirsin J.J. Die sowjetischen Streitkrafte am Vorabend des Grossen Vaterlandisches Krieges (In: Zwei Wege nach Moskau, S. 402).

[17] Messerschmidt M. June 1941 seen through German Memoirs and Diaries (In: «Operation Barbarossa», Salt Lake Sity, 1991, p. 207).

[18] OKW-KTB 1940/41, Teilband II, S. 393.

[19] Messerschmidt M. June 1941 seen through German Memoirs and Diaries (In: «Operation Barbarossa», Salt Lake Sity, 1991, p. 210).

[20] OKW-KTB 1940/41, Teilband II, S. 417-420.

[21] Warlimont W. Im Hauptquartier der Wehrmacht 1939-1945. Grundlagen, Formen, Gestalten. Frankfurt a. M. : Atheneum, 1964, S. 165.

[22] Huderian H. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg: K.Vowinckel, 1951, S.139-141.

[23] Lossberg B. Im Wehrmachtfuhrungsstab. Bericht eines Generalstabsoffiziers. Hamburg: H.H. Nolke, 1949, S. 127.

[24] Tippelskirch K. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bonn: Atheneum Verlag, 1951, S. 179.

[25] Gorodetsky G. Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion (In: Wagner B. ed., Zwei Wege nach Moskau: Piper, 1991, N 26, S. 346-366); Д.М. Проектор. 22 июня 1941-го — пятьдесят лет спустя («Военная мысль», 1991, №6, с. 15-23); Цуккерторт Й. Германский милитаризм и легенда о «превентивной войне» гитлеровской Германии против СССР. («Военно-исторический журнал», 1991, №5, с. 16-21; Pietrow B. Deutschland im Juni 1941 — ein Opfer sowietischer Aggression? (In: «Geschichte und Gesellschaft», 1988, N 14, S. 116-135).

[26] Schreiber G. Zur Perzeption des Unternehmen «Barbarossa» in der deutschen Presse (In: Ueberschar G. und Wette W. (eds). «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Uberfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn: Schoningh, 1984, S. 41.

[27] Dallin A. Stalin and the German Invasion (In: Wieczynski

J. Soviet Union. Vol. 18, N 1-3. Operation Barbarossa: the German Attack on the Soviet Union, June 22, 1941. Salt Lake Sity, 1991, p. 20).

[28] Dallin A. Stalin and the German Invasion (In: Wieczynski J. Soviet Union. Vol. 18, N 1-3. Operation Barbarossa: the German Attack on the Soviet Union, June 22, 1941. Salt Lake Sity, 1991, p. 20).

[29] Heusinger A. Befehl im Widerstreit. Schicksalsstunden der deutschen Armee 1923-1945. Tubingen: R. Wunderlich, 1950, S. 130.

[30] Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Band II, Stuttgart: W.Kohlmahler, 1963, S. 438, 474.

[31] Ibid., Band III, S. 11.

[32] Messerschmidt M. June 1941 seen through German Memoirs and Diaries (In: «Operation Barbarossa», Salt Lake Sity, 1991, p. 219).

[33] Волкогонов Дм. Триумф и трагедия. Книга первая, часть 1. Москва: Новости, 1989; Карпов В. Жуков («Коммунист вооруженных сил», №5, 1990, с. 67-68).

[34] Documents on German Foreign Foreign Policy 1918-1945. Series D (1937-1945), vol. XII, p. 219-220.

[35] Hillgruber A. Japan und der Fall Barbarossa (Japanische Documente zu den Gesprachen Hitlers und Ribbentrops mit Botschafter Oshima von Februar bis Juni 1941 (In:Hillgruber A. Deutsche Grossmaht und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Dusseldorf: Droste Verlag, 1977, S. 245-252).

[36] International Military Tribunal for the Far East, 1946-1948. Record of Proceedings, p. 6, 374, exhibit N 552.

[37] Froehlich E. Joseph Goebbels und sein Tagebuch («Fierteljahrshefte fur Zeitgeschichte», N 35, 1987, p. 522.

[38] Nurnberg doc. 1058-PS

[39] Fest J. Hitler. Eine Biographie. Paderborn: Schoningh, 1984, S. 881.

[40] Weinberg G. German Diplomacy toward the Soviet Union (N.Naimark, A.Dallin, D.Holloway, S.Pursley [eds]. Operation Barbarossa. Salt Lake City, 1991, p. 330).

[41] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1941, v.I, p. 179-181.

[42] Heinrichs W. Threshold of War: Franklin D. Roosevelt and American Entry in World War II. N.Y.: Oxford University Press, 1988, p.102.

[43] Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y.:McGrow Hill, 1990, p. 146-147.

[44] «Военно-исторический журнал», №9, 1987, с. 53.

[45] Weinberg G. A World at Arms. A Global History of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, p. 266.

[46] Madajczyk Cz. (ed.) Generalplan Ost (In: «Polish Western Affairs», N 2, 1962, p. 391-442).

[47] Weinberg G. A World at Arms. A Global History of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, p. 268-9.

[48] Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941-1945. London: Phoenix Giant, 1998, p. 99.

[49] Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941-1945. London: Phoenix Giant, 1998, p.113.

[50] KTB OKW, Bd. I, S. 1062-1063.

[51] Bundesarchiv, Departments Potsdam, Collection of Films. Film N 5, 851.

[52] DGFP, Series D, vol. XIII, p. 466.

[53] Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 212.

[54] Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941-1945. London: Phoenix Giant, 1998, p.143-144.

[55] Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 151..

[56] Ibid., p.154.

[57] Ibid., p. 223.

[58] Hitlers Weisungen, S. 150-153.

[59] Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941-1945. London: Phoenix Giant, 1998, p.162.

[60] Ibidem.

[61] Erickson J. The Road to Stalingrad. Stalin's War with Germany: volume one. London: Phoenix Giant, 1998, p. 250.

[62] Kimball W.F.(ed.) Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Princeton: Princeton University Press, 1984, v.I, p. 294-301.

[63] Miner S.M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988, p. 41.

[64] Dilks D. (ed.) The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938-1945. N.Y.: Putnams, 1972, p. 422-423.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава первая. ВООРУЖЕНИЕ АГРЕССОРА 6
Автохтоны у власти 16
Бросок вдогонку 18
Гитлер у власти 22
Германия крушит Версальскую систему 26
Германия и Россия после мировой войны 29
Реакция внешнего мира 39

Глава вторая. ВЕРСАЛЬ ОТБРОШЕН 45
Германское перевооружение 47
Необходимость вооружиться 53
Умиротворение Германии 58
Первые признаки грозы 62
Поглощение Австрии 67

Глава третья. ГЕРМАНСКИЕ ПЛАНЫ В ЕВРОПЕ 74
Британия склоняется 77
Мюнхен 85
Гитлер в Праге 91
Гитлер поворачивает к Польше 94
Гарантии Польше 100

Глава четвертая. УЧАСТЬ ПОЛЬШИ 106
Отношение к России 112

Советско-германский договор 119
Канун мировой войны 136
Запад после Московского договора 140
Сколько продержалась Польша 146
Крушение Польши 149

Глава пятая. БЛИЦКРИГ НА ЗАПАДЕ 155
«Мирные» инициативы Германии 157
Советско-германское сотрудничество 161
Пораженчество на Западе 165
Фактор США 168
Выступление в Скандинавии 174
Наступление на Западе 177
Второй Компьен 186
Битва за Британию 190
Опасения в Кремле 192
Москва размышляет 199

Глава шестая. ПЛАН «БАРБАРОССА» 206
«Дранг нах Остен» 207
Дипломатические приготовления 220
Визит Молотова 223

Глава седьмая. ВОПРОС, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ ПОСТАВЛЕН 250
Германские оценки 251
Германская разведка 257
Авантюрное планирование 263
Союзники 267
Идеология 275
Сосредоточение войск 277

Глава восьмая. ПОВОРОТ НА ВОСТОК 284
Берлин принимает решение 284
Война на уничтожение 287
Кредо национал-социализма 296
Дипломатия накануне 301
Откуда неверие 313
Заведомая готовность к компромиссу 320
Превентивная война или агрессия? 328
Международные специалисты 331
Германские документы и аргументы 333
Канун 336

Глава девятая. НАШ САМЫЙ СТРАШНЫЙ И ЛУЧШИЙ ЧАС 346
Германия наносит удар 347
Первая реакция 351
Руководство страны 352
Реакция Запада 353
Смятение 360
Самоуверенность агрессора 365
Центральное направление 368
Характер боевых действий 370
Июль сорок первого 375
Немцы не сомневаются 384
Наш самый трудный час 387
Предпоследняя линия обороны 389
Август 392
Судьба Ленинграда 395
Самое тяжелое решение 397
Сентябрь 398
Катастрофа на Украине 401
Поворот к Москве 407

Глава десятая. НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО 411
«Поведение русских...» 412
«Тайфун» 415
Немцы в Калуге 421
Промежуточные итоги 422
Судьба Москвы 427
Самые лучшие твои сыновья 430
Сибирский резерв 436
Велика Россия, а отступать некуда 438
Сражение за Москву 445
Контрнаступление 451
Создание великой коалиции 457

Заключение 463
Примечания 473

Научно-популярное издание

Серия «Мир в войнах»

Уткин Анатолий Иванович

РОССИЯ НАД БЕЗДНОЙ
(1918 г.–декабрь 1941 г.)

Ответственный редактор *А. Жеребилов*
Технический редактор *Н. Малышева*
Корректор *Г. Селицкая*
Художник *П. Трофимов*

Издательство «Русич»:
«Книга-почтой»

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7,
тел.: (08122) 9-15-96
Каталог высылается бесплатно

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.08.00.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Times ET». Печать высокая с ФПФ.
Объем 15 п. листов. Объем 25,2 усл. п. листов.
Тираж 11 000 экз. Заказ 1443.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432 от 29.04.97
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ООО «Харвест»
Лицензия ЛР №32 от 27.08.97
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35–305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.600

Республиканское унитарное предприятие «Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220005, Минск, ул. Красная, 23.
OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

Судьба мира больше всего зависела от того солдата, который определил свой последний рубеж, свою деревню Крюково. Он обрекал себя на смерть, но его не нужно было ни в чем убеждать. Отступив на тысячу верст от своих западных границ до ворот столицы, советский воин встал насмерть. Шестьдесят лет назад, в самый страшный час России, когда ее судьба повисла над исторической бездной, ее сыновья выполнили свой долг.

34594

22

15.11.00